

В. М. Алпатов

ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА:

Марр и марризм

УРСС

В. М. Алпатов

ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА:

Марр и марризм

Издание второе дополненное

Москва • 2004

УРСС

Алпатов Владимир Михайлович

История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. М., Редактура
УРСС, 2004. — 288 с.

ISBN 5-354-00405-5

В истории отечественного языкознания особое место занимает Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — археолог и лингвист, создатель «нового учения о языке». Два десятилетия учение Марра безраздельно царило в языковедении как единственно правильное «марксистское», обязательное для всех языковедов. Затем оно было опровергнуто и ушло из науки о языке.

В книге В. М. Алпатова рассказано о возникновении феномена Марра, о тотальном распространении его теории и о крахе «нового учения о языке» в 1950 году.

Издательство «Редактура УРСС» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 30.10.2003 г.
Формат 60×90/16. Тираж 960 экз. Печ. л. 18. Зак. № 2-1111/323

Отпечатано в типографии ООО «Розокс» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9

	ИЗДАТЕЛЬСТВО	УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
	E-mail: URSS@URSS.ru	
	Каталог изданий	
	в Internet: http://URSS.ru	
Тел./факс: 7 (095) 135-44-23		
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46		

ISBN 5-354-00405-5

© Редактура УРСС, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящей работы дать очерк истории так называемого «нового учения о языке» — направления, господствовавшего в советском языкознании в качестве официально признанного с конца 20-х годов по июнь 1950 г. Это направление называют также марризмом по имени его основателя академика Николая Яковлевича Марра.

О Марре и марризме существует огромная литература, относящаяся в основном к периоду с конца 20-х по середину 50-х годов, потом количество книг и статей резко сократилось. До 1950 г. помимо работ, пропагандирующих это учение, выпускались и сочинения историографического и мемуарного характера, см. особенно [ПИДО; Миханкова, 1949]. Хотя в них история марризма излагается очень детально — по годам, а то и по месяцам, они требуют к себе весьма критического отношения, поскольку выдержаны в духе, апологетическом по отношению к Марру и его учению; к тому же в них события обычно излагаются лишь до смерти Марра, т. е. до 1934 г.

В первой половине 50-х годов основной задачей стало разоблачение марризма, вскрытие его научной несостоятельности, а история и социальный фон его зарождения, функционирования и гибели затрагивались лишь попутно. Когда же «новое учение о языке» потеряло всякую актуальность, о нем стали писать лишь вскользь. До сих пор в СССР нет книги, где история взлета и падения марризма излагалась бы последовательно, от начала и до конца. Такие книги есть лишь за рубежом; здесь прежде всего следует отметить работы Л. Л. Томаса и Р. Лермита [Thomas, 1957; L'Hermitte, 1987], в которых подход к Марру и марризму достаточно трезв и объективен. Однако оба автора ограничены в объеме привлекаемых источников, к тому же первая книга почти не касается периода после смерти Марра, а вторая содержит немало фактических неточностей.

Мы ставим перед собой задачу дать исторический анализ развития «нового учения о языке» — от его изобретения Марром в первой половине 20-х годов до развенчания и гибели 20 июня 1950 г. Кроме того, нам кажется, что понять феномен Марра и марризма трудно без описания предистории марризма, с одной стороны, и рассмотрения ситуации, сложившейся в советской лингвистике после его ликвидации, — с другой.

В первой главе говорится о том, как шла эволюция идей Марра и каковы те причины, которые привели его к созданию новой концепции. Вторая глава отличается от всех прочих: в ней нет истории событий, она посвящена анализу основных компонентов «нового учения о языке» Марра и объяснению его временного успеха и торжества. Последующие четыре главы описывают историю марризма на разных этапах развития. Наконец, в последней главе речь идет о том, что происходило в советском языкознании непосредственно после уничтожения «нового учения о языке».

Научная несостоятельность этого учения уже достаточно показана в литературе и подтверждена временем. Но в советских работах еще никогда детально не рассматривались причины его успеха и признания «единственным марксистским» учением в языкознании, а также причины, которые привели к известному выступлению И. В. Сталина и отказу советских языковедов от марризма. Эти причины связаны прежде всего с политической и идеологической ситуацией в стране в 20—50-е годы. Именно эти проблемы находятся в центре внимания в данной книге, хотя ее автор, будучи лингвистом по профессии, сознает, что в некоторых построениях и выводах может проявиться его непрофессионализм в области истории и социологии.

Работу не следует воспринимать как историю советского языкознания в целом, даже в хронологических рамках периода культа личности. Советское языкознание никогда не исчерпывалось марризмом и даже в самые трудные для него годы имело достижения в других языковедческих подходах к исследованию языка. Однако эти достижения требуют особого рассмотрения, а многие крупнейшие советские языковеды того времени упоминаются здесь лишь в связи с их отношением к Марру и марризму или с тем, как господство «нового учения о языке» влияло на их жизнь и деятельность; это относится к Е. Д. Поливанову, Л. В. Щербе, А. М. Пешковскому, Д. Н. Ушакову, В. В. Виноградову и многим другим. Вовсе не упомянуты многие далекие от марризма видные ученые: крупные теоретики С. И. Бернштейн, А. И. Смирницкий, ведущие исследователи отдельных языков и языковых групп С. Е. Малов, К. К. Юдахин, А. Н. Кононов, В. И. Цинциус и другие, что ни в коей мере не означает недооценку автором книги их деятельности. В то же время много внимания, по необходимости, приходится уделять лицам, известным не столько научными трудами, сколько околонучными интригами и участием в так называемых проработочных кампаниях.

Книгу не следует также рассматривать как всесторонний очерк деятельности Н. Я. Марра, занимавшегося в той или иной мере многими науками. Автор ограничивает свои задачи областью языкознания и не рассматривает специально нелингвистические исследования Марра, а также влияние его идей на развитие других наук, где они также некоторое время господст-

вовали,— истории первобытного общества, этнографии, археологии, фольклористики и пр.

Автор благодарит за советы, предоставленные материалы и устные воспоминания В. И. Абаева, Ф. Д. Ашнина, С. Б. Бернштейна, В. А. Виноградова, А. В. Десницкую, Л. Р. Концевича, В. П. Неद्याкова, Е. В. Пузицкого, В. Н. Топорова, И. И. Цукермана, А. М. Щербака, а также ныне, увы, покойных В. А. Звегинцева, В. Г. Ларцева, Н. М. Малышеву — Виноградову, Ю. С. Маслова, Б. А. Серебренникова. Автор благодарен также А. П. Базиянцу, И. Ф. Вардулю, И. Г. Добродомову, Г. А. Климову, Н. А. Слюсаревой, А. Я. Шайкевичу за высказанные по прочтении рукописи замечания.

Автор данной книги уже не в первый раз обращается к проблематике, связанной с марризмом. Кратко об этом упомянуто в работе «Изучение японского языка в России и СССР», изданной в 1988 г., и более подробно — в разделе «Языкознание (1917—1945)» для коллективного труда «История отечественного востоковедения» (раздел был написан еще в 1983 г., однако «соответствующий том до сих пор не вышел»). Основные положения этого очерка в отношении Н. Я. Марра и его «учения» мы разделяем и теперь, однако процесс нового осмысления нашей недавней истории, начавшийся в годы перестройки, требует гораздо более детального рассмотрения истории марризма в контексте политической и идеологической ситуации в СССР в 20—50-е годы. Пока что профессиональные языковеды почти не занимаются этим вопросом, а то, что появляется в нашей печати, в большинстве своем имеет дилетантский характер. Поэтому и была написана эта книга, первый вариант которой был закончен в марте 1988 г. За прошедшее с тех пор время автор опубликовал несколько статей по этой же теме: «„Новое учение о языке“ и востоковедное языкознание в СССР» («Народы Азии и Африки», 1988, № 6), «Лингвистическая дискуссия 1950 г. и ее значение для восточного языкознания» («Вестник МГУ», серия востоковедения, 1989, № 1), «Письмо в редакцию» («Вопросы истории», 1989, № 1), «Марр, марризм, сталинизм» (сборник «Наука и власть», М., 1990), «Сталинизм и языкознание» («Знание — сила», 1990, № 11, 12).

нее сблизиться с новым учением о языке... Ему... пришлось сталкиваться с трудностями в освоении материалистического, марксистско-ленинского метода научно-лингвистического мышления. Отсюда блуждания и поиски новых путей изучения русского языка, приводивших иногда к неправильным положениям» [ИЛЯ, 1949, № 2, с. 169—170].

Иначе описываются выступления М. Н. Петерсона и П. С. Кузнецова: «Утверждая, что в учении Н. Я. Марра есть много ошибок, проф. М. Н. Петерсон необоснованно обвинял последователей Н. Я. Марра в том, что они догматически относятся к его учению», Кузнецов же «не сошел со своих старых, порочных позиций, выступив в защиту праязыковой концепции возникновения славянских языков» [ИЛЯ, 1949, № 2, с. 168—170]. Отметим и корректность ряда выступавших: Н. С. Поспелова, А. Б. Шалиро. Заключительное слово Мещанинова и здесь достаточно выдержанно. Однако резолюция опять крайне воинственна, причем критике подвергнуты и ленинградские сотрудники ИЯМ: В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, Д. В. Бубрих, «примыкающие к новому учению о языке, но еще не вполне преодолевшие реакционные идеи зарубежной лингвистики» [ИЛЯ, 1949, № 2, с. 172]. Появляется и обращение в Министерства просвещения и высшего образования об укреплении вузов кадрами марристов.

Так начались «тяжелые годы последнего наступления марристов против индоевропеизма» [Кузнецов, с. 466]. Марризм внедрялся в вузы и даже в школы. В. В. Виноградов был отстранен от обязанностей декана, хотя сохранил заведование кафедрой русского языка. Кафедра сравнительно-исторического языкознания на филологическом факультете МГУ была закрыта. Ф. П. Филин и преемник В. В. Виноградова на посту декана Н. С. Чемоданов, сдавшийся после первых же нападок Г. П. Сердюченко, выступили с докладами на коллегии Минвуза, после чего преподавание лингвистики в вузах начало меняться.

В феврале 1949 г. министерство распространило инструктивное письмо об изменении программ. В новых программах даже по исторической грамматике русского языка в число обязательной литературы включался «Бакинский курс» Марра. Были отвергнуты не только учебник А. А. Реформатского, но и учебники по старославянскому языку и истории русского языка; всякое упоминание о языковых семьях и родстве языков было запрещено. Вместо этого вводился особый курс «нового учения о языке», который надо было проходить по брошюрам Сердюченко и т. п., лишенным конкретного языкового материала. К чести преподавателей филологического факультета МГУ, все они отказались читать этот курс, и пришлось приглашать постороннего лектора. Изучение русской науки до Марра и зарубежного языкознания не допускалось вообще. См. описание ситуации в вузах тех лет в докладе А. М. Самарина и в прени-

В годы учебы в Кутаисской гимназии Марр выделялся среди соучеников как способностями, так и странностями, о которых мы еще будем говорить. Обладая несомненным полиглотическим талантом, он еще в гимназические годы освоил помимо родного грузинского семь языков: русский, немецкий, французский, английский, латинский, древнегреческий и турецкий². Интересовался он и политическими проблемами, мечтая о борьбе за независимость Грузии [М., т. I, с. 8; Аптекарь, 1934, с. 10]. По-видимому, на этой почве он решил стать специалистом-грузиноведом.

В 1884 г. Марр успешно окончил гимназию, в его аттестате была лишь одна четверка по русскому языку: до конца жизни он не мог избавиться от заметного акцента. Тем не менее в аттестате были особо отмечены «отличные способности к языкознанию» [ПИДО, с. 143]. В том же году Марр едет в город на Неве, в котором ему будет суждено прожить всю дальнейшую жизнь, и поступает как кавказский стипендиат на факультет восточных языков Петербургского университета. Несмотря на сразу определившийся интерес к кавказоведению, он решил заниматься одновременно по четырем разрядам (специализациям): армяно-грузинскому, армяно-персидско-турецко-татарскому, санскрито-персидско-армянскому и арабско-еврейско-сирийскому; тем самым он изучал все языки Ближнего Востока и Кавказа, преподававшиеся в университете, что не имело на факультете precedентов.

Восточный факультет Петербургского университета в те годы был центром русского востоковедения, уже имевшего большие традиции. Непосредственными учителями Марра были семитолог В. Р. Розен, один из лучших русских востоковедов того времени, и грузиновед А. А. Цагарели (с которым, впрочем, у Марра не сложились отношения). В 1888 г. Марр окончил университет, а с 1891 г. начал там же преподавать (факультет восточных языков был его постоянным местом работы до 1918 г.). К этому времени Марр из-за конфликта с Цагарели и сложных отношений с национальной грузинской интеллигенцией во главе с И. Чавчавадзе и А. Церетели [Аптекарь, 1934, с. 14—15, 22—23] был вынужден временно отойти от грузинской филологии и перейти на арменистику, ставшую в 90-е годы основной областью его занятий. Лишь с 1899 г. он стал преподавать и грузинскую литературу.

Послужной список Марра в дореволюционное время после

² Биографические данные о дореволюционном периоде жизни Марра известны в основном либо по его автобиографии [М., т. I, с. 6—13], либо по изданиям [ПИДО; Аптекарь, 1934; Миханкова, 1949], которые имеют ярко выраженный «жизненный» характер. Поэтому трудно до конца отделить реальные факты от легенд и возможна невольная переоценка успехов Марра. Однако в целом в книгах о Марре дореволюционные годы изложены объективнее последующих; к тому же многое из того, что их авторам казалось достоинством Марра и потому подробно описывалось, сейчас может оцениваться иначе, например враждебное отношение к зарубежным ученым.

короткой задержки в первые годы после окончания университета — неуклонный путь вверх: с 1891 г. — приват-доцент, с 1899 г. — магистр, с 1900 г. — экстраординарный профессор, с 1902 г. — доктор и ординарный профессор, с 1909 г. — адъюнкт Академии наук, с 1911 г. — декан факультета восточных языков, с 1912 г. — академик. Росла и его известность. Старейший из ныне здравствующих учеников Марра В. И. Абаев вспоминает, что имя Марра он слышал еще в гимназические годы от своего учителя истории, видного грузинского ученого Е. С. Такайшвили, считавшего Марра корифеем кавказоведения. Безусловно, авторитетен Марр был и в академических кругах. При избрании его в адъюнкты Академии наук на место умершего В. Р. Розена его кандидатуру выдвинула группа видных академиков разных гуманитарных специальностей: В. В. Радлов, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцов, М. А. Дьяконов, И. И. Янжул, В. В. Латышев, П. В. Никитин, А. С. Лаппо-Данилевский [Миханкова, 1949, с. 170]. В 1915 г. он был удостоен Уваровской премии — высшей награды Русского археологического общества. Высоко ценили Марра-кавказоведа и за рубежом. В начале 20-х годов его приглашали занять грузинскую кафедру в Кембридже. Даже в 1946 г. В. Меннинг в журнале «Armenian Quarterly» писал: «Армяне и человечество никогда не забудут Марра-армениста» [цит. по: Миханкова, 1949, с. 413].

Эти оценки нельзя считать незаслуженными. Благодаря способностям и трудолюбию Марр сумел войти в «могучую кучку» (по выражению В. И. Абаева) отечественных востоковедов конца XIX — начала XX в., заняв место в ряду таких известных ученых, как его учителя и старшие коллеги В. В. Радлов, В. Р. Розен, К. Г. Залеман, В. А. Жуковский, востоковеды его поколения С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, П. К. Коковцов, В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский, более молодые И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев и другие (с двумя из них — В. А. Жуковским и В. В. Бартольдом — Марр имел и родственные связи через жену).

Однако надо учитывать, что такого авторитета Марр добился не лингвистическими своими работами. Как справедливо писал академик А. Н. Самойлович, «Н. Я. Марр... сам считал себя востоковедом с момента поступления на факультет восточных языков в Петербургском университете, до Октябрьской революции и ряд лет после нее» [ПИДО, с. 43]. А востоковедение в то время было прежде всего изучением культуры в широком смысле этого слова, поэтому можно для этого периода согласиться с определением Марра прежде всего как историка культуры [Абаев, 1960, с. 96], хотя оно вряд ли применимо к Марру последних лет жизни. Что же касается места языкознания в традиционном русском востоковедении, то вот свидетельства авторитетных очевидцев: «Среди русских ориенталистов всегда было всего менее чистых лингвистов» [Бартольд, 1977, с. 587];

Лингвистика была едва ли не наиболее слабой стороной дореволюционной арабистики в России» [Крачковский, 1958, с. 152].

Хотя первая студенческая публикация Марра была лингвистической (см. ниже) и Марр с самого начала интересовался языковедными проблемами, не находя поддержки у собратьев по востоковедному цеху³, до 1900 г. он почти ничего не публиковал в этой области. Зато в других областях он успел сделать немало. В резкой полемике с Марром Е. Д. Поливанов признавал: «За вычетом яфетической теории остается очень много материала, который делает Марра великим ученым, который вполне оправдывает звание академика, которое дано ему, полагаю, очевидно, как археологу или филологу, прежде всего» [Поливанов, 1991, с. 510]. Действительно, звание академика он получил за филологическую деятельность, а Уваровскую премию — за археологическую. Марру принадлежит немало ценных работ по классической грузинской и армянской литературе. Учившийся у Марра знаменитый грузинский поэт Тициан Табидзе называл его «основоположником грузинского научного литературоведения» [Табидзе, 1964, с. 48]; работы Марра в этой области до сих пор переиздаются.

Как литературовед Марр находился под влиянием актуальных и поныне идей академика А. Н. Веселовского, которого он высоко оценивал всю жизнь [М, т. I, с. 271; т. IV, с. 258]. Исключительно важным было открытие Марром нескольких ценнейших грузинских и армянских памятников, часть из которых он нашел во время экспедиции на Синай и в Палестину; эти памятники Марр издал и ввел в научный оборот. Видный немецкий богослов А. Гарнак, человек консервативных взглядов, писал, что Марр доказал принадлежность грузин «к великой греко-христианской семье народов древности» [цит. по: Миханкова, 1949, с. 111—112]. Важное значение имели основанные Марром серии публикаций «*Bibliotheca Armeno-Georgica*» и «Христианский Восток». Велики его заслуги и в археологии, где ему не было равных во всей «могучей кучке». Марр стал основателем кавказской археологии. Почти все раскопки, которые он вел, связаны с Арменией; работы в Двине, Гарни, на озере Ван и особенно многолетнее изучение бывшей столицы Армянского государства Ани дали значительные научные результаты. Благодаря им имя Марра и сейчас в Армении очень почитаемо.

Несколько десятилетий Марр был главой русского кавказоведения и создал собственную школу. Среди первого, дореволюционного поколения его учеников были такие известные ученые, как И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили (впоследствии академики), А. Г. Шанидзе (впоследствии член-корреспондент АН

³ Показательны слова С. Ф. Ольденбурга в письме 1894 г. В. Р. Розену в связи с лингвистическими увлечениями Марра: «Нам нечего делать в лингвистике, у нас работы и без того вдоволь, хватит больше, чем на наш век» [цит. по: Миханкова, 1949, с. 31].

СССР), которые подготовили, в свою очередь, целую плеяду учеников, в числе которых, кстати, был и будущий «могильщик» марризма А. С. Чикобава; традиции, заложенные ранним Марром, живут и сейчас в советском кавказоведении. Ученики Марра при всей сложности своих последующих отношений с учителем всегда ценили его. В 50-е годы, когда страсти вокруг Марра уже улеглись, И. А. Орбели говорил своему ученику: «Вы ведь знаете, что за люди были на факультете... Но... поверьте, гений был только один — Марр» [Юзбашян, 1986, с. 45]. Значение ранних работ Марра не отрицалось даже в годы самой жестокой его критики [см. ВВШ, с. 50; Чикобава, 1950а, с. 91]; ср. дефиницию Марра в Большой советской энциклопедии 1954 г. — «филолог и археолог» [БСЭ, изд. 2-е, т. 26, с. 375], достаточно точно отражающую позитивный вклад Марра в науку.

Многочисленные лингвистические работы Марра также требуют дифференцированного отношения. Видимо, лучшие из них — дореволюционные исследования по кавказским языкам: капитальная древнеармянская грамматика [Марр, 1903], ранние публикации по грузинскому языку и особенно первая крупная грамматика чанского (лазского) языка [Марр, 1910], которую Е. Д. Поливанов в своем знаменитом докладе, направленном против «нового учения о языке», назвал «прелестной книгой, которой я мог бы советовать подражать» [Поливанов, 1991, с. 511]. Из более поздних работ выделяются древнегрузинская грамматика [Марр, 1925] и абхазско-русский словарь [Марр, 1926]; хотя они вышли после крутого перелома взглядов Марра, написаны они были намного раньше [см. М., т. IV, с. 58; Дондуа, 1975, с. 249]. В международном издании, посвященном советской лингвистике, из всех работ Марра как научные рассматриваются лишь две: «Грамматика чанского языка» и «Абхазско-русский словарь» [СТИЛ, с. 319].

Все эти работы, не лишенные бесплодного теоретизирования, содержат хотя бы конкретный языковой материал, которым Марр прекрасно владел и не отходил здесь от него слишком далеко. Впрочем, словарь потребовал составления изданного спустя два года обратного «Русско-абхазского словаря» К. Д. Дондуа, который издатель трудов последнего Г. Ф. Турчанинов назвал «незаменимым путеводителем по сложному... словарю Н. Я. Марра» [Дондуа, 1975, с. 12]. Отметим все же, что даже в довольно благожелательных воспоминаниях о Марре сказано, что в изучение древнегрузинского и древнеармянского языков «он не внес ничего общепризнанного принципиально нового» [Аничков, с. 3—4]; отмечается, что в целом советское кавказоведческое языкознание, хотя и восходит к школе Марра, развивается независимо от его работ [СТИЛ, с. 319].

Можно согласиться со словами Ю. В. Зычаря: «Конкретно-кавказоведческая часть научного наследия академика Н. Я. Марра в целом, в главном оценивается положительно или даже с

восторгом» [Зыцарь, 1987, с. 8], хотя они верны прежде всего в отношении его лингвистических работ. Однако конкретные кавказоведческие исследования в предреволюционное десятилетие занимают в деятельности Марра все меньшее место, а после революции исчезают почти совсем. Их вытесняют глобальные и далеко идущие по своим выводам построения, прежде всего касающиеся проблем языковой истории.

Был ли Марр подготовлен к такого рода деятельности? На этот вопрос, по всей вероятности, можно дать только отрицательный ответ. Как мы уже упоминали, русское востоковедение конца прошлого века мало интересовалось лингвистикой; востоковедение и языкознание были разобщены и почти не соприкасались даже там, где объекты их исследований явно пересекались между собой, например в санскритологии. Это сказывалось и в преподавании. Из опубликованного матрикула Марра видно, что при большом количестве изучавшихся им языков он не прослушал ни одного специально лингвистического курса, даже курса сравнительной грамматики индоевропейских языков, читавшегося в те годы студентам-филологам, но не востоковедам [ПИДО, с. 142—151]. Такая подготовка, при которой обучение языкам было чисто практическим и сводилось к умению читать и понимать тексты на этих языках, сохранялась на восточном факультете Петербургского университета до самой революции (правда, Марр уже в качестве декана боролся за сближение программ филологического и восточного факультетов, которые по его предложению были в 1918 г. объединены).

«Факультет восточных языков Петербургского университета в конце 80-х и начале 90-х годов не мог дать студенту Марру научной школы, необходимой для постановки... сложнейших вопросов языкознания» [Пр, т. 2, с. 173]. Нет данных и о том, чтобы Марр как-то всерьез пытался восполнить пробелы в образовании. О плохой лингвистической подготовке Марра, проявившейся в методике его исследований, писали и говорили в 20—30-е годы (Е. Д. Поливанов), в 50-е (Б. В. Горнунг, В. М. Жирмунский) и позже (В. И. Абаев, Б. А. Серебренников). В студенческие годы Марр усвоил самые общие принципы исторического языкознания, включая понятия родства языков, праязыка, языковой семьи, и придерживался их в основном до 1923 г., однако он никогда не владел конкретной методикой сравнительно-исторического исследования. Поэтому Марру впоследствии было нелегко отказаться от самих принципов, не подкрепленных умением применять их на практике. В одной из поздних работ Марр писал, что индоевропейцы в своих исследованиях зашли слишком далеко и им трудно возвратиться, не разбив вдребезги своих кумиров [М, т. IV, с. 144]. Для Марра такой проблемы не было.

Преодолению каких-либо недостатков в собственной деятельности не способствовали и личные свойства Марра. Сам Марр в автобиографии признавался в своем «необузданном характе-

ре» [М, т. I, с. 7], там же он писал: «Я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное» [М, т. I, с. 9]. Академик В. М. Алексеев в некрологе Марру при всей свойственной жанру идеализации облика покойного отразил многие существенные стороны его характера. «Н[иколай] Я[ковлевич]—это грандиозный, бурный, беспредельный темперамент... Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения,—вулкан, действовавший в едином огне и сотрясавший все вокруг... При столкновении с людьми..., особенно с людьми более размеренной жизни и более размеренных убеждений, не мог не причинять себе и им обид и огорчений, тем более что в окружавшей его действительности он вряд ли мог встретить людей, понимавших его во всех статьях» [ПИДО, с. 64]; «Экспансия была его лозунгом, радостью его жизни» [ПИДО, с. 66]⁴. Сходна более поздняя оценка В. И. Абаева: у Марра «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения—над фактами» [Абаев, 1960, с. 98—99], при активности творческого центра Марр был лишен центра торможения [Абаев, 1960, с. 99]. Ср. также характеристику И. Е. Аничкова: «При необыкновенно развитой фантазии Марр был лишен подлинной творческой научной инициативы, он был очень честолюбивым... Он захотел быть заслуженно признанным крупным ученым, внесшим в лингвистику важный новый вклад, сделавшим в лингвистике переворот» [Аничков, с. 5].

Эти авторы знали уже позднего Марра. Но такие черты усиливавшиеся с ростом славы, были у него с самого начала «Дефицит самокритичности был у Н. Я. Марра уже на студенческой скамье... Едва усвоив азы армянской филологии, начинающий ученый счел себя вправе прямо с ходу... выступить... с неоправданно резкой претенциозной рецензией не только что вышедшую в свет книгу „Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. Исследование А. Томсона, магистра сравнительного языкознания“» [Ларцев, 1988, с. 197—данный интереснейший комментарий написан Ф. Д. Ашниным]. Марр перечеркнул научное значение работы А. И. Томсона, бывшего в отличие от Марра квалифицированным лингвистом (впоследствии он стал одним из основателей русской экспериментальной фонетики); совсем молодой еще Марр явно не хотел иметь соперника в арменистике. В результате А. И. Томсону пришлось прекратить свои работы по армянскому языку (подробнее см. [Ларцев, 1988, с. 197—200]).

Подобные черты характера можно было как-то нейтрализовать, если бы Марр попал в хороший научный коллектив. Одна-

⁴ В. М. Алексеев испытал все описанное на себе. В 1913 г. Марр, будучи деканом, запретил ему читать курс по учению Лао Цзы, в котором якобы излагалась «атомистическая теория на футуристическом языке» [Кобзев, 1989, с. 144].

ко судьба Марра, отчасти и не по его вине, сложилась так, что он никогда не имел ни научных руководителей нужной квалификации⁵, ни коллег в работе. В русском кавказоведении после его основателя М. И. Броссе, которого Марр уже не застал, не было крупных сил⁶, Марр быстро перерос уровень своих учителей-кавказоведов А. А. Цагарели и К. П. Патканова.

В своей научной деятельности Марр шел сначала совершенно один, потом вместе с учениками, потом вместе с подхалимами. По крайней мере до 1910 г. в России работы Марра было некому оценивать: кавказоведов его калибра не было, а другие ученые не владели фактами кавказских языков. Отношение научной общественности к Марру по мере движения его карьеры становилось все более благожелательным, однако уважение к Марру основывалось на тематике его исследований, а не на их научном уровне. Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что коллеги-востоковеды просто не читали работ Марра, по крайней мере внимательно, но хвалили их как труды главы школы русских кавказоведов и видного члена своей корпорации. Показательно, что в конфликте Марра с Томсоном на стороне Марра решительно выступили крупные востоковеды К. Г. Залеман и С. Ф. Ольденбург [Ларцев, 1988, с. 198], явно исходя из желания помочь своему коллеге. В свое время Розен не принял утверждения Марра-студента о грузинско-семитском родстве просто из-за того, что студент, по его мнению, не мог обнаружить то, что не замечали ученые нескольких поколений. Однако, по словам Марра, спустя 20 лет, когда те же идеи высказывал уже не студент, а профессор, Розен отнесся к ним сочувственно, заявив накануне смерти, что у Марра «все ясно и доказано» [М., т. I, с. 10]. Отсутствие критики работ Марра, быстро ставшего монополистом в русском кавказоведении, способствовало развитию худших качеств его личности.

Не дали положительных научных результатов и контакты с западными учеными. Уже во время первой его заграничной командировки в 1894 г. обнаружилось полное взаимное непонимание. Иностранные специалисты отвергали весьма сомнительные построения Марра, однако он смог утвердиться в своем превосходстве в области знания конкретных грузинских и армянских языковых фактов. Ни тогда, ни позднее никто не смог никого убедить, а Марр на всю жизнь приобрел уверенность в том, что ему нечему учиться у мировой науки (см. [Миханкова, 1949, с. 59—64]). Одним из оппонентов Марра на многие десятилетия стал крупнейший из современных ему французских лингвистов Антуан Мейе, с которым Марр познакомился в Париже

⁵ Исключение составлял лишь любимый учитель Марра В. Р. Розен, всегда ему помогавший и имевший на него несомненное влияние. Но, не будучи кавказоведом, Розен не мог воздействовать на ход работы Марра.

⁶ Крупнейший русский лингвист-кавказовед XIX в. П. К. Услар был вдалеке от академической науки и изучал лишь языки Северного Кавказа, которыми Марр стал заниматься уже когда Услара не было в живых.

в 1894 г. Одобрив филологическую деятельность Марра, Мейе отверг его лингвистические идеи, заявив, как сказано в письме С. Ф. Ольденбурга В. Р. Розену, что у Марра «поразительные фантазии, в которых нет лингвистики» [цит. по: Миханкова, 1949, с. 31].

Еще одной чертой характера Марра, особенно в ранний период, была постоянная болезненная реакция на все проблемы, связанные с Кавказом. Недостаточная изученность языков и культур Кавказа, в общем неизбежная для XIX в., вызывала у Марра возмущение, иногда превосходившее разумные пределы. Национальные грузинские идеи гимназического периода сменились у Марра-ученого грузинско-армянскими, а затем и общекавказскими («яфетическими»). Работы Марра любых лет полны заявлений о мировой роли кавказских народов и о том, что наука, особенно языкознание, замалчивает эту роль [М, т. I, с. 155—156; т. II, с. 34; т. V, с. 103 и сл.]. В дореволюционный период эти утверждения еще не связаны с политикой, но раздражение против мировой науки уже очень заметно. Прав Л. Л. Томас, когда пишет о том, что исходным пунктом несогласия Марра со сравнительно-историческим языкознанием был не метод, а результаты последнего [Thomas, 1957, с. 143].

Последователи Марра с вульгарно-социологической прямо-той доказывали, что истоки его лингвистической концепции лежали в идеологии угнетаемой царизмом грузинской интеллигенции [Аптекарь, 1934, с. 4; Боровков, 1947, с. 404]. При всех преувеличениях подобного рода несомненно, что лингвистической «сверхзадачей» Марра, особенно в ранний период, было выяснение места его родного грузинского языка среди языков мира. Это признавал сам Марр, связывавший свои идеи с национальными чувствами, занимавшими его в молодости [М, т. II, с. 413]. Даже в 1922 г. Марр писал: «У Грузии и в настоящее время есть потребность психологическое единство, которое проявляется естественно, укрепить путем реально-исторического его осознания» [М, т. I, с. 179]. О выявлении связей грузинского языка как исходном пункте идей Марра говорили в разные годы как сторонники марризма [Аптекарь, 1934, с. 11—12; Цукерман, 1950, с. 34—35; Сердюченко, 1950, с. 9], так и его противники, например Б. В. Горнунг [Пр, т. 2, с. 160]; а также см. [Thomas, 1957, с. 2].

В годы, когда Марр начинал свою деятельность, единственным разработанным лингвистическим методом был сравнительно-исторический, позволявший через сравнение языков и выявление в них регулярных звуковых соответствий обнаруживать между ними отношения языкового родства и реконструировать формы праязыка, из которого развились языки, входящие в ту или иную языковую семью. Все научное языкознание было принято в те годы сводить к сравнительно-историческому. Эти идеи в самой общей форме были первоначально восприняты Марром. Некоторые из представлений науки конца XIX в. были им позд-

нее отвергнуты, другие он сохранил до конца жизни, прежде всего понимание языкознания как исторической науки, обращенной преимущественно в прошлое.

К концу XIX в. была хорошо изучена лишь одна из больших языковых семей — индоевропейская; была установлена принадлежность к ней не только большинства языков Европы, но и ряда языков других регионов, в том числе армянского. Внутренние родственные связи некоторых других семей (тюркской, финно-угорской, семитской и др.), не будучи еще строго доказаны, не вызывали сомнений. Однако отношения многих языков оставались неясными, в их числе оказался и грузинский. Правда, представлялось безусловным его родство с некоторыми другими языками Закавказья: мегрельским, чанским (лазским)⁷ и сванским, составляющими вместе с грузинским картвельскую семью. Однако эти языки в то время были почти не изучены и не привлекали внимания лингвистов. Более же отдаленные связи картвельских языков пока не прослеживались; не была ясна и вся сложность этой проблемы, и сейчас не имеющей общепринятого решения.

Все указанные выше факторы способствовали тому, что к решению этой труднейшей задачи Марр подошел, исходя не из анализа материала, а из априорных соображений. Об этом очень точно сказал Б. В. Горнунг: «Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые примененному в юности, И. Я. Марр остался верен всю свою жизнь» [Пр, т. 2, с. 160]. Готовая идея часто лежала вне лингвистики, но могла быть связана и с лингвистической интуицией Марра, иногда, вероятно, даже правильной. Однако перевести свои идеи в научную теорию Марр не мог.

Об «изолированности» грузинского языка Марр, по-видимому, узнал еще в гимназии и, не овладев азами науки, пытался сравнивать его с известными ему языками — турецким и английским [М, т. 1, с. 9, 270]⁸. В студенческие годы, начав учить арабский язык, он уже на втором курсе, не зная ни других семитских языков, ни картвельских языков, кроме грузинского, выступил с идеей о грузинско-семитском родстве. Он сам признавал, что лишь после выдвижения этой идеи начал изучать другие семитские языки — сирийский и древнееврейский [М, т. I, с. 15].

Сама по себе идея о картвельско-семитском родстве не столь невероятна, как это сначала показалось учителю Марра В. Р. Розену. Современные гипотезы о древнейших родственных связях языков Старого Света (так называемые ностратические иссле-

⁷ Эти два языка иногда объединяют в единый занский язык.

⁸ В 1927 г. Марр заявил, что грузинско-турецкие связи, которые он после гимназии отвергал, «для нас... уже не проблема, а бесспорное в основе положение, требующее лишь детальной проработки на турецком материале» [М., т. I, с. 9]. Опять тот же принцип!

дования) возрождают эту идею на новой, значительно более широкой основе. Но Марр не мог понять, что доказать это родство в то время было невозможно даже при хорошем знании сравнительно-исторического языкознания (компаративистики). Кроме того, он нарушал разработанную к тому времени компаративную методику, разграничивавшую уровни реконструкции. Впрямую сравнивать грузинский и арабский языки было столь же неразумно, как сопоставлять отдаленно родственные русский язык и хинди до того, как будут проведены сравнения русского языка с близко родственными ему славянскими, а хинди — с индоарийскими. Необходимо было, с одной стороны, сопоставить картвельские языки и реконструировать пракартвельский язык, с другой — восстановить тот праязык, из которого на каком-то этапе развился арабский и который можно сопоставить с пракартвельским. Если первая задача как-то рассматривалась Марром, хотя не очень квалифицированно и намного позже, то вторая не была им даже поставлена.

Марр не мог понять, что грузинский народ не только не виноват, но и не может быть унижен тем, что грузинский язык не имеет близких родственников среди языков народов с богатой историей. Стремление пайти своему языку «знатного родственника» оказалось сильнее научности. Здесь проявилось столь свойственное Марру нетерпение, стремление сразу решить все рещаемые и нерещаемые вопросы.

Уже в 1888 г. Марр опубликовал в грузинской газете «Иверия» небольшую статью [М, т. I, с. 14—15], от которой в дальнейшем велся отсчет научной деятельности Марра. В статье декларируется гипотеза о грузинско-семитском родстве, хотя в ней нет ни одного примера (другие картвельские языки не упоминаются). В дальнейшем В. Р. Розен убедил Марра воздержаться от публикации работ по данной тематике до защиты докторской диссертации [Миханкова, 1949, с. 31], чем, несомненно, принес большую пользу нашей науке.

Лишь в 1908 г., став заметной величиной в русском востоковедении, Марр опубликовал сопоставления языковых фактов грузинского и семитских языков. Более поздние работы Марра затмили эту книгу, и лишь в книге Л. Л. Томаса дается ее подробный анализ. Здесь хорошо показано, что сопоставления Марра отличаются как недостаточным владением семитским материалом (ряд явлений, свойственных лишь отдельным языкам, возводятся в ранг общесемитских), так и незнанием компаративной методики. Марр не установил регулярных соответствий между грузинским и семитскими языками, а лишь сопоставил несколько десятков корней, устанавливая звуковые соответствия без указания условий, позиций, без какой-либо временной перспективы. Для большего подчеркивания сходства Марр подгонял грузинские факты к семитским, пытаясь установить в грузинском языке исконную трехсогласность корня по семитскому образцу [Thomas, 1957, с. 5—17].

Безусловно, Марр не мог справиться с поставленной задачей; его параллели в дальнейшем не получили развития в науке. Тем не менее он безапелляционно заявил, что им установлено сходство около тысячи корней (при том, что реально речь шла менее чем о сотне), объявив, что к известным к тому времени «семитической» и «хамитической» семьям⁹ надо добавить третью, которую Марр назвал «яфетической» по имени Яфета, третьего сына библейского Ноя. С тех пор этот термин занял центральное место во всех работах Марра. Появился здесь и другой в будущем любимый термин Марра — «лингвистическая палеонтология»¹⁰. Было заявлено, что «семитические» и «яфетические» языки находятся ближе друг к другу, чем к «хамитическим» языкам.

Даже благожелательный к Марру К. Г. Залеман заявил ему: «У Вас все звуки переходят во все звуки» [Миханкова, 1949, с. 159]. Почти никто не поддержал Марра, но не последовало и критического разбора его идей, рецензенты в России и за рубежом отделялись вежливыми общими фразами, а А. Мейе признал, что Марр выявил сходство в строе грузинского и семитских языков, не обязательно означающее общность происхождения [Миханкова, 1949, с. 158]. Такая позиция еще больше укрепляла Марра в том, что он находится на правильном пути. Впрочем, после 1908 г. он перестал заниматься проблемой грузинско-семитского родства, видимо, считая ее уже решенной, хотя декларативные заявления о таком родстве сохранялись у него и позже.

Другим объектом лингвистических упражнений раннего Марра был армянский язык. Существует легенда о том, что в 1892 г. во время первой поездки в Армению Марр, в то время еще недостаточно владевший этим языком, мог благодаря знанию грузинского понимать армянских крестьян, на что не были способны сопровождавшие его армянские ученые монахи [Аптексарь, 1934, с. 19]. Этот рассказ нельзя считать достоверным, но, возможно, какие-то сходства армянских диалектов с грузинскими (которые могли иметь лишь позднее контактное происхождение) тогда настолько поразили Марра, что он уверовал в грузинско-армянское языковое родство, которое он много лет пытался доказать вопреки фактам. Но поскольку общие с грузинским слова (по-видимому, заимствования) Марр находил в армянских диалектах, но не в языке армянских пигментных памятников, он еще задолго до Октября выдвинул идею, содержавшую в зародыше один из главных тезисов будущего «нового учения о языке» — тезис о классовости языка. Марр заявил об ис-

⁹ С современной точки зрения семитские языки входят в большую афразийскую семью вместе с так называемыми хамитскими языками (египетским, берберскими, кушитскими, чадскими), представляющими собой разные ветви афразийской семьи, не образующие единства.

¹⁰ Этот термин, восходящий к швейцарскому ученому А. Пикте [Холодочич, 1977, с. 651], позаимствован Марром скорее всего из книги О. Шрадера см [Шрадер, 1886].

конном различии двух разных армянских языков: «княжеского» и «простонародного» [М, т. I, с. 39], причем «простонародный» армянский гораздо ближе к «простонародному» грузинскому, чем к «княжескому» армянскому. Это абсурдное утверждение стало потом одним из хрестоматийных примеров, кочевавших без доказательств по марристской литературе.

В связи с армянским языком Марр выдвинул и другую идею, ставшую для него основополагающей, — о скрещении языков. Его гипотеза о грузинско-армянском родстве вступала в противоречие с уже установленной тогда принадлежностью армянского языка к индоевропейской семье, которую Марр еще не решался полностью отрицать. Выход был найден в признании двойного происхождения армянского языка, явившегося результатом яфетско-индоевропейского скрещения. Эта идея была впервые высказана Марром еще в 1899 г. в речи на защите магистерской диссертации и затем развивалась в ряде его работ. Скрещение языков связывалось со скрещением этносов: по мнению Марра, армянский народ имел яфетическое происхождение, а господствующие классы происходили от завоевателей-индоевропейцев.

В идее скрещения в ее первоначальном, армянском, варианте было некоторое рациональное зерно, недаром это одна из немногих лингвистических идей Марра, которая всерьез обсуждается и в современной науке [Абаев, 1960, с. 92; СТИЛ, с. 319]. Дело в том, что в армянском языке действительно немало древней лексики неиндоевропейского происхождения. К концу XIX в. языковедение вплотную подошло к анализу подобных явлений, выдвинув концепцию субстрата (Г. Шухардт и др.). Субстрат определяется в современной науке как «сохраняющиеся в языке этноса, некогда сменившего язык, следы влияния прежнего родного языка этого этноса» [БСЭ, изд. 3-е, т. 25, с. 22]. Марр и тогда, и позже относился к теории субстрата более или менее сочувственно, однако, поскольку она не давала возможности говорить о грузинско-армянском родстве, Марр пошел дальше самых крайних сторонников концепции субстрата и заявил о скрещенном характере армянского языка, а затем и многих других и, наконец, всех языков. Идея скрещения, позволявшая связывать чуть ли не любой язык с кавказскими, стала в дальнейшем лейтмотивом всей деятельности Марра [Thomas, 1957, с. 21].

Новый этап лингвистической деятельности Марра был связан с исследованием «яфетических» языков Кавказа. В период с 1908 г. по 1917 г. эта область была основной для Марра наряду с еще продолжавшимися археологическими работами. Пожалуй, это было в последний раз, когда его деятельность еще давала положительные результаты. Безусловно, шагом в правильном направлении было обращение к неизученным картвельским языкам и диалектам. Благодаря Марру впервые были осуществлены экспедиции по изучению мегрельского, чанского и сванского языков, а также грузинских диалектов. Эти экспедиции Марр вел

с 1909 г., ему помогали его способные ученики И. А. Кипшидзе и А. Г. Шанидзе, которым Марр постепенно и передал все работы по изучению картвельских языков (судьба этих учеников Марра оказалась очень различной: жизнь первого рано оборвалась в годы гражданской войны, зато второму было суждено прожить 100 лет).

Затем Марр выдвинул гипотезу о принадлежности к яфетическим языкам не только картвельских, но и всех языков Кавказа, не относящихся к индоевропейской, тюркской и семитской семьям: абхазского, адыгейского, кабардинского, чеченского, нигушского, языков Дагестана. Начались экспедиции и по изучению этих языков. В круг яфетических языков были включены и древние языки Закавказья и Передней Азии с невыясненными родственными связями: эламский, шумерский, урартский (многие урартские памятники были найдены в это время в результате раскопок, руководимых Марром и его учеником И. А. Орбели).

Эти исследования имели разные результаты. Значительно продвинулось вперед картвельское языкознание, в том числе и благодаря работам самого Марра, уже упоминавшаяся грамматика чанского языка [Марр, 1910] была, вероятно, лучшей его лингвистической работой. Однако быстро обнаружились разногласия между Марром, который не мог долго сосредоточиться на каком-то языке и требовал безграничного расширения исследований, и его учениками, стремившимися углубленно изучать языки, которыми они занимались. Как писал позднее Марр, все «попутчики» яфетического языкознания постепенно ушли от него либо на армяно-грузинском, либо на общекавказском этапе [М, т. II, с. 413]. В частности, А. Г. Шанидзе был в орбите яфетидологии до 1917 г., а к концу 20-х годов Марр уже не имел с ним никаких научных контактов и не знал, чем тот занимается [М, т. III, с. 324]. Вернее, не ученики уходили от теории Марра, а, наоборот, они оставались в кавказоведении, добившись немалых результатов, тогда как Марр все дальше уходил от него и вообще от лингвистической науки.

Из других языков современного Кавказа лишь по абхазскому у Марра были специальные работы (в одной из них Марр разработал «аналитический алфавит», о котором мы будем говорить в следующей главе). Материалы экспедиций по прочим языкам не оказали сколько-нибудь заметного влияния на кавказское языкознание. Что касается древних языков Передней Азии, то важное значение имели, конечно, открытие и публикация урартских надписей, «но издания Н. Я. Марра пестрят ошибками в транскрипции и отличаются произвольностью переводов надписей» [Меликишвили, 1953, с. 243].

Г. А. Меликишвили рассмотрел и методику, применявшуюся Марром для отнесения урартского языка к яфетическим. «Н. Я. Марр стал на путь огульного объяснения урартского материала данными грузинского языка... Н. Я. Марр мало внима-

ния обращал на то, что нам говорит сам урартский материал по вопросу о значении той или иной урартской грамматической формы или отдельных слов. Взяв какое-нибудь урартское слово, он его произвольно связывал с каким-либо грузинским словом, иногда весьма мало похожим по звуковому составу. Таким образом, „устанавливались“, с одной стороны, значения урартских слов и форм, а с другой — с изумительной легкостью получались урартско-грузинские лексические и морфологические параллели» [Меликишвили, 1953, с. 243—244].

Конечно, так Марр обращался не только с урартским языком. Нельзя согласиться с встречающимися даже в наши дни утверждениями о том, что «Марр доказал родство ряда восточных языков, объединенных им в семью кавказских языков» [Слюсарева, Страхова, 1976, с. 78]. В сравнительно-историческом изучении кавказских языков значение его работ сводится лишь к выдвижению ряда гипотез о родстве тех или иных языков, доказать которые он не сумел. Даже пракартвельская система так и не была им реконструирована. Однако он безапелляционно заявлял, что яфетическое родство уже доказано. Есть, правда, свидетельство 1949 г. о том, что Марром была написана «Сравнительная грамматика яфетических языков», но не опубликована [Дондуа, 1975, с. 249], но если это и так, то вряд ли ее уровень отличался от уровня опубликованных им семитско-яфетических сопоставлений. Соперников же Марр старался дискредитировать. Исследования по картвелистике западных ученых и армянского лингвиста Р. С. Ачаряна он характеризовал так: «В серьезном научном деле им нет места» [ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, с. 204].

В те годы авторитет Марра еще мало зависел от его работ по лингвистике. Один из академиков говорил тогда о яфетидологии: «Не ждите, что мы будем Вам помогать, но и мешать Вам мы не будем» [Миханкова, 1949, с. 173]. Однако отношение к гипотезам Марра среди востоковедов становилось все благоприятнее. При присуждении ему Уваровской премии В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов писали, что его теория должна стать «незыблемым „яфетидским элементом“ при будущих построениях истории и лингвистики Передней Азии и Месопотамии» [ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, с. 410].

Следует сказать и о политической позиции Марра до 1917 г. Даже авторы его апологетических жизнеописаний В. Б. Аптекарь и В. А. Миханкова признавали, что до революции и в первые годы после нее Марр был далек от какого-либо радикализма (была всего одна попытка представить Марра «вечным революционером», о которой мы расскажем в главе пятой); исключение составляли разве лишь гимназические годы, о которых трудно говорить всерьез. Во всей дореволюционной деятельности Марра был найден всего один эпизод, как-то говоривший о его «революционности»: в 1905 г. Марр выражал в печати сочувствие своим землякам, гурийским крестьянам, восставшим

против царского самодержавия, и в связи с этим одобрительно отзывался о речи слышанного им большевистского оратора. Этот эпизод потом часто вспоминали [П. 23.05.1928; Аптекар, 1934, с. 24; Миханкова, 1949, с. 143—145]. Другие немногочисленные попытки политической деятельности Марра — участие в борьбе за грузинские школы, за автокефалию грузинской церкви — не выходили за рамки умеренного либерализма [Аптекар, 1934, с. 25; Миханкова, 1949, с. 132].

С другой стороны, среди функций Марра была цензура армянских книг [Миханкова, 1949, с. 37]. В 1905 г. при голосованиях в совете университета Марр нередко блокировался с правыми профессорами [Миханкова, 1949, с. 137]. Вспоминают, что до революции Марр был связан с церковными кругами [Аничков, с. 7] и состоял старостой грузинской церкви в Петербурге. Биографы Марра обходят обстоятельства назначения Марра деканом, но сама дата этого назначения наводит на размышления. Именно в 1911 г. при министре народного просвещения М. А. Кассо в университетах шла кампания против левой профессуры, многие прогрессивные преподаватели были уволены или вынуждены были уйти, резкий сдвиг вправо произошел и в администрации. Назначение Марра, если даже и не было напрямую связано с этой кампанией, могло состояться лишь при условии признания Марра полностью «благонадежным». Представить, что Марр единственным из членов Императорской академии наук вступит в партию большевиков, было тогда вряд ли возможно.

Далеко до этого было и в первые годы после Октября. Биографы Марра могли заявлять лишь, что в октябрьские дни, когда многие академики и профессора прятались по домам, он ходил по улицам и «смотрел на события» [Аптекар, 1934, с. 31]. Марр не эмигрировал и вступил на путь сотрудничества с новой властью, но его позиция в это время мало отличалась от позиций многих других академиков, например С. Ф. Ольденбурга.

В то же время после революции резко изменились условия работы Марра. Гражданская война на несколько лет прервала связи с Кавказом, навсегда закончилась археологическая деятельность Марра (если не считать чисто административных функций в основанной им Государственной академии истории материальной культуры), временно прекратились и лингвистические экспедиции. От Марра окончательно отошли его ученики первого поколения, к 1920 г. он остался почти один [Миханкова, 1949, с. 270]. Отсутствие свежих материалов еще больше толкало Марра в область умозрительных построений и заранее заданных ответов. Именно в эти годы Марр окончательно сосредоточил свои изыскания в области языкознания, бывшей самой слабой сферой его деятельности, но казавшейся ему наиболее перспективной.

Место старых учеников занимали новые. С 1917 г. ближай-

шим сотрудником и помощником Марра становится Иван Иванович Мещанинов. Об этом человеке следует сказать подробнее, поскольку именно ему предстояло стать после Марра вторым и последним лидером «нового учения о языке».

Вопреки своей фамилии Мещанинов был потомственным дворянином, сыном товарища министра народного просвещения и сенатора. К моменту знакомства с Марром он был уже зрелым человеком (родился в 1883 г.). Сейчас он известен в истории науки как языковед, однако в лингвистику он пришел поздно. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, до революции служивший в Сенате, он занимался сначала русской историей, а потом увлекся восточной археологией, получив подготовку у Н. И. Веселовского и Б. В. Фармаковского. До конца 20-х годов его знали в основном как археолога, ведшего раскопки в Азербайджане. Интерес к культуре Элама и Урарту свел Мещанинова с Марром, которого он впервые увидел лишь в 1914 г. По совету Марра Мещанинов поступил с 1919 г. вольнослушателем в университет, где прослушал ряд курсов, в основном самого Марра: как вспоминал Мещанинов [ПИДО, с. 157], он был единственным слушателем курса Марра по семитско-яфетическим параллелям. С 1917 г. Мещанинов постоянно находился при Марре, будучи у него секретарем, а потом «правителем дел» [Аничков, с. 10]; по его собственному свидетельству, они работали вместе каждое воскресенье [ПИДО, с. 157]. Постепенно Мещанинов все более переходил к лингвистической проблематике и с конца 20-х годов переключился на нее полностью, занимаясь как урартским языком, так и общими вопросами языкознания. (Биографические данные о Мещанинове см. [Жирмунский, Аврорин, 1960].)

Безусловно, Мещанинов был высокообразованным и работоспособным человеком. Это видно уже из того, что придя в лингвистику в конце четвертого десятка жизни, он смог оставить след в этой науке. В то же время Мещанинов не отличался самостоятельностью, а при жизни Марра был всегда его тенью, выполняющая черновую работу. Как верно отмечает Л. Л. Томас, известность он получил как «интерпретатор и популяризатор» Марра [Thomas, 1957, с. 62]. Близость к Марру придавала силу скромному и, вероятно, испытывавшему страх в связи со своим прошлым Мещанинову (отметим, что его отец умер в 1918 г. в ВЧК, где находился в качестве заложника); даже обвинявший его во всевозможных политических ошибках В. Б. Аптекарь вынужден был тут же называть его «ближайшим учеником и сотрудником Н. Я. Марра» [Аптекарь, 1929, с. 261]. Верность лидеру в сочетании с работоспособностью помогли, как это нередко бывает, и Мещанинову, ставшему еще при Марре его наследником. Лишь после смерти Марра Мещанинов смог до какой-то степени освободиться от гнета «нового учения о языке».

Но это будет еще не скоро. А пока Мещанинов лишь пы-

ется добросовестно освоить непонятное и постоянно меняющееся, но кажущееся интересным учение Марра.

Сам же Марр в те годы отдался «радости его жизни — экспансии». Основным содержанием его деятельности на несколько лет стал поиск все новых языков, которые можно было бы включить в яфетическую семью. Выйдя за пределы Кавказа, он формулировал все более глобальные историко-культурные гипотезы, связанные с ролью так называемых яфетических народов на мировой арене. Этому посвящена основная его работа тех лет о так называемом третьем этническом элементе в истории Средиземноморья (1920) и ряд других публикаций.

Хотя «альфой и омегой любой теории Марра» [Thomas, 1957, с. 145] оставались народы Кавказа, но в это время Марру уже тесно в кавказских пределах. «Наклеивая на те или иные языки ярлык „яфетических“, он руководствовался не какими-нибудь четко осознанными и четко сформулированными лингвистическими признаками, а (по его собственному выражению) принципом — „что плохо лежит“, т. е. что не отнесено ни к одной из известных языковых семей» [Абаев, 1960, с. 93]. Марр все еще не решался разрушить установленные наукой к тому времени языковые семьи, но языки, попавшие в категорию «прочих», по мере их географической удаленности от Кавказа постепенно включались в яфетическую семью. Здесь снова проявлялась закономерность работы Марра: он никогда не приходил к выводу о принадлежности того или иного языка к яфетическим после его изучения, наоборот, если он начинал интересоваться каким-то языком, значит, он уже сделал вывод о его отнесенности к яфетической семье языков [Thomas, 1957, с. 38—39].

Еще в 1916 г., познакомившись с полевыми материалами П. И. Зарубина по изолированному языку Гиндукуша бурушаски (вершишскому), Марр немедленно признал этот язык яфетическим (после чего он оставался таковым на советских лингвистических картах до 1950 г.). Затем настала очередь баскского языка в Пиренеях, родство которого с грузинским иногда предполагалось и до Марра. В юности Марр уже пытался проверить эту гипотезу, но отверг ее [Аптекарь, 1934, с. 34], видимо, посчитав басков для грузин недостаточно «знатными родственниками». Но теперь эта гипотеза открывала возможности считать яфетидов исконным населением Европы. Поэтому Марр совершает две экспедиции во Французскую Басконию (1920—1921 и 1922—1923), во время второй экспедиции он посетил и испанских басков. К баскам Марр ехал с уже оформленной идеей о грузинско-баскском языковом и культурном родстве. Поэтому он увидел там то, что желал видеть: Баскония показалась ему во всем, в том числе и по языку, почти не отличимой от его родной Гурии (статья Марра так и называлась: «Из Пиренейской Гурии»).

Баскским языком Марр все-таки занимался и к его баскским работам и сейчас проявляется некоторый интерес; именно

они оказались первыми лингвистическими работами Марра, переизданными за 40 лет ¹¹ [Марр, 1987].

Однако среди яфетических оказались языки, которые Марр не только не изучал, но и при всем желании изучать не мог. Без обиняков, например, яфетическим был назван язык пеласгов, древнего догреческого населения юга Балканского полуострова. О пеласгах тогда ничего не было известно, кроме их названия и, очевидно, того факта, что их язык как-то отличался от древнегреческого. Марр признавал, что от пеласгов не осталось ни одной строки [М, т. I, с. 106], но это его не останавливало. Яфетическим был, конечно, признан и этрусский язык на Апеннинском полуострове, хотя этрусские тексты оставались нерасшифрованными. Экспансия Марра захватила и хеттский язык в Малой Азии, тексты на котором были как раз в это время прочитаны. Хотя чешский ученый Б. Грозный уже установил индоевропейскую принадлежность хеттского, Марр считал и его «плохо лежащим» и заявил о том, что «поторопились объявить хеттский язык индоевропейским» [М, т. I, с. 151], поскольку Грозный не знает яфетических языков, иначе бы «отказался от поспешного своего утверждения» [М, т. II, с. 186]. Однако Б. Грозный хорошо изучил хеттские тексты и его идеи стали общепризнанными, тогда как Марр этими текстами всерьез не занимался.

Расширение круга яфетических языков не завершилось даже тогда, когда Марр вообще отказался от понятия семьи языков (см. ниже с. 31). В 1922 г. Марр отнес к яфетическим языкам дравидийские в Южной Индии. Попав в первую экспедицию в Поволжье в 1924 г., Марр после девяти дней работы с чувашским языком квалифицировал его также как яфетический (при общепринятом его отнесении к тюркским). Затем Марр заинтересовался готтентотским языком и немедленно произвел готтентотов в яфетиды. Он собрался и туда в экспедицию. Но, попав в 1926 г. в Париж, Марр узнал, что политическая обстановка не позволяет ехать в Южную Африку. В виде компенсации Марру предложили поехать к кабилам (один из берберских народов в Алжире). Видимо, нет уже нужды рассказывать, куда включил кабийский язык Марр, еще недавно ставивший яфетические языки в один ряд с «хамитическими», к которым относился кабийский язык в традиционной классификации.

Ясно, что здесь «мы все меньше видим упрямых фактов и все больше — упрямого автора» [Абаев, 1960, с. 93—94]. Однако встает вопрос: имеет ли яфетическая гипотеза под собой какие-то основания? Этот вопрос не столь прост, как может показаться читателю-неязыковеду. Бесспорно, Марр не доказал ни

¹¹ Их издатель отмечает такой факт. Обычно чем больше исследователь изучает язык, тем больше продвигается вперед. У Марра же лучшей оказывается первая из баскских работ, написанная еще до поездок; чем дальше, тем уровень ниже, а работы после 1924 г. стоят вообще вне науки [Зыцарь, 1987, с. 9—10].

отной из своих гипотез, но в сравнительно-историческом языкознании (как и вообще в науке) выдвижение гипотезы и ее доказательство — весьма разные вещи; например, между тем временем, когда была выдвинута гипотеза о японо-алтайском родстве, и тем, когда она стала научным фактом, прошло около 130 лет. Поскольку Марр довольно долго рассматривал (кроме армянского) лишь языки, чьи родственные связи не были установлены (включение в состав яфетических таких языков, которые уже были распределены по семьям, вроде чувашского или кабилльского, началось лишь тогда, когда Марр оказался за пределами науки), он мог наряду со случайными связями найти и вполне реальные, но еще не выясненные наукой, а среди его примеров могли оказаться и правильные. И пока родство того или иного языка не определено, любая гипотеза на этот счет имеет право на существование.

Ситуации со многими языками (баскским, бурушаски, шушерским и др.) не ясны до сих пор. Некоторые же гипотезы Марра как будто подтверждаются современными исследованиями, иногда выходя за пределы случайного попадания в точку. И И. Мещанинов вспоминал, что, когда он в 1917 г. начал заниматься урартским языком, Марр посоветовал ему сопоставить этот язык с живыми языками Северного Кавказа [Мещанинов, 1934б, с. 33]. Априорные соображения Марра и географическое расположение скорее бы требовали сопоставления урартского языка с картвельскими языками, а не с северокавказскими. Теперь же И. М. Дьяконов и С. А. Старостин доказывают родство хуррито-урартских языков именно с нахско-дагестанскими, а более отдаленно — и с абхазо-адыгскими. Старостин и другие советские лингвисты много делают для доказательства гипотезы, в соответствии с которой все эти языки — часть большой «сверхсемьи», куда могут быть отнесены и многие яфетические языки Марра вплоть до бурушаски.

Автор этой книги спрашивал об отношении к гипотезам Марра трех известных компаративистов разных поколений, ответ оказался примерно одинаковым. В. И. Абаев, в статье 1960 г. безусловно отвергавший его построения времен «третьего этнического элемента», в 1988 г. уже склонен считать, что это вполне научные гипотезы, заслуживающие рассмотрения. Вяч. Вс. Иванов отметил, что среди марровских построений наряду с полностью ошибочными есть и такие, которые теперь заново открываются наукой, иногда, правда, с точностью до наоборот. С. А. Старостин высказал мнение, что идеи Марра выходят за пределы случайных совпадений и отражают работавшую в правильном направлении интуицию (об исключительной интуиции Марра говорит и Вяч. Вс. Иванов).

Однако ни один современный лингвист не выделяет яфетическую семью в каком-либо ее варианте. Сама основа основ всех теорий Марра — родство кавказских языков между собой — не получила подтверждения. Попытки доказать родство

картвельских языков с северокавказскими предпринимались и после Марра А. С. Чикобавой и другими учеными, но сейчас большинство компаративистов это родство отвергают; в упомянутую выше «сверхсемью» картвельские языки не включаются. Мы уже не говорим о том, что армянский и хеттский языки квалифицируются всеми лингвистами как индоевропейские.

Вероятно, интуиция талантливой дилетантки как-то могла ощущать неясные контуры реальных явлений. Но тем не менее исследования по яфетидологии представляли собой типичное забегание вперед или «гениальное угадывание», не подкрепленное серьезным научным методом.

Если языки с неясными родственными связями Марр прямо объявлял яфетическими, то языки, уже отнесенные к тем или иным семьям, прежде всего индоевропейские, он трактовал как результат скрещения двух начал: общепризнанного и опять же яфетического. Этот тезис, давно им выработанный для армянского языка, Марр распространил теперь на все языки¹². «Смешения» и «скрещения» внутри самих яфетических языков, однако, мало интересовали Марра. Сутью этой концепции было выявление яфетического компонента во всех престижных языках, особенно в индоевропейских. Марр старался относить к индоевропейскому слою «поверхностные» и сравнительно новые явления в этих языках, а все наиболее древнее и «глубинное» признавалось яфетическим. «Выискивание яфетических элементов во всех языках обращается у Марра в своеобразную манию» [Абаев, 1960, с. 92—93]. Достаточно, например, сопоставить компонент *-eb-* в латинском *plebs* с соответствующим по звучанию грузинским показателем множественного числа, как уже возникает идея о том, что римские плебеи — потомки яфетидов, тогда как патриции — индоевропейцы [Пр, т. I, с. 47]. Марр еще не пользуется псевдомарксистской фразеологией, но уже весьма заметно подчеркивание идеи о том, что не только в Армении, но во всем Средиземноморье народные слои населения, народная культура и вообще все лучшее — яфетическое наследие, тогда как индоевропейский элемент связан с завоеваниями и социальным господством. Так научные соображения Марра начинают приобретать созвучность с идеологическими устремлениями эпохи.

Марр в начале 20-х годов считал, что яфетиды были первоначальным населением всего Средиземноморья, позднее скрещенным с индоевропейцами, семитами и другими народами, а распространение яфетических языков связывал с этническими миграциями, которым придавал до 1923 г. огромное значение.

¹² Идея, вообще говоря, не новая в то время. Классик отечественного языкознания И. А. Бодуэн де Куртене, скептически относившийся к некоторой прямолинейности компаративистов тех лет, назвал свою статью 1901 г. «О смешанном характере всех языков». Но, конечно, он не согласился бы с идеями Марра вроде того, что ни один язык не погибает, все они живы через скрещение [М., т. I, с. 90].

Пути этих миграций, впрочем, Марр не выяснял, говоря, например, что он не знает, где сформировался баскский язык: на Кавказе или на Пиренеях [М, т. I, с. 109]. Однако, по-видимому, у него не было сомнений в том, что яфетиды распространялись в различных направлениях с Кавказа как из центра.

Постепенно яфетический элемент у Марра приобретает глобальные масштабы. Ему уже мало того, что «творения Гомера, чуждые индоевропейцам до их скрещения, по всей видимости появились в их первичном виде на яфетическом языке эгейского мира и Трои» [М, т. I, с. 151]. По Марру, игнорируя яфетидов, «нельзя сделать ни шагу далее в вопросе о составе и происхождении первоначального населения Средиземноморья и древнего Востока, т. е. всего древнего мира... С тем же племенем начинает связываться органически проблема о происхождении человечества, поскольку человеческий род определяется как собрание существ, „одаренных“ не только разумом, но и речью... Чем выявляется такая ответственная роль яфетидов? Лингвистикой, учением об ¹³ яфетических языках» [М, т. I, с. 126]. И вообще «бесспорен факт, что яфетические языки сохранили наиболее осязаемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, в них наглядно прослеживается процесс отложения как элементов, так и целых слоев языка на начальной и примыкающей к ней древнейших ступенях его развития» [М, т. I, с. 130].

Это еще 1920 год. Марр пока признает родство языков и языковые семьи. Впоследствии этот период относили к «предистории» его учения, когда он не выходил за пределы «буржуазного индоевропеизма». Однако тут можно видеть в зародыше многое от Марра времен его «нового учения об языке». Та же бездоказательность в сочетании с безапелляционностью, то же отсутствие логики и стремление приравнять общеизвестное к придуманному (чего стоит союз «поскольку», соединяющий логически не связуемые утверждения), та же глобальность масштабов, та же проблематика: происхождение языка, стадии языкового развития, реконструкция древних стадий. В работах 1920—1922 гг. в том или ином виде есть и многие другие элементы будущего учения: стадияльно-типологическая последовательность от изолирующих языков к флективным с возможностью сохранения реликтовых типов [М, т. I, с. 89], тезис об отсутствии частей речи в первобытных языках [М, т. I, с. 100], о древности множественного числа сравнительно с единственным [М, т. I, с. 131], возведение слов самого различного значения к племенным названиям [М, т. I, с. 105 и сл.], наконец, идея о будущем едином мировом языке [М, т. V, с. 44].

Еспансия, распространяющаяся на все новые и новые язы-

¹³ Особенность стиля Марра — употребление предлога «об» и там, где он не должен быть по нормам русского языка. Поэтому он свою теорию назвал «новым учением об языке», что впоследствии его ученики втихомолку заметили на «новое учение о языке».

ки, сама по себе была опасной. Но экспансионизм Марра уже в это время распространяется и на сферу всей науки о языке. В 1922 г. он заявляет: «Есть надежда, что в будущем солнце— правда яфетического языкознания во всем своем блеске воссияет на небосклоне науки всего мира» [М, т. I, с. 183—184]. Тогда же он ставит вопрос о «будущем мирового масштаба институте языка, который со временем неизбежно должен быть создан; в просвещенной Западной Европе в нынешнее время торжествует принцип трусливой национальной замкнутости и воинствующего человеконенавистничества, и она отрещивается от всякого объединения, имеющего целью уничтожение гнета и несправедливостей прошлого, а в России условия физического существования лишают ученых возможности... в скором времени приступить к нормальной работе» [М, т. I, с. 181].

Слова о «мировом масштабе» с тех пор стали любимой приговоркой Марра, применявшейся им по любому поводу. Однако создать институт «мирового масштаба» было не во власти Марра; для начала он делал попытки создать международный баскский институт, но потерпел неудачу. По правдоподобию предположению В. А. Миханковой, именно упоминавшиеся выше две поездки во Францию в начале 20-х годов стали переломными в отношении Марра к западной науке [Миханкова, 1949, с. 312]. Марр ехал за границу не только для изучения баскского языка, но и для международного распространения яфетидологии. Когда же его надежды не оправдались, он пришел к выводу о порочности западной науки, раздражение против которой видно в приведенной выше цитате.

Более реальной была задача яфетической экспансии в своей стране. В 1921 г., уже организовав к тому времени крупное научное учреждение — Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), к которой восходят современные академические институты археологии и этнографии, Марр вошел в Академию наук «с ходатайством об учреждении особого института для изучения яфетических языков, разработка которых силами одного человека стала невозможной и требовала совместной работы ряда специалистов» [ПИДО, с. 129, из автобиографии Марра]. В том же году институт был создан под названием Институт яфетидологических изысканий, в следующем году он получил более короткое название — Яфетический институт. Тогда это был единственный институт чисто лингвистического профиля в Академии наук.

Сотруднику современных академических институтов языкознания и русского языка нелегко представить, с чего начиналась история их учреждений. Академия наук, разрешив созданию института, смогла выделить ему лишь восемь штатных единиц, две из которых были сразу отобраны в связи с общим сокращением штатов, и не дала никакого помещения. «Вопрос о помещении для института Н. Я. Марр разрешил быстро и просто, предоставив ему одну большую комнату в своей же собст-

венной квартире в академическом доме на 7-й линии Васильевского острова» [Мещанинов, 1948а, с. 7]. Первоначально деятельность института заключалась в происходивших на этой квартире научных докладах, уже за первые полгода было прочитано 11 докладов, в основном по проблеме смешения языков, которая первоначально была объявлена основной в деятельности института. (О начальном периоде деятельности института см. [ЯС, I, V—XVIII; Башинджагян, 1937; Мещанинов, 1948а].)

Марр старался привлечь к деятельности института многих крупных ученых разных гуманитарных специальностей. Первыми штатными сотрудниками института были: И. А. Орбели (единственный из прежних учеников Марра, остававшийся с ним), Л. В. Щерба, Д. К. Петров, И. И. Мещанинов, И. И. Зарубин и Ф. А. Розенберг, несколько позднее начали работать В. В. Струве, В. Ф. Шишмарев, М. Г. Долобо, К. Д. Дондуа и др. В качестве консультантов в работе института участвовали: С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, Б. Я. Владимирцов, А. А. Жебелев, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, Б. В. Фармаковский, В. К. Шилейко, А. А. Фрейман, М. М. Покровский, Л. А. Ильинский, позднее А. Н. Самойлович, П. В. Эрнштедт и другие ученые. Выступали в институте или печатались в его «Яфетических сборниках» Е. Э. Бертельс, Н. Ф. Яковлев, П. И. Жирков, О. М. Фрейденберг, В. Б. Шкловский, а также ученые-негуманитарии, например географ Л. С. Берг.

Это блестящий состав имен. Однако, кроме И. И. Мещанинова и отчасти К. Д. Дондуа и О. М. Фрейденберг, среди них нет будущих адептов марризма. В большинстве эти люди впоследствии были либо нейтральны к марризму, либо прямо ему враждебны. Участия в развитии яфетической теории они и тогда не принимали или почти не принимали, но необыкновенная личность Марра и его стремление к поиску новых путей не могли им в те годы не импонировать. Марру же эти имена придавали вес.

Стали появляться и новые ученики Марра из студентов уже пореволюционного времени — В. И. Абаев, С. Л. Быховская, А. Н. Генко, в те годы безраздельно преданные своему учителю. В. И. Абаев, уже на втором курсе университета приглашенный в Яфетический институт в качестве внештатного сотрудника, вспоминает этот институт как один из центров интеллектуальной жизни Петрограда начала 20-х годов. По его словам, сотрудники института «не служили». «Они шли на 7-ю линию Васильевского острова, движимые жаждой новых идей и неповторимой силой неповторимой личности Марра».

По свидетельству того же В. И. Абаева, Марр в то время «был в зените своей славы». Имя его получает широкую известность, а идеи яфетидологии проникают даже в поэзию, см., например, стихотворение «ЗСФСР» В. Я. Брюсова, который поддерживал дружеские отношения с Марром:

Особенно увлекалась идеями Марра стремившаяся ко всему новому молодежь. Видный лингвист П. С. Кузнецов, впоследствии противник марризма, вспоминал, как он был одно время увлечен построениями Марра эпохи «третьего этнического элемента» [Кузнецов, с. 370].

Однако важно подчеркнуть, что поклонниками Марра были в основном люди, готовые принимать его построения на веру. Это были либо представители смежных наук — востоковеды-нелингвисты, историки, литературоведы, — либо лингвисты, далекие от Марра по проблематике, либо люди, в большинстве очень молодые, смотревшие на Марра с большой дистанции. Здесь уже начал складываться тот механизм создания мифа, который мы разберем в следующей главе.

Впрочем, поддерживали Марра и некоторые лингвисты-компаративисты, пытавшиеся найти происхождение не поддававшихся объяснению слоев лексики в древних индоевропейских языках. Гипотеза о яфетическом субстрате казалась одно время заманчивой. Появился активный пропагандист яфетидологии за рубежом. Это был старый знакомый Марра профессор Ф. А. Браун, переселившийся к тому времени из Петрограда в Лейпциг. С 1920 по 1925 г. они активно сотрудничали, с помощью Ф. А. Брауна Марр печатал за рубежом свои работы (историю их взаимоотношений см. [Миханкова, 1949, с. 314—335], где опубликован ряд писем Марра Брауну). Поддерживал Марра также американский лингвист Р. Блейк.

Однако большинство ученых, компетентных в сравнительно-историческом языкознании, и тогда относились к деятельности Марра скептически. Виднейшие представители западной науки (А. Мейе, Ж. Вандриес, К. К. Уленбек) отвергли идеи яфетидологии как недоказанные. А. Мейе, с которым Марр вновь встречался в Париже, сказал, что идея баскско-кавказского родства может быть доказана лишь после построения сравнительной грамматики кавказских языков [Зыцарь, 1987, с. 16]. Однако предложение создать такую сравнительную грамматику Марр воспринял как требование ему (академику!) подтверждать квалификацию писанием учебников [Миханкова, 1949, с. 327]. Не принимали идей Марра и квалифицированные компаративисты в СССР. Так, иллюзии П. С. Кузнецова были быстро развеяны одним из его учителей М. Н. Петерсоном, продемонстрировавшим ему недоказанность положений Марра.

Романтический период яфетидологии и в наши дни иногда воспринимается сочувственно: «И „формальная школа“ и „яфетическая теория“ были необходимыми этапами в разработке нового подхода к методам и объекту исследования в гуманитарных науках» [Сергиенко, Сухачев, 1989, с. 69]. Но если от формальной школы осталось немало идей и исследовательских приемов, то что осталось от яфетической теории?

Круг яфетических языков становился все шире, а время существования яфетической семьи отодвигалось все дальше. По свидетельству И. И. Мещанинова, к 1922 г. Марр приходил к идее о яфетическом праязыке как основе всех языков мира [Мещанинов, 1949а, с. 30]. Но объяснять яфетические элементы языков мира миграциями и говорить о яфетических народах становилось все труднее. Перед Марром встала необходимость выбора между любимыми идеями и постулатами сравнительно-исторического языкознания. Старый друг Ф. А. Браун уговаривал его остаться в рамках науки, заняться доказательством родства яфетических языков. Но Марр уже не мог остановиться, был неизбежен и разрыв с Брауном, и разрыв с наукой.

Окончательный разрыв произошел в 1923 г. Новые идеи, охватившие Марра, он сформулировал в письмах Брауну, а затем в коротком докладе в Академии наук 21 ноября 1923 г. [М, т. I, с. 185—186], который потом считался «гениальным по глубине содержания» [Яковлев, 1949а, с. 27]. Марр в тезисной форме и без примеров (аналогично тому, как за 35 лет до того он доказывал гипотезу о грузинско-семитском родстве) заявил, что «индоевропейской семьи расово отличной не существует», что «вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция»¹⁴.

С этого дня в дальнейшем марристы вели отсчет «новой эры» в языкознании. Яфетическая теория в ее прежнем виде прекращала существование, ее место занимало «новое учение о языке» (впрочем, термин «яфетическая теория» как синоним «нового учения» существовал и позже), после этого «яфетическая теория вырастает в учение о языке в мировом масштабе» [Кузнецов, 1932, с. 18]. Перелом происходит даже в самых конкретных работах Марра. Ю. В. Зыцарь замечает, как резко отличаются друг от друга два коротких доклада, сделанных 7 мая и 19 ноября 1924 г., «где-то между этими двумя крохотными статьями Н. Я. Марра пролегал та грозная грань, за которой он все больше отрывается от науки и уходит как бы в иной мир» [Зыцарь, 1987, с. 22]. К сожалению, этот уход в иной мир был не только личной трагедией одаренного человека, он стал трагедией для всей советской науки о языке, а также и ряда других наук.

¹⁴ Нельзя здесь понимать слово «фикция» в том смысле, что праязык — устанавливаемая лингвистом система соответствий между языками, соотношение которой с реальностью проблематично (как считал в то время, например, А. Мейе). У Марра речь шла о том, что никакого языкового родства не существует, а поэтому праязык реконструировать и незначет.

Глава вторая

СТРУКТУРА МИФА

Критика «нового учения о языке» Н. Я. Марра — задача очень несложная и доступная любому человеку с филологическим образованием. Вопиющее несоответствие фактам и полученным в науке результатам, недоказанность и принципиальная недоказуемость положений, нелогичность, противоречивость, полная оторванность от практики — все это очевидно. К тому же эта задача в целом давно решена. Многие здесь было сделано сразу же после 1950 г., особенно в двухтомнике «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», на который мы не раз будем ссылаться. Если отвлечься от естественных для 1951—1952 гг. переклестов вроде обвинений Марра в «космополитизме», лингвистическая критика его концепции сохраняет силу и теперь; не даром в книге «О материалистическом подходе к явлениям языка» [см. Серебренников, 1983] повторены все основные положения статьи того же автора в двухтомнике, не устаревшей за тридцать лет¹. Можно отметить хорошо аргументированную книгу Л. Л. Томаса [см. Thomas, 1957], во многом опирающуюся на двухтомник, краткую, но содержательную статью В. И. Абаева [см. Абаев, 1960] и ряд других работ.

Однако эти работы в основном трактуют «новое учение о языке» только как неудовлетворительную лингвистическую теорию. Но эти работы не дают (и не могли дать в силу времени появления) ответа на естественный вопрос: если учение столь явно плохо, почему именно оно в течение двух десятилетий было принятой догмой в советском языкознании? Разрыв между научной слабостью «нового учения о языке» и силой его влияния настолько колоссален, что требует объяснения. Лишь в последнее время стали появляться публикации, где взлет и падение марризма связывается с историей советского общества; в основном они выходят за рубежом [см. L'Hermitte, 1987], у нас имеются лишь краткие газетные и журнальные статьи типа опубликованной в «Литературной газете» [см. Горбаневский, 1988]. Однако и после них многое требует рассмотрения.

¹ Мы говорим лишь о критике самого Н. Я. Марра и марризма его времени. Критика работ И. И. Мещанинова и других последователей Марра 40-х годов в двухтомнике нам не кажется во всем убедительной.

Мы не можем согласиться с тем, что марризм был неизбежным и абсолютно закономерным порождением советского общества. И то, что многие идеи Марра возникли до революции, и сам крах марризма в 1950 г. опровергают это мнение. В то же время нельзя отрицать, что «новое учение о языке» оказалось очень удобным для превращения в господствующую догму в сталинский период. «Феномен марризма был далеко не единичным явлением, а одним из составляющих культа единой руководящей и господствующей идеологической доктрины» [Звегинцев, 1990, с. 17].

В насаждении «нового учения о языке», конечно, сыграли роль и репрессивные меры, о чем будет сказано в последующих главах. Но нельзя все сводить к ним. Не вызывает сомнения искреннее увлечение многих, зачастую одаренных людей этим учением и личностью его создателя. Популярность идей Марра, как мы видели, была значительной уже в начале 20-х годов; еще большей она стала с формированием «нового учения». Типичный образец умонастроений подобного рода — недавно опубликованное выступление О. М. Фрейденберг, посвященное памяти Марра [Фрейденберг, 1988], полное восторгов и преклонения перед марровскими идеями, хотя известно, что О. М. Фрейденберг была талантливым ученым и человеком независимых взглядов. Подобные люди, которых было немало и среди лингвистов (можно назвать хотя бы В. И. Абаева или А. А. Холодовича), ощущали в 20—30-е годы притягательную силу марризма. Но это не была притягательность научной теории, которая, кстати, и не могла бы обеспечить столь массовый успех. Это была притягательность мифа.

XX век принес человечеству немало мифов различного характера. Среди них заметное место занимали научные мифы, в искаженной форме отражавшие вошедшие в быт представления о всемогуществе науки. Реальная наука часто не соответствовала таким представлениям, а лженаука сознательно или бессознательно спекулировала на них, обещая решить любые существующие и несуществующие проблемы. Это импонировало широким массам и представителям власти. Пользуясь поддержкой последних, мифотворцы добивались монопольного положения.

Тут, конечно, вспоминается печальная история советской биологической науки и прежде всего лысенковщина. Вне сомнения, практическое значение биологии и языкознания несопоставимо, «народный академик» Т. Д. Лысенко мало напоминал члена Императорской академии Н. Я. Марра, к власти они приходили в разное время, иным был и финал. Однако много мы видим и общего, прежде всего сам механизм формирования научного мифа и завоевания власти с его помощью; механизм этот описан в ряде публикаций по истории советской биологии [Александров, 1987; Сойфер, 1988]. Вероятно, в истории советской науки можно обнаружить немало и других мифов. Про-

цесс их выявления уже начался в последние годы; см. доклады двух конференций по социальной истории советской науки в Институте истории естествознания и техники АН СССР в 1989 и 1990 гг.

Возможно, однако, существование мифов и при других социальных системах. Интересна, в частности, книга известного американского лингвиста Роя Эндрю Миллера «Японский современный миф. Язык и вне его» [Miller, 1982], в которой показаны ненаучность и несоответствие фактам многих японских массовых представлений о языке, находящихся «научное подтверждение» у некоторых специалистов. Таковы идеи об особой сложности японского языка, который невозможно выучить человеку белой расы, об уникальности японского языкового коллектива и даже об особом устройстве японского мозга. Мы не будем рассматривать здесь вопрос, насколько справедлив Миллер в своих оценках, нас интересует другое: выявленный им общий механизм создания и функционирования научного (вернее, антинаучного) мифа.

Миф по природе своей должен быть противоречив [Miller, 1982, с. 9] и очевидно ошибочен с научной точки зрения [Miller, 1982, с. 20]. В основе мифа лежат какие-то реальные факты, однако фантастически препарированные [Miller, 1982, с. 21]. Миф должен воевать с врагами, при этом в один ряд включаются научные борцы с мифом и авторы ненаучных утверждений, а чаще идет борьба с «бумажными тиграми» [Miller, 1982, с. 56—58]. Для поддержания мифа выгодно обращаться к мнению специалистов в других, иногда достаточно далеких науках [Miller, 1982, с. 66]. Для мифа важно отождествление разных понятий, например языка с культурой или расой [Miller, 1982, vi], и отождествление общего с частным [Miller, 1982, с. 130]. В конечном итоге миф, каким бы научным он ни стремился казаться, связан с борьбой против здравого смысла, разума и интеллекта [Miller, 1982, с. 165]. Все эти положения оказываются применимыми и к марризму.

Но прежде чем мы рассмотрим структуру марровского мифа, нам все-таки придется вкратце описать основные положения «нового учения о языке», уже не известного большинству современных читателей. Сделать это достаточно трудно, потому что это учение «никогда не выступало как законченное образование и пахотилось в постоянном движении» [Звегинцев, 1990, с. 9]. Марр постоянно что-то менял в своих построениях, к ужасу его аспирантов [Рафаил, 1930, с. 161], но при бесконечном числе модификаций в идеях Марра была определенная последовательность и их развитие шло в едином направлении [Thomas, 1957, с. 135].

Марр не оставил и, вероятно, не мог оставить сколько-нибудь связного и последовательного изложения своей теории, хотя количество его сочинений в последнее десятилетие жизни очень велико. Идеи яфетической теории с бесконечными вариан-

ниями разбросаны по текстам пяти томов его трудов. Единственная попытка изложить «новое учение» студентам, так называемый бакинский курс (1926), открывающий второй том трудов Марра, был забракован самим автором, не позволявшим печатать его при жизни [Миханкова, 1949, с. 46]. Среди изложений марризма другими авторами выделяется учебник «Введение в яфетидологию» [Мещанинов, 1929], где «новое учение о языке» изложено наиболее связно и без слишком явных противоречий. Имеются также умозрительные, лишенные языкового материала книги [Быковский, 1933; Аптекарь, 1934] и весьма чуждые и схематичные брошюры эсперантиста А. П. Андреева [Андреев, 1929а; Андреев, 1929 б] или мордовского ученика Марра П. Г. Иванова [Иванов, 1936]. Мы постараемся пересказать главнейшие идеи марризма, по возможности с помощью цитат из Марра или его сподвижников, отвлекаясь от некоторых менее существенных исторических модификаций «нового учения о языке».

Согласно Марру, «язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусства» [М, т. II, с. 107], «язык является приводным ремнем в области надстройочной категории общества» [М, т. III, с. 91]. Язык возникал у разных народов независимо друг от друга, но «культура единого происхождения, и все ее разновидности представляются ходом единого процесса творчества на различных ступенях его развития. Каждая стадия развития придает свое характерное оформление культуротворчеству... Такое оформление улавливается и в языке» [Мещанинов, 1929, с. 87].

«Без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение об языке предполагает то или иное положительное отношение к этому вопросу» [М, т. II, с. 69]. «Язык вначале не звуковой, позднейший, а первичный—линейный, ручной, он же кинетический» [М, т. II, с. 271]. Первым революционным переворотом в истории языка было появление звуковой речи. «Вы понимаете, что это было за великое открытие (что, в сравнении с этим переворотом радио), когда человек нашел, наконец, возможность говорить ночью и из другого, закрытого помещения?» [ПИДО, с. 178], — говорил Марр одному из учеников. «Употребление первой звуковой речи не могло не носить характера магического средства» [М, т. II, с. 204]. Поначалу роль владевших звуковой речью была такой же, как впоследствии роль грамотных [М, т. II, с. 409]. В то время «язык являлся орудием власти» [М, т. II, с. 135] и классового господства.

«Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения, это с перенесенного с производства в речь строя или так наз. синтаксиса» [М, т. II, с. 368]. Каждый первичный звуковой комплекс характеризовался «диффузным состоянием трехзвучности» [Мещанинов, 1929, с. 182]; эта трехзвучность выделяется лишь с

точки зрения современных языков, а «первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено» [М., т. II, с. 130].

Первичная звуковая речь состояла всего из четырех элементов, которые Марр обозначал САЛ, БЕР, ИОН, РОШ (названия были реконструированы из племенных названий народов Средиземноморья)². «И эти четыре лингвистических элемента общи у всех языков, они присущи каждому языку» [М., т. I, с. 258]. «Слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего-навсего из четырех элементов, каждое слово из одного или двух, реже трех элементов; в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх все тех же четырех элементов» [М., т. II, с. 16]. «Мы теперь орудуем возведением всей человеческой речи к четырем звуковым элементам» [М., т. V, с. 371]. Такое «орудование» Марр назвал лингвистической палеонтологией (термин, существовавший ранее, но полностью им переосмысленный). «Проникновение в толщу лингвистических стадий практически неосуществимо без анализа по элементам» [Башинджян, 1935, с. 131]. Любое слово любого языка возводилось к элементам или их комбинациям. Например, в слове *красный*, отсекались части *к-* и *-н*, а оставшееся *-рас-* признавалось модификацией элемента РОШ, сопоставляясь с *рыжий*, *русый*, фр. *rouge*, нем. *roth* 'красный', названиями народов *русы* и *этруски* [М., т. V, с. 115—116]. «Четыре элемента, возникшие вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, не имели первоначально и долго не могли иметь никакого словарного значения» [М., т. II, с. 89].

Стадии развития звуковой речи заключаются в процессе фонетической и семантической дифференциации. Фонетически в нечленимых четырех элементах начинали выделяться звуковые части: И. И. Мещанинов выделял четыре стадии от «диффузных выкриков» до фонем [Мещанинов, 1934а]. Языки типа ки-

² Поначалу Марр старался на основе звукового сходства свести эти названия к небольшому числу прототипов, чтобы тем самым «доказать» общность происхождения как названий, так и самих народов; например, элемент РОШ в разных фонетических модификациях выделялся в составе названий *рус*, *этрус-к*, *пе-лаз-г*, *лез-гин*, БЕР — в составе *и-бер*, *бер-бер*, *мар-иц* и т. д. Далее шло два параллельных процесса: минимизация числа элементов от первоначального числа 12 через ступени 10, 8, 7, 5 до окончательного 4 (например, в один элемент объединились первоначально различные САЛ, КАС, ГАЛ и СКОЛ) и их осмысление как основ человеческой речи; историю этих процессов см. [Мещанинов, 1934а, с. 7—12]. На числе 4 Марр остановился, вероятно, потому, что дальнейшее объединение у него не получалось (сам он писал: «У нас осталось неразъясненным число элементов — четыре — и оно таковым и остается» [М., т. II, с. 94]), хотя недавно академик Т. В. Гамкрелидзе, признавая, что «глотогоническая теория Н. Я. Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований», заключил, что она «не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и бессознанных представлений о структуре генетического кода» [Гамкрелидзе, 1988, с. 7], также состоящего из четырех исходных элементов.

тайского, где в качестве фонем могли рассматриваться целые слоги, относились к архаической стадии, на которой звуки еще до конца не выделились из слов. Семантическая дифференциация заключалась в постепенном выделении значений слов, поначалу лишенных конкретной семантики. Такое выделение идет во всех языках по единым законам. «Теперь... мы знаем, что 'рыба' получила свое название от 'воды', а 'дождь' также назывался по 'воде', т. е. в китайском сохранилось то примитивное состояние речи в отношении значений слов, когда одно и то же слово 'вода' использовалось еще в значениях и 'дождя' и 'рыбы'» [М, т. II, с. 55]. При этом «нет слова, которое не восходило бы к племенному названию» [М, т. II, с. 207]. «'Рука' и 'нога' были наречены звуковым словом не как члены тела, анатомически воспринимаемые по их физической функции, а как увязанные по магической функции в нераздельном действе — пляске, пении и игре с предметом культа, луной и солнцем, и носящие их название» [М, т. II, с. 426]. «Накопление словарного запаса идет путем скрещения и фонетической дифференциации (различение в звуках) тех же четырех основных элементов» [Мещанинов, 1929, с. 17—18].

Стадии развития языков проявляются не только в фонетике и семантике, но и в грамматике, хотя на стадии четырех элементов грамматики еще нет. Здесь, особенно поначалу, Марр включал в свою концепцию идеи братьев Шлегелей и других ученых первой половины XIX в., выделявших три типа языков: аморфный, или изолирующий (языки типа китайского), агглютинативный (языки типа турецкого) и флективный (языки типа латинского и древнегреческого), причем флективный считался самым совершенным, а аморфный — самым примитивным. Отталкиваясь от этих идей, Марр не раз пытался распределить конкретные языки по «грамматическим» стадиям [М, т. II, с. 49, 405, 421] и быстро браковал каждую из этих схем. Однако он оставался верен трем положениям.

Во-первых, это архаичность изолирующих языков, лишенных морфологии: «Китайский остановился на той ступени развития, когда в языке человечества не было еще никаких служебных форм, взаимоотношения слов определялись не окончаниями, как в русском языке, а расположением слов» [М, т. I, с. 243]. Тем самым китайцы попадали в «народы, отпавшие от общего мирового движения» [М, т. II, с. 135].

Во-вторых, это совершенство флективных индоевропейских языков³: они — «паличное завершение» стадияльной пирамиды [М, т. II, с. 41], этот тип «наиболее совершенный, наиболее развитый» [М, т. II, с. 191]. Совершенство свойственно лишь язы-

³ Индоевропейские языки Марр в это время понимал тоже как стадию или несколько стадий. Термин «индоевропейский» Марр по предложению своего ученика В. И. Абасва пытался заменить термином «прометеидский» [М., т. II, с. 323—324], но реально традиционный термин так и не вышел из употребления.

кам с развитым склонением и спряжением вроде латинского, современные романские и германские языки еще не дошли до этой стадии. Они именно не дошли до флективной стадии, а не деградировали после ее прохождения, как считали ученые XIX в.: отсутствие склонения в современных романских языках — вовсе не новое явление по сравнению с латинской флексией, это яфетическое наследие, «пережиток более архаической нормы, совершенно независимой от латинской» [М, т. III, с. 9].

В-третьих, это включение в качестве одной из стадий яфетических языков, круг которых, как уже говорилось, все время расширялся. Эти языки уже не рассматривались как самые древние, их место в стадияльной классификации языков, все время менявшееся, всегда паходилось где-то между аморфными и флективными языками.

В ходе стадияльного развития постепенно формируются части речи и грамматические категории. На аморфной стадии частей речи еще нет [Мещанинов, 1929, с. 144—145], потом выработалось имя, хотя на некоторой стадии еще не было глагола [Мещанинов, 1929, с. 161], глаголы появились после местоимений [Мещанинов, 1929, с. 163] и т. д.

Развитие языков идет от исконного множества к единству, общие черты языков — «позднейшее достижение человечества» [М, т. I, с. 256]. Объединение языков идет через их скрещение (фрагмент концепции, сохранившийся от раннего Марра), «ныне нет ни одного не скрещенного языка» [М, т. II, с. 65]. «Даже так называемые новые языки отнюдь не являются перерождениями древних языков и только; в возникновении новых видов громадную роль играли неучитываемые бесписьменные языки, часто в корне менявшие мышление языка; французский язык своим мышлением очень далек от... латинского» [М, т. II, с. 188—189]. Поэтому латинский — не праязык для романских языков, вообще существование праязыков — «обоснованное на недоразумении утверждение» [М, т. IV, с. 3].

Общая лексика в тех или иных языках не может появиться через генетическое родство, которого не существует. Отвергает Марр и образование общей лексики через заимствование [М, т. I, с. 288]. Сходства языков, согласно Марру, объясняются двумя причинами: скрещением и самим единством глоттогонического (языкотворческого) процесса. «Начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же. Все слова всех языков сводятся к четырем элементам» [М, т. I, с. 11]. Через элементный анализ «вскрылись связи, никем не гаданные, между отдельными языками, раскинутыми по всей территории Африки, Европы и Азии, и далее» [М, т. I, с. 288]. Например, «распределенные сначала по племенам, названия лошади оказались, как и названия драгоценных металлов, одни и те же в распоряжении народов от Японии и Кореи на Востоке с захватом Кавказа и Передней Азии до Пиренейского полуострова на за-

надном конце Европы» [М, т. II, с. 22]. Такое сходство языков не генетическое или контактное, а «в источнике явно социальное, от схождения в общественном строительстве» [М, т. IV, с. 58]. Так, на определенной стадии общественного развития в любом языке вода будет именоваться *su*: «Родство грузинского с берберским... представляет собой надстроечный слой производственных отношений соответствующей социальной формации, также прекрасно сохранившейся в грузинском не только в слове *su*, которое единственное слово со значением 'воды' во всех языках турецкой системы⁴, также в берберском, как и в грузинском, откуда происходит глагол *su-ta* 'пить'» [Язык, 1936, с. 45—46]. Тем самым существует закономерная связь между звучанием и значением слов, меняющаяся на разных стадиях в связи с изменениями базиса.

При такой концепции нет необходимости в постулировании миграций, которым Марр когда-то придавал такое значение. Наоборот, подчеркивается автохтонность самых различных этносов. Например, в Крыму испокон веков жили готы (= скифы, кельты), крымчаки (= кимеры), караимы, армяне, их языки — новые стадии развития тех или иных языков доисторического Крыма [М, т. II, с. 380]; правда, греки и римляне, согласно Марру, все-таки пришли извне. Зато русские Восточной Европы и русские Тмутаракани, возможно, образовали свой язык независимо друг от друга, через стадиальный взрыв, не покидая своей территории [М, т. V, с. 184—185]; русский язык «образовался в конечном результате на той территории, где он впервые выступает исторически» [М, т. V, с. 333]. То же относится к бретонцам [М, т. IV, с. 213], англичанам и т. д.⁵

Традиционные языковые семьи рассматриваются либо как стадии, либо как языки, имеющие общий компонент при скрещении. Однако Марр не был склонен считать особенно похожими славянские, романские и прочие языки; зато языками, обобщающими большое сходство с самыми различными языками мира, оказывались кавказские и особенно родной язык Марра. «Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому» [М, т. II, с. 455]. «Зачастую между французским и грузинским более тесное родство, чем у французского с братским ему языком, находящимся в самой же Франции» [Язык, 1936, с. 47]. Например, в русском *пирог* выделяются две части, соответствующие грузинскому и баскскому обозначению хлеба [М, т. V, с. 248].

Яфетические языки по-прежнему играли особую роль. Хотя

⁴ Так Марр именвал тюркскую семью языков.

⁵ Впрочем, Марр часто сохранял старые идеи и после формирования новых, несовместимых с ними: «Баски, западные яфетиды, расстались, где бы ни происходило это расставание, и с яфетидами Кавказа, и с турками... еще тогда, когда железо не появлялось в хозяйстве, но зачатки земледелия были» [М., т. IV, с. 152]. Признание миграций также см. [М, т. IV, с. 97, 134, 159].

стадиально они шли позже аморфных, по-прежнему «нельзя без ... яфетических языков Кавказа подойти к правильной постановке изучения вообще генетических вопросов речи» [М, т. IV, с. 62] и «яфетические языки оказались древнейшими» [М, т. V, с. 326]. Яфетиды — носители «творческих начал эксплоатировавшихся социальных слоев такой глубочайшей древности, что нельзя найти для них, этих слоев, исторического имени» [М, т. II, с. 383]. Через яфетическую стадию проходят языки всех других систем [М, т. I, с. 290].

Развитие языков и переход с одной стадии на другую обусловлены социальными причинами. Аморфное, агглютинативное, флективное состояния «отражают каждое особый социальный строй» [М, т. II, с. 49]. Важную роль играют и изменения в технике, например, при «поразительном сходстве» кавказских языков с языками американских индейцев имеющиеся между ними различия во многом связаны с тем, что кавказские народы производили железо, а индейцы нет [Язык, 1936, с. 60]. «Личные местоимения и понятие единственного числа связаны с индивидуальным восприятием лица, то есть с явлением позднейшего строя общественной жизни. Личным местоимениям предшествовали притяжательные, указывающие на принадлежность не отдельным лицам, а всему коллективу, причем и эти первые по времени возникновения местоимения вовсе не изначальны, но тесно связаны с осознанием представления о праве собственности» [Мещанинов, 1929, с. 87]. Степени сравнения сформировались с появлением сословий: превосходной степени соответствовал высший социальный слой, сравнительной — средний, положительной — низший [М, т. I, с. 213].

Эволюционные изменения в языке существуют, но главную роль играют «перемены мутационного порядка», источник которых — «глубоко идущие революционные сдвиги в процессе диалектического отбора, революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков» [М, т. IV, с. 61].

«Нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно (курсив наш. — В. А.), нет мышления, которое не было бы классовым» [М, т. III, с. 91]. Многие различия в языке, например русское оканье и аканье, — различия по «упраздненной классовости» [М, т. III, с. 99], т. е. русский язык — результат скрещения разных языков каких-то древних классов, один из которых был акающим, а другой окающим. «Не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации» [М, т. II, с. 415].

Соответствие социальных формаций и языковых стадий было проведено Марром лишь для разных этапов первобытно-общинного строя; доходя до классового общества, Марр останавливался, утверждая лишь, что классовому обществу в целом соответствует флективный строй [М, т. III, с. 71]. Для полноты картины укажем на две попытки связать учение о формациях и стадии глоттогонического процесса, произведенные последователями Марра.

Один из его младших учеников А. А. Холодович, чью деятельность в те годы сам Марр ставил очень высоко [Язык, 1936, с. 44—45], давал такие соответствия: первобытный коммунизм — аморфные языки, родовое общество — агглютинирующие языки, классовое общество в целом — флективные языки, античная формация — ?, феодальная формация — поместный говор, капиталистическая формация — национальный язык (не признававшийся самим Марром), переходный период от капитализма к коммунизму — борьба в языке национальной формы и пролетарского классового содержания, бесклассовое общество — международный язык, возможно, вновь аморфный по строю [Холодович, 1930, с. 187]. В один ряд здесь ставится несопоставимое: типологическая и социолингвистическая классификация языков.

Совсем уж курьезом были идеи эсперантиста А. П. Андреева, всерьез считавшего, что аморфная и флективная типологии — «глубоко классовые, т. е. могущие быть применяемы и вполне используемы только „высшими“ классами... Для широких масс, не могущих затрачивать на изучение таких языков много времени и средств, эти языки недоступны» [Андреев, 1929б, с. 88], поэтому «огромные „низы“ китайского народа не только неграмотны, но владеют только очень небольшим количеством фраз своего языка» [Андреев, 1929б, с. 35], а «китайский язык — это язык исключительно высших классов, остановленный в своем развитии еще до нашей эры ввиду построения всей жизни Китая по принципам Конфуция» [Андреев, 1929б, с. 36]; во флективных же языках «ввиду сложности грамматики овладеть ей могут лишь бездельники, отсюда монополия господствующих классов на правильную речь» [Андреев, 1929б, с. 41]; истинным средством общения, соответствующим требованиям народных масс, являются лишь агглютинативные языки.

Сам же Марр, оставляя в стороне языки классового и социалистического общества, завершал учение тезисом о будущей второй (после звуковой) революции в языке. «Диалектико-материалистическое мышление переросло линейную речь, с трудом уместающуюся в звуковую, и, перерастая звуковую, готовится к лепке, созиданию на конечных достижениях ручного и звукового языка, нового и единого языка, где высшая красота сольется с высшим развитием ума. Где? Товарищи, только в коммунистическом бесклассовом обществе» [М, т. III, с. 111—112].

Таково в общих чертах «новое учение о языке».

Как мы уже говорили, каждый миф в своей основе должен

иметь какие-то крупницы правды. Это можно видеть и в «новом учении о языке». Одной из них был научный и общественный авторитет Марра, завоеванный им до появления «нового учения о языке». Однако, как и положено в мифе, этот авторитет раздувался до фантастических размеров. Марр объявлялся уже не только выдающимся знатоком кавказских языков, что соответствовало истине, но и лучшим в мире знатоком таких языков, как берберский и чувашский [Державин, 1930, с. 4]. Сам Марр, никогда не страдавший скромностью, заявлял, для виду отмежевываясь от своих слов: «По одной легенде создатель яфетической теории гениален, во всяком случае — он обладает исключительной способностью без труда овладевать любым языком, знает их неисчислимое количество» [М, т. I, с. 255]. После этого любой человек, собиравшийся спорить с Марром, не мог не ощущать психологических трудностей.

Другим фантастически препарированным элементом правды в марризме была оценка науки о языке в том виде, в котором она находилась к концу XIX в. Марр во многом правильно оценил, какие проблемы решались, а какие не решались этой наукой, и объявил себя ученым, способным разрешить то, что составляло затруднения для языкознания того времени. При этом в один ряд ставились вопросы разного плана: принципиально нерешаемые, не исследованные в силу объективных причин и действительно требовавшие нового подхода.

Для того времени истинным было, например, такое высказывание Марра: «Индоевропейская лингвистика не может не признать, что она есть наука об языке за исторические эпохи. В вопросах генетических, ведущих в доисторию человеческой речи, она бессильна что-либо сделать непосредственно» [М, т. III, с. 33].

Проблема происхождения языка очень интересовала европейскую науку от Древней Греции до середины XIX в., было разработано много любопытных теорий (звукоподражательного происхождения языка, «общественного договора» и т. д.), которые могли быть логичными и правдоподобными, но всегда страдали одним недостатком: их нельзя было доказать, как, впрочем, и опровергнуть. Ни сейчас, ни в древности никто никогда не «наблюдал» формирование человеческого языка; языки самых примитивных народов не имеют никаких свойств, принципиально отличающих их от языков народов, принадлежащих к более развитым в социальном отношении обществам. Хотя сравнительно-историческое языкознание способно реконструировать в определенных пределах древнейшие состояния языков, оно не могло во времена Марра и не может сейчас ответить на вопрос о происхождении языка. Даже лингвисты, занимающиеся восстановлением самых отдаленных от нас праязыков, констатируют: «Фонологическая система наиболее древнего из реконструированных на сегодняшний день языковых состояний — ностратического (не позднее XV тысячелетия до н. э.) — принципиально

ничем не отличается от системы фонем любого современного живого диалекта; о более древнем уровне развития человеческого языка пока остается только гадать» [Милитарев, 1983, с. 17].

Все это было ясно уже во второй половине XIX в., когда наука стремилась отказываться от спекулятивных построений. Не подтверждаемых фактами, поэтому проблемы происхождения языка были исключены из рассмотрения, хотя они безусловно принадлежат к числу тех лингвистических вопросов, которые интересны для неспециалистов.

Марр воспользовался такой ситуацией, объявив, что он открыл тайну происхождения языка и выяснил, как язык развивался в доисторические эпохи. Недаром львиная доля поздних сочинений Марра посвящена изучению языка тех периодов, от которых до нас не дошло никаких сведений. Как писал один из критиков марризма К. А. Алавердов: «Яфетидология в своих целеустановках подобна фантастическому сводчатому мосту, который одним концом упирается в прошлое (главным образом в отдаленное прошлое), а другим — в отдаленное будущее, причем высшая точка этого моста каждый раз приходится над современностью... Причина в конечном счете в том, что яфетидология страдает органическим пороком — неестественной дальностью. Она смотрит или в палеонтологические сумерки прошлого или в манящие дали будущего» [РИЯ, с. 54]. Это очень выигрышная позиция: она делала утверждения Марра во многом неуязвимыми.

Никто из его критиков не мог опровергнуть идей о первоначальном множестве языков [Серебренников, 1983, с. 265—266], о существовании в глубочайшей древности кинетической речи, «звуковой революции», четырех элементов, «диффузных выкриков» и т. д.; не всегда при этом замечалось, что и доказать эти умозрительные построения нельзя⁶. Для построения таких теорий были нужны лишь фантазия и умение высказываться категорично, а в этом Марру не было равных. Рассуждая о языке доисторических эпох, Марр объяснял неизвестное через другое неизвестное. Единственным методом, внешне выглядевшим как движение от известного к неизвестному, был элементный анализ; недаром он занимает такое место у Марра. Марристы верили, что на его основе можно по материалу реально зафиксированных языков реконструировать языки древнейших эпох. Но сами четыре элемента были априорно постулированы; напомним, что Марр отказывался объяснить, почему элементов четыре.

В то время разумный подход к данной проблеме высказал

⁶ Как-то косвенно проверить идеи Марра можно было бы процессом формирования речи у детей, где одни его идеи имеют аналогии (развитие фонем из «диффузных звуков», вычленение слов из слов-предложений), другие не имеют (четыре элемента). Однако эти аналогии не могут служить доказательством. Сами же марристы отвергали значимость изучения детской речи для слоттогонии [см. Державин, 1935].

Е. Д. Поливанов: «Вопросом о происхождении языка сейчас... заниматься не стоит, не нужно, во-первых, потому, что всегда следует идти от известного к неизвестному, а не наоборот, и, во-вторых, потому, что, приступая к вопросу о происхождении языка, лингвист перестает быть лингвистом... Точный метод, отличающий лингвистику от истории искусств, точный метод, ставящий ее в ряд естественно-исторических дисциплин, здесь не приложим... Нет материала лингвистического, нет материала, а мы привыкли работать на материале» [Поливанов, 1991, с. 538]. Но в обстановке 20-х годов, способствовавшей созданию умозрительных, оторванных от фактического материала схем, этот призыв не мог быть услышан⁷.

Так крупица правды, заключавшаяся в том, что лингвистика действительно не могла ответить на вопрос о происхождении языка, была использована Марром в своих целях. Здесь хорошо видно упоминавшееся выше свойство лженауки: стремление объявлять успешно решенными даже такие проблемы, которые не могут быть решены.

Примерно то же можно сказать и про вопрос о будущем всемирном языке. Об этом языке, который позволил бы людям преодолеть межнациональные барьеры, мечтали многие умы; бывали и попытки создания таких языков. Однако лингвистика времен Марра отказывалась обсуждать эту проблему по тем же причинам, что и проблему происхождения языка. Как правильно пишет Т. С. Шарадзенидзе, «безусловно, „старое“ языкознание казалось Н. Я. Марру „ограниченным“, так как оно не решало огульно сложнейших проблем глоттогонии, начиная с происхождения языка и кончая его будущей судьбой» [Пр, т. 2, с. 121].

Идея о будущем языке появилась у Марра задолго до того, как он стал ее связывать с построением коммунистического общества. В «новом учении о языке» она занимала большое место уже потому, что была логическим завершением его концепции развития языков от множества к единству. При бесчисленном ее повторении Марр никогда не пытался хоть как-то ее конкретизировать, говоря лишь, что будущий язык, вероятно, перестанет быть звуковым.

Чуть конкретнее пытались рассуждать об этом языке ученики Марра, например А. А. Холодович (см. выше) или В. И. Абаев, утверждавший, что чертами этого языка будут «выдержанная сверху донизу система, максимальная простота при максимальной гибкости и разнообразии средств выражения, ликвидация пережиточного „полисемантизма“, фонетическая и семантическая дифференцированность и точность» [Абаев, 1934, с. 53]. Все это не выходило за пределы романти-

⁷ Характерно общее усиление интереса к происхождению языка в СССР в те годы. Даже печально знаменитый И. И. Презент издал в 1928 г. книжку на эту тему. Впрочем, она не была одобрена марристами [Аптекарь, Быковский, 1931, с. 37], после чего Презент перенес свои интересы на биологию

ческих мечтаний. Тем не менее в 1926 г. в Яфетическом институте было решено создать группу, которая должна была установить «теоретические нормы будущего общечеловеческого языка» [Башинджагян, 1937, с. 258]. Впрочем, как сожалел впоследствии Л. Г. Башинджагян, эта группа так и не получила даже организационного оформления⁸ и проект этих норм так и не был создан.

Послужила на пользу «нового учения о языке» и такая вполне естественная черта языкознания того времени, как неравномерная изученность языков и языковых семей. Сочинения Марра и марристов полны обвинений в адрес «индоевропеистов» (под этим названием Марр имел в виду всех лингвистов, кроме себя и своих сторонников) в том, что они занимаются изучением только индоевропейских языков и только языков, имеющих письменную традицию, при игнорировании «живых» бесписьменных [М, т. II, с. 355; т. III, с. 1 и сл.]. При всей утрированности этих обвинений нельзя сказать, что Марр здесь абсолютно неправ. Е. Д. Поливанов отвечал на это, что при любом политическом строе европейские языки были бы самыми изученными, так как Европа — центр мировой культуры [Поливанов, 1931, с. 24].

Сравнительно-исторический метод вырабатывался на индоевропейском материале уже потому, что он формировался в Европе и в распоряжении ученых было много древних памятников на индоевропейских языках. Неравномерность развития науки была связана просто с разной степенью накопления материала, но для Марра она была неприемлема уже в кавказский период его деятельности, поскольку одной из главных черт его характера было нетерпение и стремление сразу решить все проблемы.

Наука о языке была неравномерно развита и с точки зрения изученности разных сторон языковой системы. Верным было часто цитировавшееся высказывание Марра о том, что в старой науке «существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики» [М, т. III, с. 103]. Семантика — наука о языковых значениях — была самым слабым разделом как описательной, так и исторической лингвистики. В частности, при накоплении большого количества фактов и частных наблюдений законы исторического развития значений не были выработаны, что замечал не только Марр. В те времена еще не всем было ясно, что изучение исторических законов языка возможно лишь на основе познания его синхронных (не связанных с фактором развития во времени) закономерностей. Если

⁸ Будущий язык Марр понимал не в смысле языка типа эсперанто, считая такие языки лишь суррогатами будущего языка [М, т. II, с. 323]; отношение его к эсперантистам было, впрочем, снисходительным из-за их оппозиции академической науке. Эсперантисты, вроде упоминавшегося А. П. Андреева, были одно время горячими поклонниками и пропагандистами Марра, однако в начале 30-х годов и они подверглись жестокой проработке со стороны марристов (см. [ПК]).

синхронные фонетика и морфология существовали уже в античности и наука XIX в. могла создать на их базе историческую фонетику и морфологию, то время синхронной семантики тогда еще не пришло, что, конечно, объясняется большей сложностью объекта. Активное развитие семантики началось как в западной, так и в советской науке уже после смерти Марра.

Однако и здесь Марр стремился взять все, что «плохо лежит» [см. Абаев, 1960, с. 93]. Все проблемы, которые наука не могла решить, объявлялись решенными. Сам Марр неоднократно перечислял то, что им «установлено окончательно». В 1931 г. он, например, насчитывал девять таких положений: 1) единственное число появилось позже множественного, 2) в прошлом не было категории лица, а местоимения являлись замтотемами, 3) в прошлом не было спряжения и склонения, 4) законом семантического развития был семантический перенос, 5) звуки не менялись без изменения смысла, 6) род характеризовал не слова, а общественные изменения, 7) французский, английский, немецкий языки глоттогонически древнее латинского, 8) идеологические смены определяют звуковые изменения, 9) немецкий язык в древнейших частях не индоевропейский, а общий со сванским [М, т. III, с. 98—100].

Можно подробно не останавливаться на этих положениях, недоказуемость или абсурдность которых достаточно ясна⁹. Остановимся лишь на законе функционального переноса, который два десятилетия считался одним из двух открытых Марром семантических законов наряду с законом поляризации и пропагандировался как крупное достижение, см., например, [Цукерман, 1941, с. 64—65]. Данный закон заключался в переносе названия некоторого объекта на другой, игравший в обществе на новой ступени развития аналогичную роль. Среди приводимых примеров были и вполне реальные: в истории русского языка *перо птицы*→*стальное перо*, *стрелять стрелами*→*стрелять пулями*. Но ведь такие явления были известны задолго до Марра и рассматривались в дореволюционных курсах введения в языкознание [Поржезинский, 1916, с. 144], иногда они возводились в ранг законов [Минаев, 1883/84, с. 55—57], хотя всем, кроме Марра, была ясна ограниченность сферы их действия. В один ряд с этими примерами Марр ставил собственные, как всегда, фантастические: так, он считал, что раз человечество переходило от собаки к оленю, а затем к лошади в качестве ездовых

⁹ Например, «немецко-сванская общность» появилась так. Предпоследняя поездка Марра за границу в 1931 г. оказалась неудачной: его не пустили дальше Германии. Не попав к экзотическим народам, он был вынужден заняться ранее не увлекавшим его немецким языком. Зная Марра, нетрудно было догадаться, что целью этих занятий был поиск яфетического слоя в немецком языке; из языков Кавказа наиболее похожим был признан сванский; по Марру, немцы совершили революционный скачок к современному языку со сванской стадии [М, т. II, с. 389]. Тогда же Марр предположил, что написание немецких имен с заглавной буквы (позднее явление) есть пережиток тотемного мышления [М, т. II, с. 389].

животных, то в любом языке наименования одного животного переносились на другое¹⁰.

Закон поляризации заключался в расщеплении единого «диффузного» значения на противоположные. Здесь также в одном ряду стояли реальные и давно известные в семантике примеры (типа русского *вонь* — *благовоние*) и чистая фантастика.

В случае этих двух «законов» абсолютизировались и препарировались по крайней мере реальные явления. Другие же «семантические законы» были умозрительными построениями вроде попыток возведения всех слов к племенным названиям, последних к тотемам, а также постоянного стремления возвести все, что можно, к названиям небесных светил и к названиям руки как первоначального орудия речи. Там, где этого не хватало, устанавливались правила «на случай».

Хотя в теории Марр признавал возможность случайных звуковых совпадений, отграничиваемых от закономерных сходств семантическим анализом [М, т. II, с. 16—17], на практике он, как и критикуемые им «индоевропейцы», исходил не из семантики, а из звуковых сходств. Но в компаративистике это корректировалось установлением регулярных соответствий и выявлением фонетических законов, а у Марра, у которого «все звуки переходят во все звуки», критерий звукового сходства не корректировался ничем, кроме иногда идеологических соображений, из-за которых он, например, отвергал связь слов *раб* и *работа* [М, т. II, с. 458]. Исходным было звуковое сходство, а «законы семантики» трактовались произвольно. Например, заметив похожее звучание не связанных исторически немецких слов *Hund* 'собака' и *Hundert* 'сто', Марр построил семантическую цепочку: собака как тотем → название коллектива → все → много → сто [М, т. II, с. 391]. Также объединялись в один ряд *смерды* — *шумеры* — *иберы* — *сумерки* — *смерть* — *змей*, а *смерды* объявлялись иберско-шумерской прослойкой русских [М, т. III, с. 21—22]. Имя *Глеб* оказалось «предшествующим видом достояния слова 'хлеб'» [М, т. V, с. 250]. Здесь Марр следует народной этимологии: из-за созвучия слов святой Глеб считался покровителем хлебных злаков, хотя на деле имя Глеб имеет скандинавское происхождение [Фасмер, 1986, т. I, с. 411].

Сочувственно относился Марр и к поэтической игре созвучиями. В связи с тем, что писатель А. Мариенгоф сближал слова *рука*, *ручей*, *река* и *речь*, Марр заявил, что эти слова плюс *русалка* «имеют основания быть созвучными, формальные основания всегда, а для большинства их, именно для всех, кроме 'речи', есть и реальное идеологическое основание» [М, т. III, с. 307].

¹⁰ Хрестоматийным примером подтверждения идей Марра считались найденные незадолго до его смерти в Пазырыкском кургане (Сибирь) конские уборы в виде оленьих рогов, якобы свидетельствовавшие о переходе хозяйственных функций от оленя к лошади [см. ПИДО, с. 244]. Но если это было и так, то почему такой же перенос должен был происходить и в языке?

Анализа таких примеров хватило бы не на одну книгу. Но и так ясно, какой вклад в семантику внес Марр. Тем не менее он заявлял о себе как о создателе двух лингвистических дисциплин: палеонтологии и семасиологии (науки о значениях) [М., т. II, с. 396]. Конечно, здесь о первооткрывательстве было говорить легче, чем в области фонетики или грамматики. Миф о Марре как основателе семантики держался стойко до 1950 г.

Критика «индоевропеизма» сводилась не только к неизученности тех или иных вопросов. «Новое учение о языке» было особого рода реакцией на наметившийся к концу XIX в. кризис в мировом языкознании. См., например, слова лингвиста, далекого от марризма: «Европейская лингвистика находится ныне в состоянии некоторого внутреннего разброда... Скажу прямо: мы присутствуем при подлинном кризисе лингвистического знания» [Винокур, 1925, с. 9]. В течение всего XIX в. в мировой науке господствовало сравнительно-историческое языкознание, нашедшее законченное выражение в последней трети века у лингвистов так называемой школы младограмматиков (А. Лескин, К. Бругман, Б. Дельбрюк и др.), в основном завершивших решение главной задачи века в языкознании — построение сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков. После этого наметился как кризис материала из-за значительно меньшей изученности других языков, так и кризис метода. В рамках сравнительно-исторического языкознания нельзя было ответить на многие актуальные и серьезные вопросы.

Даже критики Марра вынуждены признать, что в полемике с младограмматизмом он иногда бывал прав [Thomas, 1957, с. 142]. Перечисление недостатков науки XIX в. стало в те годы общим местом. Высказывания марристов (см., например, [Быковский, 1933, с. 5—7]), если отвлечься от политических ярлыков, не так уж отличаются от положений того же Г. О. Винокура, который писал, что звуковые законы не раскрывают культурно-историческое содержание языка, что получается не история языка, а история звуков, что реконструированное нельзя верифицировать, не решается проблема социального в языке и компаративистику нельзя применить для изучения проблем языка послереволюционного общества [Винокур, 1925, с. 11—13]. Бессильна была компаративистика помочь и в вопросах языкового строительства, ставших актуальными в СССР в 20-е годы: она целиком была обращена в область истории. Весь XIX в. изучение современных языков находилось вне академической и университетской науки, став делом практиков (преподавателей, миссионеров, военных и т. д.), а в методологическом отношении осталось на уровне XVII—XVIII вв. Этот недостаток также неоднократно отмечался Марром.

Назревали коренные изменения в лингвистической методологии (как сейчас принято говорить, смена научной парадигмы). Лингвисты, стремившиеся выйти из кризиса, пробовали разные пути. Одни из них критиковали младограмматиков, лишь частич-

но меняя их метод и сохраняя общую направленность в историю. Этих ученых (Г. Шухардта, Г. Асколи) марристы любили называть «диссидентами индоевропеизма» и относились к ним терпимее, чем к другим ученым (к «диссидентам» Марр относил и себя до 1923 г.). У них Марр, особенно на ранних этапах, заимствовал ряд идей: скрещение языков, скептическое отношение к возможности восстановления праязыка, стремление связывать лингвистику с историей материальной культуры. Их влияние Марр никогда не отрицал [М, т. II, с. 3]. Однако эти идеи Марр довел до абсурда.

Плодотворнее оказался путь, намеченный на Западе Ф. де Соссюром, а в России И. А. Бодуэном де Куртенэ, а затем его учениками Л. В. Щербой, Е. Д. Поливановым и другими языковедами. На первый план было поставлено не историческое, а синхронное изучение языка, не сопоставление языков, а выявление языковой структуры. Основатели новых направлений понимали, что синхронная и сравнительно-историческая лингвистика не отрицают друг друга: в 20-е годы такие принципы отстаивал Е. Д. Поливанов.

Но для лингвистов, исходивших из новой парадигмы, типичнее были высказывания такого рода: «Для современного лингвиста ясно, по крайней мере, уже то, что на пути сравнительной грамматики индоевропейских языков делать больше нечего. Иные пытаются выйти из этого кризиса путем перенесения методов сравнительной грамматики в область других, не индоевропейских языков (ср., напр. нынешнее увлечение яфетидологией), но беда в том, что не материал изучения подвержен заболеванию, а самые методы изучения» (Винокур, 1925, с. 9—10).

Сам Марр, однако, не только не принял новые перспективные идеи в лингвистике, но и просто их не заметил. Как указывали Б. В. Горнунг [Пр, т. 2, с. 158—159] и вслед за ним Л. Л. Томас [Thomas, 1957, с. 142], Марр не знал никакой лингвистики, кроме младограмматической. Вероятно, он всерьез считал любого противника «индоевропеистом». «Он искренне стремился разоблачить „антинаучность“ той системы взглядов и совокупности исследовательских приемов, которые еще в ранней юности произвели на него отрицательное впечатление, потому что эти взгляды и приемы исследования не привели (в ту эпоху) к удовлетворительной постановке вопроса об изучении его родного языка» [Пр, т. 2, с. 158].

«Новое учение о языке» было одной из попыток выхода из кризиса лингвистической науки, создания новой научной парадигмы. Однако это была попытка с негодными средствами. Но многим учение Марра казалось привлекательным уже тем, что оно сочетало требование полной новизны и разрыва с традицией и сохранение одного из казавшихся для многих неизблемыми принципов традиционной науки: историзма исследования.

Доверие к Марру усиливалось тем, что ему приписывались и вполне реальные достижения, но только они на самом деле

принадлежали не ему. Мы уже говорили, что «новое учение о языке» включило в себя немало идей и положений науки XIX и от морфологической классификации языков¹¹ до функционального переноса значений (при полной неспособности как то освоить достижения современной Марру лингвистики). Однако и они считались заслугами Марра. Но главным, пожалуй, было приписывание Марру и его сотрудникам ведущей роли в языковом строительстве в СССР.

После Октября на повестку дня в многонациональной стране встал ряд важных практических задач. Необходимо было создавать письменность для бесписьменных народов, новые системы письма на латинской, а затем кириллической основе для народов, имевших арабскую письменность, формировать новые литературные языки народов СССР на разговорной основе. Эти проблемы, по масштабу не имевшие precedентов, были в основном решены в 20—30-е годы и наука о языке здесь сыграла большую роль.

Марристы постарались приписать эти заслуги «новому учению о языке». Л. Г. Башинджагян заявлял: «Сама практика национально-культурного строительства в СССР бросала вызов науке, и на вызов этот советская наука ответила общим учением о языке Н. Я. Марра» [ПИДО, с. 93]. Ему вторил С. Н. Быковский: «Всюду исследования Н. Я. Марра имеют огромное значение, помогая практическому работнику в решении волнующих его вопросов» [Быковский, 1933, с. 69]; он же говорил о «новом учении о языке» как о единственно возможной теоретической базе для языковой политики [Быковский, 1933, с. 67]. И. К. Кусикьян утверждал: «Вся теоретическая работа Н. Я. Марра направлена в одну точку: она хочет дать новую базу для практики» [Кусикьян, 1933, с. 12]. Б. М. Гранде в некрологе Марру без обиняков называл его руководителем Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита [ПИДО, с. 215]. Легенды о роли Марра в языковом строительстве были столь живучи, что даже в период борьбы с марризмом В. М. Жирмунский признавал какие-то неназванные заслуги Марра в этой области [Пр. т. 2, с. 207]. Как бы подтверждающим это фактом были многочисленные поездки Марра по республикам СССР для изучения тех или иных языков: к возобновившимся по окончании гражданской войны регулярным кавказским экспедициям вскоре добавились поездки в Поволжье и на европейский Север.

Однако все это только внешняя сторона проблемы. Прав был Г. Д. Санжеев, писавший: «Пора кончить с легендой, что Марр якобы особенное внимание уделял бесписьменным языкам наших народов. Марра эти языки интересовали лишь в той мере, в которой удавалось ему „разыскивать“ свои пресловутые

¹¹ См., например, определение у Марра основных черт строя китайского языка: «аморфность», «синтетичность» (роль порядка элементов) и «моносиллабизм» [М, т. IV, с. 110]. Здесь все соответствовало традиции.

четыре элемента, а связь лингвистических исследований с современными проблемами его совершенно не интересовала» [ВВШ, с. 61—62]. Все экспедиции Марра строились по одной схеме и давали лишь два результата: вербовку сторонников и выявление яфетических основ данного языка, типичный пример — уже упоминавшееся изучение чувашского языка. В работе Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита (ВЦКНА) Марр непосредственно не участвовал, а роль его сторонников (Б. М. Гранде, И. Д. Дмитриев-Кельда и др.) сводилась к пропаганде марристских идей и навешиванию ярлыков на конкурентов.

Единственным практическим мероприятием марристов в деле языкового строительства было внедрение так называемого абхазского аналитического алфавита. Сам алфавит был разработан Марром еще до революции вне связи с практическими задачами, но 30 июня 1924 г. из уважения к заслугам Марра он был принят комиссией во главе с наркомом просвещения Абхазии в качестве абхазского алфавита [М, т. II, с. 327]. Сам Марр придавал ему исключительное значение: «Яфетическая теория, новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них — особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое — анализ по четырем лингвистическим элементам» [М, т. II, с. 256]. Он был твердо уверен, что усвоившие его «не могут не почувствовать допотопности и чудовищности всякого иного алфавита» [М, т. II, с. 339]. Для Марра абхазский аналитический алфавит был особенно важен как прообраз будущего единого всемирного алфавита — первого шага к мировому языку [М, т. IV, с. 82—83].

Однако язык интересовал Марра в «мировом масштабе», а абхазский язык был лишь материалом для разработки универсальной транскрипции, удобным из-за большого количества звуков. Марр не видел разницы между «исследовательской графикой», как он сам называл свой алфавит, и практическим письмом. Поэтому судьба изобретения Марра не могла не быть печальной. Как писал один из участников языкового строительства, «алфавит, предложенный акад. Марром, испытывался в течение трех лет и в результате от него пришлось отказаться, ибо усвоить и удержать в памяти 62 знака, к тому же чрезвычайно трудно изображимых, не могли бы не только учащиеся, но, пожалуй, и сами учащие» [КИПВ, № 3, с. 63]. В конце 1926 г. абхазская письменность была изменена. Марр отстаивал свой алфавит и много позднее [М, т. V, с. 530], заявляя, что не видит против него ни одного теоретически состоятельного возражения [М, т. IV, с. 54] (обычный ответ Марра критикам). Марристы продолжали пропаганду аналитического алфавита до середины 30-х годов [Гранде, 1936], но практических результатов все это не имело.

Аналогичная попытка была предпринята Марром еще в од-

ной практической сфере. В бытность директором Публичной библиотеки он разработал единую транскрипцию для Восточного ее отделения, считал эту транскрипцию первым шагом для перехода библиотечных каталогов на единый алфавит для всех языков. Она применялась до 1937 г., затем из-за практических неудобств была отменена [Голубева, 1986, с. 115].

Другие вопросы языковой практики затрагиваются в работах Марра крайне скупое, если не считать многочисленных общих ультрареволюционных фраз. Более конкретные замечания по довольно редкие, показывают полное незнание им реальности и стремление исходить из априорных положений. Так, он считал, что нельзя создавать литературный язык на основе какого-либо диалекта как основного, поскольку это ведет к неравноправию носителей диалектов; нужно разрабатывать языковую норму на базе равного внимания ко всем диалектам и говорам [М, т. V, с. 466]. Попытки реализовать эту идею внесли немало путаницы в языковое строительство.

Заслуги в решении практических языковых задач принадлежали не Марру, а совсем другим людям. Организационную работу по созданию и внедрению новых письменностей вел большой коллектив ВЦКНА во главе с видным азербайджанским революционером С. А. Агамали оглы. В научном же плане душой дела была группа талантливых лингвистов, среди которых надо особо выделить два имени.

Первый из них — Евгений Дмитриевич Поливанов, «великий ученый, крупный общественный деятель, человек обширного и быстрого ума», как характеризовал его В. А. Каверин [цит. по: Ларцев, 1988, 15]. Нет необходимости давать здесь подробную оценку этому, бесспорно, самому крупному советскому лингвисту того времени, поскольку о Поливанове опубликовано уже немало содержательных работ [Иванов 1957; Леонтьев, Ройзензон, Хаютин 1968; Леонтьев 1983; Ларцев 1988]. Отметим здесь активную роль Поливанова в создании новых письменностей на латинской основе, его работу в составе Научного совета ВЦКНА, деятельность по латинизации в Узбекистане; перу Поливанова принадлежит более двадцати работ по теории и практике латинизации; подробнее см. [Ларцев, 1988, с. 57—60].

Вторым был Николай Феофанович Яковлев. Его имя известно меньше, чем имя Поливанова (как увидим дальше, отчасти по его собственной вине). Однако в 20-е годы в советской науке о языке он был, пожалуй, самой крупной фигурой после Поливанова, в деле же создания новых алфавитов он, несомненно, сыграл наибольшую роль, так как Поливанов был насильственно отстранен от этой работы в самом ее разгаре. Выпускник Московского университета, ученик В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова, товарищ Н. Трубецкого и Р. Якобсона, он, как и Поливанов, участвовал в Октябрьской революции и с самого начала принял новый строй. Как и Поливанов, он совмещал в себе лингвиста-теоретика и исследователя конкретных языков;

основным регионом его исследований был Северный Кавказ, где он с 1920 г. осуществил ряд экспедиций, давших существенные результаты не в пример экспедициям Марра. Главной областью его интересов была фонология, представлявшая собой передний край мировой науки того времени; в то же время этот раздел языкознания создавал теоретическую базу для разработки алфавитов. Поэтому именно Яковлев стал главным теоретиком латинизации. Его знаменитая статья [Яковлев 1928; перепечатана в: Реформатский, 1970а] была шагом вперед в фонологической теории (от нее ведет начало знаменитая Московская фонологическая школа) и одновременно работой, имевшей непосредственно практическое значение: недаром она была опубликована в издании ВЦКНА.

В 20-е и начале 30-х годов Яковлев был ученым секретарем ВЦКНА и председателем его Технографической комиссии, председателем Комитета по изучению языков и народов Северного Кавказа, а после его преобразования в НИИ народов Советского Востока — заместителем директора (директором номинально был Марр). Он выступал обычно с основными докладами на съездах и конференциях, посвященных новым алфавитам. (О биографии Яковлева и его деятельности по созданию письменностей см. [Концевич, 1967; Панов, 1974; Климов, Панов, Реформатский, 1975].) В отличие от Поливанова с самого начала своей деятельности Яковлев был восприимчив к идеям Марра, что позднее отрицательно сказалось на его работах; еще в 1922 и 1924 гг. Н. Трубецкой пытался, по его выражению, «оттащить Яковлева от Марра» [Trubetskoy, 1975, с. 40, 75]. Однако в области фонологии и составления алфавитов Яковлев был независим от Марра и принципиален.

Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев и их соратники А. М. Сухогин, Л. И. Жирков, Д. В. Бубрих и другие отстаивали научные принципы создания письменностей, основанные на передовых фонологических теориях. Им пришлось бороться с марристами, прославлявшими аналитический алфавит и навешивавшими на своих оппонентов разные политические ярлыки. С развернутой критикой марризма в языковом строительстве выступил Н. Ф. Яковлев, убедительно показав недостатки аналитического алфавита и утопичность идеи «ставить проблему алфавита сразу в мировом масштабе» [Яковлев, 1931]. Практическая непригодность аналитического алфавита и преобладание в ВЦКНА серьезных ученых обеспечили победу научного подхода в данном вопросе. Даже после установления монополии «нового учения о языке» и захвата ВЦКНА марристами Яковлеву и его сторонникам удалось довести свою деятельность до конца [см. Панов, 1974, с. 229—231].

Тем не менее руководство языковым строительством было в начале 30-х годов приписано без всяких оснований Марру. Мнимая причастность мифотворца к настоящим и неопровержимым успехам укрепляла миф.

Еще одна обычная черта научного мифа — использование авторитета неспециалистов. Мы уже отмечали, что такой авторитет у Марра был высок и до появления «нового учения о языке». С середины 20-х годов круг поклонников Марра значительно вырос. Среди распространителей и популяризаторов мифа мы видим многих людей, среди которых немало достойных в своей области, но далеких от лингвистики. Это деятели Коммунистической партии и Советского государства А. В. Луначарский и М. Н. Покровский, поэт В. Я. Брюсов, видные ученые-негуманитарии А. П. Карпинский (тогда президент Академии наук), А. Ф. Иоффе, давно знавшие Марра академики-востоковеды С. Ф. Ольденбург (тогда главный ученый секретарь Академии наук), В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский и многие другие. Им в той или иной степени импонировала незаурядная личность Марра, казались интересными широта его знаний, глобальность и внешняя революционность его идей. Псевдонаучная же суть «нового учения о языке» ими не могла быть обнаружена. Те из этих ученых, кто знал Марра лучше, могли дать ему более объективную оценку (см. приведенный выше отзыв В. М. Алексеева), люди более далекие от него создавали явно легендарный облик. Так, знаменитый физик А. Ф. Иоффе писал: «Общезвестен факт, когда в течение одного дня Николай Яковлевич сумел изучить раньше неизвестный ему язык в таком совершенстве, что к вечеру он уже мог разговаривать на нем с представителями местного населения» [ПИДО, с. 210]. Реальная способность Марра — склонность к полиглотизму — приобретает в сознании неспециалиста мифический «мировой масштаб»¹².

Наряду с этими людьми, лишь эпизодически писавшими о Марре, его авторитет весьма активно поднимала группа ученых, принадлежавших к смежным с лингвистикой наукам. В их число входили философ академик А. М. Деборин, историк древнего мира С. И. Ковалев, литературовед М. С. Альтман, археолог Б. Л. Богаевский. Не будучи компетентны в языкознании, они принимали на веру основные положения «нового учения», казавшегося им продуктивным для решения их собственных проблем.

Одним из следствий теории Марра, подкупающим «специалистов-смежников», казалась возможность дать путеводную нить для проникновения в глубины доистории, о которых не сохранилось прямых свидетельств. Внешнее наукообразие сочинений Марра, большое число примеров впечатляли нелингвистов и создавали иллюзию того, что один компонент человеческой доистории — язык — уже поддался научным методам изучения, а это может дать ключ и для решения остальных проблем. Марр в чем-то использовал традиционный авторитет сравни-

¹² Удивительно, что эту легенду, видимо, из-за авторитетности имени А. Ф. Иоффе, воспроизводит и автор недавней книги о Марре [Голубева, 1986, с. 9].

тельно-исторического языкознания, позволявшего до некоторой степени реконструировать реалии дописьменной истории. Однако палеонтология Марра обещала докапываться до таких глубин, на которые не могла даже претендовать компаративистика его времени.

Каждому специалисту в иной области идеи Марра были интересны по-своему. Философы типа А. М. Деборина искали у него ответы на вопросы о происхождении мышления, происхождения религии и пр., для решения которых наука имеет слишком мало материала [Деборин, 1935, с. 22—24, 26, 35, 37, 58 и сл.]. С. И. Ковалев, чей доклад в Яфетическом институте Марр даже включил в свой бакинский курс, считал, что марризм позволяет проникнуть в историю доклассового общества значительно глубже, чем это смог сделать даже Ф. Энгельс [М, т. II, с. 118]. Б. Л. Богаевский, прочитав Марра, «увидел пути изучения этрусской культуры, минойской культуры, когда на почве Греции заговорили по-гречески, на почве Италии по-италийски» и «не будучи лингвистом, использовал работу Н[иколая] Я[ковлевича] как неизбежную» [ПИДО, с. 165]. М. С. Альтман пришел к марризму через изучение проблемы происхождения мифологии, а обнаружив при этом «явные преимущества» идей Марра, счел его правым и в лингвистике [ПИДО, с. 180]; примерно такой же путь проделала О. М. Фрейденберг [Фрейденберг, 1988, с. 188]. «В сумерках доистории легче утверждать о вещах, которым вряд ли кто поверит при дневном свете истории» [Чикобава, 1950б], а поскольку наука не имела фонаря для освещения этих сумерек, казалось, что Марр многое «осветил ярким светом» и «расширил наш общий научный горизонт» [Деборин, 1935, с. 21].

Наряду с этими учеными, занимавшимися мифотворчеством параллельно со своей научной деятельностью, к концу 20-х годов сформировался круг профессиональных мифотворцев, составлявших непосредственное окружение Марра. Не будучи лингвистами ни по образованию, ни по интересам, они усвоили лишь «новое учение о языке», главным образом его идеологические формулировки. Их деятельность заключалась в безудержном восхвалении Марра и постоянном шельмовании не только противников Марра, но любых ученых, работавших независимо от него. Они были составителями цитатников, авторами первых его жизнеописаний и хранителями его покоя, освобождавшими Марра от необходимости снисходить до своих противников.

Наиболее активными были юрист Л. Г. Башинджагян, преподаватель истории (попавший к Марру прямо из Вятского педагогического техникума) С. Н. Быковский и особо выделявшийся рвением В. Б. Аптекарь. Врач по образованию, издательский работник по профессии (заведующий редотделом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук), он сам говорил, что он «такой же лингвист, как матрос 2-й статьи» [Реформатский, 1970б, с. 22]. Основным его

занятием была борьба с «идеологическими врагами и вредителями», которых он постоянно видел даже среди своих сотрудников по издательству, за излишнее старание в этой области он получил выговор при чистке партии (сообщено Ф. Д. Ашниным). В конце 20-х — начале 30-х годов Аптекарь считал себя московским представителем Марра и играл ведущую роль в дискуссиях тех лет. Как писала позднее О. М. Фрейденберг: «такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний („методологии“) не нужны самые знания» [ДН, 1988, № 7, с. 224].

Субъективно честнее, но еще невежественнее были ученики Марра из так называемых выдвиженцев. В многочисленных поездках по союзным и автономным республикам Марр вербовал сторонников, обычно из представителей коренных национальностей. Как заметил Б. В. Горнунг [Пр, т. 2, с. 166], вполне осознанно шла подготовка верных Марру кадров там, где не было научных школ и традиций. Марр писал: «Яфетидологические работы находят широкое гостеприимство, печатаются с любовью в Дагестане, Абхазии, Чебоксарах у чувашей, в молодом Азербайджанском университете..., в свежей среде намечающихся к самостоятельной научной организации молодых, пока разрозненных сил и во Владикавказе, в Осетии и в Усть-Сысольске, у коми и т. п., а инодевропейская лингвистика, точно кот Васька, спокойно кушает и ест в центрах, Ленинграде, даже в молодой и научно молодящейся столице — Москве, да местами и на периферии Союза, везде, везде, где сильна старая мощная закваска, у армян в Эривани, в Тифлисе у грузин» [М, т. I, с. 250].

Многие из представителей национальных кадров становились непосредственными учениками Марра: первые аспиранты Яфетического института, чуваша Ф. Т. Тимофеев (Тимуха), Т. М. Матвеев и Н. Я. Золотов, вывезенные Марром из Удмуртии И. Д. Дмитриев-Кельда и К. М. Баушев, а также аспирантка Института народов Востока в Москве Ф. А. Девлеткильдеева, относительно которой П. С. Кузнецов писал в своих воспоминаниях: «Когда я сказал как-то А. М. Селищеву, что она аспирантка, он постучал себе по лбу, а затем по столу и воскликнул: „Это же вот! Мы с ней в Казани 5 лет бились!“» [Кузнецов, с. 376]. Марр окружал себя «сонмом „учеников“, многие из которых почти ничего, кроме „яфетической теории“ не знали» [Пр, т. 2, с. 167].

Эффект некомпетентности возникал и среди лингвистов. Об этом точно сказал Е. Д. Поливанов: «Работающие по многим языкам лингвисты сравнительно очень редки... Славист, который читает Марра..., скажет, что совершенно ясно — человек

просто не знал ничего по истории славянских языков, а вот что касается шумерского или китайского, то там, может быть, Марр и прав. У нас имеется талантливый шумерист... который утверждает, что в шумерской области то, что говорит Марр, это сплошной ужас, что все факты объяснены неверно, и что слова, которые называются шумерскими, не существуют в шумерском языке, их нет и не бывало. Ну а вот насчет славянских — неизвестно, может быть, это и верно» [Поливанов, 1991, с. 533]. Это усиливалось тем, что Марр не так много занимался хорошо известными языками. В то же время любая статья Марра по каждому поводу и без повода пестрит невероятным количеством примеров из малоизвестных и вовсе неизвестных языков, особенно тех, которые включались в число яфетических. Это создавало эффект фактической фундированности и заставляло лингвиста, далекого от знания яфетических языков (а таких ученых было большинство), принимать на веру утверждения Марра.

Постоянное психологическое воздействие на читателя оказывали и многократные высказывания Марра, что для окончания споров, якобы разрешенных яфетидологией, надо иметь готовность выучить хотя бы грузинский и армянский языки [М, т. I, с. 155—156], что незнание яфетической теории и яфетических языков — одно и то же¹³ [М, т. II, с. 181] и пр. В результате Марр по поводу самых абсурдных своих утверждений мог заявлять: «Но что вы можете сказать — вель это же факты» [ПИДО, с. 179].

Между тем, по-видимому, прав Ю. Д. Дешериев, писавший, что Марр был компетентен лишь в картвельских и абхазском языке [Пр, т. 2, с. 310], к ним следует добавить армянский¹⁴. Высказывания же Марра о прочих языках не свидетельствовали о его серьезных познаниях, однако проверить массу примеров из неизвестных языков всегда трудно и в подобных случаях обычно, и это нормально, исходят из презумпции компетентности автора¹⁵.

Лучше всего оценить достоверность работ Марра могли кавказоведы. И показательно, что из них следовали «новому учению о языке» лишь немногие, относившиеся к непосредственному окружению Марра: И. В. Мегрелидзе, А. А. Глonti, П. К. Кусикьян. Ученики же Марра более раннего времени и их

¹³ Марр заставлял в обязательном порядке всех своих учеников и последователей независимо от области их интересов учить грузинский язык, конечно, препарируемый в духе «нового учения о языке» [Фрейденберг, 1988, с. 187; Филин, 1988, с. 74].

¹⁴ Речь, конечно, не идет о практическом знании, где Марру приписывали владение 40 языками [ПИДО, с. 201] и даже 60—70 [Филин, 1988, с. 73], обе цифры явно завышены. Но, скажем, по-французски и по-немецки Марр говорил и писал, однако его работы показывают элементарное незнание истории этих языков [Пр, т. I, с. 367—403].

¹⁵ Даже в недавние годы один из бывших марристов писал, что критиковать Марра можно лишь с уровнем его эрудиции [Гельгардт, 1966, с. 394]. Однако сама эрудированность Марра вызывает сомнения.

последователи прочно отошли от него еще в первые послереволюционные годы, и вся его последующая деятельность не находила значительного отклика в Грузии и Армении. Именно эти республики, хотя Марра там и очень уважали, стали в 30—40-е годы цитаделью антимарризма: зная факты, было трудно поддаться миражу.

Поднятию репутации Марра парадоксальным образом способствовал и переход многих лингвистов к синхронному изучению языка. Многие ученые, в том числе истинные новаторы вроде Н. Ф. Яковлева, шли поначалу искренне, а позднее во многом и из чувства самосохранения на компромисс с марризмом, который один из марристов не без злорадства характеризовал так: «Незадачливые исследователи торопятся великодушно предоставить яфетидологии и ее методу все, что относится к „до-истории языка“ по принципу: „Тебе, Мишенька, корешки, а мне вершки“, как в известной сказке при дележе урожая пшеницы. Методу Марра — до-историю, а формальному методу — современный язык» [Боровков, 1936, с. 107].

Наконец, были области, где вообще никто не мог считать себя специалистом, вроде той же проблемы происхождения языка. Марр же утверждал, что все его результаты якобы подтверждены множеством примеров, безапелляционно и вне всякой связи с логикой научного исследования заявляя: «В основе яфетического учения об языке лежит не „теория“, а массовый языковой материал вне всяких общепринятых теоретических построений. Имею смелость утверждать, что я излагаю лишь то, что диктуют и диктовали эти разнообразные массовые языковые материалы» [М, т. I, с. 198].

Итак, Марр делал все, чтобы его высказывания принимались на веру как можно более широким кругом людей. Однако Марру верили не только из-за обаяния его личности или из-за чисто научного недовольства лингвистической традицией. Важнейшую роль играла созвучность идей Марра эпохе.

Шли 20-е годы, время великих свершений и еще более великих надежд. Первые успехи на пути построения нового общества порождали ощущение возможности и близости всего, казавшегося прежде невероятным. Ждали и готовились к мировой революции, построение коммунизма представлялось задачей близкого будущего. Тогда и еще больше в 30-е годы «казалось, что от архитектуры эпохи социализма до греческого Парфенона один только шаг, что еще немного — и ренессансный идеал всесторонне и гармонически развитой личности воплотится в действительности, что веками создававшаяся пропасть между вершинами мирового искусства и массовым художественным сознанием уже почти преодолена. Реальное развитие общественной жизни и художественной культуры давало для таких представлений определенную почву. Но в них вместе с тем была известная доля утопизма» [Ванслов, 1968, с. 11]. «Победоносная революция рождает у многих ее участников — особенно, если

они, как было... в России, принадлежат к непролетарским слоям — состояние эйфории, ощущение едва ли не полной освобожденности от власти прошлого и неограниченной свободы социального творчества, завышенную оценку как собственных сил, так и пластичности социальной реальности» [Баталов, 1988, с. 84]. «Нереалистические цели задают масштаб, в котором любые реальные достижения покажутся ничтожными» [Кон, 1988, с. 73]. Гиперболизм и космизм свойственны всей культуре того времени, достаточно вспомнить поэзию В. Маяковского или В. Хлебникова. В этой обстановке первых лет после революции появление «нового учения о языке» было естественным и соответствовало социально-культурным ожиданиям, пусть даже многие его элементы существовали и раньше.

Конечно, нельзя принимать всерьез бесконечные заявления позднего Марра и его сподвижников, называвших его творцом «новой науки, заказанной пролетариатом» [Деборин, 1935, с. 73]. Но справедливы слова о том, что «понять Н. Я. Марра периода „нового учения о языке“ можно только в контексте революционной эпохи» [Абаев, 1960, с. 99] и что «проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений... отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи» [Абаев, 1960, с. 96].

Как мы помним, Марр до революции не отличался революционностью и даже левизной взглядов. И позже, вплоть до середины 20-х годов, его отношение к новой власти не более чем лояльно и несопоставимо с позицией Е. Д. Поливанова, занимавшегося в 1917 г. расшифровкой и публикацией дипломатических документов царского правительства, или Н. Ф. Яковлева, участвовавшего в революции с оружием в руках. Даже построение «нового учения о языке» не связано пока с псевдомарксистской фразеологией или политическими штампами, которые появились в работах Марра позднее. Однако соответствие духу времени было заложено в нем с самого начала. Затем постепенно начался двусторонний процесс: Марр с помощью своих учеников и последователей включал в «новое учение» те или иные элементы марксизма и в то же время занимался его распространением, стремясь сделать составной частью господствующей в обществе идеологии.

Многие компоненты «нового учения о языке» легко подстраивались к веяниям эпохи. Так, еще в 1922 г. Марр говорил о неизбежности будущего всемирного языка, не упоминая о коммунистическом обществе [М, т. V, с. 44]. Но в 1926 г. этот пункт мифа, не меняясь сам по себе, обрастает газетной фразеологией того времени: «Поскольку жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, то этот важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства нас вынуждает отвлечься от куцых перспектив настоящего... и говорить не о многочисленных международных языках... всегда

классово-культурных и всегда неминуемо империалистических, а об едином искусственном общечеловеческом языке и говорить о нем не утопически и не кустарно-самодельнически во вкусе и в поддержание европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе, с охватом языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех и языков и стран» [М, т. II, с. 24].

В таком масштабе действительно представлялись ничтожными реальные достижения вроде создания узбекской или табасаранской письменности. Но в обстановке, когда близким казалось осуществление всех вековечных мечтаний человечества и когда многие всерьез надеялись успеть поговорить с рабочими всего мира на едином языке, подобные высказывания были обречены на успех.

Другой чертой «нового учения о языке», созвучной времени, была резкая враждебность Марра лингвистической науке Запада и дореволюционной России. Мы видели, что эта враждебность имела давние корни и проявлялась еще до окончательного отхода Марра от принципов научного исследования. Но с годами она усиливалась, и к научным обвинениям все более примешивались политические. Марр много трудился над созданием «образа врага», который всегда составляет важный компонент мифа.

Марр упорно приписывал «индоевропейцам» помимо реальных недостатков давно преодоленные ими погрешности, а также идеи и высказывания лиц, далеких от науки, и просто вымышленные утверждения. Последователи Марра, особенно нелингвисты, активно продолжали такую деятельность.

Освоив некоторую научную ситуацию, Марр не старался следить за ее дальнейшим развитием. В первой области своих излудий, арменистике, Марр на всю жизнь сохранил верное для времен его ранней молодости представление о том, что компаративисты не изучают неиндоевропейские элементы в этом языке. Изучение неиндоевропейского субстрата в армянском языке активно вели при его жизни А. Мейе, Р. А. Ачарян и другие, но Марр этого не хотел замечать [Thomas, 1957, с. 18—20].

Устарело еще при Марре и утверждение о том, что будто бы западная наука не изучает «живые» и особенно бесписьменные языки. Как переход к синхронной лингвистике, так и практические нужды привели к активному изучению многих таких языков с начала XX в. [Поливанов, 1931а, с. 19—20]. Марр даже знал об этом и упоминал имена Ф. Боаса и других исследователей живых языков [М, т. II, с. 3]. Но тут же утверждал: неизученность бесписьменных языков — «неизбежное последствие классового подбора исследовательского материала, с целевой установкой изучить прежде всего классовый, свой феодальный, свой буржуазный или свой мелкобуржуазный... так наз. национальный язык» [М, т. II, с. 355]. Давно была отброшена мировым языкознанием и идея начала XIX в. о «примитивности» не-

флективных языков, которая также приписывалась всему «индоевропеизму» [Андреев, 1929а, с. 25]; скорее наследником этой идеи можно считать самого Марра.

Не меньше примеров, когда всему научному языкознанию приписывались высказывания, хотя и существовавшие, но не имевшие отношения к науке. Пожалуй, главный тезис такого рода — обвинение «индоевропейцев» в расизме. Марр многократно клеймит теорию «о расовой классификации народов, которую индоевропейцы излагали в качестве достижения общего языкознания» [М, т. III, с. 1]. Объявлялось, что «обыкновенно языки вызываются с отдельными расами» [Мещанинов, 1930, с. 10]. Отсюда один шаг до возложения на сравнительно-историческое языкознание всей вины за ненаучные идеи о высших и низших расах, а позднее — за расовые теории нацизма. Так, в одном из некрологов Марру заявлялось: «С каким пламенем негодования отзывался Николай Яковлевич о политических установках индоевропеизма, как теоретической базы расовых „теорий“ фашизма» [ПИДО, с. 205]. Однако расизм и фашизм фальсифицировали и извращали многие достижения мировой науки. Само же сравнительно-историческое языкознание никогда не отождествляло язык и расу¹⁶. Это видно уже из самого состава индоевропейской семьи, куда включаются на равных основаниях языки белокурых исландцев и почти негроидных сингалов на Шри-Ланке.

Марру нетрудно было самому поверить в эти обвинения, поскольку в начале своей деятельности он, судя по всему, тоже отождествлял языковую семью с расой [Ир, т. 2, с. 162—163]; в 1908 г. он писал об «арийской расе» и о «первичной расовой психологии „яфетидов“» [М, т. I, с. 36—37]. Последователям Марра было сложнее обвинять в «расизме» мировую языковедческую науку, поскольку были известны антирасистские высказывания многих ученых. Чтобы разоблачить «расизм» в работах А. Мейе и других западных лингвистов «в более невинном на первый взгляд (и потому более опасном) обличии» [Миханкова, 1949, с. 429], приходилось идти на логические выверты типа, что эти ученые лишь словесно отрицают связь с расизмом, «но эти словесные признания нисколько не мешают буржуазным лингвистам на деле, фактически, применять в своих исследованиях и построениях принципы самой доподлинной расовой теории». Они якобы считают «отдельными расами славян, англичан, германцев и т. д. ... Для расовой теории характерно признание тех или иных физических и психических признаков неизменной сущностью того или иного народа» [Быковский, 1933, с. 7]. Как всегда у марристов, никаких ссылок на своих оппонентов (интересно было бы знать, например, говорил ли

¹⁶ Впрочем, нелингвисты и в наши дни могут употребить ошибочные выражения типа «индоевропейская раса»: «Население Крита... не принадлежало к индоевропейской расе» [Стратановский, 1981, с. 439]. Это явно не концепция, а лишь терминологическая неряшливость.

кто-нибудь когда-нибудь об «английской семье языков»); ничем не доказанное утверждение о расовой основе компаративизма тут же подменяется другим — о «физических и психических признаках» (подобные рассуждения см. [ПИДО, с. 97; Миханкова, 1949, с. 430]).

Вместо научных работ цитировались «сочинения» вроде фантастического романа некоего Цшетке, в котором, если верить П. Г. Иванову, описывалась Атлантида, населенная первобытными арийцами (германцами), в которой были развиты индустрия, авиация (!), флот, и утверждалось, что будто бы все языки мира (!) произошли от праязыка этих арийцев [Иванов, 1936 с. 10]. Даже если этот нацистский по идеям роман и существовал, то ученые-компаративисты несли за него ответственность не больше, чем Альберт Эйнштейн за фантастические рассказы о путешествии во времени. К тому же идея о происхождении всех языков от арийского праязыка никак не сочетается с идеей о том, что носители неиндоевропейских языков относятся к низшим расам, в чем тут же обвиняет всю мировую лингвистику П. Г. Иванов.

Если термины вроде «индоевропейская раса» хотя бы существовали, то нередко шла борьба с «бумажными тиграми» в чистом виде, когда противникам приписывались заведомо абсурдные положения. Такая борьба облегчалась тем, что никаких ссылок на компаративистские работы марристы не делали и цитат из них не приводили. Поэтому можно было заявлять, например, что вообще для буржуазной лингвистики «существенно признание, что структурное различие языков, различия в грамматическом строе, какими, например, являются агглютинация, флективный строй и пр., представляют собою не продукт исторического развития, а определенное свойство того или иного народа или той или иной группы народов» [Быковский, 1933, с. 12].

Но идея о неизменности грамматического строя языков той или иной расы столь абсурдна, что никто из лингвистов ее просто не мог высказывать: слишком хорошо известны различия в строе, например, между латинским и французским языками или древнеанглийским и современным английским (только невежество Марра в истории этих языков могло позволить считать строй современного английского или французского исконным, доставшимся от мифических яфетидов). Отрицание корреляций между генетической и типологической классификациями было общим местом в языкознании того времени, как раз существование таких корреляций надо было доказывать [Поливанов, 1968, с. 152].

Однако пелингвиста С. Н. Быковского это не смущало, как не смущало в подобных случаях и Марра. Так, «индоевропейцам» даже вменялись в вину никогда не существовавшие споры о том, имели ли колониальные народы праязыки «или это исключительная привилегия (так в тексте! — В. А.) благород-

ных, высококультурных культуотрегеро-европейцев» [Андреев 1929б, с. 17] (напомним, что большая часть коренного населения Индии, Пакистана и Шри-Ланки, бывших в то время английской колонией, говорит на индоевропейских языках).

Противникам Марра по самым разным поводам приписывались не просто абсурдные, но при этом и политически одиозные высказывания. Так, общепринятое в мировой науке выделение финно-угорской семьи языков Марр трактовал как признание удмуртского языка и других финно-угорских языков СССР финскими диалектами [Кусикьян, 1935, с. 2]. А. Мейе обвинялся в том, что он якобы считал украинский язык диалектом русского и тем самым отрицал равноправие языков народов СССР [Аптекарь, 1934, с. 143]. Ф. де Соссюр, автор «священного писания для современных эпигонов компаративизма» [Аптекарь, 1934, с. 61], был почему-то назван участником «погромного похода на культуру» [Аптекарь, 1934, с. 143]. Даже И. А. Бодуэн де Куртенэ, которого Марр относил к «предельно свободомыслящим лингвистам» в рамках «классовой ограниченности» был обвинен им в «бессознательной клевете на русский язык» [М, т. II, с. 387—388], правда на этот раз в связи с утверждением действительно высказанным Бодуэном де Куртенэ, что слова *буква* и *бука* по происхождению разные. Столь же рьяно и бездоказательно громились и живые противники Марра в советской науке, но об этом мы будем говорить в следующей главе.

Среди западных лингвистов Марр был снисходительнее к непрофессионалам, таким, как миссионер Дж. Бечелор, исследовавший айнский язык, в доморощенных рассуждениях которого Марр нашел сходство с «новым учением о языке» [Язык, 1936, с. 43—44]; положительные высказывания о миссионерах см. также [М, т. III, с. 95]. Марр был убежден, что и в XX в. только они и военные изучали «живые» языки [М, т. I, с. 286].

К академическим же кругам Марр был непримирим, чередуя научные обвинения с политическими. Еще в 1924 г. он писал: Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропейцы, между тем сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отжигающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой» [М, т. III, с. 1]. Вторая часть этого высказывания в дальнейшем входила во все цитатники Марра (первая часть при этом обычно отсекалась). Столь же часто приводилось и другое заявление Марра (высказанное в адрес тех, кто общность некоторых персидских и грузинских слов объяснял не яфетической основой, а заимствованием из персидского в грузинский): «Это политика, но скверная политика... это наука, но нечистая наука» [М, т. I, с. 286]. Чем дальше, тем больше погруженные в отвлеченную науку лингвисты сравнивались то с Чемберленом, то с Пуанкаре, то с немецкими фа-

нистами¹⁷. Из всего делался вывод о том, что буржуазная наука «обречена на безысходный кризис и уничтожение... В настоящее время ничто уже не может вывести его (буржуазное языкознание. — В. А.) из длительной и мучительной агонии. Оно должно умереть вместе с породившей его буржуазной общественностью, очистив дорогу марксистско-ленинскому учению о языке, которое строится в нашей стране» [Аптекарь, 1934, с. 56—57].

Сторонники Марра неоднократно заявляли, что языкознание как науки до Марра не существовало. Сам Марр писал: «Есть лингвисты, но науки об языке доселе не было» [М, т. II, с. 412]. Причину он видел в том, что за создание общей науки брались индоевропейцы, не знающие яфетических языков [М, т. I, с. 201]. Вслед за Марром Л. Г. Башинджагян утверждал: «Общего языкознания как самостоятельной дисциплины, со своим кругом проблем, своими задачами и интересами, в буржуазной науке нет» [ПИДО, с. 90]. Так одним махом расправлялись со всей наукой более чем за столетие: Л. Г. Башинджагян перечисляет более десятка имен крупнейших лингвистов-теоретиков и каждому отказывает в научности.

Вопреки фактам Марр утверждал, что на Западе растет интерес к яфетидологии и рекламировал любые попытки ею заниматься [М, т. V, с. 397]. В 1928 г. Марр заявил: «От разлагающих старое учение семян яфетической теории нельзя спастись ни в какой стране, ни в какой научной эмиграции, ни внешней, ни внутренней» [М, т. II, с. 414]. Это звучало зловеще. Претензии Марра на монополию в науке, всегда ему присущие (вспомним, как за тридцать с лишним лет до этого он выжил из арменистики конкурента А. И. Томсона), таким образом достигли «мирового масштаба».

Создание «образа врага» тоже было чертой времени. Безусловно, победа революции способствовала, особенно в общественных науках, отказу от устаревших традиций и концепций. звала на поиски новых идей. Но все это нередко переходило разумные рамки и превращалось в нигилизм по отношению к культуре и науке прошлого. Достаточно вспомнить Пролеткульт. В «новом учении о языке» этот нигилизм нашел свое крайнее воплощение.

Безусловно, очень способствовал популярности Марра в нашей стране, вопреки своему желанию, член британского парламента Аллен, назвавший в 1929 г. в «Таймс» теорию Марра «научным рупором большевизма». Об этом с гордостью писал сам Марр [М, т. IV, с. 212—213] и многократно повторяли марристы (см., например, [Сердюченко, 1949в, с. 7]). Английский

¹⁷ Так, впрочем, Марр поступал лишь в публикациях «для внутреннего потребления». В работах, печатавшихся за рубежом, и в выступлениях за границей критика заметно меняет ориентации, см., например, комплимент А. Мейс в парижской лекции [Язык, 1936, с. 31]. Попытки вербовки сторонников на Западе Марр не оставлял до конца своей деятельности.

теитель «очевидно, с большим удовольствием приписывал большевизму сумбурную теорию, попирающую самые элементарные научные принципы» [Пр, т. 2, с. 160], но в СССР это могло лишь служить рекламой Марру. В качестве такой же рекламы использовались и слова А. Мейе, что «новое учение о языке» — «странная смесь советской пропаганды с лингвистическими положениями, которые лишь из вежливости можно назвать просто рискованными» [цит. по: Миханкова, 1949, с. 412—413].

А. Мейе не был антикоммунистом: он продолжал сотрудничество со своим любимым учеником М. Козном и после того, как тот стал членом компартии. Он заявлял: «Если буржуазная наука состоит в том, чтобы видеть факты такими, какие они есть, то я принимаю на себя обвинения в буржуазности» [цит. по: Аптекарь, 1934, с. 43]¹⁸. Но сама ненаучность идей Марра отталкивала от СССР честных лингвистов так же, как лысенковщина многих прогрессивных западных биологов после 1948 г.

Академической науке Марр в типично пролеткультовском духе противопоставлял «творчество масс», заявляя: «Творческие начала академическая среда не может выжать ни из себя, ни из Запада, нужна связь с работой на местах» [М, т. II, с. 325]; «Наука без привлечения масс в самом научном творчестве обречена на прозябание в старых путях» [М, т. I, с. 235]. Когда в 1926 г. Марру предложили в Керчи выступить перед рабочими, он, по воспоминаниям Л. А. Мацулевича, был невероятно этим увлечен и «говорил, что нужно вводить в новое дело новых людей... Только рабочая среда, свободная от рутины и сильная молодой, восходящей силой, может разрешить все эти трудности. Наука, самая передовая наука зовет именно к ней» [ПИДО, с. 166—167]. Это очень похоже на провозглашенный несколько позже рапповцами «призыв ударников в литературу».

Марр всерьез гордился тем, что в отличие от дипломированных ученых чуваш-учитель сразу понял его идеи и через несколько дней написал по-чувашски статью о яфетической теории [ПИДО, с. 179]. Когда Марр был избран членом Чувашского ЦИК, он заявил, что это избрание «имеет для него больше значения, чем если бы вдруг все европейские академии выбрали его своим членом» [Миханкова, 1949, с. 372]¹⁹.

¹⁸ В речи памяти Марра философ В. И. Ральцевич приписал А. Мейе объявление Марра «агентом большевизма на фронте языковедения» [ПИДС, с. 239]; вероятно, это контаминация высказываний Мейе и Аллена. В те же дни слова Мейе о том, что общественный строй определяет строй языка, объявили «плагиатом» у Марра [ПИДО, с. 220]. Марристка С. Л. Быховская заявляла даже, будто Мейе начал приходить к идеям о надстроечности и классовости языка [СН, 1932, № 10].

¹⁹ Но, видимо, не случайно марристы постоянно упоминали фамилию Марра с эпитетом «академик». Он явно гордился этим званием, полученным до революции, и ощущал принадлежность к академической корпорации. Ни сам Марр, ни даже его окружение, клеймя «буржуазных лингвистов», прямо почти не задевали академиков-востоковедов, с которыми Марр стремился не терять контактов. В мифе о Марре сочеталось несоединимое: ореол ниспровергателя старой науки и слава респектабельного ученого.

И здесь надо сказать, что далеко не только для одного Марра характерна подмена насущных требований дать широким массам образование, привлечь к науке способных людей независимо от их социального происхождения конъюнктурной задачей создать «народных ученых», не отягощенных грузом знаний, выработанных человечеством, а усваивающих лишь элементарную политграмоту да «теории» вроде «нового учения о языке». Как мы уже говорили, таких людей было немало вокруг Марра.

В том же ряду стояли утверждения Марра и его последователей о том, что надо перенести исследовательскую работу «с письменных норм на нормы массовой живой речи и ее живых говоров» [М, т. I, с. 276], а также «на бесписьменные языки культурно поработанных народностей» [М, т. III, с. 34]. Заявлялось даже, что младописьменные и бесписьменные языки займут место классических языков в школе и культуре [М, т. V, с. 395]. Эти высказывания не могли не стать популярными в то время, когда призывы к ускоренному развитию ранее отсталых народов Советского Союза и формированию новых литературных языков ставились в повестку дня. Нигилизм по отношению к изучению памятников письменности и культурных языков, появившийся у Марра еще до революции в связи с его яфетидологическими штудиями²⁰, теперь приобретал идеологическое звучание.

Культурный нигилизм Марра был обращен и к современности, будучи близок к распространенному в те годы вульгарному социологизму, хотя здесь Марр заходил дальше большинства современников. Вопреки фактам Марр постоянно выдвигал тезис о революции в языке, то уже происшедшей, то приближающейся: «Если переживаемая нами революция не сон, то не может быть речи ни о какой паллиативной реформе ни языка, ни грамматики, ни, следовательно, письма или орфографии. Не реформа, а коренная перестройка, а сдвиг всего этого надстроечного мира на новые рельсы, на новую ступень стадияльного развития человеческой речи, на путь революционного творчества и созидания нового языка» [М, т. II, с. 370—371]; «Тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это... речевая революция, часть культурной революции» [Марр, 1930, с. 47]; «октябрьский революционный порыв» Марр видел в «созидании новых языков» [М, т. II, с. 352].

Но в чем заключалась революция в языке? Какие языки созидались? Марр не отвечал на эти вопросы. Марристы же вы-

²⁰ Впрочем, в Яфетическом институте изучение древнеписьменных языков реально занимало значительное место, целый том был подготовлен в связи с Гомером, хотя, конечно, ради выявления гомеровской яфетической основы. Марр и в конце жизни заявлял, что «волшебный эпос „Гомер“ существовал «до греческого языка» [ВАН, 1932, № 10, с. 14].

ходили из положения по-разному. Иногда «коренное обновление» языка просто сводили к появлению слов типа *совет, пятилетка* [Деборин, 1935, с. 70]. Иногда говорили так, как это делал В. Б. Аптекар, выступая в Комакадемии по докладу Н. М. Каринского: «Сейчас у нас, безусловно, язык рабочих, прежде всего, будет иметь преобладающее место в литературе и мы будем изгонять интеллигентские особенности языка... Если сейчас определенно господствующая группа вводит свой стиль в литературный язык, то прежние стилистические украшения, обязательные для каждой статьи, как например, „Что он Гекубе, что ему Гекуба“, исчезают... Такими языками раньше могли говорить знать, интеллигенция, но не широкие массы, теперь же это, очевидно, в корне переживется» [А, фонд 468, оп. 1, ед. хр. 210, с. 41]. Чаще всего изменения в языке подменялись изменениями в мышлении, а фактически в идеологии (типичная черта научного мифа — отождествление понятий): «Изменения в языке рабочего, становление этого языка мы должны рассмотреть со стороны роста его мировоззрения, мышления, которое выявляет свои закономерности в языке» [ПК, с. 36 — статья Ф. П. Филина].

Самого же Марра и вовсе не волновало доказательство его деклараций. В докладе 1928 г. «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком» Марр заявил, что «новое учение о языке» требует «особенно и прежде всего нового лингвистического мышления. Надо переучиваться в самой основе нашего отношения к языку и к его явлениям, надо научиться по-новому думать, а кто имел несчастье раньше быть специалистом и работать в путях старого учения об языках, надо перейти к иному „думанию“, в этом смысле переучиться» [М, т. II, с. 419]. Но главное даже не в этом. «Новое учение об языке требует отречения не только от старого научного, но и от старого общественного мышления. Вот почему так трудно стать лингвистом-теоретиком» [М, т. II, с. 426]; см. также [М, т. IV, с. 61].

Марру вторило и его окружение. М. С. Альтман заявлял: «Чтобы понять Н[иколая] Я[ковлевича], недостаточно быть с ним в контакте научном, необходимо еще быть с ним в контакте общественном» [ПИДО, с. 178]. Он же вспоминал такой эпизод: Марр «одному из своих оппонентов раз сказал, что тот повторяет слово в слово возражение, сделанное ему еще одним лицом, и что, видимо, они оба между собой предварительно сговорились. „Но я этого человека совсем не знаю и никогда его даже не видал“, — возразил тот. „Это ничего не значит, — сказал Н[иколай] Я[ковлевич], — Вы с ним общественно сговорились“» [ПИДО, с. 179].

Так Марр находил выход из любого положения. Каждому реальному и потенциальному оппоненту давался не требующий доказательств ответ: раз вы не согласны с Марром или хотя бы не понимаете его, значит, вы не овладели «новым общественным мышлением», вы — человек старого мира. Не надо

объяснять, как это звучало в 1928 г. и в последующие годы. Невольно вспоминается бессмертная сказка Андерсена о новом платье короля.

Марризм прикрывался не только никому не ведомым «новым мышлением». Много лет создавалась завеса из деклараций, натяжек и произвольно подобранных цитат, которая должна была поддерживать репутацию «нового учения о языке» как марксистского языкознания.

Цитаты из классиков марксизма-ленинизма появляются у Марра далеко не сразу. Даже В. Б. Аптекарь признавал: «Еще в 1924 г. Н. Я. Марр совершенно не осознал значения марксизма для яфетидологии» [Аптекарь, 1934, с. 41]. По свидетельству Б. Унбегауна, спустя три года Марр говорил ему в Париже: «Марксисты считают мои работы марксистскими, тем лучше для марксизма» (Unbegaun, 1954, с. 117). Как писал Б. Л. Богаевский, в 1927 г. Марр еще не был знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса [ПИДО, с. 165].

Первыми говорить о «стихийном марксизме» Марра начали историки из его окружения, особенно активно С. И. Ковалев, заявивший в том же 1927 г.: «Яфетическая теория стоит на почве основных положений диалектического материализма. В области лингвистики она делает то же самое, что марксизм сделал в области философии и социологии... Яфетическая теория вводит диалектический метод в исследование языковых явлений» [цит. по: М, т. II, с. 117—118].

С тех пор, особенно с 1928 г., Марр оснащает свои работы цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а позднее и из И. В. Сталина, причем их число из года в год возрастает. Растет и количество заявлений типа: «Материалистический метод яфетической теории — метод диалектического материализма и исторического материализма, т. е. тот же марксистский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале и на материалах, связанных с языком явлений не только вообще речевой, но и материальной и социальной культуры» [М, т. I, с. 276]; см. также [М, т. I, с. 267; т. II, с. 26, 294 и сл.]. Марр подчеркивает и пролетарский характер своего учения [М, т. I, с. 272].

Бесконечно и число аналогичных заявлений приверженцев Марра. Приведем лишь два: «Выводы о возникновении местоимений в связи с зачатками частной собственности, выводы о возникновении единственного числа после формального образования множественного числа и т. д. — служат к обоснованию на лингвистическом материале теории первобытного коммунизма, опрокидывая ложные построения буржуазных историков о вечности частной собственности, государства и т. д.» [Быковский, 1933, с. 71]; «Целый ряд научных систем создается для того, чтобы укрепить идейное господство пролетариата над всем обществом... хотя того яфетидологи или не хотят» [Рафаил, 1930, с. 164].

Миф о марризме как «марксизме в языкознании» столь живуч, что его, как это ни странно, пытается возродить вполне презренный в других своих оценках Р. Лермит, который даже отказ Марра от понятия языковой семьи трактует как один из шагов в синтезе яфетидологии и марксизма [L'Hermitte, 1987, с. 13—14]. Куда точнее здесь другой зарубежный критик Марра, замечаящий, что марксизм был механически добавлен к уже готовой теории без ее существенных изменений [Thomas, 1957, с. 140]; см. также оценку в еще одной зарубежной работе: «Марр плохо знал принципы марксизма» [Marcellesi, Gardin, 1974, с. 35].

Марр не желал расставаться со своими любимыми идеями даже при их явном расхождении с текстами К. Маркса и Ф. Энгельса. Ничто так не смущало марристов в «новом учении о языке», как положение о классовой роли звуковой речи при ее появлении и о классовой борьбе в первобытном обществе в связи со звуковой революцией. Все это явно не соответствовало учению Ф. Энгельса о первобытнообщинной формации. Однако Марр считал, что изменяться должно не его учение, а сам марксизм: «Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляют ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках» [М, т. III, с. 75]. Марр явно считал себя ученым не меньшего калибра, чем Ф. Энгельс.

Само же обращение Марра к классикам марксизма-ленинизма, особенно к Ф. Энгельсу, больше других писавшему по вопросам языка, представляет собой, как отмечала А. В. Десницкая, «хаотическое изложение обрывочных и туманных собственных мыслей и беспорядочные ссылки на отдельные произведения классиков марксизма, в большинстве случаев никак не приведенные в связь с трактуемой темой и извращенно толкуемые» [Пр, т. I, 34].

Марр и его последователи использовали три приема: гололовное приписывание классикам своих идей, приведение цитат не на тему, фальсификацию и замалчивание подлинных взглядов великих мыслителей. Так, бесконечно повторялись заявления о том, что «в марксистско-ленинском учении язык выступает... как надстроечное, идеологическое явление» [Быковский, 1933, с. 14], что положение о языке как надстройке содержится уже в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса [Аптекарь, 1934, с. 71], но ссылок при этом не делали. Сам Марр, однако, привел цитату из Ф. Энгельса, где дается определение надстройки, но ни слова не сказано о языке, и заключил: «А язык ведь сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки» [М, т. II, с. 452].

Многочратным повторением тезиса о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс якобы относили язык к надстройке, марристы добились того, что в него поверили даже противники Марра. Впро-

чем, надо отметить, что идея о языке-надстройке действительно встречалась и до Марра в марксистской литературе, в частности в учебнике Н. И. Бухарина: «С мышлением и языком происходит в дальнейшем то же самое, что и с остальными идеологическими надстройками. Они развиваются под влиянием развития производительных сил» [Бухарин, 1921, с. 227].

А чтобы доказать, что «палеонтология речи... уже предусмотрена самим Марксом» [М, т. II, с. 456], Марр ссылаясь на письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 25 марта 1868 г., где сказано: «В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Даже самые выдающиеся умы принципиально, вследствие какой-то слепоты суждения, не замечают вещей, находящихся у них под самым носом. А потом наступает время, когда начинают удивляться тому, что всюду обнаруживаются следы тех самых явлений, которых раньше не замечали» [Маркс, Энгельс, т. 32, с. 43—44]²¹. Ясно, что общее здесь у Маркса и Марра лишь использование термина «палеонтология».

Авторитетом классиков освящались самые бредовые идеи. Так, Марр восклицал: «Этот раскол европейского мира на католиков и протестантов — дело значительно более древней эпохи и имеет корни всегда в сдвигах производства и техники, конкретно в преодолении германами, тогда еще иберами, природных ресурсов таких центров их сосредоточения, как Рейнский край, Пиренеи и др., еще раньше с участием басков; когда речь была еще так наз. яфетической системы, когда по всей северной, средней и восточной Европе и далее, как на Кавказе, действовали сплошь мышлением все еще первобытного общества» [М, т. II, с. 449]. Понять что-либо в этой запутанной фразе трудно, кроме всегдашнего стремления Марра связывать любое событие мировой истории с яфетидами и Кавказом. Однако ясно, что ни одно из многочисленных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о Реформации не может подтвердить нелепицу, содержащуюся в приведенной фразе. Марр же берет у них не имеющий отношения к теме один из тезисов о Фейербахе: «Самое человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 1]. И так везде: цитаты либо имеют очень общий и потому всюду применимый характер, либо не связаны с предметом исследования.

Те же высказывания классиков марксизма, которые явно не соответствовали построениям Марра, либо фальсифицировались им, либо не упоминались. Например, против вульгарной прямолинейности в подходе к языку были обращены такие известные слова Ф. Энгельса: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до

²¹ Все цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса даны по последнему собранию сочинений, тогда как у Марра они, естественно, приводятся по другим изданиям.

Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию» [Маркс, Энгельс, т. 37, с. 395]. Мы уж не говорим о том, что сам термин «передвижение согласных» связан с теми представлениями об истории германских языков, которые отвергались Марром как «буржуазные», но тем не менее одна из самых фанатичных последовательниц Марра Е. Н. Петрова видела в этом тексте Ф. Энгельса «указание на невозможность разъяснения роли согласных из экономики *современности*» [ПК, с. 158].

Многое же последователями Марра просто не принималось в расчет, например соображения Ф. Энгельса, очень интересовавшегося сравнительно-историческим языкознанием и всерьез им занимавшегося. В 30-е годы начали издаваться сборники высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина по вопросам языка, публиковались работы, анализировавшие эти высказывания. Много этим занимался один из младших учеников Марра германист С. Д. Кацнельсон [Кацнельсон, 1934].

Однако предпочитали не вспоминать такое, например, высказывание Ф. Энгельса из письма к Ф. Лассалю, свидетельствующее о высокой оценке Ф. Энгельсом сравнительно-исторического языкознания: «Если я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков, то теперь я уже давно отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич» [Маркс, Энгельс, т. 29, с. 477].

Игнорировалась и высокая оценка основоположников сравнительно-исторического языкознания в «Анти-Дюринге»: «Ясно, что мы имеем дело с филологом, никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое за последние 60 лет получило такое мощное и плодотворное развитие, — и поэтому-то г-н Дюринг ищет „в высокой степени современные образовательные элементы“ изучения языков не у Боппа, Гримма и Дица, а у блаженной памяти Хейзе и Беккера» [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 333—334]²². Тем более никогда ученики Марра не вспоминали типично индоевропейские высказывания Ф. Энгельса в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Латинское слово *gens*... происходит, как и греческое равнозначное *genos*, от общеарийского корня *gaп* (по-немецки *kap*, так как здесь, по общему правилу, вместо арийского *g* должно стоять *k*), означающего «рождать» [Маркс, Энгельс, т. 21, 86—87] (слово «арийский» здесь употреблено в смысле «индоевропейский»); «Памятники языка оставляют перед нами открытым вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно» [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 135], а также выраженное в той же книге прямо противоположное марровскому понимание

²² Впрочем, эта цитата приводилась в некоторых более поздних работах, объективнее относившихся к «индоевропеизму» [Цукерман, 1941, с. 66].

исторического развития языков: «...новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь» [Маркс, Энгельс, т. 21, с. 93].

Как раз в те годы стала известна специально лингвистическая работа Ф. Энгельса «Франкский диалект». Еще до ее публикации в СССР Марр заявлял, что в ней содержатся «разоблачения специалистов... феодально-буржуазного индоевропеизма» [М, т. II, с. 447]. При этом он умалчивал о том, что в этой работе механизм формирования языков и диалектов трактовался в духе сравнительно-исторического языкознания: «Здесь (в Зеландии и Голландии. — В. А.) поэтому преимущественно и складывался новонидерландский литературный язык, воспринимая фризские элементы, слова и формы слов, которые следует отличать от франкской основы» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 524—525]; см. также упоминания Ф. Энгельса о «языке, являющемся прямым предком средненидерландского и новонидерландского языков» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 523], о «группе близко родственных говоров» [Маркс, Энгельс, т. 19, 528]²³.

О несоответствии марризма лингвистическим идеям К. Маркса и Ф. Энгельса и об умалчивании сторонниками «нового учения о языке» многих их высказываний убедительно говорил более полувека назад М. Г. Долобоко, у которого мы взяли некоторые из примеров [Долобоко, 1935]. Однако марризм уже был тогда канонизирован, и статью М. Г. Долобоко проигнорировали.

Замалчивались и высказывания зарубежных лингвистов-марксистов, которые активно не принимали «новое учение о языке». Шведский тюрколог и кавказовед, член компартии Х. Шёльд в 1929 г. писал: «Если удалить общие марксистские фразы, придающие наукообразность фантазиям Марра, остается сплошной марризм, который лучше было бы назвать марразмом» [Scöld, 1929, с. 87]. Несколько позже французский финно-угровед А. Соважо в сборнике статей ученых-марксистов писал, что марксизм Марра — это ряд более или менее хорошо подобранных цитат и недоказанных утверждений и что для построения марксистской лингвистики нужны другие, более фундаментальные исследования [Sauvageot, 1935, с. 167, 168].

Использовали марристы в своих целях и некоторые работы последователей Маркса, особенно книгу П. Лафарга о языке французской революции, изданную в СССР в это время [Лафарг, 1930]. Ее автор кое в чем упрощал марксистские идеи, допуская некоторые формулировки, сходные с марровскими, типа «новые политические обстоятельства требовали также нового языка» [Лафарг, 1930, с. 72], или утверждение о том, что латинский язык во время Второй пунической войны раскололся

²³ Необходимо здесь отметить, что в предисловии и комментариях к первому советскому изданию этой работы, появившемуся уже после смерти Марра (1935), нет ни марризма, ни подкрашивания Энгельса под Марра (комментарии Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова при участии В. М. Жирмунского).

от аристократический и плебейский язык [Лафарг, 1930, с. 31]. Однако уже это высказывание показывает, что в отличие от Марра П. Лафарг не считал классовость обязательным свойством любого языка; об этом же свидетельствует его конечный вывод о превращении в результате революции языка буржуазии в общеупотребительный язык [Лафарг, 1930, с. 98]²⁴. Вполне четко сформулировано П. Лафаргом и понятие праязыков [Лафарг, 1930, с. 21]. Тем не менее он был зачислен в предшественники Марра.

В предшественники марризма зачислялся и В. И. Ленин. В приветственной речи М. Горькому Марр заявил: «Уже Ленин заметил как открытие — не без волнения от этого открытия, что язык и мысль одно и то же» [ВАН, 1932, № 10, с. 5]. Неважно, что реальный В. И. Ленин в уже опубликованном к тому времени конспекте труда Г. Гегеля писал явно не то: «История мысли — история языка??» [Ленин, т. 29, с. 81]. Чем дальше, тем сильнее у сторонников Марра стремление найти еще один источник «нового учения о языке»: оказывается, например, что принцип скрещенного характера всех языков «основан на марксистском учении о нации, которое впервые разработано товарищем Сталиным в труде „Марксизм и национальный вопрос“ и ряде других его работ» [Никольский, Яковлев, 1949, с. 273—274].

Но именно Сталин и подвел итог заигрываниям Марра с марксизмом: «Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде „пролеткультовцев“ или „рапповцев“» [П.20.06.1950]. Здесь не приходится спорить с тем, что Марр не был марксистом, а также с тем, что он действительно был близок деятелям Пролеткульта и РАППа²⁵. Но старался ли он стать марксистом? Думаю, что вряд ли. Такое старание привело его хотя бы к отказу от очевидных расхождений с марксизмом вроде утверждения о классовой борьбе в доклассовом обществе. Но Марр стремился к иному: использовать марксистское учение, часто путем явной фальсификации, как источник своего учения. Б. А. Серебрянников скорее переоценил «новое учение о языке», говоря, что «никогда еще лженаука не подкрашивалась так искусно под марксизм» [Пр, т. 2, с. 45]. Большой искусности здесь как раз не было. Однако именно прямолинейность Марра в сочетании с

²⁴ Тезис о классовости языка, выдвигавшийся помимо Марра в не столь крайней форме П. Лафаргом и Н. И. Бухариным [Бухарин, 1921, с. 227—228], признавался в том или ином виде не только марристами, но всеми теми советскими лингвистами 20—30-х годов, которые стремились быть марксистами, включая непримиримого противника Марра Е. Д. Поливанова [Поливанов, 1931б, с. 731—732].

²⁵ Связь марристов с РАППом была не только идейной. В схватке с «Языкофронтам» марровцам активно помогал лидер РАППа Л. Авербах [ПК, с. 44; Филин, 1931, с. 80; Кусикьян, 1931а, с. 97]. С другой стороны, марристы (Ф. П. Филин, Г. П. Сердюченко) печатались в рапповских журналах.

бескомпромиссностью и несомненной убежденностью в истинности своих слов оказывали завораживающее действие. Искусность и логичность только вредны мифу, который воздействует не на разум, а на эмоции. Объявление «нового учения о языке» марксизмом в языкознании, последняя по времени формирования часть мифа, придало ему завершенность. Теперь миф имел все условия для полной победы.

Однако прежде чем перейти к истории этой победы, следует рассмотреть один вопрос, который уже мог возникнуть у читателей. Многие идеи Марра при самом снисходительном к ним отношении не могут не считаться абсурдными, некоторые уже приводившиеся цитаты вроде заявления о доисторической природе разделения на католиков и протестантов выглядят как бред сумасшедшего. Есть ли у нас основание сомневаться в здравости рассудка Марра на самом деле? Конечно, мы вступаем здесь в область труднодоказуемого и трудноопровержимого, но все же попробуем в этом разобраться.

Сохранились свидетельства того, что Марр с детства отличался большими странностями. Один из его соучеников по гимназии вспоминал: «Однажды товарищи вызвали у него гнев; рассерженный Нико бросил свои книги в мешок, взял его на спину и пешком направился по полотну железной дороги в Тифлис. Товарищам с трудом удалось уговорить его вернуться обратно в пансион» [ПИДО, с. 244]. Педагогический совет гимназии в конце концов решил, что юный Марр «начал обнаруживать признаки некоторого нервного возбуждения». Ему посоветовали провести лето в деревне, но Нико самовольно уехал из Кутаиса в Тифлис. После этого гимназическая администрация выдала такое свидетельство: «Дано сие в том, что уч. 8 класса Кутаисской гимназии действительно болен нервным расстройством, выражающимся в необыкновенной раздражительности, а по временам нелогичности поступков и что состояние его здоровья в настоящее время требует безотлагательного специального лечения». Юноша был, однако, отправлен в деревню и оставлен на второй год. Потом он опять убежал в Тифлис. Последовало письмо директора гимназии попечителю: «Сегодня я получил от ученика Марра письмо из Тифлиса. По письму этому можно положительно заключить, что несчастный молодой человек находится в сильнейшей степени психического расстройства... По моему мнению, его необходимо поместить в больницу для душевнобольных». Марр, однако, добровольно вернулся в гимназию и закончил ее, хотя после описанных событий директор еще раз просил попечителя уволить его из гимназии, так как он «часто уходит из пансиона, нарушает пансионские порядки и бродит по городу». Об этом см. [ПИДО, с. 138—140] ²⁶

²⁶ Сам Марр, а за ним его биографы объясняли столкновения с администрацией и оставление на второй год желанием Марра как следует выучить греческий язык и потратить на это лишний год [М, т. I, с. 9, с. 269; Миханкова, 1949, с. 15].

Пельзя, конечно, прямолинейно сводить действия пожилого Марра к этим юношеским заскокам. Но кое-что обращает здесь на себя внимание, например выданное Марру свидетельство администрации гимназии.

Чем дальше, тем все более непредсказуемыми становятся фантазии Марра. Длиннейшие фразы со многими придаточными, где одна мысль беспорядочно сменяется другой, отсутствие элементарной логики — это все меньше похоже на нормальное научное творчество. См., например, такой вполне обычный для Марра пассаж (1927 г.): «Часть речи, ныне самая отвлеченная и самая практическая, в начале самая вещественная и самая научно-философская, — числительные связаны со всеми сторонами созданной трудовым процессом „человечности“, или подлинного мирового, а не классового, да еще школьно надуманного гуманизма, со всеми творческими начинаниями человечества как в области материально-жизненных потребностей, так не менее непреодолимых ныне в их самодовлеющем устремлении умозрительных исканий правды. Числительные переживали ударные моменты своего развития от общечеловечности эпох с великими достижениями. Прежде всего сознание этапов последовательной связанности не одной смены дня днем, получившего свое округление с течением времени сначала в пяти, затем в семи днях, не одного года, с последовательностью месяцев, в его круговращении по сезонам, а вообще непрерывно и бесконечно текущего илидвигающегося времени, как двигается по двух- или четырех-сезонным делениям года также бесконечно видимое пространственное небо со всеми его неразлучными спутниками, снетилами дня и ночи, это в целом мерило одинаково и времени, и пространства, так же как по палеонтологии речи 'небо' оказалось означающим в первобытной речи 'время' и 'пространство'» [ЯЧ, с. 1, 2].

Рассказ о числительных вдруг превращается в рассуждения о членении времени, а затем о небе; все это перебивается политическими рассуждениями. Скорее мы имеем дело с камланием шамана, чем с научной статьей. Тем не менее марристы заявляли: «Нет сомнения, что Н[иколай] Я[ковлевич] не только великий ученый, но и большой и прекрасный стилист» [ПИДО, с. 178].

Марр времен «нового учения» теряет способность выдерживать жанр, в рамках которого он должен писать. Вот выпуск журнала «Печать и революция» к десятилетию Октября, где руководители гуманитарных институтов отчитываются о достижениях своих учреждений за десять лет. В рамках того, что требовалось, написали все, кроме Марра. Он пишет о деятельности подведомственной ему ГАИМК где-то около страницы, а уже на третьей странице текста мы читаем: «Захваченные импонирующим значением римской культуры и ее языка, сметавшего на пути своего империалистического развития десятки исконных языков Европы, продолжая с наследственным классовым миро-

воззрением разделять раболепие перед господским латинским языком за время церковного просвещения, лингвисты сохранили такой пиетет перед латынью, что даже во французской учебной среде не замечают несурзности того, когда всерьез утверждается латинское происхождение родного слова *bouche* (рот), — точно население Франции в первоначальном его состоянии было племенем настолько низкой культуры, что оно должно было и в этой интимной части бытовой терминологии уступить напору латинской речи, если не идти дальше до мысли, что до появления римлян коренное население Галлии не имело слова даже для той части лица, которой люди едят и пьют. Французский термин *bouche* звучит именно так, как он должен был звучать до появления римлян в Галлии» [Марр, 1927, с. 287].

Мало того, что это абракадабра по существу, что не помещало В. А. Миханковой и спустя двадцать лет цитировать эти суждения с восторгом [Миханкова, 1949, с. 401], но какое это имеет отношение к деятельности археологического института? В упомянутой статье по числительным чуть ли не половину текста занимают рассуждения о происхождении слов со значением «бог». Во вступительной речи бакинского курса, посвященной самым общим принципам «нового учения о языке», Марр не мог удержаться от длинного рассказа про иберов, богиню Иштар (Иштарь) и т. д. [М, т. II, с. 17]. Иногда Марра заносило настолько, что он мог в одном абзаце дважды повторить одно и то же утверждение [М, т. II, с. 386]. Академик В. Ф. Шишмарев был явно академичен, когда писал про одну из статей Марра: «Мысли автора излагаются... настолько темпераментно, что последовательность и содержание их крайне трудно уловить» [Пр, т. I, с. 367].

Сама научная продуктивность Марра, всегда очень большая, к концу жизни перешла в несомненную графоманию. Л. П. Якубинский вспоминал, что свои статьи Марр дописывал «прямо на извозчике» [ПИДО, с. 237]. Только список печатных трудов Марра насчитывает 508 названий, из них больше половины относятся к послереволюционному времени; немало работ, кроме того, осталось в рукописях. Тем не менее статьи Марра последних лет по содержанию и по стилю мало чем отличаются друг от друга.

Под конец жизни ненормальность Марра становится все заметнее. Если его ученики 20-х годов (В. И. Абаев, А. Н. Бернштам и др.) сохранили сильное впечатление от его лекций и речей, то студенты, слушавшие его лекции в начале 30-х годов, вспоминают о них как о беспорядочном наборе постоянно повторявшихся клише типа «язык и мышление». Есть и свидетельство о том, что под конец жизни у Марра было «сильнейшее нервное расстройство» [Яковлев, 1949а, с. 45].

Лингвисты, свободные от влияния мифа, говорили о ненормальности Марра задолго до этого. Классик языкознания XX в. Н. Трубецкой, выступавший против Марра с 1915 г. [Trubetsky, 1915],

1975, с. 40], в 1924 г., уже находясь в эмиграции²⁷, писал Р. Якобсону по поводу одной из первых статей Марра, деклариовавших «новое учение о языке»: «Статья Марра превосходит все, до сих пор написанное им... По моему глубокому убеждению, рецензировать ее должен не столько лингвист, сколько психиатр. Правда, к несчастью для науки, Марр еще не настолько спятил, чтобы его можно было посадить в желтый дом, но что он сумасшедший, это, по-моему, ясно... Даже и по форме статья типична для умственно расстроенного. Ужасно, что большинство этого пока еще не замечает» [Trubetskoy, 1975, с. 74—75]. В свою очередь Р. Якобсон в письме Трубецкому от 15 апреля 1929 г. назвал четыре элемента «белибердой паранонка» [Trubetskoy, 1975, с. 75]. Вспомним и слова Х. Шёльда о «маразме».

Иногда болезнь Марра рассматривается как основание для отпущения ему грехов: «Около 1925 г. произошла трагедия... Вечно работавший мозг Н. Я. Марра сдал не от инсульта в начале 30-х — все его лингвистические построения с середины 20-х годов несли на себе печать безумия... Вокруг охваченного недугом льва образовались стаи шакалов... К сожалению, вместе с безумием поздних лет Н. Я. Марра, вместе с невольным творившимся им злом из истории нашей науки был вообще выброшен Николай Яковлевич Марр, человек огромного обаяния, страстной преданности делу, организатор нашей науки» [Дьяконов, 1988, с. 179—181]. Непормальность Марра в последнее десятилетие его жизни не вызывает сомнений. Однако можно ли снять с него ответственность за то несомненное зло, которое он творил в это время?

При всей бессистемности высказываний позднего Марра в них есть несомненная последовательность. О чем бы ни говорил Марр, он постоянно проводил некоторые идеи. Одни из них имели квазинаучный характер: постоянное выискивание во всем яфетических истоков, связей с тотемами, с первобытными представлениями о космосе и т. д. Другие выходили за пределы науки: апелляции к народным массам, к угнетенным народам (то и другое связывалось с яфетическим элементом), клеймение старой науки и старого мышления, требование революционного взрыва во всех областях жизни и пр. Цитатничество и призывание на помощь высших авторитетов, упоминание текущих политических событий, постоянное использование актуальной для своего времени лексики вроде «нацмены», «выдвиженцы», «культработа», особенно изощренное при оценке противников: «потуги», «рабы» «рынок с тухлым товаром», «пророческие каркания и шипения», «злостные предрассудки», «абсолютно пе-

²⁷ Трубецкой, как и Р. Якобсон и С. Карцевский, эмигрировал задолго до установления господства марризма в советской науке. Нет никаких оснований обвинять Марра в том, что эти выдающиеся ученые были потерянны для советской науки, как это сделано в статье в «Литературной газете» [Горбаневский, 1988].

нужный, вредный багаж», «преступное действие оппортуниста», «раболепие мысли», «расовое ожесточение», «буржуазно-классовая лазейка», «миазмы застоя», «спертый воздух», «наследственная косность», «паскуднейший нигилизм», «маги хулений», «вредоносность», «идеологическое убожество», «идеологическая реставрация прошлого», «покаянные декларации загнанных в тупик», «борющиеся вредительские разновидности капиталистического идеализма и национализма» и т. д. и т. п. — все это, обильно представленное в поздних сочинениях Марра, имеет четкую и конкретную направленность. Марр, по-видимому, не только верил в создаваемый им миф, но и вполне целенаправленно добивался его господства в науке ²⁸.

²⁸ В связи с этим вспоминается заключение медицинской экспертизы, выданной одной женщине, никак не связанной с марризмом: «Психопатическая личность с установочным поведением, т. е. использует свою болезнь целесообразно, для достижения намеченной цели. Вменяема» (см. журнал «Крокодил». 1950, № 35).

Глава третья

ПОБЕДА МИФА

Но вернемся в Ленинград второй половины 20-х годов.

«Новое учение о языке» уже сформировалось, хотя Н. Я. Марр еще избегает уснащать свои работы цитатами из классиков марксизма. Он уже стал одной из самых заметных фигур в советской науке. Как и другие именитые ученые, Марр славен «нагрузками по макушку», многие из которых он сохранял до конца жизни. Он был директором Яфетического института, директором ГАИМК, директором Публичной библиотеки (до 1930 г.), директором Института национальностей СССР, председателем Центрального совета научных работников (до 1931 г.), членом Ленсовета, с 1928 г. возглавил секцию материалистической лингвистики Коммунистической академии общественных наук, а в 1930 г. стал вице-президентом и председателем организационно-плановой комиссии Академии наук СССР, в 1931 г. — членом ВЦИК и ВЦСПС.

Однако отношение большинства ученых к лингвистическим идеям Марра до 1928—1929 гг. было отношением «внимательного ожидания» [Thomas, 1957, с. 91]. «Поддерживали Марра (если говорить о научной, а не политической поддержке) преимущественно философы, историки, литературоведы, этнографы, археологи (далеко не все, но больше, чем лингвисты). Из лингвистов его сторонники больше были в Ленинграде, в Москве же ему была сильная оппозиция» [Кузнецов, с. 370]. Сам Марр постоянно жалуется, что его идеи не признаются научными кругами [см. М, т. II, с. 410, 412; т. V, с. 396]. Оценка яфетидологии в научных кругах часто характеризовалась словами «интересно, но непонятно» [М, т. V, с. 122]. Как и раньше, авторитет Марра продолжал влиять, серьезного разбора его теорий по-прежнему не было. Опасность «нового учения о языке» еще не осознавалась.

Выступления против марризма в те годы были нечастыми. Попутное замечание Г. О. Винокура мы уже приводили. Чуть длиннее, но тоже в пределах абзаца, критиковал Марра видный московский лингвист М. Н. Петерсон в обзоре развития индоевропеистики в СССР за десять послереволюционных лет: «В связи с вопросом о кризисе индоевропеистики у некоторых

возникало мнение, не в яфетидологии ли искать спасения. По этому поводу в Научном институте М. В. Сергиевским был прочитан доклад на тему „Яфетидология и ее новейшие успехи“ (26 мая 1923 г.). В результате обсуждения доклада было выяснено, что то положительное, что можно найти в яфетидологии (например, внимание к вопросу о смещении языков) было уже и в индоевропеистике; то же, чем яфетидология отличается от индоевропеистики, представляет скорее большой шаг назад» [Петерсон, 1927, с. 13]. Однако доклад видного специалиста по романским языкам М. В. Сергиевского так и не был опубликован.

Были и попытки примирить Марра с наукой. Так, Р. О. Шор занимала компромиссную позицию, принимая, с одной стороны, «новое учение о языке» и одобряя новые идеи синхронной лингвистики — с другой [Шор, 1927].

Очень активный в 20-е годы профессор из Владикавказа М. Я. Немировский, популяризатор достижений компаративистики, ставил Марра в один ряд с К. Фосслером, В. Шмидтом, Н. Трубецким, включал в достижения сравнительно-исторического языкознания выявление яфетической семьи, установление баскско-кавказского родства и т. д. [см.: Немировский, 1926; 1928; 1929]. По его мнению, «как ни различны идеологические основы творчества названных ученых (Фосслера, Шмидта и Марра. — В. А.), как ни различны пути и цели их изысканий, общей им всем чертой является их синтетическая установка, направленная к одной и той же цели — осветить эволюцию языка, как часть более общего и более объемлющего эволюционного процесса, как часть общественного и культурного развития человечества» [Немировский, 1929, с. 129]. Такое прекраснодушие, конечно, было далеко от понимания реальной деятельности Марра. Вскоре Немировский поплатится за это.

Самыми горячими приверженцами Марра в то время были его молодые ученики, многие из которых были комсомольцами. В это время группа студентов Института живых восточных языков вывесила плакат с формулировкой Марра о том, что индоевропеистика — идеология буржуазии; часть профессуры выразила несогласие с этим поступком, заявив, что он не совместим с научной работой [Миханкова, 1949, с. 348].

Однако Марра поддерживали и в более высоких сферах. В 1925 г. он затеял в Яфетическом институте большую коллективную работу по числительным, однако на нее не хватало денег. Марр обратился к наркому просвещения А. В. Луначарскому с письмом о выдаче институту 4000 рублей. В ответ нарком опубликовал письмо в «Известиях», снабдив его предисловием, где, обращаясь к общественности с просьбой помочь Марру в получении денег, он говорил о «плодотворном уме величайшего филолога нашего Союза, а может быть и величайшего из ныне живущих филологов, Н. Я. Марра». Далее А. В. Луначарский писал: «Блестящее сопоставление, глубокие перспективы, которые

своим ключом открывает перед нами академик Марр, не могут не волновать каждого знакомящегося с ним марксиста, и крайне приятно видеть, как этот изумительный эрудит и сильный мыслитель вплотную подошел к марксизму, при этом весьма сознательно не закрывая глаз на то, что, с одной стороны, его исследование заставило его прийти к такой высокой оценке материалистического метода и что, с другой — революция ускорила процесс уяснения им основных материалистических корней языка» [И. 12.04.1925].

В те годы такое заявление было еще единичным. Спустя месяцы та же газета в заметке о выставке Дагестанской экспедиции в нескольких местах ошиблась, назвав Марра Карром [И. 24.05.1925]. Через несколько лет это было бы невозможно.

Деньги Марр, видимо, получил, во всяком случае через два года книга о числительных — «Языковедные проблемы по числительным» — вышла в свет. Открывающая ее статья Марра не имеет с большинством других статей ничего общего, кроме тематики. Достаточно сказать, что на первой же странице статьи Н. Н. Поппе, которая следовала за марровской статьей, говорится о прамонгольском языке [см. ЯЧ, с. 97]. Сборник имел номер 1, однако продолжения не последовало, не вышла и обещанная к отдельной публикации большая работа М. Г. Долобко. Еще до выхода сборника, в 1926 г., в коллективе, возглавляемом Марром, произошел раскол.

Об этом расколе Марр [М, т. I, с. 1] и его биограф [Миханкова, 1949, с. 388] пишут глухо, не называя имен, но подчеркивая идеологические причины разрыва. Однако В. Б. Аптекарь и С. Н. Быковский перечислили фамилии ученых, восставших против Марра, назвав их «лицами, тормозившими и тормозящими развитие яфетической теории», среди них А. Н. Генко, М. Г. Долобко, К. Д. Дондуа, И. А. Орбели, Ф. А. Розенберг, В. В. Струве, В. Ф. Шишмарев, Л. В. Шерба [Аптекарь, Быковский, 1931, с. 25]. Мы видим здесь большинство научного окружения Марра начала 20-х годов. Увлекаясь идеями раннего Марра, эти ученые не приняли «нового учения о языке». И. А. Орбели позднее вспоминал: «Я выполнял долг ученика, которому меня обучил сам Н. Я. Марр, — исправлять ошибки учителя. Я это делал, пока между нами не встала непреодолимая стена. Самая тяжелая потеря — потеря учителя. Я ее испытал» [цит. по: Юзбашян, 1986, с. 44].

Отходили от Марра и более далекие от него специалисты: упоминавшийся Н. Поппе много лет спустя так вспоминает о себе и своем учителе академике Б. Я. Владимирцове: «В начале этого помешательства Владимирцов посещал большинство занятий Марра, я присоединялся к Владимирцову. Позже, однако, мы оба поняли, что семинар Марра не имеет ничего общего с лингвистикой. Это был только форум его бредовых идей, поэтому мы перестали посещать эти занятия» [Рорре, 1983, с. 53]. Однако разочарование в Марре не побудило никого из

упомянутых ученых ни к публикации, ни к устным выступлениям против «нового учения о языке».

Из старого окружения Марра остались немногие, прежде всего верный И. И. Мещанинов. Но последовал «приток новых работников, более близких идеологически работе в новом направлении» [Миханкова, 1949, с. 388]. Именно тогда вокруг Марра возникли В. Б. Аптекарь, С. Н. Быковский и Л. Г. Башинджагян. Приходила молодежь из студентов и аспирантов. Но стали появляться и квалифицированные лингвисты, по образованию и первоначальным интересам далекие от Марра.

Здесь со всей отчетливостью проявилась вредоносность мифа. Первыми его жертвами, если не считать совсем молодых и наивных людей, стали два филолога старой школы, ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ, принявшие революцию и ставшие членами ВКП(б). Одним был рано умерший В. Б. Томашевский, квалифицированный индоевропеист, в советское время один из основателей Азербайджанского университета, а в конце жизни — ректор ЛГУ (см. некролог о нем в [ЯЧ] написанный Марром, а также [ПИДО, с. 175—176]). Другим был Л. П. Якубинский, активный член объединения литературоведов и лингвистов формальной школы, знаменитого ОПОЯЗа, один из основателей советской социолингвистики, в 1924—1927 гг. он «руководил всей ленинградской наукой» [Леонтьев, 1986, с. 6]. «Домарристские» и «послемарристские» труды Якубинского и сейчас сохраняют значение, недавно они были переизданы [Якубинский, 1986]. Оба этих знающих ученых оказались в рядах последователей Марра еще до завоевания им монопольного положения (Томашевский не успел до него дожить). В сборнике «Языковедные проблемы по числительным» Л. П. Якубинский оказался единственным, кто следовал методам Марра. Видимо, оба они искренне считали, что переход на новые политические позиции должен был сопровождаться и разрывом со старой наукой; у Якубинского на это мог накладываться и интерес к проблеме связей языка и общества [Леонтьев, 1986, с. 7—8]¹.

Со сменой окружения Марра окончился относительно спокойный период развития яфетидологии. Начались годы, позже названные «эпохой „бури и натиска“ в истории яфетической теории» [Башинджагян, 1937, с. 258]. Из конкурировавшего с другими «интересного, но непонятого» учения марризм превращался в теорию, официально объявленную «единственной марксистской». Установление такой теории чуть ли не в любой науке было нормой в те годы, когда кончался нэп и формировалась политика культа личности; победа марризма именно в те годы

¹ А. А. Леонтьев возводит увлечение Якубинского Марром к 1923 г. [Леонтьев, 1986, с. 7]. Но сам Якубинский связывал его с привлечением к работе по числительным в 1925 г. [ПИДО, с. 236]. Печатные его работы до 1927 г. не связаны с марризмом.

была не случайна, о чем справедливо пишут Р. Лермит [L.Hermite, 1987, с. 24] и К. Жанти [Genty, 1977, с. 284].

Почему за образец был взят именно марризм? Конечно, активно добивались этого Марр и его окружение. Но и сверху охотно шли ему навстречу. Во-первых, как мы уже говорили, его идеи импонировали своей псевдореволюционностью. Во-вторых, Марр был авторитетнейшим представителем старой науки. Ученые такого масштаба относились к новому строю по-разному, но никто не шел далее сотрудничества с ним. И только Марр заявлял о полном переходе на пролетарские и марксистские позиции. Поэтому вслед за А. В. Луначарским его стали прославлять и другие видные деятели тех лет.

В 1928 г. в связи с сорокалетием научной деятельности Марра со статьей о нем выступил очень влиятельный в то время М. Н. Покровский. Заявив, что Марра «уже одно открытие яфидских языков сделало бы одним из величайших лингвистов всего мира», Покровский назвал его «историческим материалистом». Более того, «если бы Энгельс еще жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры... Будущее за нами — и, значит, за теорией Марра. Нужно только иметь терпение пождать». Вспомнив и одоббив поведение Марра во время крестьянского восстания в Гурии в 1905 г., М. Н. Покровский заключал: «Теория Марра еще далека от господства, но она уже известна всюду. Уже всюду ее ненавидят. Это очень хороший признак. Марксизм всюду ненавидят уже три четверти столетия, и под знаком этой ненависти он все более и более завоевывает мир. Новая лингвистическая теория идет под этим почетным знаком, и это обещает ей, на ее месте, в ее научном кругу, такое же славное будущее» [И. 23.05.1928].

И в дальнейшем М. Н. Покровский помогал Марру. По рассказу С. Б. Бернштейна, в те же годы по настоянию Покровского тогдашний ректор 1-го МГУ А. Я. Вышинский требовал внедрения «нового учения о языке» в обучение студентов-филологов. В начале 1929 г. на Всесоюзной конференции историков-марксистов, где выступал и Марр, руководивший конференцией М. Н. Покровский заявил по поводу этого доклада: «Наше мировоззрение начинает захватывать и соседние с нашей наукой области..., где еще недавно господствовали безраздельно идеализм и психологизм» [Покровский, 1933, с. 341]².

Вслед за Покровским выступил еще один видный представитель вульгарного социологизма В. М. Фриче, руководивший ли-

² Однако властный характер Марра распространялся и на его покровителей. В мае 1930 г. Р. Якобсон писал Н. Трубецкому: «В Академии наук с Марром сцепился Луначарский и М. Н. Покровский. Последний довел Марра до слез, и инцидент рассматривался в академической коммючейке» [Trubetskoy, 1975, с. 160] (в оригинале М. М. Покровский, что, вероятно, ошибка: академик-филолог М. М. Покровский был беспартийным).

тературным отделом Коммунистической академии общественных наук, «тогдашний царь и бог», по выражению О. М. Фрейденберг [ДН, 1988, № 7, с. 224]. Он заявил относительно Марра: «На всем этом материалистическом и диалектическом построении явно лежит отблеск нашего коммунистического идеала» [цит. по: Аптекарь, 1934, с. 49].

А вот так писал о Марре Н. И. Бухарин: «При любых оценках яфетической теории Н. Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гириями на ногах этой дисциплины» [Бухарин, 1989, с. 81].

При поддержке В. М. Фриче в том же 1928 г. в Комакадемии, ранее не занимавшейся языкознанием, создается подсекция материалистической лингвистики. Председателем ее числился Марр, но реально руководил ей В. Б. Аптекарь. Подсекция стала центром пропаганды «нового учения о языке» и борьбы с инакомыслием в лингвистике, именно там проходили две основные дискуссии, «поливановская» и «языкофронтовская», о которых речь пойдет ниже. Тогда же Комакадемия наградила Марра премией имени В. И. Ленина.

1928—1929 гг. — переломные для советского языкознания. См. заявления тех лет: «В текущем 1928 году состоялось „открытие“ нашей советской общественностью и признание ею нового материалистического учения об языке академика Н. Я. Марра» [Андреев, 1929а, с. 3]; «Переломным моментом в этом отношении явился 1929 г., когда началось общее развернутое социалистическое наступление по всему фронту строительства, не исключая науки» [Быковский, 1933, с. 96]. Подводя итог, Аптекарь заявлял, что «в годы выполнения первого пятилетнего плана» яфетидология как особая отрасль языкознания перестала существовать, превратившись в марксистско-ленинскую науку о языке, тем самым советская наука «и на этом участке соревнования победила науку буржуазного мира» [Аптекарь, 1934, с. 59].

При официальной поддержке значительно укрепились марристские центры, прежде всего Яфетический институт, из малочисленного коллектива превратившийся в достаточно солидное учреждение. Как раз в 1929 г. там была учреждена аспирантура, вообще впервые созданная при академическом институте [см. Филин, 1988, с. 73]. К этому времени институт состоял из трех отделений: теоретического, разработки языкового материала и производственного. Теоретическое отделение включало пять секций, в том числе методологическую, классификации звуковой речи по стадиям, кинетической речи; отделение разработки языкового материала имело восемь кабинетов по группам языков, в том числе кабинеты допрометеидских языков Индии (дравидийских — ?), колониальных языков (?) и элементарных языков (?); в производственном отделении были отделы **учебы** и пропаганды, подготовки кадров [см. Башинджагян, 1937, с. 260—

262; Мещанинов, 1938, с. 7—8]. Основным направлением работы института уже считалась не теория смешения языков, а изучение языковых стадий.

Одновременно целому ряду других ученых создавались весьма тяжелые условия для работы. Тон задавал сам Марр, хотя еще в 1922 г. он утверждал, что «науке нужна терпимость и свобода» [М., т. V, с. 113]. Теперь он заявлял иное: «Когда мы переживаем чрезвычайно обостренную классовую борьбу в социалистическом строительстве, то новое учение об языке по яфетической теории, естественно, становится мишенью ожесточенных, часто злостных нападок... Против нее ополчаются в академической среде отнюдь не одни антисоветские элементы» [М., т. I, с. 276]; «В настоящий момент классовой борьбы на идеологическом фронте меня нисколько не поражает, как не поражали раньше, ярые нападки на яфетидологию и всякие иные выступления» [М., т. III, с. 119]; он обличает методы «индоевропейской лингвистики, пропагандируемой и в советской стране при сочувствии образованных, но, увы, несознательных единомышленников» [М., т. III, с. 182].

Уже эти цитаты не согласуются с частыми утверждениями о том, что Марр был ученым, пусть заблуждавшимся, но жившим в сфере высокой науки, а избиение его противников целиком на совести лиц из его окружения. Подобную точку зрения высказывали, особенно через много десятилетий, весьма несхожие между собой свидетели тех событий, см. [Орбели, 1955, с. 160; Абаев, 1960, с. 95; Аничков, с. 7; Порре, 1983, с. 53]; повторяют этот тезис и ученые другого поколения [Дьяконов, 1988, с. 181]. И. Е. Аничков назвал даже точку зрения Марра «умеренной и компромиссной» по сравнению с позицией его сторонников, хотя трудно найти в истории отечественной лингвистики человека, менее обладавшего этими качествами, чем Марр.

Однако нам представляется, что эти высказывания уважаемых ученых отражают одну из многочисленных легенд о Марре, оказавшуюся более устойчивой, чем другие. Правда, существование в науке профессиональных бойцов с разномыслием гина Аптекаря позволяло Марру не утруждать себя черной работой и не снисходить с олимпийских высот до своих противников. Он не участвовал в дискуссиях и во всех своих погромных высказываниях редко упоминал конкретные фамилии. Но есть свидетельства о том, что вся борьба направлялась Марром.

Одно из них ценно тем, что оно принадлежит человеку, который хотел своим рассказом прославить Марра. И. В. Мегрелидзе вспоминал, что он написал статью о грузинских лингвистах для сборника «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (см. о нем ниже). Марр заявил: «Критикуемые вами авторы вносят в советское языкознание не контрабанду, а являются чистейшими формалистами; они разводят реакционные мысли и их называть контрабандистами — мало; они формалисты и эта статья пойдет в другом, еще более боевом сборни-

ке» [ПИДО, с. 195]. Современному человеку трудно понять, почему обвинение в формализме казалось тогда более серьезным, чем в контрабанде. Однако ясно, что погромный сборник формировался Марром, хотя его имени нет среди его авторов. Надо думать, что Марр вполне сознательно добивался впечатления того, что «лев бы и хорош, да все злодеи волки», на которых в случае осложнений можно было свалить вину. Так отчасти и произошло, правда, уже после смерти Марра³.

Но до 1937 г. еще было далеко. А сейчас подручные Марра искали «врагов» везде. Аптекарь даже Мещанинова обвинил в непонимании значения марксизма и замене диалектики Марра «опошленной схематической моделью» [Аптекарь, 1929, с. 265, 268]; отсутствие в книге Мещанинова «Введение в яфетидологию» политической брани, по мнению Аптекаря, придавало «новому учению о языке» «вегетарианский или, если угодно, пацифистский облик» [Аптекарь, 1929, с. 264].

Мещанинова спасала близость к Марру. Другим ученым, особенно компартистам, было не у кого ждать защиты. Началось искоренение всех направлений в науке, не соответствовавших «новому учению о языке». В те годы «славяноведение» смешивается с панславизмом... Генетическое родство славянских языков объявлялось ересью... „Сравнительная грамматика славянских языков“ Г. А. Ильинского была рассыпана после набора» [Виноградов, 1959, с. 6]. В 1929 г. появилось исследование Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия», первая часть фундаментального труда. «Ленинградские марристы сразу же организовали „обсуждение“ этой работы, в ходе которого и автор и издательство Ленинградского восточного института подвергались безудержному опорочиванию со стороны рьяных рыцарей марризма» [Санжеев, 1951, с. 16]. В результате травли академик Б. Я. Владимирцов был вынужден отойти от языкознания, а два года спустя скоропостижно скончался.

В финно-угроведении вообще была прекращена всякая научная деятельность, кроме создания нормативных грамматик [СТИЛ, с. 397]. Искоренялось и всякое историческое языкознание, кроме марристского. О фундаментальном труде академика В. М. Истрина, сопоставлявшего язык греческого оригинала и славянского перевода «Хроники Георгия Амартола», анонимный рецензент писал так: «Появление этой книги... не может не вызывать удивления... Над книгой, имеющей на обложке и титульном листе отметку „1930 год“, носится мертвящий, схоластический дух александрийской учености» [РЯВСШ, 1930, № 3, с. 218].

³ Есть, впрочем, и иные факты. В бытность директором Публичной библиотеки он добивался освобождения арестованных сотрудников [Голубева, 1986, с. 28]. Арестованный в 1928 г. литературовед В. Л. Комарович отделался ссылкой в Нижний Новгород к отцу по ходатайству Марра и секретаря Нижегородского губкома А. А. Жданова [Богданова, 1988, с. 134].

Многие заслуженные ученые лишались работы и возможности печататься. Так, профессор А. И. Томсон, когда-то давно ставший первой жертвой нетерпимости Марра, теперь пострадал куда серьезнее: он был уволен из Одесского университета за «контрреволюционность» [Кузнецов, с. 419] и до самой смерти в 1935 г. не имел возможности работать в науке. Другие сами сдавались, не дожидаясь «оргвыводов». Академик А. Н. Самойлович, по собственному признанию, испытав на себе критику Марром его сравнительно-исторической классификации тюркских языков, отказался от печатания ее окончательной редакции [Самойлович, 1935, с. 117]. Пройдет несколько лет, и он уже будет восхищаться марровским сопоставлением имен героя турецкого кукольного театра Карагёз (т. е. черноглазый) и лидийского царя Крёза, заявляя, что это «изумительно интересный пример для иллюстрации тесных связей между турецким языком и одним из древних языков Малой Азии — лидийским» [Самойлович, 1935, с. 119]. Напомним, что Крёз жил в VI в. до н. э., а тюрки появились в Малой Азии лишь в XI в. н. э., о чем не мог не знать Самойлович.

Но не все лингвисты вели себя таким образом. И здесь необходимо прежде всего надо назвать имя Евгения Дмитриевича Поливанова.

Поначалу Поливанов, как и многие другие, не осознавал всей опасности марризма (тем более что ее трудно было увидеть из Ташкента, где он работал в 1921—1926 гг.). Два письма Поливанова Марру от 1924 и 1925 гг. показывают, что он тогда относился к Марру корректно и даже был готов участвовать в яфетидологических работах [см. Ларцев, 1988, с. 280—281]; принимал он и ряд этимологий Марра [Поливанов, 1923; с. 116—117]. Марр в это время был благожелателен к Поливанову, когда-то учившемуся у него грузинскому языку, см. его письмо к Поливанову [Леонтьев, Ройзензон, Хаяутин, 1968, с. 20]; использовал он и японско-малайские сопоставления Поливанова со ссылками [М, т. III, с. 225] или без ссылок [М, т. II, с. 55]. В 1926 г. Поливанов переехал в Москву, вскоре став председателем лингвистической секции РАНИОН, как говорят, при поддержке Марра. Первое время и в Москве Поливанов мало обращал внимания на марризм: в статье об итогах советских лингвистических исследований за десятилетие он упомянул Марра один раз как возглавлявшего изучение живых языков национальных меньшинств СССР [Поливанов, 1968, с. 55]. Но, как указал Л. И. Жирков [Прения, 1929, ч. 2, с. 13], в том же, 1927 г. Поливанов написал доклад против Марра, в следующем году читал его в РАНИОН, а в начале 1929 г. он решился вступить в открытую борьбу.

В феврале 1929 г. в Москве в подсекции материалистической лингвистики Комакадемии состоялась дискуссия, где докладчиком был Е. Д. Поливанов. Доклад, как и прения по нему, остался в стенограмме под грифом «секретно» и «хранить вечно»;

появились лишь тенденциозный отчет Аптекаря [РЯВСШ, 1930, № 4, с. 202—203] и крайне недоброжелательная к Поливанову газетная статья [ВМ. 1.03.1929]. Лишь недавно стенограмма доклада была напечатана сначала в выдержках [Ларцев, 1988, с. 78—82], а затем и полностью [Поливанов, 1991, с. 508—552]. Мы имели в своем распоряжении также стенограмму прений, любезно предоставленную Л. Р. Концевичем, который подготовил издание трудов Е. Д. Поливанова [Поливанов, 1991].

В докладе Е. Д. Поливанов точнее, чем кто бы то ни было из его современников, оценил Марра, хотя, может быть, он и несколько преувеличил значение его ранних кавказоведческих работ. Он был одним из немногих, кто мог тогда в СССР быть свободным от влияния мифа марризма, и сумел вскрыть многие его характерные черты вроде использования авторитета неспециалистов.

Как указал Е. Д. Поливанов, «здоровое ядро яфетической теории... заключалось в сравнительном грамматическом обычном компаративном изучении южнокавказских (картвельских.— В. А.) языков, производившемся только неумело, без должного знания методов, без должного знания общего языкознания». Выход же Марра за пределы Кавказа был ложным путем, что Поливанов показал на примере его работы о чувашском языке — «чуваши-яфетиды на Волге». «Привлечение чувашского языка.. сделано действительно так, как позволительно сравнивать языки, я бы сказал, человеку, так же далекому от лингвистики, как далек лингвист от химии»; «Положения, которые высказываются Марром, оказываются не связанными с фактами»; «Те положения, которые в числе положений яфетической теории являются правильными, аксиоматическими, они давно высказаны до Марра»; «У Марра многое не ново, а то, что ново, то исключительно необидительно»; Марром «часто самые факты берутся неверно».

Е. Д. Поливанов подробно рассмотрел ряд лингвистических примеров Марра, показав полную произвольность его построений и постоянные анахронизмы. Убедительно подвергнуты критике четырехэлементный анализ, тезис о движении человечества от множества языков к единству во все исторические эпохи и другие «открытия» Марра. Подвергнут сомнению и марксизм Марра: «Вот тут-то и чувствуется, что Марр не марксист, потому что, признавая, что язык изменяется в зависимости от эволюции коллектива, нужно давать не одну форму развития, а нужно дать две формы: именно — при одних экономических условиях — одно развитие, при других — другое».

Отвергая «новое учение о языке» как ненаучное, Поливанов защищал принципы сравнительно-исторического языкознания: «Праязыки существуют. Если спросят — где существуют, я говорю — сколько хотите, например, латинский праязык, романский праязык, точно так же любой другой праязык вовсе не должен относиться к эпохе зарождения человеческой речи. Об-

неславянский, общеевропейский и прочие языки в данном отношении имеют такое же право на признание, как и латинский. Разница только в том, что латинский засвидетельствован еще письменностью, и разница эта существенна. Письменность латинская и дает нам подтверждение метода». Опровергал Поливанов также тезис марризма об отказе «буржуазной науки» от изучения неиндоевропейских языков. Доклад был посвящен не только критике марризма; в его второй части намечались пути построения подлинно марксистского языкознания.

Доклад вызвал целую бурю. На трех заседаниях в дискуссии выступило помимо докладчика 18 человек (такое число отражено в стенограмме, хотя называют и цифру более 30 человек). В подавляющем большинстве это были сторонники Марра. После доклада на два последующих заседания приехала группа ленинградских марристов во главе с И. И. Мещаниновым (Марра не было). Состав выступавших сторонников Марра был разнообразным: здесь были люди, далекие от лингвистики, во главе с В. М. Фриче, ставшим к тому времени академиком, ближайшие сотрудники Марра И. И. Мещанинов и Н. Г. Франк-Каменецкий, сделавшие ставку на марризм специалисты по конкретным языкам — славист Н. С. Державин, арменист И. К. Кусикьян, семитолог Б. М. Гранде, увлеченные новым учением начинающие ученые типа А. А. Холодовича, и, наконец, поддавшиеся мифу серьезные и во многом близкие Поливанову лингвисты Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков. Главную роль играл Аптекарь, выступавший три раза.

Все эти люди отвергали с порога почти любое высказывание Поливанова, цепляясь к формулировкам. Уровень «научной» аргументации можно видеть по одному примеру. Поливанов говорил: «Индоевропеистика, т. е. индоевропейская сравнительная грамматика, вовсе не должна заниматься чувашским языком, сирийским языком, африканскими языками. И этого так же странно требовать, как странно требовать того, чтобы ихтиолог занимался птицами, а орнитолог занимался рыбами». Непредубежденному читателю ясно, что здесь идет спор с декларацией Марра, обвинявшего компаративистов в том, что они «замыкаются» в рамках языковых семей и не сравнивают любой язык с любым. Но Кусикьян, используя разные значения термина «индоевропеист» — в обычной науке, включая Поливанова (специалист по индоевропейским языкам), и у Марра (любой лингвист, не исходящий из «нового учения о языке»), заявлял: «Он говорит о том, что индоевропеисты не должны заниматься африканскими языками, и не должны заниматься всякими другими языками, кроме европейских. Тут он окончательно запутался в своих положениях. Почему не должны индоевропеисты заниматься. Индоевропеисты занимаются с помощью своего метода индоевропейскими языками, но они применяют свой метод и в отношении африканских языков и т. д. В борьбе с яфетической теорией проф. Поливанов дошел до того, что отрицает пра-

во индоевропейцев заниматься африканскими и прочими языками» [Прения, 1929, ч. 2, с. 10].

В речах большинства выступавших поношение Поливанова сопровождалось дифирамбами Марру и его теории. Державин заявлял: «Товарищи, то, что дает Марр в яфетической теории, это... лингвистика XX века, которая, несомненно, должна будет завоевать себе место в мировом масштабе, а не только в советской России» [Прения, 1929, ч. 1, с. 31]. Даже Жирков, признавший, что в конкретном анализе Марра много ошибок, декларировал: «Всю свою критику тов. Поливанов направил на отдельные ошибки, но что он этим доказал... И нам приходится сказать как сказал Галилей: „А все-таки она вертится“... Фактические ошибки, если даже мы их все вскроем, все-таки не подорвут того, что есть основного в работах Марра» [Прения, 1929, ч. 2, с. 17]. Сходно высказался и Яковлев, указавший, что он не во всем согласен с Марром и его, может быть, даже нельзя называть яфетидологом, но «выгода не в материально добытых фактах, а в том направлении, которое Николай Яковлевич придал своему исследованию. Его живая мысль так увлекает всех окружающих лингвистов» [Прения, 1929, ч. 1, с. 49].

Яковлев и Жирков, как и Мещанинов и некоторые другие, оставались в пределах научной полемики. Но часть выступавших, особенно Аптекарь и Державин, пошла по пути дискредитации личности Поливанова. Пускалось в ход все: начиная от заявления Державина, что у Поливанова нет «никаких научных трудов» [Прения, 1929, ч. 1, с. 28]⁴, до гнусного обвинения в принадлежности к черносотенной организации, на которое Поливанову пришлось отвечать в заключительном слове [Прения, 1929, ч. 2, с. 65—66].

Поддержал Поливанова лишь член-корреспондент АН СССР Г. А. Ильинский, видный славист, который заявил: «Тридцать лет я работаю на поле славянского языкознания. Но должен сознаться, что мне не случалось встречаться с теорией, которая была бы построена так опрометчиво и так легкомысленно, даже в чисто научно-техническом значении, как яфетическая теория» [Прения, 1929, ч. 2, с. 25]; «Яфетическая теория не только не представляет никакого научного завоевания, не только не заключает в себе никаких новых достижений, но она представляет собой рецидив, возвращение к той младенческой эпохе языкознания, когда, по счастливому заявлению Вольтера, согласные значили мало, а гласные совсем ничего» [Прения, 1929, ч. 2, с. 31].

Но мужественное выступление Ильинского не могло принести ничего, кроме будущих неприятностей для него. Общий настрой собравшихся, среди которых преобладали нелингвисты, недоброльные тем, что Поливанов много времени уделил разбору

⁴ К концу 1928 г. Поливанов имел 94 печатные работы, см. [Поливанов, 1968, с. 31—38].

примеров, был осуждающе враждебным к Поливанову. Подводя итоги, В. М. Фриче сказал: «Доклад представляется нам научно необоснованным, а по своим приемам, местами недопустимым, и, конечно, своей цели доклад не достиг. Научная репутация Николая Яковлевича Марра вышла из этой атаки незапятнанной, яфетическая теория, как видно из диспута, имеет все больше и больше сторонников, и хотя есть всякие неувязки и всякие недочеты, но сторонники ее проделывают большую, живую, новаторскую работу, о которой судить не Поливанову, конечно» [Прения, 1929, ч. 2, с. 77]. Одним из аргументов Фриче было то, что нельзя нападать на ученого, который состоит членом Общества историков-марксистов и которого поддерживает «такой авторитет, как Михаил Николаевич Покровский» [Прения, 1929, ч. 2, с. 77—78]. В заключительном слове Поливанов с торечью заметил: «Имею дело здесь с верующими — это прежде всего. Было бы смешно мне ставить своей задачей переубедить верующих» [Поливанов, 1991, с. 547].

Отношение к Поливанову резко изменилось, началась его травля. Меньше чем за год до этого «Известия» поместили положительную рецензию Л. И. Базилевича на его работы [И. 29.05.1928]. Теперь это стало невозможным. После разгромной статьи в «Вечерней Москве» Поливанов написал ответное письмо, полное достоинства, но оно так и не увидело тогда света и опубликовано только теперь, почти через 60 лет [Ларцев, 1988, с. 85—87]. Основные положения доклада Поливанов пытался напечатать в виде «экскурса» в «Ученых записках» РАНИОН; уже на стадии верстки статья была изъята, а корректура «экскурса» нашлась в Пражском архиве Поливанова лишь в январе 1990 г. и опубликована Л. Р. Концевичем [Поливанов, 1991, с. 552—561].

Началась борьба с «поливановщиной». Сыпались обвинения типа: «Думает ли кто-нибудь, что выступление Поливанова... является пустяковым делом? Нет, вся эта травля имеет политический смысл, общественное значение, и руками Поливановых пытаются вести борьбу против Марра и против яфетической теории» [Рафаил, 1930, с. 163]. Осенью того же 1929 г. Поливанов был вынужден вернуться в Среднюю Азию. Многие уже принятые к печати его работы так и не увидели света.

Однако через два года Поливанову все же удалось опубликовать сборник статей [Поливанов, 1931а]. О марризме там говорится кратко, но очень резко: «Для науки совершенно не пужна полемика с яфетидологией. Отношение к марризму у всякого мало-мальски сведущего лингвиста вполне определенное и не пуждается в комментариях» [Поливанов, 1931а, с. 6]. Об Аптекаре и подобных ему сказано: «Было бы совершенно напрасной тратой энергии давать ответы моим оппонентам-нелингвистам, столкнуться с которыми в этом деле столь же безнадежно, как объяснять теорию Эйнштейна лицам, не знающим таблицы умножения» [Поливанов, 1931а, с. 7].

О незыблемости основных положений науки о языке Поливанов высказался более пространно: «Никакой науки, кроме буржуазной, вообще не существовало, а на Западе не существует и до настоящего времени. И это относится и к лингвистике, и к астрономии, и к теории вероятностей, и к орнитологии и т. д. и т. д. Наша задача состоит в том, чтобы убедиться, что такая-то и такая-то научная дисциплина сумела установить ряд бесспорных положений» [Поливанов, 1931а, с. 15]. Формулы звуковых соответствий и другие результаты прежней науки не нуждаются в коррективах идеологии [Поливанов, 1931а, с. 27]. Нет «индоевропестики», методологически отличной от неиндоевропейского языкознания [Поливанов, 1931а, с. 25]. Поливанов делал вывод, что полное отрицание буржуазной науки превратит нас в обскурантов и что В. И. Ленин «не раз предостерегал против авторов такой куцей пролеткультуры и куцей пролетнауки» [Поливанов, 1931а, с. 15].

Сейчас подобные высказывания могут показаться очевидными и даже тривиальными. Однако в те годы они вызвали новую вспышку ярости. К сожалению, в новой травле Поливанова приняли участие не только приспешники Марра, но и ученые, близкие ему по духу.

А. М. Сухотин, талантливый и образованный лингвист, один из основателей Московской фонологической школы, активный участник создания новых алфавитов, переводчик на русский язык Ф. де Соссюра, несомненно, принадлежал к новаторам в советской науке и был далек от марризма (см. о нем [Холодович, 1977, с. 29]). Наряду с Поливановым он и в начале 30-х годов выступал против марровского учения. «Исходить при построении марксистско-ленинской лингвистики надо отнюдь не из яфетидологии, а из общих методологических установок марксизма-ленинизма. ...Наше отношение к ней (яфетидологии. — В. А.) может быть только как к *наследству*» [Сухотин, 1932, с. 125]. И почти в то же время он печатает разгромную рецензию на книгу Поливанова, обвиняя его в признании «буржуазной» компаративистики; не соглашался с Поливановым А. М. Сухотин и в связи с критикой Марра [Сухотин, 1931].

Не защитили Поливанова и другие ученые, которых он высоко оценил в своей книге и называл «потенциальными марксистами»: Н. Ф. Яковлев, Д. В. Бубрих, Н. В. Юшманов [Поливанов, 1931а, с. 5], а также всегда близкий к Яковлеву Л. И. Жирков, хотя именно в это время большинство из них выступили против марристов в связи с созданием новых алфавитов, а Бубрих, по свидетельству Р. Якобсона, высказывался против «нового учения о языке» [Trubetskoy, 1975, с. 160]. Все эти ученые, безусловно, бывшие специалистами мирового уровня⁵, в той или иной форме шли на компромисс с Марром и

⁵ См. постоянно высокие оценки Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, Д. В. Бубриха в письмах Н. Трубецкого [Trubetskoy, 1975, с. 81, 93, 121, 319].

марризмом. Так, Яковлев, назвавший немарксистским подход Марра к созданию письменностей, почти одновременно выпускает брошюру, где принимает основные марровские положения, касающиеся исторического развития языков, и отрицает языковое родство [Яковлев, 1930, с. 6, 8, 11]. Жирков совмещал критику работ Марра по грузинскому языку [КИПВ, вып. 9, 1931, с. 100] с принятием теории стадильности в фонологии [Жирков, 1931, с. 38—39]. Несколько позже сдался и Бубрих. И Н. Трубецкой, когда-то находивший в одной из его работ «признаки гениальности», был разочарован работой Бубриха об ария-мордовском языке [Бубрих, 1935б], где автор отвергал принципы компаративистики [Trubetskoj, 1975, с. 375]. Так шло вращение в марризм многих талантливых ученых. Не шедший на компромиссы Поливанов оказался изолированным.

Дискуссия февраля 1929 г. и разгром «поливановщины» были знаком победы марризма в советском языкознании [L'Hermite, 1987, с. 24]⁶. По выражению Б. В. Горнунга, «в языкознании установился режим, не свойственный науке и людям науки» [Пр, т. 2, с. 159]. Это было характерно не только для языковедения: вспомним, что тогда происходило в экономике, философии и других науках. В лингвистической среде в то время хотя бы не было массовых арестов, если не учитывать разгрома национальной интеллигенции в некоторых республиках, о чем следует писать особо⁷. При всей своей демагогии Аптекарь был не так уж далек от истины, говоря о связи победы «поворотного учения о языке» с окончанием нэпа и выдвижением лозунга об обострении классовой борьбы в стране [Аптекарь, 1934, с. 41—42].

В следующем, 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП(б). Это был первый партийный съезд, на котором проявился культ личности Сталина. В докладах и выступлениях говорилось о борьбе с «правой оппозицией», кулаками и вредителями. И именно здесь как никогда высоко поднялась звезда Марра. Дважды, в отчетном докладе и в заключительном слове по этому докладу, Сталин повторил один из постоянных тезисов Марра: «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым» [П.3.07.1930]. Ср. высказывание Марра: «Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей... Таким языком, естественно, не может быть ни

⁶ Правда, В. Кипарский заявляет, что марризм был единственным официально признанным учением в советской лингвистике еще с 1925 г. [СТИЛ, с. 94], с чем трудно согласиться. Вообще очерк В. Кипарского содержит небольшое число фактических неточностей [СТИЛ, с. 94—98].

⁷ Эпизодические аресты лингвистов в те годы, например, арест в 1928 г. сотрудничавшего с Марром И. Е. Аничкова, имели причины, прямо не относящиеся к марризму; ср. довольно благоприятное отношение к Марру в позднейших воспоминаниях Аничкова.

один из самых распространенных живых языков мира» [М, т. II, с. 25]⁸.

После этого марристы имели все основания считать, что их учение получило высочайшую поддержку; посыпались заявления о том, что будто бы «учением о едином глоттогоническом процессе Н. Я. Марр доказал и иллюстрировал на богатом языковом материале гениальное положение, высказанное т. Сталиным на XVI съезде ВКП(б)» [Предисловие, 1936, с. 3] - (хотя историческая связь была обратной) и даже, что в речи Сталина «было сформулировано... движение языков от множества к единому» [Гранде, 1936, с. 46] (хотя Сталин говорил лишь о будущем, но не о прошлом)⁹.

Марр и сам появился на съезде. Среди многочисленных приветствий съезду было и приветствие от научных работников, с которым сразу же после отчетного доклада Сталина выступил Марр, незадолго до этого ставший вице-президентом Академии наук СССР. Как сказано в газетном отчете, «выступление академика Марра и профессора Келлера превращается в демонстрацию единения рабочего класса и представителей науки, идущих в ногу с рабочим классом по пути социалистического строительства. Делегаты съезда устраивают овацию выступающим ученым, резко осуждающим аполитичность и призывающим всех ученых и специалистов отдать себя целиком делу социалистического строительства и революционной борьбе пролетариата» [И. 29.06.1930]. Рассказывают, что, произнося речь в присутствии Сталина, Марр часть ее сказал по-грузински.

Здесь впервые в нашем повествовании появляется фигура Сталина, после чего вновь исчезнет до 1950 г. Встреча двух уроженцев Грузии на XVI съезде была скорее всего единственной¹⁰. Конкретными данными об отношении Сталина к Марру в те годы мы не располагаем. Однако список приветствий на съезде несомненно утверждался им. На съезде Марр выступал еще в качестве «беспартийного большевика». Но в том же году он стал членом ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа (за всю историю компартии тогда этой чести удостоилось лишь несколько человек), также, видимо, с санкции Сталина.

Так «эпоха рождала свои культы и культки, связанные с первым, главным» [ЛП.20.11.1988]. В печати, особенно в изданиях подведомственных Марру учреждений, его еще при жизни уже называют «великим» и «гениальным», а статья на любую тему, публикуемая в ГАИМК, вплоть до описания керамики горных таджиков обязана начинаться со славословий «новому уче-

⁸ Связь этих высказываний может быть лишь в направлении от Марра к Сталину, так как цитата из Марра относится к 1926 г.

⁹ Отметим, что здесь же Сталин употребил отвергавшийся Марром термин «национальные языки». Спустя 20 лет Сталин повторит его, обратя уже против Марра.

¹⁰ Однако есть свидетельство о том, что Сталин и Марр были знакомы и общались на родном для обоих языке (Рорре, 1983, с. 53). Мы не имеем каких-либо подтверждений этого.

нию о языке». Число должностей и званий Марра все растет, среди них даже звание почетного краснофлотца [ПИДО, с. 236].

Однако в это время последний раз при жизни Марра предпринимается попытка если не опровергнуть его учение, то хотя бы ограничить его претензии на всеобщность.

15 сентября 1930 г. появилось обращение группы лингвистов, в основном молодых, назвавшей себя «Языкофронт»¹¹. Организационным ее лидером был член партии с 1917 г., работник Коммунистического университета трудящихся Востока Г. К. Данилов, «идейным же вождем был тогда совсем еще молодой Г. П. Ломтев, поступивший осенью 1930 г. в аспирантуру РАНИОН по лингвистике (окончив перед этим Воронежский университет)» [Кузнецов, с. 405]. Важную роль играл также Я. В. Лоя, еще в 1929 г. выступивший в журнале РАППа «На литературном посту» с программной статьей, превосхищавшей положения «Языкофронта» [Лингвист, 1929]. В первоначальном составе группы были также К. А. Алавердов, М. С. Гус, Э. К. Дрезен, С. Белевицкий и другие. Вскоре к «Языкофронту» присоединилось еще 25 человек, в основном из аспирантов и студентов, среди них были известные впоследствии лингвисты Н. С. Кузнецов, Н. С. Чемоданов, С. Б. Бернштейн. Группа имела центр в Москве и филиалы в Ленинграде и Смоленске [РИЯ, с. 77—78].

«До сих пор с марризмом боролись старые индоевропейцы... Языкофронт начал борьбу с Марром и его школой с марксистских позиций» [Кузнецов, с. 405]. Взгляды «Языкофронта» нашли отражение в публикациях значительно в большей степени, чем идеи Поливанова; см. статьи [Ломтев, 1931; Добровольский, 1931], единственный номер журнала «Революция и язык», а также вышедшую несколько позже брошюру [Кузнецов, 1932]. Языкофронтовцы добились организации второй дискуссии по языкознанию в той же подсекции Комакадемии в октябре—декабре 1930 г., продолжавшейся уже 13 заседаний. Основными докладчиками от «Языкофронта» здесь были Т. П. Ломтев и Г. К. Данилов, а их оппонентами — В. Б. Антекар, С. Н. Биковский, И. К. Кусикьян и другие ортодоксы марризма, а также не примыкавшая до конца ни к одной из партий Р. О. Шор. Марр, как всегда, отсутствовал. Если во время поливановской дискуссии он был за границей, то сейчас просто не приехал из Ленинграда, высказав в печати единственное попутное замечание о своих противниках: «Смелые головы без знания языков (видимо, опять яфетических. — В. А.) марксистски разъясняют языковедные проблемы» [М, т. II, с. 293].

Языкофронтовцы пытались одновременно бороться против «буржуазной науки» и против «нового учения о языке». Если Е. Д. Поливанов объективно оценивал научное наследие, то

¹¹ Незадолго до того в составе РАППа появилась группировка «Литфронт», сходная по программе с «Языкофронтом»; близость названий, видимо, не случайна. Дальнейшая судьба этих формирований тоже оказалась похожей.

«Языкофронт» в отношении к нему не отличался от марризма: «Основной концепцией, питающей национальные уклоны в лингвистике и особенно великодержавный уклон, является индоевропеистика — исконный враг марксизма» [РИЯ, с. 4]; «Старое учение о языке — продукт буржуазной науки, — которое в наши дни господствует в капиталистических странах, а порой преподносится и нашим студентам с кафедр советских вузов» [Кузнецов, 1932, с. 7]; Петерсоны и Ушаковы — «представители псевдонауки» [Ломтев, 1931, с. 115]¹². Отмежевывались языкофронтовцы и от Поливанова: «Поливановщина должна быть «глубоко разоблачена» [РИЯ, с. 8].

Неоднозначно было и отношение к Марру: миф уже так разросся, что трудно было ему где-то не поддаться. Как положительные черты Марра в тех или иных комбинациях перечислялись: материализм, тезис о языке как надстройке, признание классового принципа, связь языка с историей культуры, отказ от изолированного рассмотрения языковых семей и отрицание праязыка, признание скачкообразности языкового развития, а также в самом общем плане идеи о единстве глоттогонического процесса и стадийности [см. РИЯ, с. 4; Лингвист, 1929, с. 55; Ломтев, 1931, с. 125; Кузнецов, 1932, с. 18, 19, 37, 55]. Соглашались языкофронтовцы и со словами М. Н. Покровского о том, что многое у Марра войдет в «железный инвентарь» марксизма [Кузнецов, 1932, с. 55]. Формально из яфетической теории принималось многое, но больше это относилось к абстрактным положениям, чем к конкретному анализу. Иногда даже считали, что Марр недостаточно отошел от «буржуазной науки»: явная переоценка им роли Средиземноморья в мировом развитии интерпретировалась как неполный отказ от идеи прародины [Кузнецов, 1932, с. 25—26].

Однако многое у Марра языкофронтовцы безоговорочно отвергали. Прежде всего подвергались осуждению погружение в доисторию за счет современности и элементный анализ. Мы в предыдущей главе уже приводили слова К. А. Алавердова о «неестественной дальнзоркости» марризма, с которыми нельзя не согласиться. В своей статье, пожалуй, самой убедительной в РИЯ, он также разбирал недостатки аналитического алфавита и показывал, что «громадные успехи Комитета нового алфавита достигнуты помимо и вопреки яфетидологам» [РИЯ, с. 51]. Об уклоне Марра в доисторию говорили и другие языкофронтовцы [Лингвист, 1929, с. 55; Кузнецов, 1932, с. 42].

Г. К. Данилов отмечал, что в сборниках под редакцией Марра наиболее актуальными проблемами занимались языковеды, склонные к «индоевропеизму» (В. М. Жирмунский о социальных диалектах), тогда как марристы погружены в доисторию. Отсюда делался вывод: если марристы займутся современ-

¹² Исключение среди классиков языкознания, правда, делалось для В. Гумбольдта, чья роль сопоставлялась с ролью Гегеля в философии. Аптекарь же требовал отбросить и его учение [РИЯ, с. 13—14].

ностью, «ничего яфетидологического у них не останется» [РИЯ, с. 26]. «Перестраивая учение о языке, подводя под него материалистическую базу, следовало бы начинать не с далекого прошлого, о котором у нас нет почти никаких данных» [Кузнецов, 1932, с. 31].

Столь же непримиримы были языкофронтовицы и к «игре алхимическими четырьмя элементами» [Лингвист, 1929, с. 55]. «Гипотеза четырех элементов уничтожает самую идею движения языка: как бы далеко ни ушел язык в своем развитии, в нем неизбежно остаются все те же элементы... И неясно даже, зачем еще работать и анализировать, раз заранее известно, что в любом, даже еще не изученном, языке мы вскроем все те же неизбежные *сал, бер, йон, рош*» [Кузнецов, 1932, с. 30—31]; аналогичную критику см. и у Г. К. Данилова [РИЯ, с. 23—25]. Впрочем, Т. П. Ломтев утверждал иное: «Элементный анализ необходим в известных пределах, но он недостаточен» [Ломтев, 1931, с. 124].

Языкофронтовицы считали неприемлемым у Марра и слишком прямолинейное сведение изменений в языке к изменениям в экономике [Кузнецов, 1932, с. 51; Ломтев, 1931, с. 121], стадиальную схему развития языков от аморфных через агглютинативные к флективным [Кузнецов, 1932, с. 41—42]¹³, положение о классах в первобытном обществе и зарождении звуковой речи среди магов¹⁴, стремление распространить на все языки схемы и модели, выработанные на кавказском материале [Кузнецов, 1932, с. 40] и т. д. Из всего этого делался вывод, что, хотя в «новом учении о языке» есть элементы «стихийного марксизма», в целом это «механицизм, который претендует на звание марксизма» [РИЯ, с. 5]. Задачу создания марксистской лингвистики, по мнению языкофронтовцев, еще предстояло решить.

В отличие от Е. Д. Поливанова языкофронтовицы выступили сплоченной группой, имели они и поддержку среди работников ЦК ВКП(б) и особенно Наркомпроса, где работал член «Языкофронта» К. А. Алавердов. Поэтому вторая дискуссия не в пример первой окончилась как бы вничью и немедленных «органовыводов» не последовало. Более того, уже после дискуссии группа «Языкофронт» создала свой научный центр: 15 февраля 1931 г. был основан Научно-исследовательский институт языкознания при Наркомпросе, ставший на короткое время ведущим лингвистическим центром Москвы, способным конкурировать с ленинградским Яфетическим институтом (Институт языка и литературы при РАНИОН, где работал Е. Д. Поливанов, был уже ликвидирован, а Институт национальностей СССР находился под влиянием марристов).

¹³ Ср. замечание о том, что, следуя Марру, нельзя объяснить, почему капиталистическая Япония говорит на агглютинативном языке [Кузнецов, 1932, с. 41—42].

¹⁴ Несоответствие Марра Ф. Энгельсу здесь было столь явно, что в дискуссии Аптекарь и Быковский не смогли защититься и признали недоработанность учения Марра в этом пункте [Кузнецов, 1932, с. 25].

Директором института был назначен далекий от лингвистики выпускник Института красной профессуры М. Н. Бочачер, а его заместителем — Г. К. Данилов. Среди сотрудников и аспирантов института были почти все члены «Языкофронта». Помимо них в институте работали многие другие московские лингвисты: два видных русиста старой школы, члены-корреспонденты АН СССР Н. М. Каринский и А. М. Селищев, уже упоминавшиеся Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, А. М. Сухотин, тогда еще молодые, а впоследствии известные специалисты Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, В. А. Артемов, Е. М. Галкина-Федорук и другие. В целом состав института был сильным, достаточно сказать, что именно здесь сложился коллектив, позже названный Московской фонологической школой: все члены ее, кроме А. А. Реформатского, работали в этом институте. Структуру института образовали три сектора: методологический во главе с Г. К. Даниловым, исторический во главе с Н. М. Каринским и практический во главе с М. С. Гусом. О деятельности института существуют интересные воспоминания П. С. Кузнецова [Кузнецов, с. 405—424], частично опубликованные [Реформатский, 1970а, с. 24—28; Реформатский, 1970б, с. 23—24].

Институт вел активную борьбу с «новым учением о языке», подготовив помимо брошюр и статей коллективную записку в ЦК ВКП(б) [Кузнецов, с. 416]. Однако не меньшее место в деятельности института заняла «охота на ведьм» в собственных стенах. Главной мишенью был избран выдающийся ученый А. М. Селищев, не соглашавшийся отказываться от принципов сравнительно-исторического языкознания. Началась проработка его деятельности на собраниях, где ведущую роль играл Т. П. Ломтев; не поддержал своего коллегу и Н. М. Каринский (об этом см. [Кузнецов, с. 414—415]). Лишь аспирант Селищева С. Б. Бернштейн выступил в защиту учителя. В январе 1932 г. Селищев был уволен из института, месяцем позже его участь разделил Бернштейн, исключенный и из «Языкофронта». Правда, после вмешательства наркома просвещения А. С. Бубнова оба летом того же года были восстановлены на работе. Впрочем, и Н. М. Каринский, склонный в отличие от Селищева к компромиссам, еще раньше был обвинен Т. П. Ломтевым в «методологических ошибках» и лишился заведования сектором.

Но над группой «Языкофронт» и связанным с ней институтом уже сгущались тучи. Марристы перешли в наступление. Орган института, журнал «Революция и язык», который должен был выходить ежеквартально, прекратил свое существование в 1931 г. после первого же номера. В 1932 г. был вынужден самоликвидироваться и сам «Языкофронт»¹⁵. Однако уже после это-

¹⁵ П. С. Кузнецов [Кузнецов, с. 423], а за ним А. А. Реформатский [Реформатский, 1970б, с. 24] и В. А. Звегинцев [Звегинцев, 1990, с. 7] писали, что «Языкофронт» был распущен в 1933 г. Но в брошюре «Яфетическая теория» Кузнецов уже говорит о нем как о «бывшем» [Кузнецов, 1932, с. 25]. Дату 1932 г. подтверждает и последний языкофронтонец С. Б. Бернштейн.

то под грифом института П. С. Кузнецов опубликовал брошюру «Яфетическая теория», где содержалось самое развернутое в те годы опровержение идей Марра [Кузнецов, 1932]. Ее одобрили многие серьезные ученые вплоть до уже отстраненного от дел Л. И. Томсона [Кузнецов, с. 420]. Марр же назвал ее «китайской бомбой» по аналогии с происходившим незадолго до этого инцидентом на КВЖД [Кузнецов, с. 423]. В газете «За коммунистическое просвещение» появилась разгромная рецензия на эту брошюру [Севортян, 1932]. Институт был вынужден отмежеваться и осудить эту брошюру Кузнецова на собрании.

Но было поздно. «Вопрос о лингвистических направлениях и учреждениях разбирался где-то в высоких инстанциях, и весной 1933 г. НИЯЗ был ликвидирован» [Кузнецов, с. 424]. Сотрудники должны были трудоустраиваться сами. Одни уезжали из Москвы, как Т. П. Ломтев, надолго осевший в Минске, другие остались без работы, как П. С. Кузнецов, лишь с трудом получивший лаборантское место с низкой заработной платой; только в 1936 г. он получил возможность преподавать в Московском педагогическом институте [Кузнецов, с. 424]. Больше не было конкурентов у Яфетического института, незадолго до этого, в конце 1931 г., преобразованного в Институт языка и мышления Академии наук СССР (ИЯМ); в него в 1930—1931 гг. влились Комиссия русского языка Академии наук СССР и лингвистической части Институты славяноведения и востоковедения. В Ленинграде еще некоторое время существовал свой Научно-исследовательский институт языкознания во главе с Л. П. Якубинским, но скоро и его поглотит ИЯМ.

И до и после ликвидации «Языкофронта» шла проработка его членов. Критика бывала и сравнительно академической, как в статье С. Д. Кацнельсона, побивавшего языкофронтовцев длинными цитатами из К. Маркса и Ф. Энгельса и выводившего истоки идей Т. П. Ломтева из... М. Штирнера [Кацнельсон, 1934]. Но чаще, конечно, она превращалась в грубую брань. Тот же В. Б. Аптекарь выстраивал ряд: от мистера Аллена — через «эпигона субъективно-идеалистической школы» «черпососеющего лингвиста-идеалиста» Поливанова до языкофронтовцев [Аптекарь, 1934, с. 45]. Даже спустя полтора десятилетия, когда подлинная история «Языкофронта» была забыта, марристы продолжали использовать это событие как пример для устрашения, заявляя, что «Языкофронт», якобы «распущенный как вредная организация», был «дубиной в руках индоевропейцев» [Филин, 1948, с. 490], объединявшей «идеалистов всех оттенков» ради «реабилитации буржуазного языкознания» [Миханкова, 1949, с. 445]. Как и в случае с Е. Д. Поливановым, нередко ругань по адресу «Языкофронта» совмещалась с изложением идей, очень близких к языкофронтовским, в том числе и в отношении критики Марра [Кошкин, 1932, с. 40—41].

Безусловно, позиция «Языкофронта» страдала многими пороками, свойственными времени, прежде всего это — отождеств-

ление науки с идеологией и нигилизм в отношении научного наследия. Здесь обе враждующие группировки мало отличались друг от друга. Но при этом «Языкофронт» критиковал и отвергал явно абсурдные стороны учения Марра, платформа этой группы открывала все-таки больше возможностей для нормальной научной работы. Тем не менее «Языкофронт» был разгромлен и довольно быстро. Вряд ли это можно объяснить неопытностью языкофронтовцев, якобы наделавших «ошибок в марксизме», как считает Л. Л. Томас [Thomas, 1957, с. 91]. Но у Марра ошибок было явно не меньше. Некоторые из языкофронтовцев, особенно Т. П. Ломтев и Г. К. Данилов, были склонны к догматическому теоретизированию, так же как и их противники¹⁶. Опыта, по крайней мере, в навешивании ярлыков, у языкофронтовцев тоже хватало, чего стоит такое обвинение в адрес марристов: «Культивирование на лингвистической почве одной из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыва между теорией и практикой» [РИЯ, с. 4—5]. Но, вероятно, языкофронтовцы выступили слишком поздно: марризм уже успел к концу 1930 г. укрепиться в центре и на местах и получить мощную официальную поддержку. Играло роль и то, что «Языкофронт» не мог выдвинуть столь влиятельного лидера, каким был Марр.

Выступление «Языкофронта» марристы смогли назвать «последней вылазкой классового врага на лингвистическом фронте» [Быковский, 1933, с. 97]. Теперь им ничто не мешало громить не только прямых противников, но и вообще всех, кто работал без оглядки на Марра.

Пиком этой кампании была вышедшая в 1932 г. книжка под устрашающим названием «Против буржуазной контрабанды в языкознании»¹⁷. Она появилась под редакцией С. Н. Быковского и состояла из статей ленинградских сотрудников и учеников Марра, в большинстве совсем молодых. Среди тринадцати авторов наибольшую активность проявил ставший лишь за год до этого аспирантом Марра выпускник Московского государственного педагогического института Ф. П. Филин. Если все другие авторы представлены каждый одной статьей, то он опубликовал две статьи, подписанные полным именем, статью за подписью Ф. Ф., а из изданного почти полвека спустя списка трудов члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина мы узнаем, что ему

¹⁶ Ср. такие слова Т. П. Ломтева: «Яфетическая теория возникла в лоне сравнительной индоевропистики, следовательно, она должна была по необходимости остаться в кругу принципов сравнительного рассматривания объектов познания — это ее недостаток. Традиции мертвых поколений кошмаром тяготеют над головами живых» (напечатано на языке идиш, цит. по [Кацнельсон, 1934, с. 117]). Г. К. Данилов всерьез пытался выделить особый язык рабочих-ударников.

¹⁷ Термин, бывший тогда в ходу. Примерно в то же время на историческом факультете Московского института философии, литературы и истории группа студентов повесила лозунг «Позор меньшевистствующим идеалистам и контрабандистам» с перечислением имен профессоров.

принадлежит и неподписанное предисловие [Филин, 1978, с. 37]. Членом-корреспондентом АН СССР впоследствии стал и еще один из авторов сборника А. К. Боровков.

Хотя непосредственной мишенью авторов этой книги служила группа «Языкофронта», они затем в азарте критики выходят далеко за пределы этого круга лиц. Им не откажешь в понимании того, «кто есть кто» в советском языкознании. Почти во всех статьях и в предисловии по разным поводам и без повода клеймятся помимо ведущих языкофронтовцев Е. Д. Поливанов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, Г. О. Винокур, Н. Ф. Яковлев, А. М. Селищев, М. Н. Петерсон, Д. В. Бубрих, Н. М. Каринский, Н. Н. Дурново, А. И. Томсон, В. Н. Волошинов¹⁸, Р. О. Шор, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев, А. В. Миртов, группа исследователей языков народов Севера. За исключением совсем молодых и еще мало известных лингвистов и некоторых, отсутствующих, вероятно, случайно¹⁹, здесь нет лишь Л. П. Якубинского, который фигурирует в сборнике, к сожалению, в качестве автора. Досталось всем: и последовательным противникам Марра вроде Поливанова, и тем, кто шел на компромисс с марризмом, но сохранял независимость, таким, как Яковлев и Шор, и ученым, просто никогда не упоминавшим Марра, например Пешковскому.

В отдельных случаях в сборнике есть, казалось бы, и справедливая критика, например, Л. П. Якубинский и Ф. П. Филин отвергают действительно примитивные и прямолинейные построения Г. К. Данилова, пытавшегося во чтобы то ни стало определить такие особенности языка пролетариев, которых нет у представителей других классов. Но и эта критика ведется с еще более вульгарных позиций. Данилов при всей своей наивности пытался хотя бы оставаться лингвистом. Филин прямо требовал заменить изучение «пролетарского языка» изучением пролетарской идеологии, что, по его мнению, одно и то же [ПК, с. 36]. Здесь же Филин громит элементарное для любого лингвиста и поддержанное Даниловым положение о том, что язык изменяется по частям, лексика быстрее всего, заявляя, что при таком подходе «игнорируют связь языка с мышлением» [ПК, с. 37].

Но это редкий пример, когда хотя бы разбираются взгляды противника. В основной же части статей авторы как будто соревнуются в наклеивании ярлыков, многие из которых стали ходовыми после организованной Сталиным травли видных философов-марксистов в 1930—1931 гг. В предисловии Ф. П. Филин признал, что участники сборника в своих оценках не достигли

¹⁸ Сейчас считают, что в написании книги В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» участвовал М. М. Бахтин.

¹⁹ Отсутствие имени В. В. Виноградова связано, возможно, с тем, что он тогда воспринимался как литературовед. Трудно объяснить, почему не упомянут Л. И. Жирков, близкий к изруганному вконец Яковлеву. Как уже говорилось выше, предназначавшаяся в сборник статья против грузинских ученых не была включена в него самим Марром.

единства: «Одни из авторов... рассматривают „языкфронт“ как право-„левацкий“ блок, другие подчеркивают в работах „языкфронта“ меньшевистствующий идеализм, третьи — механицизм... В действительности в работах „языкфронта“ на лицо (так. — В. А.) все упомянутые стороны» [ПК, с. 4]. Далее Данилов, уже опубликовавший статью «Мои ошибки», назван «троцкистом по взглядам» [ПК, с. 16]. Ломтев же, по мнению Филина, «протаскивает социал-Фашистскую контрабанду» [ПК, с. 40]. Е. Н. Петрова приписала А. М. Пешковскому «развязное оголтелое разделявание с марксистско-ленинскими установками» [ПК, с. 159] и борьбу за «дело полной дезориентации учительских масс» [ПК, с. 160] (спустя год выдающийся ученый скончался). После этого стандартные обвинения других лингвистов в «идеализме» и «немарксизме» казались безобидными. Наконец, Филин заявлял, что и у Марра есть ошибки, которыми участники сборника в дальнейшем и займутся [ПК, с. 5]. Все это достойно еще не родившихся тогда хунвэйбинов²⁰.

Ф. П. Филин не ограничивался борьбой с «буржуазной контрабандой» на стороне. В том же году он и еще два аспиранта Института языка и мышления выступили в «Ленинградской правде» с разоблачениями «идеалистических и механистических вывихов» сотрудников своего института. Уже и И. И. Мещанинов обвинялся в том, что он «отстаивает „теорию“ языка как „системы условных знаков-иероглифов“, тем самым протаскивая меньшевистскую контрабанду», а также «подменяет марксизм марризмом» (неожиданно Филин смыкается в своих высказываниях с разоблачаемым им же «Языкфронтом»); изруганы в статье также С. Л. Быховская и Е. Н. Петрова [Бертагаев, Филин, Ермоленко, 1932]. Эта акция, однако, последствий для критикуемых не имела: видимо, ее не поддержал сам Марр.

В Москве постоянным органом марристов стал журнал «Просвещение национальностей», где главным объектом идеологических нападков были лингвисты, занимавшиеся проблемами языкового строительства, особенно Н. Ф. Яковлев. Когда последний опубликовал лексикографическую программу для толковых словарей горских народов Кавказа и в разделе словника «Духовная культура» 7% составили слова, связанные с послеоктябрьской эпохой, а остальное — названия предметов и явлений традиционной культуры, отсюда незамедлительно был сделан вывод, близкий к политическому обвинению: «93% махровой половщины» [Кусикьян, 1931б, с. 73]; «Нет того, чтобы заняться данным языком как орудием социалистического строи-

²⁰ В иную эпоху (1975 г.) Ф. П. Филин уже по-другому оценивал тех же ученых, перечислив «прекрасные кадры ученых, педагогов», у которых учился в 20-е годы, назвав десять фамилий [Филин, 1988, с. 72]. Из них семеро было заклэймлено им или его соавторами в этом сборнике, а еще двоих Филин разоблачал в конце 40-х годов. Ср. статью Филина к столетию со дня рождения Д. Н. Ушакова [Филин, 1973] под названием «Рыцарь русского слова» и его призывы к «борьбе с открытым индоевропеизмом типа Пешковского, Ушакова» [ПК, с. 30].

тельства для данного народа» [Кусикьян, 1931б, с. 74]. Работы Яковлева сопоставлялись с трудами «белогвардейского профессора бывш. князя Н. Трубецкого» [Кусикьян, 1931а, с. 99].

Жупел «индоевропеизма» разрастался до невероятных размеров. Вот уже сравнительно-историческое языкознание объявлено методологической основой одновременно национал-уклонизма (концепция о развитии языков от одного праязыка к множеству) и великодержавного шовинизма (мнимое отождествление языковой семьи с расой) [Гранде, 1931, с. 72]. К тому же «теория праязыка» индоевропейского типа подозревается в том, что составляет неразрывное целое с «учением Бауэра и Каутского» [Филин, 1931, с. 82], хотя о праязыке писали уже за несколько десятилетий до рождения этих социал-демократических лидеров. Поистине для марристов не было зверя сильнее «индоевропейской» кошки!

Но авторам журнала было мало разоблачения сравнительно исторического языкознания. Следующей их целью была ликвидация грамматики. Здесь они опирались на высказывание Марра: «А грамматика?.. То есть то, что сейчас понимается по существу под грамматикой, не говоря о самом никудышном схоластическом термине, порождении веков, когда человечество действительно абсолютно никакого представления не имело о том, что такое язык? Нужна ли, следовательно, вообще грамматика, чтобы заниматься ее реформированием или нереформированием?» [РЯВСШ, 1930, № 4, с. 46].

Спорить с Марром уже не полагалось, однако здесь за ним не спешили идти даже многие марристы. Но И. К. Кусикьян заявлял: «Существуют даже люди, которые мечтают о „марксистской грамматике“, совершенно не вдумываясь в сущность такого странного соединения двух терминов» [Кусикьян, 1931б, с. 75]. Обычные школьные грамматики с порядком изложения «фонетика—морфология—синтаксис» и с терминами вроде «имя существительное», «имя прилагательное» были объявлены «схоластическими» и «формально-идеалистическими»; использование общепринятой грамматической терминологии в грамматиках языков народов СССР (в частности, у Н. Ф. Яковлева) названо «насилованной обработкой строя данного языка с точки зрения индоевропеистики», что «политически означает вредить строительству социализма» [Кусикьян, 1931а, с. 99]. Гнев вызывали и компромиссные попытки выхода из положения за счет подновления терминов: в страхе перед марристами иногда переименовывали существительное в «первое имя», прилагательное — во «второе имя» и т. д.; это однако было объявлено стремлением «омолодить старушку-грамматику» [Кусикьян 1931а, с. 97].

В противовес этому требовалось изучать «не форму, а содержание», «курс начинать именно с синтаксиса, построив программу на основе изучения содержания языка семантически» [Кусикьян, 1931а, с. 99—100]. Как предлагалось конкретно изу-

чать язык в школе из этих деклараций не ясно, но очевидно стремление учить детей только идеологии в чистом виде без посредства лингвистики, см. также призыв И. К. Кусикьяна применять в обучении только тексты социалистического содержания [Кусикьян, 1931а, с. 100—101].

Этот принцип распространялся и на науку о языке. «До сих пор, как это ни странно, существует предрассудок, что лингвист тот, кто занимается фонетикой и морфологией какого-нибудь языка. Достаточно научному работнику написать две-три работы на тему о „лабиализации“ или о „фрикативных консонантах в таком-то языке“, как уже этот человек считается лингвистом. И, наоборот, когда марксистско-ленински хорошо подготовленный человек начинает заниматься языковым строительством, то такой факт у некоторых вызывает удивление, а иные громогласно указывают на недопустимость вторжения в столь священную область, как языкознание. Необходимо четко и ясно заявить, что языкознанием и уже подавно языковым строительством может заниматься в наших условиях прежде всего тот, кто хорошо владеет методологией диалектического материализма» [Кусикьян, 1931б, с. 78]. Здесь идеологическая демагогия марризма дошла, пожалуй, до своего предела, от которого реальность все-таки заставила в дальнейшем отойти.

Та же мрачная атмосфера распространялась и на периферии нашей страны. Е. Д. Поливанов не нашел покоя ни в Самарканде, ни в Ташкенте. По воспоминаниям хорошо знакомого с ним Н. П. Архангельского, «в лингвистическом секторе УзНИИКСа (Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства — В. А.) взяли курс на Марра. Антимарристские выступления Е. Д. Поливанова после бурных сцен кончились его уходом из института. Если память не изменяет, это произошло в начале 1934 г.» [цит. по: Ларцев, 1988, с. 68]. В Средней Азии, правда, Поливанов еще мог тогда печататься, в Москве же после 1931 г. возможности для публикации были для него закрыты²¹.

Даже на Дальнем Востоке прекратилась нормальная лингвистическая деятельность. По воспоминаниям Н. А. Сыромятникова, подготовленный в Дальневосточном университете в первой половине 30-х годов сборник не был напечатан, так как статья Н. П. Овидиева по такой, казалось бы, безобидной теме, как предикация японского глагола, была признана не соответствующей учению Марра. После этого лингвистическая литература во Владивостоке перестала выходить.

Одним из центров распространения марризма был Северный Кавказ, где выходил журнал «Революция и горец», по своим установкам близкий к московскому «Просвещению нацио-

²¹ Неточно указание о том, что «Поливанов после 1931 года не смог опубликовать ни одного научного труда, за исключением маленькой рецензии» [Горбаневский, 1988]. В Средней Азии у него вышло 18 работ, были публикации и за границей.

пальностей». Часто в нем печатался молодой в те годы языковед Георгий Петрович Сердюченко, имя которого еще не раз встретится в этой книге. Свою деятельность он начал с достаточно академичной статьи о Г. Шухардте, в которой было сказано: «По пути, намеченному Шухардтом, идет сейчас большинство ученых лингвистов... В указании и в разработке новых путей развития лингвистической мысли — основная заслуга Шухардта» [Сердюченко, 1930, с. 195]; здесь же он похвалил Л. Мейе, в один ряд с которым ставится Марр [Сердюченко, 1930, с. 176].

Во вскоре происходит поворот на 180°, и вот уже Сердюченко громит «буржуазную науку», уснащая свои статьи цитатами из Сталина и Кагановича. Тон его выступления против Н. Ф. Яковлева выделяется даже на общем фоне того времени: «По своим установкам статья Яковлева является антипартийной» [Сердюченко, 1932, с. 143]; «В ряде пунктов Яковлев целиком подписывается под *троцкистскими* позициями» [Сердюченко, 1932, с. 147]; «Образцом беспардонности, неряшливости и беспринципности, смыкающейся с проповедью принципов совершенно чуждых нам классов и мировоззрений, с *вредительством* в языковом строительстве является рекомендуемая проф. Яковлевым „Программа для собирания слов“» [Сердюченко, 1932, с. 147]; «Программа Яковлева действительно не встретила бы возражений и у святейшего синода» [Сердюченко, 1932, с. 148]; (ср. выше, как обругал ту же программу Кусикьян). Апофеоз разоблачений связан с тем, что Яковлев имел неосторожность разделить словник на темы «Материальная культура» и «Духовная культура», включив в последнюю и политическую лексику. На это следует: «Не известно ли проф. Яковлеву, что с точки зрения марксизма-ленинизма „политика есть концентрированная экономика“ (см. программу партии)? „Отрыв экономики от политики есть характернейшая черта буржуазных теоретиков и их социал-фашистских лакеев“, — говорит тов. Каганович... И на позицию этих социал-фашистских лакеев и стал Яковлев в своей статье» [Сердюченко, 1932, с. 147].

Не поздоровилось и М. Я. Немировскому, пытавшемуся, как мы помним, примирить Марра с наукой. По Сердюченко, этим он «выявляет себя... как агента враждебного пролетариату класса на фронте лингвистики», он «на 100% — ученый приказчик капиталистов и теологов» [Сердюченко, Мальсагов, 1932, с. 196]; «Немировский по существу проводит контрреволюционную вредительскую работу» [Сердюченко, Мальсагов, 1932, с. 204].

Л. И. Жиркова тот же журнал в неподписанной, но такой же по стилю рецензии клеймил так: «Видимо, проф. Жирков сомневается в том, „удержат ли большевики власть“. Голубая ушедшая даль питала его надежду о возврате вчерашнего дня» [РИГ, 1933, № 1—2, с. 106].

Жившие в Москве Яковлев и Жирков могли не отвечать на

эту ругань. Местному же профессору Немировскому пришлось покаяться. Отвергнув лишь упреки в недооценке Марра, он принял обвинения в «невскрытии враждебности пролетариату» Шухардта, Мейе, Соссюра, в «индоевропейском решении вопроса о хеттском языке» и т. д. и вынужден был каяться, заявляя, что хотя его критики упомянули лишь пять статей, сам он охватывает «в своей самокритике все работы этого промежутка времени, числом 13» [РИГ, 1932, № 8—9, с. 132]. Вывод Немировского: «Полностью признавая указанные выше ошибки, считаю долгом подчеркнуть, что, субъективно не имея намерения протащить идеи воинствующего идеализма западноевропейской лингвистики в советскую науку, а тем более привить молодым научным кадрам чуждую буржуазную идеологию, объективно я дезориентировал не умеющего еще критически разбираться в вопросах языковедения читателя, не вооружив его марксистско-ленинской критикой» [РИГ, 1932, № 8—9, с. 133]. Через такие покаяния пришлось тогда пройти многим²². М. Я. Немировский не выдержал этого испытания, фактически сломался и, примкнув к марристам, потерял свое лицо как лингвист.

Г. П. Сердюченко не ограничивался проработками, он объявил и положительную программу. Среди основных и неотложных задач науки о языке он, ссылаясь на В. Б. Аптекаря, называл «пересмотр форм и норм литературных языков СССР, и в первую очередь русского языка с целью приближения их к живой речи рабочих и крестьян», «унификационную работу над языком, которая бы, в конечном счете, способствовала международному сближению пролетариата», и создание международного алфавита — «научного предприятия порядка и типа метрических мер» [Сердюченко, 1931, с. 15].

Подобные прожекты, безусловно, восходили к идеям самого Марра, который активно направлял и борьбу с инакомыслием в лингвистике. Его собственные высказывания становятся в это время еще более нетерпеливыми и нетерпимыми. В 1931 г. он заявлял, что в период коллективизации, обострения классовой борьбы, разгрома вредителей «быть... ученому нейтральным это самоубийство, преступление» [М, т. III, с. 70] и что «новое учение о языке» известно «преимущественно в до неузнаваемости искаженном освещении враждебных настроений» [М., т. III, с. 70]. Постоянны у него в эту пору упоминания «внутреннего вредительства» [М, т. I, с. 346], «врагов», которые «действуют, смотря по обстоятельствам, то открыто, то тайно» [М, т. II, с. 382]. Собственную деятельность он уже отождествляет с го-

²² В самокритике М. Я. Немировского поражает неожиданный финал. Он удивлен из-за того, что его критики не упоминают еще одной его «вредной» статьи «Гуго Шухардт», и объясняет это тем, что Сердюченко сам писал хвалебно о Шухардте, кое-что позаимствовав из этой и других статей самого Немировского [РИГ, 1932, № 8—9, с. 133]. Данная статья, по-видимому, неопубликованная, нами не найдена; с другими же статьями Немировского у Сердюченко прямых текстуальных совпадений нет, но сходны все оценки, приводятся те же самые факты и цитаты.

сударственной политикой, декларируя: «С завершением пятилетки совпало разъяснение четырех элементов» [М, т. II, с. 441]. Аппетиты его растут: в одном из последних докладов в 1933 г. Марр призывал вслед за лингвистикой полностью пересмотреть историю, отказавшись от понятий «Запад», «Восток», «доистория» и т. д. [Миханкова, 1949, с. 498].

Институт языка и мышления остается к этому времени единственным академическим центром, в котором занимаются языкознанием. Помимо него был лишь Институт национальностей СССР в Москве, восходивший к основанному когда-то П. Ф. Яковлевым Комитету по изучению языков и народов Северного Кавказа; однако спустя несколько лет и он превращается в Московское отделение ИЯМ. Марр в это время — одна из ведущих фигур Академии наук: он делает доклад на сессии академии к 15-летию Октября, открывает ее торжественное заседание к 40-летию деятельности М. Горького. Он уже в состоянии проводить в академики своих людей: в 1931 г. академиком стал Н. С. Державин, а в начале 1932 г. — И. И. Мещанинов; оба перескочили при этом через ступень члена-корреспондента. В. А. Миханкова глухо сообщает о каких-то трудностях при избрании Мещанинова [Миханкова, 1949, с. 471]. В это же время В. Б. Аптекарь составляет изданный под редакцией С. Н. Быковского объемистый цитатник из высказываний Марра [Вопросы, 1933]. В том же 1933 г. начинает издаваться пятитомник лингвистических трудов Марра.

Казалось бы, полная победа. Однако рассказывают, что в эти годы Л. П. Якубинский, зайдя как-то к Марру домой, обнаружил его... под кроватью. Оказалось, что Марр, услышав звонок в дверь, решил, будто его пришли арестовывать, и прореагировал на это таким неадекватным образом. Так выяснилось, что и столь преуспевающий человек жил в страхе, обычном в те годы для старой интеллигенции. Его физическое здоровье, до того крепкое, стало заметно ухудшаться: уже в 1932 г. Марра водили на лекции под руки.

В языкознании же с 1933 г. накал страстей стал спадать, а кое-где марристам пришлось тихо отступить. Упомянувшийся второй разоблачительный сборник, анонсированный Ф. П. Филиным в сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкознании» [ПК, с. 4], так и не вышел. Тон лингвистических изданий становится спокойнее (это не относится к последним статьям самого Марра). Может быть, как-то здесь сказался роспуск близкого марристам РАППа. В это же время сторонникам Марра пришлось уступить и в области преподавания. Еще в 1930 г. В. Б. Аптекарь и И. К. Кусикьян представили школьную программу, состоявшую из деклараций о противостоянии яфетидологии и индоевропеистики плюс сведения о распространении тех или иных языков. По словам К. А. Алавердова, в целых разделах программы можно было заменять слово «язык», например, на слово «право», при этом ничего бы существенно не

изменилось [РИЯ, с. 52]. Программу отвергли, но в 1932 г. марристы добились принятия новой, где преобладали фразы типа: «Предложение — это единица сообщения, отражающая реальную действительность, преломленную чрез классовое сознание говорящего» [цит. по: Петрова, 1936, с. 239].

Программа вызвала единодушное возмущение учителей-словесников. В «Правде» появился фельетон М. Кольцова, и в 1933 г. программа была заменена другой, где сохранились лишь краткие упоминания о Марре. Хотя здесь грамматика не делилась на морфологию и синтаксис (это разграничение было предметом особой ненависти марристов), но были восстановлены обычные схемы склонения и спряжения, старые названия частей речи и т. д. [Петрова, 1936, с. 69]. Активной стороннице «идеологической грамматики» Е. Н. Петровой, чью деятельность одобрял сам Марр [М, т. II, с. 389], пришлось каяться в «левачьих перегибах» и признать «лжемарксистской» фразеологию программы 1932 г. [Петрова, 1933, с. 11—12; Петрова, 1936, с. 45]. Пришлось примириться со «схоластической» и «формалистической» грамматикой, с тех пор незбылемо сохранявшейся в преподавании.

Попытка упразднить грамматику обозначила тот предел, который марризм был не в состоянии перейти. Можно было жить без индоевропеистики и других областей фундаментальных наук, уничтоженных «новым учением о языке». Но даже в СССР 30-х годов нельзя было прекратит преподавание языков в школах и вузах, составление словарей, языковое строительство. А здесь марристы не предлагали ничего, кроме голого отрицания. Все попытки создать что-то позитивное (аналитический алфавит, «идеологические грамматики») были столь беспомощны, что никакая поддержка сверху не смогла их внедрить. Что бы ни придумывал Марр, жизнь брала свое. Постепенно исчезли призывы приблизить нормы русского языка к «живой речи рабочих и крестьян», уже не пытались «унифицировать» языки мира, вскоре забыли и аналитический алфавит. Вряд ли правы французские социалингвисты, считающие, что крах марризма в 1950 г. был вызван противоречием между его принципами и требованиями языковой политики в СССР [Marcellesi, Gardin, 1974, с. 44]: это противоречие разрешилось само собой намного раньше.

Еще пример — словарная работа, которую марристы так и не взяли в свои руки. Составление первого большого послереволюционного словаря русского языка возглавил последовательный антимаррист Д. Н. Ушаков, один из немногих ученых, «удостоившихся» персональной брани Марра [М, т. II, с. 33]. В Архиве АН СССР сохранилось письмо Ушакова Сталину (1931 или 1932 г.) с резкой и аргументированной критикой марристов и языкофронтовцев, уничтожавших науку [А, фонд 502, оп. 4, ед. хр. 49]. Вряд ли письмо имело результат, но увековечивший его имя словарь Ушаков довел до конца.

Потерпев неудачу в практической сфере, марристы решили взять реванш в привычной области парадных славословий, отметив не слишком круглую дату: 45-летие научной деятельности Марра. К юбилею Марра наградили орденом Ленина, недавно введенным и еще редким знаком отличия, имя Марра при его жизни присвоили Институту языка и мышления.

Но торжества прошли уже без юбиляра. Незадолго до них, 15 октября 1933 г. с Марром во время заседания случился инсульт. Он выжил, но потерял способность работать. Для столь деятельного человека это было катастрофой. Больше Марр уже ничего не написал, кроме короткого некролога старому другу и покровителю С. Ф. Ольденбургу.

Уже во время болезни Марра, в начале 1934 г., началась первая волна арестов среди лингвистов, затронувшая в основном Москву. Это было так называемое «дело славистов»: см. о нем [Бернштейн, 1989]. По сфабрикованному обвинению в «монархическом заговоре» арестовали большую группу высококвалифицированных специалистов по славянским языкам и литературам. Среди лингвистов это были три члена-корреспондента АН СССР: Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, а также В. В. Виноградов, В. Н. Сидоров, И. Г. Голанов и другие. Все они были далеки от марризма, а Г. А. Ильинский и А. М. Селищев активно высказывались против Марра. По каким-то причинам «монархический заговор» в ходе следствия превратился в «пропаганду буржуазной науки», прежде всего заключавшуюся в признании генетического родства индоевропейских и славянских языков. У нас нет данных о причастности кого-либо из марристов к фабрикации этих обвинений, но так или иначе их слово обратилось в дело. Все же новые вины были не столько страшны, как прежние, большинство арестованных получили не очень большие сроки лагерей или ссылки и довольно скоро вернулись к работе. Но двое выдающихся славистов, Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский, не возвратились. Обоих расстреляли в 1937 г.

Чуть раньше, в ноябре 1933 г. неприятности впервые коснулись и Института языка и мышления. В картотеке Академического словаря русского языка (не смешивать со словарем Д. Н. Ушакова), группа составителей которого во главе с С. П. Обнорским была поглощена Институтом языка и мышления за два года до этого, были обнаружены «политические дефекты». Было признано, что Словарный отдел института «не перешел на позиции нового учения о языке». Вина за это была возложена на бюро партийной ячейки института и ее секретаря, убежденного марриста Г. Ф. Турчанинова: он был исключен из ВКП(б) как «не оправдавший доверия партии» [ЗСН, 1933, №№ 19—21], а бюро было распущено. Впрочем, исход этого инцидента был не таким, как в случае «дела славистов»: Г. Ф. Турчанинов продолжал работать в институте до 1950 г. Однако многолетняя работа над словарем стала свертываться,

а в 1937 г. в связи с «политическими дефектами» была прекращена (С. П. Обнорский, впрочем, не пострадал).

Марр тем временем быстро угасал. И. А. Орбели, помиравшийся с учителем в последний год его жизни, вспоминал, что тот в эти месяцы тяготился «новым учением» и с тоской вспоминал о временах яфетической семьи [Орбели, 1955, с. 160—161]. Если это и так, то ничего это уже не могло изменить. 20 декабря 1934 г. Н. Я. Марр умер (о его болезни и смерти см. [Миханкова, 1949, с. 501—504; Фрейденберг, 1988, с. 181—182]).

Ленинград, только что потерявший С. М. Кирова, вновь погружился в траур²³. В день похорон отменили занятия в школах. Марра погребли в некрополе Александро-Невской лавры²⁴. В похоронах и траурных мероприятиях участвовали руководящие деятели во главе с Б. П. Позерном, видные ученые (отметим среди них Н. И. Вавилова, бывшего в то время председателем правления Ленинградского дома ученых).

Наступил черед мемориальных и траурных изданий. Особо отметим сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ», изданный ГАИМК (тоже имени Марра). Здесь мы видим воспоминания, биографические материалы вплоть до родословного древа, перепечатку газетных и журнальных некрологов и «Хронику траурных дней». При общем тоне непомерного восхваления в книгу попали и некоторые материалы, которые скорее могли бы повредить репутации Марра, например упоминавшиеся документы о его гимназическом помешательстве. Что это? Желание подчеркнуть гениальность? Или же публикатор В. Берадзе имел скрытые намерения против Марра? Эти документы фигурировали и на мемориальной выставке [Выставка, 1935].

Среди авторов многочисленных некрологов [ПИДО, с. 198—254] немало известных имен — от тогдашнего президента Академии наук А. П. Карпинского до начинавших свой путь будущих академиков А. П. Окладникова и Б. Б. Пиотровского. Именно в некрологах Марр сравнивался с Коперником и Дарвином, его хвалили как создателя марксистской науки о языке, борца за дело рабочего класса против буржуазных теорий и т. д. Например, академик В. В. Струве, сопоставлявший по значимости потерю С. М. Кирова и Н. Я. Марра, писал: «Учение Н. Я. Марра будет острым оружием в борьбе за освобождение народов Востока. Но не только народы Востока обратятся к новому учению о языке — к нему обратятся и народы Запада, стонущие под игом фашизма» [ПИДО, с. 238].

²³ Обращает на себя внимание немыслимая в наше время оперативность. Марр умер 20 декабря в 0 часов 40 минут, в ту же ночь об этом сообщили по радио, утром в центральных газетах были некрологи, а на следующий (!) день ГАИМК выпустила брошюру памяти Марра [ПИДО, с. 255—256].

²⁴ Это место указано во всех траурных публикациях. Но в наши дни в некрополе могилы Марра нет. Что и когда с ней произошло?

Диссонансом в общем хоре звучал некролог в газете «Заря Востока», подписанный ведущими грузинскими учеными разных специальностей, включая лингвистов Г. С. Ахвледиани, А. Г. Шанидзе, А. С. Чикобаву. Лишь в трех строках упомянув «новое учение о языке», они посвятили некролог филологическим и археологическим работам покойного, а из лингвистических выдвинули на первый план исследования по грамматическому строю кавказских языков [ПИДО, с. 227—228]. В этом некрологе между строк читается, что еще не пришло время высказать полную правду о работах Марра.

Приведены и два зарубежных некролога, вероятно, единственные. Один из них — в армянской газете во Франции, — выдержан в хвалебных тонах. Другой — из «Таймс», где о смерти Марра оповестили через месяц, узнав о ней почему-то от парижского корреспондента. Тон весьма сдержан: отмечено лишь, что у покойного были хорошие знания и что его взгляды «некоторые филологи считают достойными изучения» [ПИДО, с. 253—254]. Отклик явно не подтверждал заявлений о распространяемых по миру «семенах яфетической теории».

Траурные дни кончились. Теперь марристам во главе с И. И. Мещаниновым, ставшим директором Института языка и мышления, надо было развивать «новое учение о языке» без Марра.

Глава четвертая

ЗА ЩИТОМ

Период с 1935 по 1947 г., если судить о нем по публикациям того времени, производит впечатление спокойного для советского языкознания. Нет ничего похожего на «бурю и натиск» предшествующих лет и на «аракчеевский режим» последующих. Издания, в том числе последние сборники «Язык и мышление» и начавшие выходить перед войной «Известия Академии наук» серии литературы и языка, выглядят весьма академично. Грубая брань по адресу «контрабандистов» и «вредителей», казалось, ушла в прошлое, попытки ее возрождения не находили поддержки. Уже в 1935 г. анахронизмом выглядело выступление япониста Н. П. Мацокина, обвинявшего в журнале «Литература национальностей СССР» (преемник «Просвещения национальностей») авторов учебника японского языка в следовании идеям японского национализма, а также в использовании вместо «идеологически обоснованного» аналитического алфавита Марра «империалистической» западной транскрипции и «игнорировании кардинальных положений яфетидологии» [ЛН, 1935, № 11, с. 15—17]. На него незамедлительно последовал протест 35 ведущих ленинградских японистов во главе с Н. И. Конрадом и А. А. Холодовичем [Ответ, 1936].

В изменении обстановки кроме причин общественного характера сказывался и личный фактор. Корректный, вежливый, очень скромный И. И. Мещанинов, никогда не распространявший свою деятельность за пределы науки и не склонный к грубым нападкам на противников (вспомним как его обвинял в «пацифизме» В. Б. Аптекарь), ничем не был похож на вулканического Марра и не обладал в отличие от своего предшественника стремлением к экспансии. Казалось бы, в науке о языке наступило затишье.

Но это было не так. Приближались 1937 и 1938 годы. Черная полоса в жизни нашего народа не могла не задеть и языкознание. Если раньше словесная травля могла и не давать реальных результатов (обвинения Н. Ф. Яковлева в «поповщине», «троцкизме» и «социал-фашизме» прямо не повлияли на его судьбу), то теперь ситуация была обратной: никто не навешивал ярлыков в печати, но одна фамилия за другой исчезали из

публикаций. Правда, в те же годы возвращались некоторые из арестованных ранее: А. М. Селищев, В. В. Виноградов, В. И. Сидоров, И. Е. Аничков. Но поток «туда» был несопоставимо многочисленнее, чем «оттуда».

Новая цепь арестов уже затронула не только Москву и национальные республики, но и Ленинград, не только славистику, но и практически любую область языкознания. Уже и принадлежность к марризму сама по себе не спасала. Пострадали очень многие.

Особенно большой урон понесли исследования языков народов СССР и востоковедная лингвистика, связанная с дальневосточными языками, где каждый, ими занимавшийся, мог быть объявлен японским шпионом. Исчезали целые области языкового знания, например вьетнамистика после ареста Ю. К. Щуцкого. Из 35 авторов упомянутого письма японистов было арестовано не менее 18 (некоторые из них, в том числе П. И. Конрад и Е. М. Колпакчи, были через несколько лет освобождены), исчезли и сам Н. П. Мацокин, и авторы разгромленного им учебника. На Дальнем Востоке арестовали практически всех специалистов, и в 1939 г. восточный факультет Дальневосточного университета был закрыт. Погибли также крупный тюрколог академик А. Н. Самойлович, исследователь многих восточных языков и культур Н. А. Невский, китаист Б. А. Васильев и другие ученые. Арестовали большинство исследователей языков Севера во главе с директором Института народов Севера Я. П. Кошкиным (Алькором). Не стало и почти всех лингвистов из национальных республик, активно участвовавших в языковом строительстве. Среди них были такие, как тюрколог широкой образованности Б. В. Чобан-Заде, первый киргизский лингвист К. Г. Тыныстанов, казахский лингвист Х. К. Жубанов. Большие потери понесла наука о языке и на Украине и в Белоруссии.

Общее языкознание и русистика количественно пострадали меньше, но потери были невосполнимы. Великий ученый Е. Д. Поливанов, с 1934 г. работавший во Фрунзе, был там арестован 1 августа 1937 г. [СК. 24.05.1988] (другие встречающиеся в литературе даты от марта до ноября 1937 г. неверны), отправлен в Москву на Лубянку и 25 января 1938 г. после скорого «суда» расстрелян как «шпион», якобы завербованный еще в 1916 г. японской разведкой¹. Среди репрессированных было

¹ Изменение обстановки в предшествующие годы сказалось и на Е. Д. Поливанове: во Фрунзе вопреки догадкам К. Жанги [Jenty, 1977, с. 288] поначалу ему было спокойнее, чем прежде, он даже был вторично принят в кандидаты партии. Печатная брань продолжалась [Сердюченко, 1935, с. 103; Кусикьян, 1936, с. 154], но стала реже, а Г. П. Сердюченко руганью компенсировал использование материала из работ Поливанова. На короткое время стало возможным и упоминание его имени в положительном смысле [Конрад, 1937, с. 14]. Но все его попытки вернуться в науку вне Средней Азии пресекались марристами. Посланная в 1937 г. большая рукопись «Словарь лингвистических терминов» получила резко отрицательный отзыв одной из ведущих сотрудниц

немало последовательных противников марризма: Е. Д. Поливанов, Я. П. Кошкин (Алькор), лидеры «Языкофронта» Г. К. Данилов и К. А. Алавердов, арестованный еще ранее Г. А. Ильинский. Но были расстреляны и верные приспешники Марра В. Б. Аптекар, С. Н. Быковский, Л. Г. Башинджагян, большинство его учеников-«выдвиженцев».

К концу 1938 г. аресты среди лингвистов в основном закончились, но отдельные жертвы были и позже. Особенно тяжелыми оказались первые месяцы войны, когда были репрессированы: выдающийся кавказовед А. Н. Генко, арестованный вторично (в прошлом ученик Марра, он в 30-е годы отошел от марризма), монголист А. В. Бурдуков, исследователь удэгейского языка Е. Р. Шнейдер. Лишь немногие из арестованных в 1937—1938 и 1941 гг. дожили до реабилитации: северовед Е. А. Крейнович, китаист А. Г. Шпринцин и некоторые другие.

Но Институт языка и мышления почти не пострадал от репрессий. Из сколько-нибудь заметных его сотрудников погиб лишь Л. Г. Башинджагян. Основной костяк института, сложившийся к концу жизни Марра, сохранился до 1941 г., а за вычетом потерь военных лет — до самого 1950 г. В те годы в институте, руководимом И. И. Мещаниновым, работали не только ученики и приверженцы Марра. В 30-е годы в коллектив института вошли многие видные лингвисты разных поколений, в разной степени связанные с марровским учением. Среди них мы вновь видим когда-то конфликтовавших с Марром Л. В. Щербу, В. Ф. Шишмарева, К. Г. Дондуа. Работают русисты старой школы Б. М. Ляпунов, В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, авторитетные ученые среднего поколения Д. В. Бубрих, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Н. В. Юшманов, молодые специалисты М. М. Гухман, А. В. Десницкая, В. Н. Ярцева, В. А. Аврорин, И. И. Цукерман и другие. Большинство из этих языковедов совмещали работу в институте с преподаванием в Ленинградском университете и других вузах. Безусловно, это был сильный состав ученых. И в том, что такой коллектив смог существовать, была немалая заслуга его руководителя.

В целом можно согласиться с такой характеристикой И. И. Мещанинова: «Он возвратил возможность научной работы многим замечательным русским ученым, отстраненным было

ИЯМ С. Л. Быховской, повторившей обвинения в «формализме» и «индоевропеизме». Отзыв датирован 22 сентября 1937 г., когда Поливанов уже был арестован, о чем Быховская, видимо, не знала. Прямого отношения к гибели Поливанова его полемика с Марром не имела. Отметим свидетельство Н. Поппе, опубликованное в его предисловии к японскому изданию трудов Е. Д. Поливанова [Порива:нофу, 1976]: «Поливанова высоко ценили как ученого тогдашние руководители Узбекистана — председатель Совнаркома Узбекистана Файзулла Ходжаев и первый секретарь Компартии Узбекистана Акмаль Икрамов. Эти двое, как и сотни других людей, были арестованы. Тогда Поливанов потерял покровительство и был арестован» (цит. по русскому переводу: [ЛП, 16.02.88]). Трудно сказать, насколько это верно, тем более что А. Икрамов был арестован позже Поливанова.

от нее. Он сделал много больше, чем от него ожидали» [Дзякопов, 1988, с. 181]. На Мещанинова привыкли смотреть как на лень Марра, но, освободившись от его злой воли, Мещанинов и самые тяжелые годы не раз проявлял порядочность, о которой и сейчас вспоминают самые разные люди, особенно ленинградцы. В 1944 г., когда по приказу Сталина подвергались принудительной высылке целые народы, должен был быть репрессирован и один из сотрудников ИЯМ. Мещанинов, пользуясь своим авторитетом академика, обратился в высокие инстанции и спас этого человека. Он, рискуя собой, сохранил дружбу с репрессированным археологом Б. А. Латыниным, который не раз жил на квартире Мещанинова в Ленинграде, куда после лагеря ему был запрещен въезд. Рассказывают и о помощи Мещанинова семьям пострадавших в 1937 г. Но с лучшей стороны он показывал себя только в тех случаях, когда мог принимать решения сам. Давлению сверху он всегда поддавался. Так было при Марре, так случится и в 1948 г.

Уцелели в период репрессий и основные кадры Института национальностей СССР, позднее поглощенного Институтом языка и мышления. В состав последнего влились видные московские лингвисты Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, Н. К. Дмитриев, Б. В. Миллер, но также и профессиональные проработчики И. К. Кусикьян и переехавший в Москву Г. П. Сердюченко.

Новые потери принесла война. Многие ученые погибли на фронте, в блокаду Ленинграда и в эвакуации.

Но жизнь продолжалась. Куда же шло в предвоенные и первые послевоенные годы развитие советской лингвистики?

Ее эволюцию точно успел предсказать Е. Д. Поливанов (во фрунзенский период деятельности отметивший и осуществление этих прогнозов): «Пройдет несколько лет, и учение о четырех элементах сал-бэр-ён-рош будет постепенно уходить в тень, — отступать на задний план наподобие бога-отца в христианской мифологии, и место его постараются — по возможности втихомолку и незаметно — заполнить совершенно отличным и уже приемлемым (во всяком случае годящимся для того, чтобы быть рассматриваемым всерьез) содержанием; на открытое признание своих заблуждений храбрости не хватит, и этот подмен... будет сделан нарочно постепенно, чтобы по возможности незаметно для массового общественного мнения „протащить“ его без нарушения яфетического культа» [цит. по: Леонтьев, Ройзензон, Хакутин, 1968, с. 26]. Аналогичные предсказания имеются и у Г. К. Данилова [см. РИЯ, с. 24].

В беседе со мной один из сотрудников Института языка и мышления тех лет сказал, вспоминая молодость: «Марр был для нас щитом, под прикрытием которого мы могли заниматься всем, чем хотели. Я не видел больше такой свободы в науке». Видимо, невольно он повторил с иной оценкой выражение, использованное в эпоху борьбы с марризмом О. С. Ахмановой: «Имя Н. Я. Марра использовалось, таким образом, как щит,

как броня, прикрывавшая эту касту языковедов и защищавшая их от всякой критики» [Пр, т. 1, с. 420].

В те годы чуть ли не в любой области науки и культуры имелся свой культ личности местного значения. Его объектом был авторитетный деятель, обычно уже покойный. Идеи этого человека канонизировались, а под их прикрытием могли проповедоваться и совсем иные положения. Ситуация в языкознании при внешнем сходстве была все же иной по сравнению, например, с биологией. Там достойными именами И. П. Павлова, К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина прикрывалась лженаука. Здесь же еще при жизни был канонизирован Марр, причем главным его достижением считались не те работы, которые еще имели отношение к науке, а создание бредового «нового учения о языке». Однако за щитом с портретом Марра могли вестись исследования, во всяком случае находившиеся в пределах науки.

Славословия Марру были обязательными, особенно в статьях итогового и юбилейного характера. Вот один пример из множества: «В исследованиях создателя советского языкознания академика Н. Я. Марра и его продолжателя И. И. Мещанинова положения, высказанные в отношении проблем языкознания классиками марксизма-ленинизма, стали формирующими идеями нового лингвистического мировоззрения. Языкознание впервые стало создаваться на основе диалектического и исторического материализма» [ТВИИЯ, вып. 3, 1947, с. 3].

Прикрываться Марром как щитом считалось необходимым в работах любого содержания. Вот так, например, один из лучших советских лингвистов тех лет начинал одну из своих статей, написанную вовсе не в духе идей Марра: «Покойный Н. Я. Марр, который в молодости занимался новосирийским языком и с которым я не раз беседовал об этом языке, всегда удивлялся как сингармонизму урмийского наречия, так и тому странному обстоятельству, что это замечательное явление совершенно не затронуто в семитологической литературе — не только в историческом аспекте, но даже в описательном» [Юшманов, 1938, с. 295].

При внешнем почитании Марра его труды, по существу, перестали издавать. После завершения начатого еще при жизни автора пятитомника избранных работ Марра за многие годы появилось лишь одно переиздание его лингвистических трудов и то не в Москве или Ленинграде, а в Сталинири (ныне Цхинвали). Задуманная серия публикаций неизданных сочинений Марра «Язык и история» прервалась в 1936 г. после первого выпуска. Ученики Марра явно не хотели предъявлять читателю идеи своего учителя во всем их объеме.

Издания работ Марра заменились набором цитат, с небольшими изменениями кочевавших из работы в работу. Когда-то, после выхода в свет первого и самого обширного цитатника [Вопросы, 1933], И. И. Мещанинов писал: «В. Б. Аптекарь во-

не изъял материальную часть, предоставляя читателю на слово верить оголенным цитатам... Я боюсь, что весь крайне кропотливый труд В. Б. Аптекера окажется наиболее пригодным тому кругу наименее добросовестных исследователей, который... приобретает легкое средство насыщать свои статьи цитатами из Н. Я. Марра, не прибегая к более сложному пути ознакомления с ними в подлиннике» [Мещанинов, 1934в, с. 132].

Но теперь при безусловной поддержке Мещанинова материальная часть изымалась еще в большей степени. Если в первом цитатнике еще был целый раздел «Из истории слов», то теперь языковые примеры исчезают вообще. Показательна, например, подборка цитат в одной из последних книг о Марре [Шукерман, 1950]. На 54 страницы книги примеры дают-ся лишь в одном абзаце на с. 25, где Марр представлял как «открыватель» семантических законов. Все остальное — общие декларации о единстве глоттогонического процесса, языке как надстройке, классовости языка, необходимости языкового строительства и т. д.; говорится о стадийности как общем принципе, но остается неизвестным, какие именно стадии выделял Марр. Из того, что относилось непосредственно к лингвистике, повторялись лишь разрозненные замечания о роли синтаксиса и о вреде недооценки лексики по сравнению с грамматикой. И, конечно, большое место занимали в любых цитатниках обличения «индоевропеистики».

Большинство конкретных идей Марра тихо забывали. Термин «яфетические языки» продолжал использоваться лишь применительно к языкам Кавказа, включая «скрещенный» армянский, да к «беспризорным» языкам типа бурушаски (вершицкого). Например, чувашский язык И. И. Мещанинов при жизни Марра называл несомненно яфетическим [Мещанинов, 1934б, с. 30], но уже в 1938 г. он же заявлял, что этот язык лишь «одно время» принимался за яфетический [Мещанинов, 1938, с. 4]. Постепенно исчезали из научного оборота и попытки искать яфетические элементы в русском, французском, немецком и других языках. Идеи об исконности французского аналитизма, об особых немецко-сванских связях и т. д. незаметно забывались, а об их принадлежности Марру не хотели вспоминать. Редким исключением был один из самых дремучих марристов академик Н. С. Державин, развивавший этимологические упражнения Марра [см.: Державин, 1941, с. 33 и сл.] и заявлявший о яфетических элементах в русском языке, об исконном отсутствии падежей в болгарском и т. д. [см. Пр, т. 1, с. 266, 268]. Почти ушли из лингвистических работ и высказывания о едином языке коммунистического общества, несмотря на их освящение именем Сталина; по-видимому, всем уже была ясна их неактуальность. За многие годы об этом языке лишь раз упомянул вскользь Мещанинов [Мещанинов, 1940а, с. 26], снова вспомнили о нем лишь в 1949 г.

Ненаучность многих идей Марра была ясна большинству

ученых, но прямо сказать об этом было нельзя. Очень многие непохожие друг на друга языковеды пользовались одним и тем же приемом: собственные идеи, в той или иной степени отличавшиеся от марровских, они приписывали Марру, а подлинные высказывания последнего приписывали каким-то безымянным «вульгаризаторам» его учения. Так, Д. В. Бубрих дипломатично отвечал этнографу Н. Н. Чебоксарову, требовавшему, чтобы финно-угроведы пользовались языковым материалом Марра: «К несчастью, Н. Я. Марр скончался раньше, чем успел довести свою работу до конца. Относительно поздними горизонтами речи он не успел заняться вплотную... Одно время после кончины Н. Я. Марра было модно применять к относительно поздним горизонтам речи ту методику, которую Н. Я. Марр применял к архаическим горизонтам. Но это было грубым нарушением принципов работы самого Н. Я. Марра, который никогда не смешивал разных стадий развития речи» [Бубрих, 1949, с. 191]. Марр изучал финно-угорские языки с точки зрения их архаических связей с Кавказом, но мало писал про их «собственно финно-угорские горизонты развития» [Бубрих, 1949, с. 191].

На деле было не так: Марр всегда смешивал стадии, которые не умел разграничивать, и допускал чудовищные анахронизмы, никакого движения в сторону более поздних «горизонтов речи» в конце жизни Марра не было, до финно-угорских языков Марр добрался, уже отказавшись от миграций, и речь у него шла не о доисторических связях с Кавказом, а о прохождении финнами или удмуртами той же стадии экономического и лингвистического развития, что и кавказскими народами. Но после смерти Марра об этом кто не помнил, а кто не хотел вспоминать. Зато можно было, прикрывшись Марром, от него избавиться и отказаться, например, от отождествления этнонимов *коми* и *суоми*, которое требовал восстановить в правах Н. Н. Чебоксаров.

И В. М. Жирмунский замечает, будто «Н. Я. Марр, конечно, не думал (как некоторые его вульгаризаторы), что „переворот в общественности“ и „новые формы производства“ непосредственно вызвали сходство между индоевропейскими языками, устанавливаемое сравнительной грамматикой» [Жирмунский, 1940, с. 32]. Но мы помним, что как раз Марр именно это и утверждал.

А вот так освобождается от необходимости следовать за Марром, казалось бы, такой ортодокс марризма, как Ф. П. Филин: «Новое учение о языке, в общем, дает правильную, единственно научную... картину стадильности... но многие детали все же остаются даже и не затронутыми. Поэтому последователи нового учения о языке в своих палеонтологических исследованиях, не имея такой выдержки и таких знаний, как Н. Я. Марр, зачастую теряют под собою твердую историческую почву и ведут свое исследование от тотемистического диффуз-

ного мышления прямо к современности, не улавливая посредствующих звеньев. Учитывая эту опасность, автор по необходимости ограничивает исторический размах своего исследования» [Филин, 1936б, с. 10]. Но ведь именно Марр без «посредствующих звеньев» перескакивал от тотемистического диффузного мышления даже не к современности, а к будущему обществу.

Наиболее ярко отход от Марра проявился в связи с палеонтологией и четырьмя элементами. Этот компонент марровского учения был слишком известен, и его нельзя было просто замолчать, как это было сделано с идеями о смердах как иберском слое русских или с упразднением грамматики. С четырьмя элементами надо было что-то делать. Но всерьез верили в них лишь самые наивные из учеников Марра вроде удмуртских выдвигавших И. Д. Дмитриева-Кельды и К. М. Баушева; рукопись последнего была в годы войны представлена в ИЯМ, но отвергнута с оценкой: «идея Марра о палеонтологическом анализе доведена до абсурда» [ИЛЯ, 1947, № 3, с. 257]. Еще пытались упражняться с элементами нелингвисты (историки, археологи, этнографы), без успеха применявшие их для выяснения проблем этногенеза. Оперирование элементами — чистое шаманство, но талантливый шаман не мог передать никому свое умение. По свидетельству А. В. Десницкой, уже к концу 30-х годов в ИЯМ очень мало кто из лингвистов всерьез принимал элементный анализ, а Ф. П. Филин теперь уже позволял себе откровенно над ним издеваться. Но прямо сказать о его ненаучности до 1950 г. не решился никто. Приходилось как-то лавировать.

Еще в период борьбы с «Языкофронтом» ленинградские марристы заявляли, что «они со всем могут согласиться, но за палеонтологизм будут бороться до последней капли крови» [РИЯ, с. 23]. В те годы студентов-филологов ЛИФЛИ учили разлагать по четырем элементам любое русское слово, скажем, *адмиралтейство*. Но уже к 1935 г. Л. Г. Башинджагян был вынужден признать, что даже сторонники «нового учения о языке» не понимают, зачем нужны четыре элемента. Он подсчитал, что из 70 статей семи «Яфетических сборников», не принадлежащих Марру, лишь в 11 речь шла об элементном анализе [Башинджагян, 1935, с. 127]. «Лингвист без языка» Башинджагян пытался оправдать элементный анализ тем, что это единственный метод, связывающий между собой любые языки мира [Башинджагян, 1935, с. 128, 130, 138]. Однако более подготовленные последователи Марра рассуждали иначе.

Тон задал сам И. И. Мещанинов. В статье, изданной в последний год жизни Марра [Мещанинов, 1934а], четыре элемента в центре внимания. Но в речи того же года в Академии наук они даже не упомянуты [Мещанинов, 1934б]. Обходит он этот вопрос и в некрологе Марру в ПИДО, и в статье, подводящей итоги советского языкознания за 20 лет, где так определен палеонтологический подход: «Изучение языкового явления в его

прошлом состоянии» [Мещанинов, 1938, с. 4]. Это уже явная ревизия Марра.

Наконец, в следующей основополагающей статье Мещанинов подробно остановился на данном вопросе, заявив, что между палеонтологией и элементарным анализом «знака равенства... нет» [Мещанинов, 1940а, с. 20] и что «элементарный анализ не заменяет собою палеонтологического, а служит только техническим приемом» [Мещанинов, 1940а, с. 21]. Согласно Мещанинову, «как и всякая научная концепция, хотя бы и проблематичная, схема лингвистических элементов нуждается в научном ее подтверждении или отрицании. Я не берусь сейчас ни за то, ни за другое» [Мещанинов, 1940а, с. 21]; к тому же «работа с применением элементарного анализа крайне сложна» [Мещанинов, 1940а, с. 22]. Следует итог: «С моей точки зрения, необходимость применения элементарного анализа к языкам, в которых основы слов не совпадают с непосредственными разновидностями первичных четырех лингвистических элементов, и к тем языкам, в которых эти элементы как корнесловы слабо прослеживаются, не доказана» [Мещанинов, 1940а, с. 21—22]. Но к языкам с несовпадением основ относятся все языки мира, кроме разве что «слоговых» языков типа китайского, но и в них *сал*, *бер*, *йон* и *рош* явно «как корнесловы слабо прослеживаются». Следовательно, на четыре элемента можно «наплевать и забыть», что и делал Мещанинов в те годы. В «упрощенном» же понимании палеонтологии, оказывается, виноват не Марр, а опять-таки его таинственные «вульгаризаторы» [Мещанинов, 1940а, с. 23]. Можно видеть, как деликатно Мещанинов лавирует между Сциллой непочтения к авторитету Марра и Харибдой следования его бредовым идеям.

В следующей юбилейной статье Мещанинов более независим от Марра. Он признает, что палеонтология была основана Марром на четырех элементах, но советское языкознание после его смерти претерпело дальнейшие изменения и «применение анализа по четырем элементам повсеместно во всех языках и во всех периодах их развития само собою отпадало» [Мещанинов, 1947, с. 36]. Наконец, в 1949 г., когда вновь вспомнили о четырех элементах и старались их реанимировать, Мещанинов вопреки фактам утверждал, что якобы четыре элемента относятся к периоду увлечения Марра «яфетическим субстратом» [Мещанинов, 1949а, с. 33]. Тогда же, возможно, не без участия Мещанинова, хождение получила легенда о том, будто бы Марр под конец жизни отказался от своих элементов [см. Пр, т. 1, с. 104; т. 2, с. 240], но на деле и в последней незаконченной его статье они занимают центральное место [см. Язык, 1936, с. 109, 116, 123]. Иногда вообще учение Марра излагалось так, будто никаких четырех элементов у него и не было [Цукерман, 1941]. Всё в точности совпадало с прогнозом Поливанова.

Впрочем, некоторые положения Марра все-таки разрешалось критиковать. Здесь также был создан хрестоматийный набор

«недостатков учения», обычно сводившихся к двум пунктам. Во-первых, это идеи о классах при первобытнообщинном строе. В эпоху господства начетничества нельзя было решать явные противоречия между Ф. Энгельсом и кем-то другим, даже Марром, не в пользу Ф. Энгельса. Такая традиция была установлена еще Аптекарем и Быковским [Аптекарь, 1934, с. 93; Быковский, 1933, с. 29] и устойчиво сохранялась [Миханкова, 1949, с. 379—380]. Во-вторых, это «недоработанность» учения о стадиях (см. ниже).

Так формировался марризм без Марра. Как справедливо замечал В. А. Звегинцев, «для последователей Н. Я. Марра была важна декларативная часть его работ, а не фактическое содержание его „теории“ и научной практики» [Пр, т. 1, с. 155]; похожие высказывания см. [Пр, т. 1, с. 353, 393; т. 2, с. 75, 340]. Однако было бы ошибкой считать, что сущность марровского мифа уже была осознана всеми специалистами и что миф держался только на инерции или на страхе. Легенда о Марре как о великом ученом действовала даже на критиков его «нового учения», вспомним «Языкофронт», тем более она не могла исчезнуть среди его окружения. Ученики Марра преодолели ряд его идей вроде четырех элементов, где-то шли на сознательные компромиссы и искажение истории «нового учения о языке», но еще оставалась вера в то, что Марр был крупным ученым и что лучшие стороны его учения надо развивать.

Из элементов марровского учения наиболее популярными оставались концепция происхождения языка, выявление в исторически известных языках остатков первобытного состояния — диффузных звуков, полисемантизма и т. д. (палеонтология без элементного анализа), а также имевшая особое значение идея стадийности в языковом строе. Нетрудно видеть, что в основном у Марра брались концепции, касавшиеся не слишком разработанных в науке вопросов и не слишком явно противоречившие существовавшей до него науке.

Однако и развитие идей Марра на деле приводило к отходу от них. Особенно показательно здесь постепенное наполнение формулировок Марра «совершенно отличным и уже приемлемым содержанием» в связи с популярными в 30—40-е годы исследованиями языковой стадийности.

От Марра здесь его последователи могли взять лишь самую общую схему стадийного развития, фактически существовавшую со времен братьев Шлегелей и В. Гумбольдта. Все противоречившие друг другу попытки Марра конкретизировать эту схему были явно неудовлетворительны, и потому их не решались принять даже декларативно; общим местом стало признание недоработанности этого компонента учения Марра (см., например, [Мещанинов, 1940а, с. 16]). Была предпринята попытка заново создать теорию стадийного развития языков. Искания в этой области надолго стали основной темой исследований И. И. Мещанинова и некоторых других лингвистов, особенно

С. Д. Кацнельсона, значительно отошедшего в эти годы от своих ранних начетнических работ.

Хотя Марр понимал стадии как стадии мышления, отражаемые в первую очередь в семантике, его ученики создавали, что идти по этому пути значит оставаться на уровне беспочвенных гипотез, не опирающихся на позитивные языковые факты. Поэтому предстояло доказать существование стадий через выявление их формального выражения. Однако поиски стадий в области морфологии были проделаны еще наукой прошлого века. Концепция о движении через аморфную и агглютинативную стадии к флективной как к венцу творения, прогрессивная и плодотворная для науки начала XIX в., слишком явно не подтверждалась фактами и была к концу века оставлена. Надо было быть Марром, чтобы попытаться воскресить такого рода идеи. Мещанинов же еще в 1934 г. признал, что вряд ли русский язык был когда-то аморфным и, может быть, прав О. Эсперсен, считавший индоевропейские языки исконно флективными [Мещанинов, 1934б, с. 13]. Единственной дорогой, казавшейся в 30-е годы заманчивой, оставался поиск стадийности в синтаксисе, относительно слабо изученной тогда области лингвистики.

Хотя Марр мало занимался синтаксисом, у него была найдена подходящая цитата: «Синтаксис это самая существенная часть звуковой речи: как учение о звуках лишь техника для синтаксиса» [М, т. II, с. 401], которую повторяли потом до бесконечности. Была сотворена и легенда о том, что Марр к концу жизни склонялся к занятиям синтаксисом; как указывал В. В. Виноградов, для этого нет подтверждений [Пр, т. 1, 69]; впрочем, заниматься синтаксической стадийностью Мещанинов начал при жизни Марра и, очевидно, при его одобрении.

Начав искать Индию, Мещанинов и его сподвижники в конечном итоге нашли Америку. Поставив задачу подтвердить языковыми фактами априорные схемы стадийности, они одними из первых в мировой науке заложили основы новой лингвистической дисциплины — синтаксической типологии. Даже суровый к Мещанинову Б. А. Серебренников признавал, что в его работах «неудержимый галоп на яфетических конях по Евразии и Африке, который характеризовал все работы Н. Я. Марра, сменился стремлением к созданию сравнительного синтаксиса различных языков» [Пр, т. 2, с. 85].

В более ранних работах Мещанинова стадийность еще в центре внимания [Мещанинов, 1934б; Мещанинов, 1936]. Однако с самого начала отвергаются идеи Марра о яфетической, индоевропейской и прочих стадиях [Мещанинов, 1934б, с. 31]. Уже в книге «Новое учение о языке. Стадийная типология» Мещанинов занимается анализом выражения субъектно-объектных отношений в различных языках. Выявляется, в частности, что тот способ выражения этих отношений, который привычен для

посетителей европейских языков (так называемый номинативный строй), свойствен не всем языкам мира, а традиционные понятия подлежащего, прямого дополнения, актива, пассива и т. д. — не общезыковые закономерности, а особенность языков номинативного строя. Иной тип выражения субъектно-объектных отношений был найден в ряде языков Кавказа, баскском, тибетском, ряде индийских языков, отнесенных к языкам эргативного (по первоначальной терминологии 30-х годов, пассивного) строя [Мещанинов, 1936]. Изучение эргативного строя началось на Западе, особенно голландским лингвистом К. К. Уленбеком, но Мещанинов и погибшая в эвакуации в первый год войны С. Д. Быховская внесли в него несомненный вклад. Так были заложены основы синтаксической типологии языков.

Сами по себе исследования эргативного строя были интересны. Но как они соотносились с исходными идеями стадиальности? Поначалу эргативный строй считали стадией, предшествовавшей номинативной [Мещанинов, 1936; Кацнельсон, 1939]. Но в 40-е годы это стало подвергаться сомнению [Гухман, 1947, с. 101]. Полная невыясненность того, что такое стадия, была продемонстрирована со свойственной ему четкостью А. А. Холодовичем, прямо заявившим о кризисе стадиальных представлений [Холодович, 1947]. В конце концов и И. И. Мещанинов был вынужден заявить: «Вопрос о том, что собой представляют стадии, остается по-прежнему открытым» [Мещанинов, 1947, с. 39].

Реально термин «стадия» стал употребляться просто как синоним термина «синтаксический тип» или просто «тип». Так, С. Д. Кацнельсон понимал стадию как совокупность синтаксических отношений на определенной ступени развития [Кацнельсон, 1947, с. 389]; вторая часть этой формулировки четкого содержания не имела, и осмыслена была лишь первая часть. Характерно и утверждение о том, что китайский язык стадиально ближе всего к сиамскому (тайскому) и аннамскому (вьетнамскому), менее к тибетскому и бирманскому [Драгунов, 1940, с. 343], где «стадиально» явно означает «типологически». Так термины Марра превращались либо в словесную шелуху, либо в синонимы обычных лингвистических терминов. Однако декларативно продолжали говорить о стадиях мышления и движении человечества по этим стадиям. Прямо отвергнуть саму идею решился в нашей лингвистической печати лишь работавший некоторое время в советском Львове польский ученый Е. Курилович: «Если стадиальность в языковом развитии существовала, то в находящихся в нашем распоряжении... материалах она следа не оставила» [Курилович, 1946, с. 393].

Еще меньше от Марра мы находим в лучших книгах И. И. Мещанинова [Мещанинов, 1945; Мещанинов, 1949]. Как правильно заметила О. С. Ахманова, если «Члены предложения и части речи» издать без предисловия, то языковед, не знакомый с историей «нового учения о языке», не найдет связи с тео-

риями Марра² [см. Пр, т. 1, с. 421³]. Также и М. Н. Петерсон показал, что Мещанинов следует здесь за Ф. И. Буслаевым, А. А. Шахматовым, Г. Паулем, но не за Марром [см. Пр, т. 2, с. 384, 389]. В этих монографиях Мещанинова дается достаточно интересный типологический анализ языков разного строя. Важной для своего времени была и концепция так называемых понятийных категорий, где, впрочем, автор по существу дела шел за датским лингвистом О. Есперсеном. Это была одна из первых и потому еще несовершенных, но перспективных попыток показать автономию языковой семантики, отсутствие взаимно однозначного соответствия между формой и содержанием в языке; И. И. Мещанинов пытался рассматривать языковые явления, исходя не только из формы, как это было принято в науке XIX в., но и из содержания, выявлял способы выражения тех или иных значений в языках мира.

Выполненные во второй половине 30-х и в 40-х годах типологические исследования И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, С. Л. Быховской, М. М. Гухман и других ученых вызывали и вызывают к себе разное отношение, но несомненно, что они, если здесь уместно будет воспользоваться словами Е. Д. Поливанова, сказанными по другому поводу, «годились для того, чтобы быть рассматриваемыми всерьез». Недаром основные труды Мещанинова в 70—80-е годы были переизданы, а их проблематика нашла продолжение в исследованиях Г. А. Климова и других лингвистов.

Позднее, давая итоговую оценку трудам Мещанинова, В. М. Жирмунский оценивал их как развитие некоего «рационального зерна» учения Марра [Жирмунский, 1967, с. 21—22]. Но по сути деятельность Мещанинова была преодолением этого учения, к концу 40-х годов роль Марра в его трудах свелась все к тому же счету.

Итак, даже ближайшие ученики Марра, освободившись от парализующей воли главы своей школы, смогли встать на путь позитивных исследований. Если одни из них стремились найти что-то новое, то другие выбирали более легкую дорогу, возвращаясь под прикрытием цитат из Марра к повторению концепций дореволюционной науки. Здесь показательны трансформации такого, казалось бы, ортодокса марризма, как Ф. П. Филин.

До 1934 г. Ф. П. Филин публиковал в основном статьи с разоблачениями «буржуазных контрабандистов». Ранняя статья 1936 г. содержит лишь популяризацию идей Марра о русском языке; автор, например, утверждает, что этот язык образовался в разных местах Восточной Европы, когда путем революци-

² Автору данной книги пришлось реально наблюдать такую ситуацию в 1979 г. в Японии: читавшие по-русски японские лингвисты с интересом знакомились со вторым изданием книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», восприняв ее как новое слово в науке, не связывая с марризмом, известным им по статьям И. В. Сталина.

³ Впрочем, тут же, вспомнив о формулировках Сталина, О. С. Ахманова начала искать некую «внутреннюю связь» в работах Марра и Мещанинова.

онного взрыва русскими становились независимо друг от друга разные яфетические народы от скифов до чувашей [Филин, 1936а, с. 130, 133]. Но уже в его первой книге «Исследования по лексике русских говоров», основанной на кандидатской диссертации, ситуация меняется. Хотя здесь полно цитат из Марра и яфетических этимологий и вновь доказывается, что русские диалекты раньше были не связанными между собой языками [Филин, 1936б, с. 164—166], однако, как мы уже видели, Филин отказывается от изучения «тотемистического диффузного мышления» и предпочитает заняться теми эпохами, которые не интересовали Марра. Потому основную часть книги занимает вполне традиционный анализ истории сельскохозяйственной лексики русских диалектов; идеи русистов старших поколений дополняются методикой швейцарско-французской школы «лингвистической географии» Ж. Жильберона и др.⁴ См. правильную оценку этой книги как эклектической у Р. Лермита [L'Hermitte, 1987, с. 46].

В книге «Очерки истории русского языка до XIV столетия» [Филин, 1940] отход от Марра еще заметнее. Все марристские идеи сосредоточены здесь во вводной части, посвященной происхождению русского языка, на которой мы остановимся ниже. Но как только Филин переходит к письменно засвидетельствованной истории, упоминания имени Марра почти исчезают, зато многочисленны ссылки на отечественных русистов, включая уже репрессированных Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинского. Если изъять из книги вводную часть, она будет восприниматься как вполне традиционная компиляция.

Наконец, в книге «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи», в основу которой легла докторская диссертация, уже нет даже ссылок на Марра или упоминания слова «яфетический» [Филин, 1949]⁵. Во всей книге одна обтекаемая фраза: «Задолго до сложения Киевского государства восточнославянские племена в языковом отношении уже представляли собой известное единство, отличавшее их от других славянских племен» [Филин, 1949, с. 182]. Неопределенность формулировки «известное единство» давала возможность в зависимости от ситуации идти либо к Марру, либо к традиционной лингвистике. В книге Филин выбрал второй путь, но прикрывал этой формулировкой дорогу к отступлению, которое вскоре он и предпринял. Меняются и конкретные оценки: еще недавно Филин оценивал слово *лошадь* как яфетизм [Филин, 1940, с. 13], теперь в соответствии с традицией оно отнесено к заимствованиям из тюркских языков [Филин, 1949, с. 216].

⁴ Эта школа принадлежала к «диссидентам индоевропеизма», поэтому ее идеи и методы в 30—40-е годы разрешалось использовать.

⁵ Книга вышла, когда Ф. П. Филин вернулся к марризму, однако он не имел времени пересмотреть концепцию защищенной в 1947 г. диссертации, успев лишь изъять ссылки на Я. Трира и других западных ученых, чьи идеи использовал [Пр, т. 1, 345].

Итак, от верности заветам Марра Филин постепенно пришел к полному отказу от них, что дало ему возможность позднее, в период публичных покаяний, оправдываться (см. его заявления [Пр, т. 1, с. 362]). Что же касается научного уровня его работ 40-х годов, то в свое время Е. Т. Черкасова показала, что Филин использовал без ссылок чужие этимологии, а классификацию лексики переписал с небольшими изменениями у опального М. С. Грушевского [см. Пр, т. 1, с. 343—344].

Если для Филина эклектика была лишь промежуточным этапом, то другие марристы оставались на этом уровне. Так, в книге близкого ученика Марра М. П. Чхаидзе вполне традиционное описание парадигм марийского спряжения сопровождается комментариями в духе Марра вроде: «Марийские гласные как в глагольных окончаниях, так и в других частях речи имеют функционально значимое происхождение, функции эти выполнялись по заказу общественности» [Чхаидзе, 1939, с. 75], а также заявлениями о «фашизации языкознания в современной Финляндии», где проповедуется идея о «вымышленной „семье“ финских языков» [Чхаидзе, 1939, с. 16]⁶. Все та же Е. Н. Петрова, уже отказавшаяся от создания «идеологической грамматики», требовала внедрить в школьное преподавание этимологические фантазии Марра, связывавшего происхождение слов *слух*, *ух* и *слово*; при этом она пыталась объединить эти фантазии в якобы единое целое с вполне научными идеями А. А. Потебни о внутренней форме слова [Петрова, 1936, с. 193—195].

Такое эклектическое сочетание несовместимого проникало и в учебники. Первым за многие годы стабильным учебником по курсу введения в языкознание стала книга Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова⁷. Большая часть ее представляет собой изложение обычных положений науки XIX и начала XX в. Например, раздел об исторических изменениях в фонетике написан в духе сравнительно-исторического языкознания со ссылками на А. Мейе [Шор, Чемоданов, 1945, с. 60—62]. Классификация языков дана по семьям, а про романские языки вопреки Марру сказано, что они ведут начало от народной латыни [Шор, Чемоданов, 1945, с. 163]. Даже в разделе о развитии языка при первобытнообщинной формации Марра уже не вспоминают, а в разделе о происхождении языка его теория изложена на равных правах с другими [Шор, Чемоданов, 1945, с. 199—208].

Однако то тут, то там в книге появляются марристские вкрапления, часто явно неорганичные. Имеется чисто марристский раздел «Происхождение частей речи» [Шор, Чемоданов, 1945, с. 158—160]; в соответствии с Марром ведется и полеми-

⁶ В детальном обзоре мирового финно-угроведения [Хайду, 1985], где высоко оцениваются работы Д. В. Бубриха, имя М. П. Чхаидзе, в те годы много писавшего о марийском языке, не упомянуто вовсе.

⁷ Книга основана на лекциях и энциклопедических статьях умершей в 1939 г. Р. О. Шор, скомпонованных в единое целое Н. С. Чемодановым.

ка с теорией праязыка [Шор, Чемоданов, 1945, с. 188—190]. Армянский язык отнесен к индоевропейским, но тут же сказано, что у «народного армянского» есть «элементы скрещения» с ифетическими [Шор, Чемоданов, 1945, с. 164]. Попытки компромисса между обычной и марровской лингвистикой приводят к утверждениям, отличным от того и другого: индоевропейские языки определены как «географическое понятие» [Шор, Чемоданов, 1945, с. 162], хотя достаточно посмотреть на карту, чтобы усомниться в этом. Закрывающий книгу вполне объективный очерк истории языкознания (в чем была очень эрудирована Р. О. Шор), где даже глава американской лингвистики того времени Л. Блумфилд оценивается положительно, внезапно завершается двумя страницами славословий Марру, мало связанными с предыдущим текстом [Шор, Чемоданов, 1945, с. 276—277] (ср. слова А. А. Реформатского: «Р. О. Шор была по природе эклектична, заигрывала с марризмом» [Реформатский, 1970а, с. 25]⁸).

Если последователи Марра постепенно отходили от «нового учения о языке», сохраняя ему словесную верность, то многие ученые, воспитанные в иных традициях, участвовали в этом компромиссе, но как бы с другой стороны. На одних воздействовал страх, другие были подвержены одряхлевшему, но не исчезнувшему мифу, третьи были во власти того и другого. И нередко они даже больше исходили из положений Марра, чем, скажем, Мещанинов или Филин. При этом научные новаторы обычно скорее были склонны к уступкам марризму, чем ученые, последовательно стоявшие на старых, особенно младограмматических позициях. Уже это показывает, что миф о «прогрессивности» «нового учения о языке» еще действовал.

В те годы, как писал позднее ученик Б. Я. Владимирцова Г. Д. Санжеев, «часть языковедов ушла в эмпирическое описание материала, в чем она видела отдушину от марризма, а другая часть сдавала марризму свои позиции» [Санжеев, 1951, с. 18]⁹. Показательна судьба академика Л. В. Щербы, несколько раз сходявшегося и расходявшегося с Марром. В конце 20-х годов Щерба подвергся гонениям: была ликвидирована его кафедра в ЛГУ, его отстранили от теоретических курсов, ему разрешили заниматься лишь экспериментальной фонетикой и преподаванием иностранных языков [см. ВВШ, с. 56]. В конце концов Щерба сдался, хотя и не стал всерьез марристом. Явно для отпущения грехов он выступил со статьей о «диффузных звуках» [Щерба, 1935], где высоко оценил эту сомнитель-

⁸ Надо отметить весьма положительную деятельность Р. О. Шор в 30-е годы, когда под ее редакцией в СССР был издан ряд важнейших книг лингвистов Запада — Ф. де Соссюра, Э. Селира, Ж. Вандриеса.

⁹ Ко вторым надо отнести и автора этой цитаты. В его работах 40-х годов сочетаются защита идей своего учителя о родстве монгольских языков [Санжеев, 1947а] и признание народной латыни романским праязыком [Санжеев, 1947б, с. 66—67] со стандартно марристскими рассуждениями о стабильности и диффузных звуках [Санжеев, 1940, с. 200].

ную идею Марра, придав ей наукообразный вид через сопоставление китайских слогофонема с русскими междометиями *тпру, бррр, тьфу*. В данном случае отступление помогло; до его кончины в 1944 г. Л. В. Щерба и прорабатывали.

Сходной была и позиция видного германиста и социалингвиста, члена-корреспондента АН СССР (позднее академика) В. М. Жирмунского. В некрологе [Malkiel, 1974] его деятельность получила высокую оценку, одновременно отмечена и податливость его натуры, и склонность к компромиссам под давлением извне, пикогда, однако, не доходившим до полного оппортунизма. Испытавший за свою жизнь немало проработок и переживший три кратковременных ареста, Жирмунский старался, по крайней мере внешне, быть лояльным к Марру и марризму. Еще при жизни Марра Жирмунский участвовал в марристских изданиях, а в 1940 г. Мещанинов, не признавая его стопроцентным сторонником «нового учения о языке», тем не менее оценивал его деятельность в целом положительно и отмечал отход от прежних «индоевропейских» позиций [Мещанинов, 1940б, с. 108—109].

Л. В. Щерба и В. М. Жирмунский сближались с марризмом лишь в немногих работах. К сожалению, куда больший отпечаток «новое учение о языке» наложило на таких несомненно крупных и поначалу державшихся независимо ученых, как Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, Д. В. Бубрих, Н. В. Юшманов. Если Марр считал Яковлева и Жиркова учеными, вносящими материальный вклад в яфетидологию, но не яфетидологами [М, т. I, с. 227], а Бубрих даже с позиций языкофронтовцев причислялся к «индоевропейцам», на работах которых «революция никак не отразилась» [РИЯ, с. 66], то к концу данного здесь периода все трое, хотя и ненадолго, были полностью включены в число последователей Марра [Мещанинов, 1948а, с. 483].

Мы помним, что позиция Н. Ф. Яковлева и раньше была противоречивой. Теперь же эти противоречия стали еще более очевидными, проявившись, в частности, в его крупных работах 30—40-х годов — в кабардинской и адыгейской грамматиках (последняя в соавторстве с Д. Ашхамафом). С одной стороны, добротный анализ фактов, перспективные идеи, но с другой стороны, подгонка фактов под стадильные схемы (см., например, тезис о том, что адыгские языки еще в XIII—XV вв. были аморфными, а за три-четыре века стали языками с развитой морфологией), малообоснованные этимологии, выходящие за пределы науки попытки трактовать явную омонимию как остаток первобытной диффузности значения¹⁰. Автор зарубежного очерка кавказского языкознания в СССР А. Х. Койперс справедливо пишет о том, что эти труды Яковлева, несмотря на марристские

¹⁰ В совсем утрированном виде эти идеи развивал Г. П. Сердюченко, который пытался любую омонимию морфем в адыгских языках представить как «диффузность значения» [см. Сердюченко, 1949б]. Сердюченко, когда-то называвший Яковлева «вредителем», теперь в корне изменил к нему отношение.

абберации, содержат интересные идеи, однако не стоят на уровне блестящих работ этого же автора в 20-х годах [СТИЛ, с. 320].

Если другие языковеды более или менее постепенно отходили от Марра, то Яковлев в 40-е годы пытался вступить с ним в соревнование (позднее его обвиняли в стремлении создать особую московскую школу марризма [Пр, т. 1, с. 89]). Помимо особой стадияльной теории он попытался создать также новую концепцию происхождения языка совместно с историком первобытного общества В. К. Никольским, когда-то участвовавшим в поливановской дискуссии в Коммунистической академии. Их брошюра [Никольский, Яковлев, 1947] выдержала несколько изданий, в том числе в «Научно-популярной библиотеке солдата и матроса», а также была переведена в Польше, Югославии и даже Австрии. Отталкиваясь от Марра, ее авторы предложили иную, но столь же умозрительную схему развития языка от «речи» обезьян до современности. Конечно, «эпоха... не могла не наложить своих ограничений на теоретическое наследие ученого» [Климов, Панов, Реформатский, 1975, с. 364]. Но все-таки углубление в специфически марристскую проблематику оказалось у Яковлева слишком значительным. Подобный уклон в марризм проявлялся и у Л. И. Жиркова (см., например, [Жирков, 1935]).

Д. В. Бубрих, написавший в те годы ряд серьезных работ, иногда доходил до таких сопоставимых по полету мысли с Марром построений: «В глубинах первобытно-коммунистического общества активное начало в действии рассматривалось совсем не так, как в наши дни. Далеко не важно было, например, кто из состава орды или рода поймал медведя. Медведь... все равно шел в общий котел. Совсем не так, как в наши дни, рассматривалось и пассивное начало в действии. Чрезвычайно важно было, например, что попался медведь. В этом была главная суть происшествия, остро интересовавшая всю орду или весь род. Как видно, пассивное начало в действии было гораздо важнее активного. Это отражалось в речи». Потом «медведь стал иметь все меньше отношения к общему котлу и все больше отношения к котлу удачливого охотника, именно его и никого другого... Медведь в чужом котле возбуждал уже относительно мало интереса» [Бубрих, 1946, с. 211—212].

Иногда даже одна-две марристские идеи значительно снижали научный уровень большого исследования. Типичный пример — крупная работа блестящего лингвиста Н. В. Юшманова, посвященная реконструкции истории развития семитского корня (осталась неопубликованной и только сейчас готовится к изданию). Эта работа основана на обширном языковом материале, выполнена изящно и оригинально, история семитских языков в основном рассматривается независимо от идей Марра. Однако берется один марровский постулат: развитие фонетики любого языка от «диффузных выкриков» к фонемам, что приводит к априорному представлению, в соответствии с кото-

рым древнейшая фонетическая система должна состоять из минимального числа элементов, а затем преобразовываться, ставясь все богаче фонемами. Под эту схему Н. В. Юшманов был вынужден подгонять все исследование. Вообще влияние «нового учения о языке» на Н. В. Юшманова, сводясь часто лишь к декору, как в приводившейся выше цитате по поводу сингармонизма урмийского наречия, тем не менее оказывалось весьма значительным: он увлекался выявлением фонетических параллелей между африканскими и яфетическими языками [Юшманов, 1937], признавал он и скрещение языков в марровском духе [Юшманов, 1930, с. 30], в курсе лекций 1933/1934 учебного года «Введение в семитское языкознание» содержалась стандартная критика «расовой теории» и отрицание семитского родства.

Так вполне добросовестные и самостоятельные ученые сочетали в своих работах науку и марризм, зачастую стараясь быть святее самого папы. У каждого из них и в эти годы были научные достижения, но никто не смог удержаться на уровне тех своих исследований, которые они вели до победы «нового учения о языке».

Областью, особенно страдавшей от господствовавшего мифа, было историческое языкознание. Именно здесь марристы стойко старались держаться заветов своего учителя, от которых в других областях языкознания могли уходить довольно далеко. Свобода в выборе тем и методов исследования, о которой вспоминают бывшие сотрудники Института языка и мышления, в 1935—1947 гг. до некоторой степени действительно существовала, но она не распространялась на сравнительно-исторический метод и установление языкового родства. Концепция происхождения языков от «расово-особого праязыка» по-прежнему клеймилась как «буржуазная» [Мещанинов, 1940а, с. 11], и делались заявления типа: «Генеалогическая классификация единодушно оценивается сторонниками нового учения о языке как характернейшая черта отжившего лингвистического мировоззрения» [Кацнельсон, 1940, с. 62]. В результате «оказались растерянными кадры специалистов по сравнительно-историческому языкознанию и почти забытыми навыки подобного изучения» [ВЯ, 1952, № 1, с. 20].

Однако вопрос о том, чем объяснить материальное сходство некоторых языков между собой, все-таки уже нельзя было столь долго обходить молчанием. Марр мог себе позволить просто игнорировать или опровергать очевидные вещи. Но у его последователей не было такой смелости, и теперь вновь стало общепризнанным, что русский язык похож на украинский больше, чем на грузинский. Играла роль и политическая ситуация. Если в период борьбы с «панславизмом» созвучными времени казались идеи Марра о том, что славянские языки имеют достаточно существенные различия, то теперь актуальным стало подчеркивать единство и тесную связь славянских народов (см.

[СТИЛ, с. 95], но В. Кипарский неправ, говоря, что со времени войны ситуация в советской славистике неуклонно улучшалась). Если в 1933—1934 гг. славистов арестовывали, то в 1943 г. было принято решение о создании славянского отделения в МГУ и активной подготовке славистических кадров [Бернштейн, 1989, с. 77—78]; впрочем, во главе советской славистики был поставлен не кто иной, как Н. С. Державин. Ожили в те годы и запрещенные некоторое время назад финно-угроведение, монголистика.

Однако самой констатации сходства русского языка с болгарским или татарского с казахским было для науки недостаточно. Объяснения причин такого сходства в те годы нередко напоминали игру «да и нет не говорите, черного и белого не называйте». Поскольку идея Марра о движении языков от множества к единству не подвергалась сомнению, допускались разные толкования, кроме самого естественного — генетической общности.

Из двух идей Марра на этот счет явно абсурдный тезис о материальном сходстве языков как следствии сходства экономического уровня был отвергнут напрочь. В. М. Жирмунский, например, писал, что народы в разных частях света, «хотя бы находясь в одинаковых условиях общественного развития», не называли бы брата, мышь, ночь сходными по звучанию словами [Жирмунский, 1940, с. 32].

Оставалась другая идея Марра — скрещение языков. Однако идеи о всеобщем скрещении обычно сохранялись лишь в виде общих деклараций, исключая уже вошедшие в хрестоматии примеры вроде армянского языка. Уже никто не говорил о вторых, яфетических предках русского или французского языка, а концепция скрещения постепенно подменялась все той же существовавшей и до Марра концепцией субстрата. В конце концов Мещанинов прямо назвал яфетические языки субстратом для индоевропейских [Мещанинов, 1947, с. 37]; это соответствовало даже не концепциям Марра до 1923 г., а их интерпретации доброжелательными к Марру компаративистами типа Ф. А. Брауна.

Скрещение в ту пору рассматривалось как частный случай схождения языков, под которым фактически имелись в виду языковые контакты. Именно схождению обычно приписывалось происхождение материально общих элементов языков (если только его нельзя было объяснить заимствованием, которое после смерти Марра вновь допускалось; впрочем, четкой грани между схождением и заимствованием у советских языковедов тех лет не было).

Обратный процесс — расщепление языков, — основной для сравнительно-исторического языкознания, вслед за Марром считался несуществующим, так как он противоречил априорному тезису о движении от исходного множества языков к их будущему единству. В лучшем случае расщепление допускалось как

исключение, например, так объяснялось происхождение родственных дагестанским языкам Азербайджана, сохранивших дагестанскую лексику в тюркском окружении [Мещанинов, 1934б, с. 12]. Иногда говорили и так: родство — результат схождения, хотя «расхождение тоже имело место» [Щукерман, 1941, с. 61].

В отношении почти всех языковых семей постулировалась вторичность их происхождения. Типично такое высказывание: «Языки турецкой системы (тюркские языки. — В. А.), кроме типологической общности, объединяются и по известной лексической и морфологической близости. Из этого нельзя сделать тот вывод, что турецкие языки являются природно-общей „семьей“ языков, с общим происхождением из единого источника. Наоборот, достигнутая близость в грамматической структуре и словаре между отдельными языками турецкой системы есть результат и продукт исторического развития» [Боровков, 1935, с. 13]. Уже известный нам М. Я. Немировский, посвятив основную часть своей длинной статьи перечислению лексических и грамматических сходств славянских языков (видимо, в 1945 г. в Ростове-на-Дону о них настолько успели забыть, что требовалось их показать), отвергал «пресловутую теорию праязыка» [Немировский, 1945, с. 97], которую он когда-то всецело принимал, пока не был обруган Г. П. Сердюченко. Согласно М. Я. Немировскому, славянские языки первоначально были не связанными друг с другом племенными языками или диалектами, но «общность жизни» и «общность развития» привели к сглаживанию их дифференциации [Немировский, 1945, с. 138—140]. Утверждения такого рода обычно постулировались без всякой аргументации.

Попытки как-то доказать такого рода положения еще больше запутывали проблему. Так, в вводной части упоминавшейся выше книги Ф. П. Филина, посвященной происхождению русского языка, сначала заявляется, что «русский язык вместе с украинским и белорусским языками сложился из объединения древних восточнославянских диалектов» [Филин, 1940, с. 7]; затем славянские языки в целом объявляются результатом скрещения [Филин, 1940, с. 17], причем о том, кто с кем скрестился, не сказано. После такого скрещения, согласно Филину, установился родовой строй, произошли стабилизация этноязыковых отношений и «окончательное сложение славянской группы племен как известного языкового единства» [Филин, 1940, с. 17]. Потом все-таки происходило и дробление племен, в том числе из славян выделились восточные славяне [Филин, 1940, с. 18]. Как будто здесь Филин уступает «индоевропеизму». Но нет, чуть ниже снова читаем, что, наоборот, общность восточнославянских языков — результат схождения [Филин, 1940, с. 21]. В явном противоречии с идеей скрещения говорится об автохтонности славян [Филин, 1940, с. 20]. В отличие от других марристов, просто декларировавших «ложность теории праязыка», Филин делает некоторые попытки доказать эту ложность, но заяв-

ляет лишь, будто гипотеза праязыка не способна объяснить замеченной с XIX в. общности русских слов с финскими и кавказскими языками [Филин, 1940, с. 11]; однако в другом месте книги он соглашается с «индоевропейским» объяснением общности русско-финских слов как заимствований из одного языка в другой [Филин, 1940, с. 106].

Все построения такого рода не могли быть реальной альтернативой «теории праязыка». Как заметил П. С. Кузнецов, никто так никогда и не смог объяснить, что такое «социальное схождение» языков [Пр, т. 2, с. 218—219].

В то же время не все попытки контактного объяснения языкового родства были столь неудачны. Идеи такого объяснения более отдаленного родства и раньше предлагались, в частности для индоевропейских языков, Е. Д. Поливановым и Н. Трубецким. Теперь вполне серьезную попытку такого рода предпринял Д. В. Бубрих, который, восстановив в правах третировавшуюся Марром идею финно-угорской языковой общности, объяснял ее в духе времени не исконным родством, а вторичным контактным схождением; однако для наиболее близких между собой языков вроде финского и эстонского такая гипотеза была непригодна, и Бубрих фактически признавал финско-эстонский праязык [Бубрих, 1949, с. 191—192]. Построения Д. В. Бубриха и сейчас всерьез рассматриваются в компаративистике, см. комментарии Вяч. Вс. Иванова к советскому изданию трудов Н. Трубецкого [Трубецкой, 1987, с. 415]. Однако объяснить таким образом любые материальные сходства языков было невозможно.

Нередко лингвисты шли на неявный компромисс и наряду с внешне марристской терминологией и обязательными фразами о «мифичности» праязыка и прародине соседствовал обычный компаративизм. Среди сотрудников Института языка и мышления к этому наиболее были склонны В. М. Жирмунский и А. В. Десницкая.

Еще перед войной В. М. Жирмунский заявлял: «Сравнительная грамматика индоевропейских языков... строится на фактах, открытых лингвистикой в начале XIX в. и до сих пор в науке не опровергнутых. Спор может идти не о наличии самих фактов, на которых строится сравнительная грамматика, а только о различном их объяснении и истолковании» [Жирмунский, 1940, с. 28]. Говорится, что «*путь к стадильной истории языка лежит через сравнительную грамматику*» [Жирмунский, 1940, с. 59]. Сама критика концепции праязыка ведется не столько с марровских, сколько с «диссидентских» позиций: говорится о лингвистических трудностях построения праязыка, о неучете при этом диалектного дробления и т. д. [Жирмунский, 1940, с. 33, 37]. Вполне сочувственно изложены и идеи столь нелюбимого Марром А. Мейе о том, что праязык — лишь система соответствий между языками, но не реально существовавший язык [Жирмунский, 1940, с. 32]. Говорится и о том, что романские языки

развились из народной латыни [Жирмунский, 1940, с. 31]. К 40-м годам это, кажется, признали уже все, кроме Н. Ф. Яковлева¹¹.

Итак, восстановление индоевропеистики? На практике в общем да, но в теории на это накладывалось признание марристских идей вроде древности морфологических различий между индоевропейскими языками, архаичности живой речи сравнительно с письменными памятниками и даже яфетического наследия индоевропейских языков [Жирмунский, 1940, с. 30, 58, 61]. Появлялись и «бумажные тигры» типа «романского пранарода», существование которого старательно опровергается [Жирмунский, 1940, с. 31], хотя ни один нормальный лингвист не обнаруживал общий пранарод для французов, румын и португальцев. Однако заявляется, что А. Мейе и другие якобы говорили о пранароде, хотя и не считали его физическим предком романцев [Жирмунский, 1940, с. 32]. Понять это обвинение непросто.

Но такая нелогичность, вероятно, сознательная, служила для отпущения грехов. Раз лингвист признавал идеи Марра и боролся с «индоевропеистикой», ему разрешалось работать, и в конкретных исследованиях он мог делать то, что считал нужным, тем более что В. М. Жирмунский по своим интересам был не столько индоевропеистом, сколько историком германских языков и социолингвистом и опубликовал в те годы ряд серьезных работ.

Сходный компромисс мы наблюдаем в статье А. В. Десницкой, где при большом числе цитат из Марра и разнообразных обвинений А. Мейе и других компаративистов, в том числе и в «агностицизме», автор соглашается на «условное» сохранение термина «родство» и признает, что наука XIX в. дала «удобную схему» [Десницкая, 1948, с. 242]. Существенно, что к индоевропейским языкам Десницкая отнесла и хеттский (вспомним, как негодовал Марр по этому поводу и как каялся М. Я. Немецкий из-за такого отнесения). Противоречия статьи особенно видны в конце, где на одной странице говорится о системности фонетических соответствий между индоевропейскими языками и одновременно о том, что все трудности индоевропейской фонетики будто бы снимаются, если все поздние различия между языками посчитать исконными [Десницкая, 1948, с. 249].

Такие попытки совместить несовместимое находили поддержку у И. И. Мещанинова, который, сам не занимаясь этой проблематикой, не раз ее касался в рецензиях и основополагающих своих статьях. Он требовал не отбрасывания формально-сравнительного (т. е. сравнительно-исторического) метода, а его перестройки, включения в палеонтологические исследования

¹¹ Последний утверждал, что народная латынь была «стержнем, вокруг которого происходил процесс уменьшения количества, укрупнения и сближения языков» [Никольский, Яковлев, 1947, с. 49]. Как происходило такое «сближение», оставалось неизвестным.

[Мещанинов, 1940а, с. 25], заявляя, что группировка языков по семьям является «величайшим достижением лингвистики XIX в. Н. Я. Марр ее не отрицает» [Мещанинов, 1940а, с. 25], но нельзя лишь считать их вечными и неизменными¹². Он снисходительно смотрел даже на такое кощунство, с точки зрения Марра, как то, что «В. М. Жирмунский берет немецкий язык как выделившееся слагаемое индоевропейской речи», хотя и слегка упрекал его за «затемненность» стадильности «единством индоевропейской системы» [Мещанинов, 1940б, с. 109]. В докладе о задачах языкознания на первую послевоенную пятилетку Мещанинов придавал первостепенное значение развитию теории субстрата, призывал рассматривать проблемы сравнительно-исторического языкознания [ИЛЯ, 1946, № 6, с. 505]. Этот доклад и статья А. В. Десницкой показывают, что после войны дело шло к восстановлению последней запрещенной области языкознания под прикрытием все того же щита. Этот процесс был прерван громкой кампанией 1948 г.

Однако родимые пятна марризма здесь так и не исчезли. Не вполне прав был Н. С. Пospelов, писавший о языковедах тех лет: «На словах — отрицание родства языков, на деле — полное и безоговорочное его признание» [Пр, т. 1, с. 230]. Это можно сказать лишь про формально примкнувших к марризму сложившихся ученых типа В. М. Жирмунского. Для большинства же последователей Марра теоретическая путаница влияла и на исследовательские методы, тем более что эти ученые редко имели хорошую компаративную подготовку.

Общее стремление к компромиссу определяло в данный период и отношение к научному наследию и к современной зарубежной лингвистике. Внешне противостояние сохранялось. По-прежнему полагалось говорить с сожалением о «буржуазной» науке, не овладевшей марксистским методом и «новым учением о языке», продолжались обвинения, в том числе с политическим оттенком, «индоевропейцев», чаще безымянных, иногда, правда, упоминались традиционные для подобной критики имена вроде умершего в 1936 г. А. Мейе (впрочем, в 1938 г. одна из его основных книг была издана в СССР). Иногда критика «лингвистического эгоцентризма» и «шовинизма» заходила даже за пределы, установленные Марром: делалась, например, попытка отвергнуть все традиционные типологические классификации [Кацнельсон, 1940], хотя они были одним из немногих компонентов традиционного языкознания, включенных Марром в его «новое учение».

Однако к тому времени уже не ставилась столь близкая для Марра задача создания новой науки, «новое учение о языке» рассматривалось не столько как отрицание, сколько как допол-

¹² Характерно, что в эти годы огонь разоблачений «расизма» индоевропеистики в основном направлялся на действительно уязвимые места традиционной классификации, например выделение урало-алтайской семьи [Бубрих, 1935б; Поппе, 1940; Никольский, Яковлев, 1947, с. 45—46].

нение того языкознания, что существовало до Марра. Постепенная реабилитация этого языкознания в наибольшей степени коснулась русской дореволюционной науки (исключая эмигрантов, о которых предпочитали не говорить). Все чаще без брани упоминались имена А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, возобновилось издание их наследия [Шахматов, 1941]. Учение Потебни стали характеризовать как вершину мировой науки [Кацнельсон, 1940, с. 71], а его самого — называть великим лингвистом [Ярошевский, 1946, с. 393]. Столь же высоко оценен и Шахматов [Истрина, 1946].

Не столь явно, но улучшилось и отношение к зарубежной науке, к которой в те годы были вполне лояльны многие последователи Марра, начиная с самого И. И. Мещанинова. Официальное отношение к современной западной лингвистике в те годы было разумнее не только по сравнению с периодом «холодной войны», но и по сравнению с 70-ми и первой половиной 80-х годов. Грубая брань в адрес конкретных языковедов в «Известиях АН СССР» серии литературы и языка (ИЛЯ) и других изданиях теперь не поощрялась. Зарубежные работы, регулярно рецензируемые или аннотированные, обычно оценивались положительно или нейтрально. См., например, рецензию В. Н. Ярцевой на книгу Я. ван Гиннекена, которого она критикует лишь за неучет роли мышления и языка жестов [ИЛЯ, 1940, № 2, с. 130—131], или ее же рецензию на новую грамматику английского языка [ИЛЯ, 1940, № 1, с. 109—110]. Вообще среди сотрудников ИЯМ В. Н. Ярцева особо выделялась благожелательным отношением к работам зарубежных лингвистов (см. также [Ярцева, 1947]). Но и более склонный к критике «буржуазной науки» С. Д. Кацнельсон весьма высоко оценил книгу А. Соммерфельда [ИЛЯ, 1940, № 1, с. 111].

В то время положительная оценка советского ученого на Западе еще считалась не минусом, а плюсом: в статье, посвященной трудам С. Д. Кацнельсона, отмечался как лестный факт, что «сам» К. К. Уленбек одобрил его работы и предлагал перевести их на западные языки [СН, 1941, № 4]. Традиции научных связей с заграницей тогда еще хотя бы отчасти сохранялись, окончательно они были прерваны уже в последующий период. За иностранными работами постоянно следили, фиксируя ту или иную их связь с советской наукой. Вот отрывок из доклада И. И. Мещанинова: «Недавно был сделан доклад чл.-корр. АН В. М. Жирмунским о новой статье Вандриеса, вышедшей в 1945 г., был дан обзор, знакомящий с новыми выводами крупнейшего французского ученого, и критический их разбор, при этом некоторые положения Вандриеса оказались повторяющимися выводы наших ученых, изложенные еще в 1940 г. и более ранних годах» [ИЛЯ, 1946, № 6, с. 506]. Одновременно же исчезают попытки доказать распространение во всем мире «семян яфетидологии».

Оценка лингвистических теорий западных ученых в те годы

далека от полного отрицания. В послевоенной статье Н. С. Чегодамова структурализм оценивался как шаг вперед по сравнению с младограмматизмом, как попытка выйти из кризиса, к числу его положительных сторон относились понимание языка как системы, развитие фонологии, а серьезным недостатком признавалась лишь неспособность решить проблемы развития языка [Чегодамов, 1947]. Тот же Н. С. Чегодамов выступал в это время за необходимость более тесного общения с зарубежными учеными [ИЛЯ, 1946, № 6, с. 508]. С. Д. Кацнельсон высоко оценивал труды американской этнографической школы (Ф. Боас, Э. Сепир), признавая ее вклад в науку, отмечая, впрочем, отсутствие «действенности» и «созерцательный характер» [Кацнельсон, 1947, с. 382]. М. М. Гухман относила Ф. де Соссюра к «наиболее передовым лингвистам», хотя он и скатывался к «чистейшему формализму» [ТВИИЯ, 1947, вып. 3, с. 5] (см. также [Гухман, 1947а]). В отличие от предыдущего и последующего периодов советское языкознание рассматривалось как авангард мировой науки, но не как единственно научное языкознание. Не было попыток отгородиться китайской стеной от всего, что не относилось к «новому учению о языке».

Как бы высоко ни ставились иногда А. А. Потебня или Ф. де Соссюр, величайшим ученым всех времен и народов считался тем не менее Марр. Даже если и отвергались какие-то его положения (кроме хрестоматийных «недостатков»), необходимо было доказывать, что они якобы принадлежат его «вульгаризаторам», Авторитет Марра переносился на его преемника, чей статус казался незыблемым. И. И. Мещанинов в 1943 и 1946 гг. дважды был удостоен Сталинской премии; во второй раз он получил премию 1-й степени за книгу «Члены предложения и части речи». Он был депутатом Верховного совета РСФСР, а в 1945 г. в числе тринадцати виднейших академиков СССР (от П. Л. Капицы до Т. Д. Лысенко) получил к 220-летию Академии наук звание Героя Социалистического Труда. Удивительным образом, в указе о награждении сказано, что Мещанинов удостоен звания за «исследования синтаксиса и морфологии русского языка», а в сопроводительной газетной статье говорилось: «Работы И. И. Мещанинова, посвященные языкознанию, пролили новый свет на замечательный по своему богатству и красоте язык великого русского народа — могучий, прекрасный и свободный русский язык» [П, 11.06.1945], хотя Мещанинов никогда в жизни не занимался специально русским языком. Однако политическая конъюнктура требовала выдвинуть на первый план в языкознании именно русистику. Спустя несколько лет это изменение конъюнктуры печально скажется на карьере Мещанинова.

Казалось, что марристское направление имеет по-прежнему монополию. Ведущими лингвистическими учреждениями были Институт языка и мышления и отделившийся от него в 1945 г. Институт русского языка. Мещанинов помимо директорства в

ИЯМ был с 1939 г. и академиком-секретарем Отделения литературы и языка.

Однако наряду с языковедами, в той или иной степени считавшимися последователями Марра или хотя бы внешне признававшими его авторитет, были и ученые, абсолютно независимые от какого-либо влияния марровского мифа. Их было не так много и их жизнь не была легкой, однако в этот относительно спокойный период они могли работать и печататься. Среди них были и новаторы, близкие по идеям к структурализму, и представители младограмматической традиции.

Ярким примером такого лингвиста-новатора был выдвинувшийся именно в эти годы Александр Александрович Реформатский (красочный портрет этого ученого см. в очерке [Ильина, 1985]). А. А. Реформатский часто повторял: «Я не марровец и не антимарровец, я амарровец». Действительно, в большинстве его работ тех лет упоминаний Марра и его учения нет вообще.

А. А. Реформатский был одним из основателей окончательно сложившейся к концу 30-х годов Московской фонологической школы. В нее входили также активный участник языкового строительства А. М. Сухотин, умерший в 1942 г., бывший языкофронтонец П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов и вернувшийся из заключения В. Н. Сидоров. Эти лингвисты, так и не ставшие марристами, но кое в чем поддававшиеся идеологическому нажиму в начале 30-х годов (вспомним участие А. М. Сухотина в борьбе с «поливановщиной» и обвинения «буржуазной лингвистики» у П. С. Кузнецова), теперь смогли уйти в сферу чистой науки и достигли немалых результатов. Они не утруждали себя даже декоративными похвалами Марру.

В 1947 г. Реформатскому удалось издать написанный еще до войны учебник «Введение в языкознание», выпущенный как пособие для учительских институтов. В отличие от эклектичного учебника Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова здесь «новое учение о языке» почти не упоминалось. Был лишь короткий раздел «Предположительный тип первобытных языков» [Реформатский, 1947, с. 158—159], где идеи, взятые не у самого Марра, а у Н. Ф. Яковлева (которого Реформатский всегда ценил высоко), изложены как возможная гипотеза о том, что практически недоказуемо. Кроме того, среди прочих типологических классификаций языков приводится стадияльная схема из «Бакинского курса» Марра и ее модификация Яковлевым [Реформатский, 1947, с. 150—153]. При этом он констатирует, что в области языковой типологии «никакого единого мнения... в науке еще не установилось. Особенно, конечно, это касается исторического понимания типологии, т. е. стадияльной типологии, где за сто лет, прошедших с того времени, когда эту проблему поставил впервые Гумбольдт, вопрос сильно осложнился» [Реформатский, 1947, с. 153]. Здесь несомненна скрытая полемика с марризмом. Неудивительно, что при изменении климата Реформатский стал одной из первых жертв проработок.

Были и ученые, остававшиеся на старых позициях и не шедшие на компромиссы с «новым учением о языке». Таким языковедом был иранист, член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман. За свою долгую жизнь он был свидетелем многих перемен в отечественном языкознании, однако всегда сохранял приверженность идеям, в рамках которых задолго до революции сформировался как ученый. Он всегда понимал языкознание как часть филологии — науки о словесной культуре, науку о языке — как историческую науку, стержнем которой он считал построение историко-сравнительных грамматик и этимологических словарей. Генетическое родство иранских языков и их индоевропейская принадлежность были для него незыблемыми истинами. Эти идеи он проводил в своих курсах на восточном факультете ЛГУ, где заведовал в те годы иранской кафедрой, их он высказал в докладе на Отделении литературы и языка АН СССР [Фрейман, 1946] (см. также его доклад о принадлежности хеттского языка к индоевропейским [Фрейман, 1947]).

Другим ученым подобного типа был славист, член-корреспондент АН СССР и академик АН УССР, один из немногих уцелевших на Украине серьезных лингвистов Л. А. Булаховский (см., например, [Булаховский, 1946]). Оба этих ученых не спорили с Марром: он для них просто не существовал.

Продолжало развиваться сравнительно-историческое языкознание и в Закавказье, где работали А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахвледиани, А. С. Чикобава, Р. С. Ачарян, Г. А. Капанцян. Все эти ученые могли в те годы публиковаться, в том числе и в главном печатном органе — ИЛЯ. Можно согласиться с О. Н. Трубачевым, что оживление советской компаративистики стало намечаться и до 1950 г. [Трубачев, 1968, с. 38].

К признанию целесообразности сравнительно-исторического языкознания стали приходить и лингвисты, одно время его отвергавшие. Тот же П. С. Кузнецов, отвергший компаративистику в пору «Языкофронта», в 1947 г. четко высказался в ее пользу, разбив марристские построения М. Я. Немировского [Кузнецов, 1947]. Своим путем шел и Л. П. Якубинский, который, как вспоминал позже его друг, «разочаровался в марризме, решив строить марксистское языкознание, и провел тяжелую борьбу: его долго не печатали» [Шкловский, 1966, с. 128]. Лишь после смерти автора вышла статья [Якубинский, 1947; перепечатано в: Якубинский, 1986, с. 114—127], не вполне свободная от влияния Марра; но прежде всего в ней развивался тезис о разделении племен и языков как основном процессе в первобытную эпоху, в связи с этим отстаивалось традиционное понятие языкового родства. Даже близкий ученик Марра В. И. Абаев эволюционировал в сторону сравнительно-исторического языкознания [Абаев, 1945].

Скрытая оппозиция господствующему направлению в науке проявлялась и в ряде лингвистических центров, особенно в университетах.

Больше всего она чувствовалась в МГУ, где некоторые профессора, в частности М. В. Сергиевский, публично заявляли: «Мы марксисты, но не марристы» [ИЛЯ, 1949, № 1, с. 86]; продолжал открыто выступать против идей Марра и старый его противник М. Н. Петерсон. Вообще изучение «нового учения о языке» не занимало в те годы большого места в вузах: «До 1948 г. на местах учение Марра излагалось в зависимости от научной совести каждого преподавателя» [ВВШ, с. 61].

Однако М. В. Сергиевский и М. Н. Петерсон могли высказываться лишь устно. Попытки печатной полемики с Марром пресекались. Более или менее решительные попытки спорить с его идеями, и то без упоминания его имени, можно пересчитать по пальцам. Это упоминавшиеся выше статьи М. Г. Долобко и Л. П. Якубинского, где показана несовместимость идей Марра с учением Ф. Энгельса о первобытном обществе [Долобко, 1935; Якубинский, 1947]. Это статья Е. Куриловича с критикой идей стадильности [Курилович, 1946]. Как-то получалось, что авторам этих статей было нечего терять: М. Г. Долобко внезапно умер в год публикации статьи, работа Л. П. Якубинского вообще вышла посмертно, а Е. Курилович в момент выхода в свет его львовского доклада уже вернулся в Польшу. Тогда, когда эти работы появились, они не вызвали резонанса, но уже недалек был тот день, когда статьи Якубинского и Куриловича подвергнутся разному (о Долобко не вспомнили, видимо, по давности лет).

Прямая полемика с Марром была возможна лишь вдали от центра. Такова вышедшая в Ереване небольшая книжка Г. А. Капанцяна, где идеи раннего Марра о скрещенности армянского языка сочетались с защитой родства языков при использовании цитат из Ф. Энгельса и открытой критикой «нового учения о языке» [Капанцян, 1946, с. 5, 8—9 и сл.].

В отличие от Марра Мещанинов так и не провел в члены Академии наук ни одного из последователей «нового учения о языке». Среди избранных в эти годы в члены-корреспонденты лишь Д. В. Бубрих, В. М. Жирмунский и Н. В. Юшманов как-то примыкали к марризму, но, как мы видели, не полностью. Но в 1935—1946 гг. в академики и члены-корреспонденты избирали ученых, либо нейтральных к марризму: Л. В. Щербу, В. Ф. Шишмарева, С. П. Обнорского, В. А. Гордлевского, А. Г. Шанидзе, Н. К. Дмитриева, либо вовсе ему враждебных: Д. Н. Ушакова, Г. С. Ахвледиани, Л. А. Булаховского. Наконец, в 1946 г., минув стадию члена-корреспондента, стал академиком В. В. Виноградов. Как дипломатично пишет биограф Виктора Владимировича, «его жизненный путь был неровным, колеблясь от драматических затруднений до вершин научной и общественной славы» [Костомаров, 1971, с. 12—13].

В. В. Виноградов был арестован по «делу славистов» и после двух месяцев предварительного заключения провел два года (1934—1936) в ссылке в Вятке (Кирове). Лишь в 1939 г.

после письма Сталину ему разрешили жить в Москве, но он в начале войны был вторично сослан как «социально опасный элемент», на этот раз в Тобольск (см. об этом воспоминания его вдовы [Малышева-Виноградова, 1989]). Однако, вернувшись еще во время войны в Москву, он уже в 1944 г. благодаря помощи верной ученицы Е. М. Галкиной-Федорук, муж которой был тогда ректором МГУ, оказался деканом и заведующим кафедрой русского языка на филологическом факультете крупнейшего в стране университета. Избрание Виноградова академиком превращало его в одного из лидеров советского языкознания и потенциального соперника Мещанинова, а Виноградов никогда даже словесно не был марристом. Вскоре он выпустил объемистый труд «Русский язык» [Виноградов, 1947], сразу удостоенный Ломоносовской премии МГУ. Марр там был упомянут всего четыре раза, из них трижды в обиходе с другими, далекими от него лингвистами, тогда как упоминаний А. Мейе было в три раза больше. В языкознании назревала борьба. В то же время идеологическая обстановка в стране ухудшалась.

Но впереди еще были торжества по поводу тридцатилетия Октября, оказавшиеся итогом относительно спокойного периода в истории советской лингвистики. Юбилейные статьи по тону больше напоминают 70-е годы, чем конец 40-х. Развитие советского языкознания характеризуется как сплошная цепь успехов, достигнутая благодаря замечательному учению Марра и руководству Мещанинова; перечисляются длинные списки «тонких и внимательных исследователей», где вместе с ярыми марристами фигурируют их живые и покойные противники [Кацнельсон, 1947, с. 391]. В перечне обзорных и обобщающих работ [Кацнельсон, 1947, с. 384] мы видим не только немарристские труды В. В. Виноградова, М. В. Сергиевского и других, но даже обзор «Проблемы индоевропейского языкознания за 10 лет...» [Петерсон, 1927], в котором яфетидология отвергалась полностью.

Даже Ф. П. Филин так отзывался о бывших «контрабандистах»; «Исследования и статьи Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. А. Богородицкого, Л. А. Булаховского, В. И. Чернышева, Г. О. Винокура, М. Н. Петерсона и многих других авторов явились ценным вкладом в науку о современном русском языке». И далее: «Среди работ о современном русском языке выдающееся место занимает труд В. В. Виноградова „Современный русский язык“, недавно вышедший вторым переработанным и дополненным изданием» [Филин, 1947, с. 411] (Филин даже не потрудился узнать название книги, которая в новом варианте именовалась «Русский язык»). Скоро Филин заговорит по-другому, а пока всем сестрам по серьгам, волки сыты, но и овцы целы¹³. Вынужденно исключались из списков лишь «враги народа», их не ругали, просто делали вид, что таких ученых никогда не было.

¹³ Между прочим, в одной статье тех лет в одном ряду вдруг неожиданно упомянуты Андрей Белый и Ф. П. Филин [Ярошевский, 1946, с. 395].

Итак, лишившись своего создателя, миф постепенно дряхлел и все меньше владел умами, хотя и продолжал отрицательно влиять на развитие науки о языке. Пережившие грозные бури ученики Марра во главе с Мещаниновым создали декоративный щит из марровских цитат и славословий Марру, за которым можно было снова спокойно заниматься наукой. Представители власти какое-то время не слишком вмешивались в такую казавшуюся не очень актуальной область научного знания, как лингвистика, удовлетворяясь парадной стороной. Казалось, самое худшее уже позади.

Глава пятая

АРАКЧЕЕВЩИНА

И вдруг все круто переменялось. В 1948 г. рухнуло здание, строившееся много лет И. И. Мещаниновым и его сподвижниками. Наступил второй наиболее мрачный период в истории советского языкознания. По сравнению с первым подобным периодом в конце 20-х — начале 30-х годов он был короче, но менее чем за два года советская лингвистика оказалась отброшенной далеко назад.

Причины изменения ситуации лежали вне языкознания, которое лишь разделило общую участь советской науки и культуры. Определенное смягчение идеологической напряженности в стране в конце войны и сразу после Победы начало сменяться с лета 1946 г. новой волной проработок и чисток. Первым сигналом были постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и ленинградская речь А. А. Жданова в августе 1946 г. Затем последовали аналогичные постановления по кинематографии и музыке, «суды чести» над учеными, борьба с кибернетикой, осуждение так называемой школы А. Н. Веселовского в литературоведении, разгром генетики и многое другое.

До языкознания эта волна докатилась не сразу. Вплоть до середины 1948 г. обстановка была в целом спокойной. «Известия» Академии наук продолжали заполняться статьями в достаточно корректном, академическом стиле, среди которых марксистские составляли явное меньшинство. В журнальных хрониках описываются обсуждения и дискуссии, преобладает позитивный тон и умеренная критика отдельных инакомыслящих вроде А. С. Чикобава.

Первые атаки на научное языкознание последовали не из среды лингвистов, а из смежных областей литературоведения и литературной критики, где борьба за единомыслие началась раньше. Уже в 1946 г. при обсуждении на совместном заседании двух лингвистических институтов — Языка и мышления и Русского языка — доклада И. И. Мещанинова о задачах языкознания на послевоенную пятилетку (очень спокойного по тону) выступил литературовед академик П. И. Лебедев-Полянский (когда-то руководитель «Пролеткульта»). Он выразил недовольство заседанием, где, по его мнению, господствовали робость и

неопределенность, не нашло отражения постановление о лингвистических журналах, и потребовал бороться с буржуазной наукой Запада и развивать учение Марра. В заключение было сказано: «Важно то, что академик И. И. Мещанинов получил две сталинские премии... Факт премии одновременно является директивным указанием по всему филологическому фронту... Всякие повороты от учения Марра и вправо и влево, вернее сказать, назад от Марра, недопустимы» [ИЛЯ, 1946, № 6, с. 512—513].

Но основные директивные указания были еще впереди. Пока же предстояло празднование тридцатилетия советского языкознания, прошедшее в духе всеобщего братания. Но одновременно с торжествами кампанию борьбы против лингвистики начала «Литературная газета».

Первым выступил публицист А. Марьямов, заклеивший видных русистов Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова за то, что они отрицали необходимость включения в диалектологические карты слов типа *МТС, трактор*, поскольку подобные слова равномерно проникают во все диалекты и не характеризуют их специфику. Марьямов восклицал: «Трудно поверить, что в наши дни, накануне тридцатилетия Великого Октября, высказываются подобные мнения, да еще на страницах „Известий Академии наук“» [ЛГ.25.10.1947]. Опять, как и во времена нападков И. К. Куסיкяна и Г. П. Сердюченко на яковлевский словарь, язык отождествлялся с идеологией.

Спустя месяц публицист Б. Н. Агапов и критик К. Л. Зелинский выступили с разгромной рецензией на книгу В. В. Виноградова «Русский язык», озаглавив ее «Нет, это не русский язык» [ЛГ.29.11.1947]. Виноградова они обвиняли в «раболепии перед иностранщиной», в «лженаучной объективности», цитировании в одном ряду с лауреатами Сталинской премии «фашиствующих идеалистов» и «формалистов всех мастей», в нежелании демонстрировать преимущества русского языка перед западными, в немарксизме и т. д. Среди прочих прегрешений Виноградова упомянуто и отсутствие цитат из Марра, который «первый сделал решительную попытку приблизить язык к жизни». Вывод о книге: «пустопорожня, вредная чепуха» «аполитичность и безыдейность», ее «мы не можем считать русской книгой о русском языке». Такого лингвисты уже давно о себе не читали.

Кампания развертывалась не только против конкретных лиц, но явно и против центра оппозиции марризму — филологического факультета МГУ, где Виноградов был деканом. Однако факультету удалось отстоять позиции. На заседании его ученого совета лишь далекий от лингвистики профессор Н. А. Глаголев поддержал газету, а все языковеды выступили в защиту Виноградова. «Литературная газета» обвинила в связи с этим факультет в «застое, рутине и косности» [ЛГ. 10.12.1947], но на том пока что дело и кончилось. В том же номере газеты было опубликовано

шковано письмо группы русистов во главе с В. В. Виноградовым в защиту Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, которое сопровождалось комментарием редакции, состоящим преимущественно из брани в адрес всех этих ученых.

Итоги дискуссии от имени языковедов подвел Г. П. Сердюченко. Здесь он пока осторожен, не то что год-два спустя, поскольку исход борьбы не определился. Книга Виноградова характеризуется как «большой труд», но одновременно ее автор обвинен в «объективизме» и «отсутствии марксистской идеологии». Еще строже Сердюченко к авторам обоих учебников «Введение в языкознание»: не только А. А. Реформатский, но и Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов обвинены в «низкопоклонстве», «раболепии» и «некритическом повторении» «старой версии» о заслугах Ф. Боппа, В. Гумбольдта и других нерусских ученых и в том, что они намеренно игнорируют заслуги истинного основателя языкознания М. В. Ломоносова [ЛГ. 17.12.1947].

Тогда же было созвано открытое партийное собрание Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления с докладом Сердюченко, где дружно громили оба учебника, но относительно оценки книги Виноградова мнения разошлись. В. В. Виноградов повинился кое в каких ошибках, но заявил: «Новое учение о языке не покрывает всех проблем, выдвинутых советским языкознанием, и нельзя считать синонимами новое учение о языке и все проблемы советской лингвистики» [Обсуждение, 1948, с. 117—118].

Затем наступило временное затишье. Центр борьбы в филологических науках всю первую половину 1948 г. сосредоточился на разгроме так называемой школы А. Н. Веселовского. Этот видный дореволюционный ученый был признан «реакционером» и «низкопоклонником», а попутно с ним заклеили и ряд соправительных серьезных литературоведов, среди которых В. Ф. Шишмарев и В. М. Жирмунский занимались, кроме того, и лингвистикой. Поскольку влияние Веселовского на Марра было хорошо известно, марристам пришлось создавать еще одну легенду о том, что Марр будто бы в советское время отвергнул Веселовского [Миханкова, 1949, с. 66—67], хотя Марр до конца жизни писал обратное. В первых четырех (из шести) номерах ИЛЯ за 1948 г. тон литературоведческих и лингвистических статей различен: первые полны боевого духа, вторые вполне академичны. Еще печатаются А. С. Чикобава, Л. А. Булаковский, А. А. Фрейман, П. С. Кузнецов и другие противники марнизма.

Но гроза приближалась. На повестку дня снова вставала борьба с «буржуазным языкознанием». Из старой гвардии разоблачителей одних уже не было, другие (И. К. Кусикьян, Б. М. Гранде) стали не столь активны, как ранее. Но ключевые посты занимали два испытанных бойца. Это были Г. П. Сердюченко, ставший заведующим Московским отделением ИЯМ, и Ф. П. Филин, тогда заместитель директора Института русского

языка, а фактически директор, так как директор академик С. П. Обнорский много болел. С 1949 г. Филин стал и одним из ученых секретарей АН СССР. Активна была и Е. Н. Петрова, бывшая, как и Сердюченко, членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Первой пробой сил стало обсуждение работы «Известий Академии наук» в июне 1948 г. на Отделении литературы и языка. Вступительное слово И. И. Мещанинова и большинство выступлений еще выдержаны в спокойных тонах, хотя Мещанинов уже отмечал как недостаток отсутствие критических статей о западноевропейской науке. Но Сердюченко заявил, что «журнал... не борется против преклонения перед зарубежными лингвистами», что в нем не чувствуется того направления, которое должно вытекать из партийных решений, и даже не опубликована речь А. А. Жданова; критикуются персонально статьи А. А. Фреймана и Е. Куриловича. Публикацию статьи «крайнего формалиста» Е. Куриловича считал ошибочной и С. Д. Кацнельсон [ИЛЯ, 1948, № 5, с. 463—466].

Еще резче Сердюченко выступил в тот же день на Московском отделении ИЯМ, где требовал «последовательной и беспощадной борьбы с любыми проявлениями формализма, безыдейности и аполитичности в науке о языке», громил В. В. Виноградова, А. А. Реформатского, а также В. М. Жирмунского и В. Ф. Шишмарева. Однако большинство участвовавших в прениях, включая И. И. Мещанинова, высказались нейтрально [ИЛЯ, 1948, № 5, с. 466—468]. Тогда же на III Диалектологическом совещании Филин заявил, что следует различать советскую и буржуазную диалектологию, что также не было поддержано другими выступавшими [ИЛЯ, 1948, № 5, с. 468—469].

Но крутой поворот был еще впереди. Сигналом к нему послужила печально известная июльско-августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., на которой был нанесен сокрушительный удар по советским генетикам и были разоблачены так называемые «менделисты-вейсманисты-морганисты». После этой сессии кампания борьбы с учеными, хоть в чем-то выходившими за пределы установленных догм, была распространена на все науки, включая языкознание. Достаточно посмотреть журналы «Вопросы истории» или «Вопросы философии» за конец 1948 г. и за 1949 г., чтобы убедиться в размахе этой кампании, во время которой никто не был гарантирован от самых фантастических с точки зрения нашего времени обвинений. Кампания шла сверху, непосредственно отвечали за нее два руководителя среднего ранга — заведующий Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов и главный ученый секретарь АН СССР А. В. Топчиев. Именно эти имена вспоминают свидетели событий в языкознании тех лет. Нет сведений о том, что на этом этапе данной наукой специально интересовался кто-нибудь из членов Политбюро и, тем более, Сталин. Они задали общий тон, а дальше все шло по давно накатанной колее, распространяясь

на конкретные науки, где быстро находились свои исполнители. Так, Сердюченко заявил: «Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии (в речи к 31-й годовщине Октября. — В. А.) советские ученые-языковеды должны рассматривать как руководящее указание, обращенное непосредственно к ним, к их работе. Они должны сделать все необходимые выводы из борьбы между двумя направлениями в биологии — прогрессивным, материалистическим и реакционным, идеалистическим, чтобы не допустить в советском языковедении реакционно-идеалистических построений» [Сердюченко, 1949в, с. 3—4].

Теперь под давлением сверху И. И. Мещанинов, еще в июне 1948 г. осаждавший пыл Сердюченко, был вынужден сдаться. Черным днем для советского языкознания стала пятница 22 октября 1948 г., когда в Ленинграде состоялось совместное заседание ученых советов Института языка и мышления и Ленинградского отделения Института русского языка. На него были вынесены два доклада: «О положении в лингвистической науке» И. И. Мещанинова и «О двух направлениях в языковедении» Ф. П. Филина.

Как мы помним, Мещанинов никогда не любил резко критиковать своих противников (кажется, единственное исключение — участие в поливановской дискуссии 1929 г., но и там он воздержался от личных нападок и политических обвинений). Теперь ему пришлось сдать свои позиции, хотя он и здесь пытался как-то сохранить лицо. Об этом свидетельствует и то, что Мещанинов предпочитает ругать западных ученых, которые не могли пострадать от его критики, и попытка (не получившая в дальнейшем развития) вести борьбу на два фронта: против антимарристов и против «вульгаризаторов» Марра (на самом деле хранивших ему верность) типа И. Д. Дмитриева-Кельды, настаивавших на элементарном анализе [Мещанинов, 1948а, с. 485].

Но в главном Мещанинов уступил. Дежурные обвинения в таких грехах, как менделизм-вейсманизм-морганизм, перенесены в область языкознания: Г. Мендель сопоставляется с В. Гумбольдтом, якобы выдвигавшим расовую теорию, А. Вейсман — с Ф. де Соссюром и другими лингвистами, считавшими невозможным управлять языковой политикой [Мещанинов, 1948а, с. 473—474]; праязыковая схема сравнивается с наследственным веществом [Мещанинов, 1948а, с. 474]. И. И. Мещанинов вынужден каяться в том, что он и другие ученики Марра недостаточно ругали праязык [Мещанинов, 1948а, с. 475]. Однако сторонники всех этих «вредных» теорий (упомянут М. Н. Петерсон) не считаются главной опасностью для советской науки, серьезнее, согласно Мещанинову, влияние соссюрианства [Мещанинов, 1948а, с. 484]. Буржуазной науке противопоставлен Марр, явно интерпретированный в духе самого Мещанинова. Подчеркнуто, что концепция Марра — вовсе не пройденный этап науки и «даже не нападки на Н. Я. Марра, а одно лишь игно-

рирование его работ дает вредные последствия» [Мещанинов, 1948а, с. 484]. В критике марризма обвиняются А. С. Чикобава, В. В. Виноградов и уже покойный М. В. Сергиевский, а в игнорировании «нового учения о языке» — А. А. Реформатский [Мещанинов, 1948а, с. 484—485]. При внешней резкости тона Мещанинов еще пытается сохранить старую ситуацию и фактически призывает лингвистов усилить прикрытие марровскими цитатами.

Но было уже поздно. Вслед за И. И. Мещаниновым выступил Ф. П. Филин, начавший с заявления о том, что доклад Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ, одобренный ЦК, определяет развитие советского языкознания [Филин, 1948, с. 486]. Положение в языковедении также сопоставлено с положением в биологии, но в отличие от Мещанинова огонь критики переносится с давно умерших Гумбольдта и Соссюра на живых противников Филина. По аналогии с биологией заявлено о двух направлениях в науке о языке: буржуазном, восходящем к основателю сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппу, и материалистическом, идущем от Марра [Филин, 1948, с. 486]. Итак, снова наука до Марра и помимо Марра выброшена за борт (ср. высокую оценку работ А. А. Потебни в докладе И. И. Мещанинова).

Далее выделено разрядкой: «Новое учение о языке, основанное на марксистско-ленинской методологии, является общей и единственной научной теорией для всех частных лингвистических дисциплин... В политическом отношении учение Н. Я. Марра, рожденное советским строем, является... составной и органической частью идеологии социалистического общества» [Филин, 1948, с. 488]. Обругав «индоевропеизм», где к обычным штампам двадцатилетней давности было добавлено обвинение в «космополитизме», Филин перешел к современному состоянию дел, где он видел «наступление идеалистов» [Филин, 1948, с. 490—491]. То, что год назад Филин именовал «ценным вкладом» и «выдающимися трудами», теперь изничтожается. Заклеймлены В. В. Виноградов (в том числе за восхваление члена кадетской партии А. А. Шахматова, чьи взгляды оцениваются как «вредные в практическом отношении»), А. А. Реформатский (его учебник — «порочный и вредный»), фонологи московской школы (их взгляды далеки от учения Марра о фонеме), «индоевропеисты» Л. А. Булаховский и Д. В. Бубрих (хотя последнего только что похвалил Мещанинов), а также уже умершие Л. П. Якубинский и А. М. Селищев. Опять Филину не откажешь во вкусе: он не задел ни одного малозначительного ученого. В итоге было заявлено: «Неразужившимся индоевропеистам в нашей среде есть о чем подумать... Мало не быть борцом против Н. Я. Марра, надо быть последовательным и непримиримым борцом за Н. Я. Марра!» [Филин, 1948, с. 496].

Хотя докладов было два, но резолюция совета во всем следует Филину, часто совпадая с ним текстуально. В ней конста-

ируется существование в СССР «реакционных языковедов», которые «ведут борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды», среди них названы В. В. Виноградов, М. Н. Петерсон, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров и умерший за полтора года до этого Г. О. Винокур. «В руках реакционных лингвистов сосредоточены большие организационные возможности». Среди прочих обвинений по их адресу есть и такое: они не обнаруживали «в живой речи новых категорий, которые отличают современную речь от предшествующих состояний» [ИЛЯ, 1948, № 6, с. 497—499]. Филин обвинял в этом противников еще за 15 лет до этой резолюции, однако «новых категорий» не смогли за это время найти и «языковеды-материалисты».

В обсуждении докладов приняли участие все ведущие ленинградские сотрудники двух институтов. Не все выступавшие повторяли формулировки Филина, но никто с ним не спорил, все хвалили Марра, некоторые уже начинали каяться. Некоторые выступающие требовали «принять оргмеры». В. А. Аврорин заявлял: «Что объединяет проповедника реакционных идей де Соссюра, акад. В. В. Виноградова, и питающегося до сих пор манной кашей младограмматизма проф. Петерсона? Надо полагать, отрицательное отношение к новому учению о языке». «Блок „поклонников заграничных талантов“ „свил свое гнездо“ в Московском институте русского языка АН СССР, в Московском университете. Нашей ближайшей и неотложной задачей является идейный разгром этого блока» [ИЛЯ, 1949, № 1, с. 90]¹. Были и позитивные предложения. Например, В. М. Жирмунский, соглашаясь с Филиным, предлагал распространить «новое учение о языке» из области доистории на область истории [ИЛЯ, 1949, № 1, с. 86], хотя для самого Жирмунского это означало бы на деле отказ от всего сделанного им в языкознании. Во многих выступлениях заметно стремление перенести огонь критики на московских языковедов и доказать, что в Ленинграде (кроме отчасти восточного факультета ЛГУ) все в порядке. Сотрудники ИЯМ еще почти не подвергаются критике, кроме Д. В. Бубриха, которого не обошел своим вниманием Филин. Заключительное слово Мещанинова спокойнее по тону, чем его доклад, и не содержит ругани [ИЛЯ, 1949, № 1, с. 91].

Те же доклады обсуждали и в Москве, где тон задавал Г. П. Сердюченко. В отличие от Ленинграда здесь слово дали и тем, кого называли «реакционными лингвистами». Если верить журнальной хронике, В. В. Виноградов и Р. И. Аванесов начали каяться: «Академик В. В. Виноградов утверждает, что он никогда не вел борьбы против установок Н. Я. Марра в области языкознания... Он и впредь считает для себя необходимым тес-

¹ В том же номере «Известий» в статье В. А. Аврорина нет ничего от тарризма [Аврорин, 1949].

Глава первая

ИСТОКИ «НОВОГО УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ»

Основателем и единственным последовательным представителем «нового учения о языке» был академик Николай Яковлевич Марр.

Н. Я. Марр — «без сомнения, если не самое знаменитое, то самое „шумное“ имя в истории советской науки» [Абаев, 1960, с. 90]. При жизни и после его смерти Марра называли гением, сравнивали с Коперником, Дарвином, Менделеевым, позднее о нем говорили как о вульгаризаторе, космополите и шарлатане; одни считали, что он создал науку о языке, другие — что его вклад в эту науку равен нулю. В одном Марра никогда не упрекали — в серости и бездарности. Все, знавшие этого ученого, признавали его талант и яркость личности. Как писал академик С. А. Жебелёв, «Н[иколай] Я[ковлевич] представлял собой ярко выраженную индивидуальность во всем, за совершение чего он брался» [ПИДО, с. 172].

Необычен Марр был во многом, начиная с происхождения. Его отец, шотландец Джеймс Марр, уже немолодым попал в Грузию, где был оспователем Кутаисского ботанического сада. Князь Гуриели выделил ему землю и подарил крепостных [ПИДО, с. 135]. В возрасте 80 с лишним лет овдовевший Дж. Марр вторично женился на молодой грузинке. От этого брака 25 декабря 1864 г. (по новому стилю 6 января 1865), а по другим сведениям 25 мая (6 июня) 1864 г. родился Николай Яковлевич.

Языковая ситуация в семье была весьма неординарной: отец говорил по-английски и по-французски, мать — только по-грузински, и родители не имели общего языка. Быть может, это обстоятельство как-то повлияло на интерес к языку будущего ученого. Тем не менее, как указывал сам Марр, все его детство «прошло исключительно среди грузин» [М, т. I, с. 6]. До гимназии он говорил только по-грузински, а влияние отца, умершего, когда мальчику было 10 лет, вряд ли могло быть сколько-нибудь значительным¹.

¹ Предположение о том, что на его взглядах сказалась принадлежность отца к угнетаемой английским империализмом национальности [Быковский, 1933, с. 88], явно фантастично.

их по нему, особенно в выступлении Е. М. Галкиной-Федорук [ВВШ, 1950, № 9, с. 58—59].

Еще тяжелее, чем в МГУ, была обстановка в ЛГУ, только что получившем имя А. А. Жданова. Здесь влияние марризма всегда было сильнее [ВВШ, 1950, № 9, с. 56]. Для проработки известных ученых использовали аспирантов и студентов. Вот аспирант М. Н. Шабалин разоблачает В. В. Виноградова: «Акад. В. В. Виноградов незаслуженно обходит лингвистические высказывания классиков марксизма-ленинизма, а также руководящие мысли Н. Я. Марра... Поэтому русское имя числительное, например, в его изложении предстает перед читателем как некий последыш числительных западноевропейских языков... тогда как Н. Я. Марр учил, что числительное — плод единого глоттогонического процесса... Непомерно большое место отводится филологу-реакционеру К. С. Аксакову... Методологическая шаткость автора книги „Русский язык“ сказалась в беспартийности изложения материала, в стирании граней между учениями прогрессивных и реакционных лингвистов, в игнорировании борьбы между ними» [Научная сессия, 1949, с. 6—7]². В том же сборнике аспирантских работ даже о курдском поселении *ра* сказано: «Характеристика *ра* буржуазными учеными односторонняя и ошибочна» [Научная сессия, 1949, с. 41].

Можно представить, что творилось на периферии. Преподаватель Курского педагогического института Г. В. Денисевич вспоминал: «С 1948 г. посыпались официальные приказы Министерства об изучении положений Марра. За проведение марровской линии взялись директора, деканы. Они не только безоговорочно выполняли приказы, но часто шли еще дальше. В Курском педагогическом институте, например, при наличии профессора и доцента на заведование кафедрой был назначен ассистент, не имеющий ни знаний, ни опыта научной и учебной работы, единственным достоинством которого было то, что он объявил себя марровцем. При этом заведующем кафедрой нельзя было говорить о лингвистах дореволюционного периода. Всякое упоминание о них считалось преклонением перед буржуазной наукой» [ВВШ, 1950, № 9, с. 61].

Г. П. Сердюченко и Е. Н. Петрова пытались через Академию педагогических наук РСФСР внедрять идеи Марра и в школу. На этот раз, правда, не ставилась задача изменить все обучение родному языку, но требовалось включить в учебники беседы о происхождении языка по Марру, цитаты из работ Марра о значении синтаксиса, а также обучать детей закону функциональной семантики с давно известными примерами типа *перо, стрелять*, объясняя при этом, что открыл его Марр [Сердюченко, Петрова, Добромыслов, 1949, с. 33—34, 37, 42].

Начался 1949 г. Первым мероприятием года была торжественная сессия Академии наук по истории отечественной науки,

² Здесь кто-то из читателей библиотеки им. В. И. Ленина не выдержал и написал на полях: «Подло sie! Зъло гнусно».

прошедшая в Ленинграде в присутствии местных партийных и советских руководителей, вскоре погибших в связи с «ленинградским делом». Один из главных докладов был посвящен Марру, сделал его И. И. Мещанинов. Участники сессии открыли мемориальную доску на доме, где жил Марр. На той же сессии по докладам И. И. Мещанинова и А. Н. Еголина из числа иностранных членов академии был исключен состоявший там еще с дореволюционного времени норвежский лингвист-славист О. Брок (это решение отменено в 1990 г.).

Одновременно в лингвистическую борьбу впервые вступила «Правда». Была раскритикована книга видного ленинградского фонетиста, ученика и наследника идей Л. В. Щербы профессора Л. Р. Зиндера, фамилия которого почему-то в рецензии не склонялась: «Автор забыл, что принцип партийности так же необходим в языкознании, как и во всех других науках. Вот почему он замалчивает точку зрения марксистского языковедения на те или иные проблемы фонетики... Автор считает возможным обойти молчанием высказывания Маркса и Энгельса о языке. Ни слова не говорит автор и о Н. Я. Марре, явно игнорируя его решения проблем фонетики, базирующиеся на положениях марксизма-ленинизма... Свое запутанное, расплывчатое повествование автор сдабривает излишним количеством примеров немецких, английских и французских слов» [П.5.01. 1949].

Рецензия поднимала «аракчеевский режим» на новый уровень. В борьбу с «реакционной лингвистикой» вступил орган ЦК ВКП(б). Л. Р. Зиндер был далек от марризма, но близился час проработки и многих марристов. Если первый этап кампании последовал за сессией ВАСХНИЛ, то толчком к ее второй фазе стала появившаяся в «Правде» в конце января статья об «антипартийтической» группе театральных критиков, послужившая началом борьбы с так называемыми «космополитами».

Новый тур разгрома лингвистики начался 8 февраля 1949 г., когда перед московскими лингвистами с докладом «О творческом наследии Н. Я. Марра» выступил Г. П. Сердюченко. Здесь снова разоблачают противников марризма, к которым помимо названных в докладе Ф. П. Филина добавлены Л. Р. Зиндер, А. А. Фрейман, А. С. Чикобава. Однако главный огонь направлен на самих марристов или лингвистов, примыкавших к марризму. Им вменяется в вину «забвение ряда основных и определяющих положений нового учения о языке» [ИЛЯ, 1949, № 3, с. 274], а также примиренчество к «реакционной науке». А. В. Десницкая за половинчатую статью [Десницкая, 1948] была обвинена в «скатывании к праязыку», досталось также М. М. Гухман, А. А. Холодовичу и другим языковедам. Наконец, впервые критика задела И. И. Мещанинова, обвиненного в излишнем увлечении синтаксисом.

При обсуждении доклада от противников марризма вновь потребовали покаяния. В. В. Виноградов заявил, что будет пе-

перерабатывать свою книгу в марристском духе и что только Марр правильно понимал семантику. Главный редактор журнала «Русский язык в школе» С. И. Абакумов признал серьезными своими ошибками публикацию положительных рецензий на книги Виноградова и Реформатского (через три месяца Абакумов скончался). Теперь и П. С. Кузнецов был вынужден сказать о «согласии с основными положениями докладчика», но все-таки отстаивал тезис если не о родстве славянских языков, то хотя бы о реальной связи между ними. Московские марристы еще не каялись, но призывали к борьбе со всеми противниками «нового учения о языке» и к расширению палеонтологических исследований. В заключительном слове Сердюченко «полагал необходимым считаться с элементарным анализом» [ИЛЯ, 1949, № 3, с. 277].

Итак, щита больше не было. Словесное прикрытие Марром было осуждено, устами Сердюченко была высказана директива о возвращении к четырем элементам и другим ненаучным идеям. Это всего через год после выхода книги самого Сердюченко «Очерки по истории перевода», где нет ни одной цитаты из Марра [Сердюченко, 1948].

Эти свои установки Г. П. Сердюченко выразил в статье «За дальнейший подъем нового, материалистического учения о языке» [Сердюченко, 1949а], по-видимому, связанной с указанным докладом, в двух брошюрах [Сердюченко, 1949в; Сердюченко 1950], а также в принадлежащей ему части книги [Сердюченко, Петрова, Добромыслов, 1949] и в статье в «Литературной газете». Такая плодovitость за короткое время объяснялась многократным повторением одних и тех же текстов, целые страницы которых совпадают; впрочем, в первой статье расширена проработочная часть, а в брошюрах увеличено число цитат из Марра.

Марр оценивается как гений, но сопоставляется уже не с Коперником или Дарвином, а с более великими, по представлениям тех лет, именами — Менделеевым, Павловым, Мичуриным [Сердюченко, 1949в, с. 4]; подчеркивается принадлежность Марра не только к советской, но и к русской науке. Изложение учения Марра декларативно, как обычно, и почти лишено конкретных примеров, но основной упор делается на идейно-политическом значении деятельности Марра. Всячески подчеркнуто что Марр был «решительным врагом космополитизма», «истинным патриотом своей родины, верным другом народностей СССР» [Сердюченко, 1949а, с. 304, 305], излагается его приветствие XVI партсъезду.

Но особенно много Сердюченко пишет о борьбе Марра с «буржуазной» наукой, вспоминает его высказывания о связи «индоевропеизма» с колониальной политикой, о недопустимости нейтральности в науке и т. п. Конечно, упомянуты и слова «лорда» Аллена о «рупоре большевизма». «Индоевропеистике» приписан не только «расизм», но и изучение одних индоевропейских языков [Сердюченко, 1949в, с. 19], в чем ее уже давно не

обвиняли. При перечислении же позитивных идей Марра названы и кинетическая речь, и концепция происхождения языка, конечно, совпадающая с таковой у Ф. Энгельса [Сердюченко, 1950, с. 27—28], и движение от диффузных звуков к фонемам, и «законы семантики» с теми же примерами вроде связи слов *солнце* и *соль*, и близость между собой «народных» армянского и грузинского языков, и связь флективного строя с классовым обществом, и уже сильно позабытый будущий мировой язык. Несколько осторожнее Сердюченко говорит о четырех элементах, сомневаясь даже в том, что их четыре. Однако, по его мнению, «палеонтологический анализ по элементам... при умелом его использовании в историко-словарных работах, в частности при анализе древнейшей номенклатуры в языках мира, может быть вполне применим и полезен» [Сердюченко, 1950, с. 63]. «Недостатки» учения Марра, как всегда, сводятся к признанию классов в первобытном обществе и недоработанности стадияльной схемы.

Итак, следовало вернуться к Марру, в лучшем случае заметив четыре элемента тремя или пятью и отказавшись от трудомagических процессов. А поскольку ни один серьезный лингвист к 1949 г. не отвечал этим требованиям, то все подлежали порке. Как замечает Р. Лермит по поводу статьи Сердюченко «За дальнейший подъем...», ее автор берет на себя функции председателя трибунала, судящего всех: изредка он оправдывает (например, Р. А. Будагова), но чаще обвиняет [L'Hermitte, 1987, с. 65]. Не столь строг Сердюченко к Мещанинову, продолжавшему занимать руководящие посты, но и ему вменены в вину отход от стадияльности и понятийные категории [Сердюченко, 1949а, с. 319—320]. Тех же лингвистов, которые по рангу были ниже Сердюченко, он не шадит. Ничего не имеющие общего, кроме жительства в Ленинграде, А. А. Холодович, Л. Р. Зиндер и А. В. Десницкая выстроены в один ряд за «ничем не прикрытые попытки ревизовать учение Марра» и «порочно либеральное отношение к различным зарубежным псевдоавторитетам» [Сердюченко, 1949а, с. 319].

Особенно попало прямо зачисленным в «космополиты» В. М. Жирмунскому и Б. А. Ларину. Осторожному и часто шедшему на уступки В. М. Жирмунскому тем не менее фатально не везло. Только его перестали прорабатывать за литературоведческие труды, как взялись за его лингвистические работы. В еще довоенной его книге обнаружили упоминание об архаичности синтетического строя русского языка сравнительно с аналитическими английским и французским (тезис, общепринятый в науке и отвергавшийся лишь Марром, причем не по политическим мотивам). Теперь это рассматривалось как то, что Жирмунский «умаляет исключительные достоинства, мощь, красоту и величие русского языка», его работа «отравлена ядом космополитизма» [Сердюченко, 1949а, с. 316, 317]; за сходные высказывания был ошельмован и специалист по английскому язы-

ку Б. А. Ильиш. Профессор Б. А. Ларин много лет изучал ценнейшие материалы свидетельств иностранцев о русском языке XVII в., издав в том числе первую грамматику русского разговорного языка Г. Лудольфа. Теперь все это было объявлено «низкопоклонничеством перед Западом» [Сердюченко, 1949а, с. 317—318].

В кампанию по борьбе с любыми отклонениями от учения Марра активно включилась и печать. Сначала Г. П. Сердюченко повторил свои обвинения в «Литературной газете» [ЛГ.6.04.1949]. Затем появилась большая статья в газете Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь». Это был орган, специализировавшийся на ведении упомянутой в начале главы кампании против любых отклонений от официально установленной линии; само время его существования (1946—1951) приблизительно совпадает с периодом этой кампании. Газета специализировалась на разгромах и разносах (писатель Б. В. Шергин называл ее «Культура и смерть»).

Авторы этой статьи Н. Берников и И. Брагинский не были известны среди лингвистов, а сама статья от публикаций Филина и Сердюченко отличалась лишь особо большим числом фактических ошибок³. Снова говорилось о двух направлениях в советской науке, но при перечислении фамилий целиком к правильному направлению был отнесен один Марр. Мещанинов же, с точки зрения авторов статьи, ушел в «описание формальных языковых структур» и теорию понятийных категорий, не отличающуюся от теорий «буржуазных» ученых. Другие лингвисты обвинялись в возрождении взглядов «представителей русской пореволюционной либерально-буржуазной науки» и в насаждении в СССР соссюрианства и структурализма, отражающих глубокий кризис и маразм современной буржуазной науки». А. В. Десницкая и М. М. Гухман были обвинены в «наведении мостов» между марризмом и «буржуазной наукой» [КИЖ, 11.05.1949].

Хотя лингвистическая некомпетентность авторов была очевидна, публикация статьи стала поводом для новых собраний, где уже разнос ожидал всех, кроме неприкосновенных для критики Сердюченко и Филина. На двух новых заседаниях ученых советов в Москве и Ленинграде все выступавшие должны были заявлять о солидарности со статьей в газете «Культура и жизнь». Некоторую дискуссию, правда, вызвал вопрос о понятийных категориях: в Москве О. И. Москальская и И. М. Ошанин выступили в их защиту. Снова каялись: кто по первому разу, кто по второму, а В. В. Виноградов и Р. И. Аванесов, как минимум, по третьему.

Если верить хронике, «академик В. В. Виноградов признает, что его описание смысловой структуры слова, очень сложное и

³ В ряд «буржуазных» русских лингвистов почему-то попал А. Н. Веселовский, специально не занимавшийся языкознанием. Американский лингвист Э. Спир назван «западноевропейским», а его книга «Язык» учебником.

отвлеченное, вело к отрыву слова от живой общественной практики и вступало в противоречие с диалектико-материалистическим пониманием природы слова и его значений... Углубленное изучение сочинений акад. Н. Я. Марра помогло ему найти иные, материалистические пути для правильной постановки вопроса о закономерности семантического изменения слова»; он также осудил «учение Шахматова о предложении и о коммуникации, опирающееся почти целиком на идеалистическую логику Зигварта» и свои работы по истории русского литературного языка за «неправильное и непатриотическое выдвижение процесса европеизации» [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 481—482]. Умеренно покаялся и И. И. Мещанинов. Самокритика в выступлениях сочеталась с перекрестной критикой. Однако М. Н. Петерсон, А. Б. Шапиро, А. А. Холодович и некоторые другие и здесь сумели сохранить достоинство, отраженное даже в тенденциозном отчете.

Положительная программа ведущих участников обоих заседаний сводилась к полной реставрации идей Марра, а иногда и к попыткам пойти дальше. Ф. П. Филин заявлял: «Мы незаметно отказались от палеонтологического анализа... и оказались попросту безоружными перед формально-сравнительным методом... Мы потеряли интерес и к проблеме происхождения человеческого языка... к конкретной истории связи языка и мышления, к историко-семантическим закономерностям в лексике» [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 488]. Докторант Э. М. Ахунзянов, справедливо заметив разрыв между марристскими предисловиями и немарристскими конкретными разделами в учебниках по истории языков, потребовал переписать их целиком в соответствии с Марром. Пожалуй, апогеем всей кампании 1949 г. было предложение, высказанное на ленинградском обсуждении исследователем чукотских языков П. Я. Скориком. Он считал необходимым для советского языкознания сосредоточиться на исследовании языков народов СССР, материал же зарубежных языков «должен привлекаться во вторую очередь. Этого требует наш патриотический долг» [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 491]. К счастью, советские специалисты по романским и германским языкам не захотели менять профессию и это экстремистское предложение реализовано не было.

В заключительном слове в Москве Г. П. Сердюченко вслед за уже избитым сравнительно-историческим методом обрушивался на сравнительные исследования языков вообще, заявив, что они допустимы «лишь в редких случаях»; такого не требовал и Марр. Все дискуссии о стадильности были признаны бесполезными, поскольку стадии в них не связывались с изменениями общественной структуры и мировоззрения. Понятийные категории было велено сдать в архив. Так Сердюченко уже командовал в языкознании. Материалы двух описанных заседаний см. [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 480—492].

В резолюциях этих заседаний неграмотная статья в газете «Культура и жизнь» была признана основополагающей. В чис-

то «неправильных» марристов, «перекидывающих мосты» к «буржуазной науке», попали не только Л. В. Десницкая, М. М. Гухман, А. А. Холодович, но и П. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, С. Д. Кацнельсон. Чистые же представители второго направления» впервые были рассортированы на три категории: «признавших ошибки» (В. В. Виноградов, Р. И. Аванесов), критика в адрес которых после третьих покаяний пошла на убыль, признавших их лишь частично (М. П. Петерсон, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров) и остающихся «на старых буржуазно-идеалистических позициях» (А. С. Чикобава, Р. С. Ачарян, Г. А. Капанцян, А. А. Фрейман, А. А. Реформатский). Вне разрядов оставлены самые провинившиеся — «космополиты» В. М. Жирмунский и Б. А. Ларин [ИЛЯ, 1949, № 4, с. 397—400].

Кампания шла дальше. В конце июня в «Культуре и жизни» выступил уже сам Г. П. Сердюченко, специально занявшийся «космополитизмом» в языкознании. Разоблачив «псевдоученого» О. Есперсена, утверждавшего прогрессивность строя аналитических языков типа английского⁴, Сердюченко ставил в непосредственную с ним связь В. М. Жирмунского (тоже к тому времени разоблачавшего Есперсена), который «слепо следует реакционерам-шовинистам» и лингвистически обосновывает «расистские позиции в науке»⁵. Взяв в союзники И. Г. Чернышевского, чьи высказывания о русском языке отношения к делу не имели, Сердюченко далее обличал В. Н. Ярцеву, А. В. Десницкую, Л. Р. Зиндера, Т. В. Сокольскую, приписывая им «восхваление с кафедр наших вузов западноевропейских языков, и в первую очередь англо-саксонского языка⁶, имеющее целью подчеркнуть превосходство аналитических языков над флективными» [КИЖ. 30.06.1949].

В том же номере газеты в «безответственном отношении» обвинялись Министерство просвещения и лично министр А. А. Вознесенский (вскоре арестованный по «ленинградскому делу» и погибший) за то, что в учебных планах для курсов повышения квалификации учителей-словесников из списков рекомендуемой литературы не изъяты «Русский язык» В. В. Виноградова и «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского (труд, в 40-е годы уже считавшийся классическим).

⁴ Аналитические языки определены так: языки, где «слова в предложении связаны с помощью служебных слов», что весьма неточно; ср. обычное определение: «тип языков, в которых грамматические отношения выражаются служебными словами, порядком слов, интонацией и т. п., а не словоизменением» [БСЭ, изд. 3-е, т. 1, с. 567].

⁵ Ему, как и Б. А. Ларину, приписывали даже идею о русских и англо-американцах как представителях разных рас. Обвинения Запада в идеях о «высшей англо-американской расе» — общее место в нашей пропаганде тех лет.

⁶ Сразу две грубые ошибки. Во-первых, термина «англо-саксонский язык» не существует. Во-вторых, в англо-саксонский период английский язык был не флективным, а не аналитическим.

Чуть позже Г. П. Сердюченко опубликовал в «Правде» рецензию на книгу В. А. Миханковой о Марре, где восхваления Марра сочетаются с критикой его биографа за недостаточное отражение деятельности основоположника «нового учения о языке» «под направляющим руководством великой партии Ленина—Сталина». Выход нового издания книги о Марре использован и как повод выругать на самом высоком уровне ряд лингвистов, причем Чикобава, Капанцян и Реформатский обвинены в попытках «оболгать» «замечательные научные достижения» Марра [П.14.09.1949].

Несколько раньше, 21 июля 1949 г. устные и печатные заявления борцов с «буржуазной наукой» воплотились в постановление Президиума АН СССР. Здесь компаративизм официально осужден, перечислены поименно те из критикуемых, которые работали в системе академии. Прямо не назван лишь И. И. Мещанинов, но явно к нему относится заявление, ранее сделанное Ф. П. Филиным, о том, что «новое учение о языке» слишком много занималось синтаксисом. Как серьезный недостаток отмечалось прекращение изучения глоттогенеза, этногенеза, стадиальности. Организационные выводы, впрочем, в основном сводились к увековечению памяти Марра: было решено создать специальную марровскую комиссию Академии наук во главе с ее президентом С. И. Вавиловым, провести сессию памяти Марра, в третий раз издать биографию Марра, написанную В. А. Миханковой, только что вышедшую вторым изданием, выпустить брошюры Г. П. Сердюченко и И. И. Цукермана о Марре, переиздать сочинения Марра. Менее чем за год все это успели осуществить, за исключением последнего пункта. Из кадровых изменений произошло лишь изменение состава редколлегии ИЛЯ, из которой были выведены крупнейшие востоковеды И. Ю. Крачковский и Н. И. Конрад, но добавлено несколько человек, включая Сердюченко и Филина [ИЛЯ, 1949, № 6, с. 498—500].

Проработки шли все по новым кругам. Не все детали сейчас можно уже восстановить. В журнальных хрониках довольно полно описываются научные сессии и ученые советы тех дней, но не нашли отражения в печати многочисленные партийные собрания, где «реакционные лингвисты» и «ревизионисты учения Марра» независимо от партийной принадлежности должны были отвечать на самые нелепые обвинения. Не попали в печать, но получили широкую известность совсем уж непарламентские выражения некоторых марристов. И сейчас многие свидетели тех событий вспоминают, как М. Д. Мальцев потребовал на одном из собраний «ударить по кумполу Виноградова». Обстановка была удушающей.

Самым трагичным эпизодом проработочной кампании стала травля Д. В. Бубриха, ученого, чье имя уже неоднократно встречалось в этой книге. Славист по образованию, ученик А. А. Шахматова, он стал выдающимся финно-угроведом и ак-

тупым участником языкового строительства (см. о нем [Керт, 1973]). Его высоко оценивали и считали своим единомышленником Е. Д. Поливанов и Н. Трубецкой, марристы и языкофронтовицы клеймили его за «индоевропеизм» [ПК, с. 39; РИЯ, с. 66]. Потом, начиная с работ 1935 г. [Бубрих, 1935а, Бубрих, 1935б], он начал сближаться с марризмом (вспомним его рассуждения об охотнике и медведе), однако в 40-е годы под прикрытием пидат из Марра Бубрих вернулся к сравнительно-историческому языкознанию. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. В то время он считался общепризнанным главой советского финно-угроведения.

Но в 1949 г. Бубриха начали травить, причем среди сотрудников ИЯМ явно больше всех (по мнению свидетелей тех событий, этот ко всем доброжелательный и погруженный в науку интеллигент был очень удобной мишенью для «охоты на ведьм»). «Поражает, в частности, то, что именно сотрудником этого института проф. Д. Бубрихом написана историческая фотетика финского-суоми языка, построенная на принципах старого индоевропейского языковедения с признанием „праязыка“ в качестве исходной позиции», — восклицал Сердюченко [ЛГ, 10.04.1949], хотя, как мы помним, подход Бубриха к проблеме праязыка был компромиссным. Однако самое страшное для Бубриха было еще впереди. В ноябре его удмуртский ученик В. И. Алатырев опубликовал статью против учителя под грозным названием «На поводу у финских буржуазных лингвистов». На свою беду Бубрих, резко ругая по нормам того времени финских ученых, называл их труды «солидными» и требовал от студентов и аспирантов их знания [Сенкевич-Гудкова, 1950, с. 190]. Алатырев же объявил их «ошибочными, вредными работами», ссылаясь в подтверждение этого на Марра. Бубрих был обвинен в «идеалистических теориях», «порочных и реакционных» мыслях и т. д. Следовал вывод: работы Бубриха «по своей методике и методологии абсолютно ничем не отличаются от работы финских и венгерских буржуазных ученых. Рекомендовать эти работы в качестве учебных пособий для студентов, аспирантов, как это делается сейчас, значит вооружать их буржуазной методологией» [ЛГ, 16.11.1949].

Сразу после выхода статьи в Ленинграде начались почти ежедневные проработки. Беспартийный Бубрих должен был являться на партсобрания и заявлять о признании своей «вины». Рассказывают, что он ждал ареста. Его не последовало, но ученый не выдержал травли. Через две недели после появления статьи, 30 ноября, Бубрих плохо себя почувствовал во время лекции и прямо в университете скоропостижно скончался⁷.

Одни калялись и сдавали позиции, другие уходили в глухую

⁷ Существует устойчивая устная легенда о самоубийстве Бубриха, не имеющая подтверждений. В 1949 г. умерло еще двое из тех, кого активно прорабатывали на собраниях, — В. И. Чернышев и С. И. Абакумов. Сейчас трудно выяснить, была ли связь между этими событиями.

оборону и ждали самых печальных последствий, третьи искали компромиссов на, казалось бы, нейтральных путях — обличали западную науку, не выражая при этом своего отношения к «новому учению о языке» (см. [Будагов, 1949]). Были и попытки соединения идей Марра с обычной лингвистикой, которые не могли не быть еще более эклектичными, чем в предыдущий период. Бывший теоретик «Языкофронта» Т. П. Ломтев рискнул совместить несовместимое: «новое учение о языке» и фонологию. В результате получилась причудливая конструкция из цитат из Марра, грубых обвинений по адресу всех фонологических теорий и не совсем ясной фонологической концепции, совмещающей идеи разоблачаемых Московской и Ленинградской школ [Ломтев, 1949].

Особо следует сказать о позиции Н. Ф. Яковлева. Этот выдающийся лингвист также подвергся проработкам, ему даже вменили в вину то, что он в молодости был в одном кружке с Р. Якобсоном [ИЛЯ, 1949, № 4, с. 341], впрочем, он не был в числе главных жертв. Но, к сожалению, сейчас утверждения типа: «Какие-либо специфически марристские теоретические „новации“, которые иногда приписывают Н. Ф. Яковлеву, были не свойственны ему» [Панов, 1974, с. 220] приходится считать идеализацией. На деле было сложнее. Яковлев, и ранее склонный соревноваться с Марром, теперь, вероятно, искренне попытался развивать «новое учение о языке».

В статье Н. Ф. Яковлева, вновь написанной совместно с В. К. Никольским (вышедшей в свет в конце 1949 г.), резкие обвинения «буржуазной» науки сочетаются с развитием идей Марра. Повторив недоказуемые гипотезы о развитии языка у питекантропа и связав формирование *Homo sapiens* с расчленением «звукослов-предложений» на «диффузные слова» [Никольский, Яковлев, 1949, с. 268—269], Яковлев вместе со своим соавтором попробовал вернуться к уже отвергнутой лингвистами 40-х годов идее о связи общественно-исторических формаций с морфологическим строем языков. Согласно Яковлеву, аморфный строй отражал первобытнообщинную формацию, флективный тип развился в конце первобытной общины и раннеклассовые общества характеризуются флективным строем. «Капиталистическое общество не могло создать и не создало принципиально нового строя человеческой речи. Такой строй будет создан лишь в социалистическом обществе» [Никольский, Яковлев, 1949, с. 270]. Что же касается аналитического строя английского языка, то это не что иное, как возникшее в условиях ускоренного скрещения языков подобие аморфного строя; английский аналитизм и наличие артикля — беда этого языка, пережиток отсталых условий средневековья и господства иноземцев [Никольский, Яковлев, 1949, с. 270]. Русский же язык, для которого «артикль... стал пройденным этапом развития... счастливо сочетая элементы аналитического и синтетического строя ... обладает большей гибкостью и богатством средств выражения

сравнительно с английским, с одной стороны, и латинским и древнегреческим — с другой» [Никольский, Яковлев, 1949, с. 271]. Беспризорным остался агглютинативный строй, характерный для очень многих языков; Яковлев говорит лишь, что его историческая датировка затруднена [Никольский, Яковлев, 1949, с. 271].

Затрагивает Яковлев и принцип скрещения языков, который трактует иначе, чем Марр. Согласно Яковлеву, всякое лексическое заимствование — основа для скрещения: русский язык скрещен с голландским, немецким, французским и т. д., но и появление в каком-либо языке слов *Совет* или *пятилетка* означает, что этот язык уже скрещен с русским [Никольский, Яковлев, 1949, с. 273—275].

Все это не требует научного опровержения. Но надо отдать должное Яковлеву: когда была получена директива заменить науку шаманским камлапием, он, один из немногих, честно попытался камлать, но то, что мог делать мифотворец Марр, не было дано лингвисту. Яковлев не умел и не мог обрушивать на читателя потоки громких и не относящихся к делу фраз, оперировать сотнями случайных примеров, отрицать или игнорировать общеизвестные факты вроде недавнего появления английского аналитизма, обходить молчанием самые элементарные вопросы (Марр, например, ни разу не затронул опасный для его учения пункт о том, с какой языковой стадией связан капитализм). Яковлев пытался вносить логику и научность в принципиально антилогичные и антинаучные построения, поэтому под его пером вопиющие противоречия становились только более очевидными.

Статья не убедила никого, а та же «Культура и жизнь» обругала ее авторов за то, что они будто бы видят главную заслугу Марра в изучении языка первобытных людей и тем смыкаются с «клеветническими» заявлениями языкофронтовцев о том, что Марр интересовался лишь языком «наших волосатых предков» [КИЖ, 28.02.1950]. Даже такая статья была признана недостаточно марристской и заклеимлена за то, чего в ней не было. После вмешательства газеты «Культура и жизнь», органа ЦК, редакция «Вопросов философии» отмежевалась от статьи, признав ее неудачной [ВФ, 1949, № 3, с. 337].

Еще более тяжелое впечатление производит статья Н. Ф. Яковлева «Академик Н. Я. Марр как гражданин и ученый», где вся советская наука после смерти Марра характеризуется только тем, что она замалчивала его учение, а В. М. Жирмунский, А. В. Десницкая и отчасти В. В. Виноградов сопоставляются с «милитаристской истерикой расиста Черчилля» [Яковлев, 1949а, с. 49]. Легенды о Марре доведены здесь до крайности даже по сравнению с биографией Марра, написанной В. А. Миханковой [Миханкова, 1949]. Марр превращен почти в большевика, которым он якобы был в течение всей жизни: «Еще задолго до Великой Октябрьской социалистиче-

ской революции акад. Н. Я. Марр целиком сочувствовал революционному движению в России и, постепенно ориентируясь в политике, в конце концов сознательно пришел к полному признанию исторической роли партии большевиков, как авангарда рабочего класса и крестьянства» [Яковлев, 1949а, с. 17]. Повторы и явно легендарные воспоминания каких-то колхозников в газете «Заря Востока» о том, что большевистским оратором, слышанным Марром в 1905 г., был якобы Сталин [Яковлев, 1949а, с. 21]. Далее следовало: «Как бы помня это свое обязательство, данное на могилах расстрелянных гурийцев, Н. Я. Марр всю свою жизнь превратил в, казалось бы, безнадежный и одинокий подвиг научной борьбы против не менее страшного, чем царские палачи, подавляющего численностью и лжеакадемическим авторитетом врага — буржуазно-идеалистической науки, в первую очередь — науки о языке» [Яковлев, 1949а, с. 22].

Житийный образ требует и отбрасывания фактов, когда они входят с ним в явное противоречие. Сказано, например, что будто бы Марр до революции за «строптивость» был не у дел и лишь в советское время стал деканом факультета общественных наук Петроградского университета [Яковлев, 1949а, с. 24]. Действительно, деканом этого факультета Марр стал в 1918 г., но образовался он в результате слияния двух факультетов, в том числе восточного, деканом которого Марр был уже семь лет; обо всем этом четко было сказано у В. А. Миханковой. Завершалось житие Марра утверждением, до которого больше не додумался никто: «Приступы травли и пароксизмы слепого бешенства против Марра со стороны реакционеров и идеалистов... привели великого ученого к преждевременной гибели» [Яковлев, 1949а, с. 30].

Это особенно печально читать у действительно крупного ученого. Трудно не согласиться с Б. А. Серебренниковым, писавшим, что Яковлев вместе с Никольским дошел до «геркулесовых столпов вульгарной социологии», в чем-то превзойдя самого Марра [Пр, т. 2, с. 106]. Перешел он грань допустимого и в критике своих коллег. Этого нельзя объяснить только личной приверженностью Марру. По-видимому, Яковлев в результате многочисленных клеветнических кампаний против него, пусть прямо и не сказавшихся на его судьбе, духовно был сломлен; очевидно, уже начинала сказываться и болезнь. Но даже в это время не все работы Яковлева столь безнадежно плохи. В статье этого же года «Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период», где тоже немало похвал Марру и разоблачений его противников, дана объективная и впечатляющая картина развития советского кавказоведения и языкового строительства на Кавказе. Нельзя не отметить и такой редкий по тем временам достаточно мужественный шаг: среди народов, для которых была создана письменность, перечислены отправленные в ссылку чеченцы, ингуши, балкарцы и

карачаевцы, а среди фамилий участников языкового строительства названы и представители интеллигенции этих народов [Яковлев, 1949б, с. 303].

Другие лингвисты, примыкавшие к марристскому лагерю, вели себя по-разному, но и среди них были люди, старавшиеся сохранить лицо. Так, например, брошюра И. И. Цукермана о Н. Я. Марре [Цукерман, 1950], цитатническая и представляющая собой шаг назад по сравнению с его более ранними работами [Цукерман, 1941], тем не менее полностью лишена обвинений в адрес кого-либо из советских ученых.

Как же вел себя в этой обстановке И. И. Мещанинов? Его положение было двойственным. С одной стороны, он сохранял свои посты, с которыми считались (меньше всех, пожалуй, Яковлев, обвинявший его в антимарризме [Яковлев, 1949а, с. 47—48]), с другой — его теории, раньше находившиеся вне критики, теперь все более квалифицировали как «отход от Марра». К тому же Мещанинов не мог не нести ответственности за положение в советском языкознании, официально признанное неудовлетворительным. В этой ситуации вел он себя также двойственно. Отмолчаться при своем положении он не мог. Не было у него и достаточно характера и независимости, чтобы противостоять напору Сердюченко и Филина, выполнявших указания сверху. В то же время Мещанинов пытался не пятнать себя грубой бранью и участием в проработках и сохранять, несмотря на частичные покаяния, свою научную позицию, выработанную к тому времени.

Характерно, что в 1948—1950 гг. И. И. Мещанинов везде — на заседаниях и конференциях, в научных сборниках и в газетах — выступал в тандеме то с Ф. П. Филиным, то с Г. П. Сердюченко, то с Н. Ф. Яковлевым. Его партнер требует партийности в науке и кого-то громит, сам же Мещанинов не касается сферы политики и старается говорить о позитивных вещах. Он согласился пересмотреть отношение к зарубежной науке, заявляя, что «нам нечего брать у ученых Запада» [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 480], в то же время он куда меньше критикует советских лингвистов, а иногда рискует оценить их и положительно, например, похвалив вопреки Г. П. Сердюченко и Т. П. Ломтеву фонологические теории Л. В. Щербы, Н. Ф. Яковлева, Р. И. Аванесова [Мещанинов, 1949а, с. 38]. Избегая теперь, в отличие от своих прежних утверждений, высоких оценок русской дореволюционной науки (сделав, правда, и сейчас исключения для М. В. Ломоносова, А. А. Потебни и Д. Н. Кудрявского), Мещанинов в общем не изменил своей трактовки Марра. По-прежнему он отвергал четырехэлементный анализ, пользуясь для этого другими высказываниями Марра: если речь движется не эволюционно, а революционно, то в современных языках от элементов ничего не может остаться [Мещанинов, 1949в, с. 11] (см. также [Мещанинов, 1949а, с. 33; Мещанинов, 1949б, с. 291—292]). Отстаивает он и центральную роль синтак-

сических исследований [Мещанинов, 1949б, с. 294, 296], при этом синтаксическая и морфологическая типология отграничиваются от еще не созданной стадияльной, все три классификации языков в отличие от генетической признаются правомерными [Мещанинов, 1949а, с. 37].

Тем самым И. И. Мещанинов пытается сохранить для себя возможность заниматься синтаксической типологией. Скрыто полемизируя с Сердюченко, он доказывал и необходимость сопоставительных исследований [Мещанинов, 1949б, с. 298]. Однако он был вынужден отказаться от понятийных категорий [Мещанинов, 1949б, 297—298] и осудить себя за то, что он перестал заниматься проблемой стадияльности мышления [Мещанинов, 1949б, с. 297]. Пришлось ему выразить согласие и с некоторыми идеями Марра вроде тезиса о скрещенном латинско-галльском характере французского языка [Мещанинов, 1949в, с. 12].

Мы считаем неправомерным безоговорочно ставить Мещанинова в один ряд с Филиным и Сердюченко, как это было принято делать после июня 1950 г. и как это делается иногда и сейчас; см., например, [L'Hermitte, 1987, с. 67]. Но тем не менее он ничего не мог сделать для облегчения очень сложного положения дел в советском языкознании.

При всей тяжести ситуации все-таки несколько преувеличенными кажутся слова В. В. Виноградова: «„Покаяние“ в „ошибках“ и попытки (иногда смехотворные) применить марровские положения в своей узкоспециальной области уже с 1949 г. охватили подавляющее большинство лингвистов, стоявших вне „нового учения“. В условиях „аракчеевского режима“ всякое иное поведение грозило неизбежным уходом или отводом от научного коллектива» [Виноградов, 1964, с. 10]. На словах калялись очень многие. Однако даже полностью покаявшиеся, вроде того же Виноградова, не очень торопились овладевать элементарным анализом, в основном ограничиваясь декларативными похвалами Марру. Работ типа статьи В. К. Никольского и Н. Ф. Яковлева, где всерьез развивались идеи Марра, было немного. Продолжали выходить ранее написанные исследования, в том числе такие значительные, как «Глагол» И. И. Мещанинова. В «Известиях Академии наук» (ИЛЯ) наряду с погромными статьями и хроникой погромов печатались и серьезные работы, например, такая, как статья В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской «К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском языке» [Сидоров, Ильинская, 1949], впоследствии Ю. Д. Апресян назвал ее «одним из первых и весьма эффективных опытов применения экспериментальной методики трансформационного анализа к решению некоторых синтаксических вопросов» [Апресян, 1966, с. 153]. Но, конечно, такая ситуация отчасти сохранялась еще по инерции, а перспективы могли быть лишь самыми мрачными.

Все же и в те времена далеко не все отказывались от своих

миллионов. Не перешли на позиции «нового учения о языке» А. А. Реформатский, М. Н. Петерсон, Г. А. Капанцян, А. С. Чикобава, Г. С. Ахвледиани и ряд других лингвистов. П. С. Кузнецов вспоминал: «Меня вызвали в Министерство высшего образования... и предложили отказаться от моих идеалистических позрений в фонологию. Я ответил, что считаю идеалистическими положения, выдвинутые Ломтевым... После этого на очередном заседании спецкурса по фонологии я сообщил, что положения, отстаиваемые мною, Министерством сочтены идеалистическими, а так как я другим положениям следовать не могу, то и чтение этого спецкурса прекращаю. Осенью 1949 г. меня вызвали в ректорат университета и сообщили мне, что... ожидают от меня признания ошибок и новых работ, свидетельствующих о том, что я действительно перешел на новые рельсы... Впрочем, я новых статей требуемого направления так и не написал» [Кузнецов, с. 468—469].

Были и отдельные выступления, направленные непосредственно против Марра. В конце 1949 г. на заседании кафедры классической филологии филологического факультета МГУ молодой и мало кому тогда известный преподаватель Б. А. Серебренников вместо предписанного ему дежурного выступления, прославляющего Марра, остро и убедительно раскритиковал его метод и многие его положения. Выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы, немедленно Серебренников попал в число прорабатываемых.

1949 год кончился редакционной статьей новой редколлегии «Известий Академии наук» автором которой, оказывается, был Ф. П. Филин (авторство указано в [Филин, 1978]). Здесь снова говорилось об использовании праязыковой теории «империалистическими агрессорами в их разбойничьих целях», сравнительный метод назван «идеалистической дребеденью», а Московская фонологическая школа «реакционной». В старый черный список, из которого почему-то исчез Б. А. Ларин, добавилась новая фамилия — В. И. Абаев [ИЛЯ, 1949, № 6, с. 506]. «Буржуазная» лингвистика обвинялась во всех новых грехах: писали, например, что грузинский и армянский языки специально относили к разным семьям, чтобы натравить их носителей друг на друга, и лишь «друг народов» Марр расстроил империалистические планы [ИЛЯ, 1949, № 5, с. 494].

В конце 1949 г. были сделаны попытки вновь распространить «новое учение о языке» за рубежом, теперь уже в директивном порядке. В Прагу, один из центров мировой лингвистики, прибыл И. И. Мещанинов, прочитавший основополагающие лекции об учении Марра, которому было предписано следовать [L'Hermitte, 1987, с. 90—91]. Однако победить в странах Восточной Европы марризм не успел.

В начале 1950 г. марристы, воспользовавшись 15-летием со дня смерти Марра, создали большую парадную сессию, где «культ Марра достиг своего апогея» [Пр, т. 1, с. 252]. Сессию

открыл академик А. В. Топчиев, три основных доклада сделали И. И. Мещанинов, Г. П. Сердюченко и Н. С. Чемоданов.

И. И. Мещанинов, как всегда, сосредоточился на позитивной стороне дела и, как с неудовольствием отметил автор хроники о сессии, будущий член-корреспондент АН СССР А. Г. Спиркин, «обошел вопрос о неблагоприятном положении на языковедческом фронте, не вскрыл причин этого неблагоприятия» [ВФ, 1949, № 3, с. 328]. Доклад Сердюченко, постоянно сопровождаемый в изложении Спиркина словом «правильно», продолжал разгром «старых, решительно отвергнутых методов». При этом от критики отдельных лиц Сердюченко переходил к критике учреждений. Центром противодействия «новому учению о языке» была названа Академия наук Грузинской ССР, а «некоторые руководители» Института языка и мышления были обвинены в том, что не учли сигналы партийной печати, «глушили критику и самокритику» [ВФ, 1949, № 3, с. 330—331]; это был несомненный намек на Мещанинова. Н. С. Чемоданов, к тому времени полностью перешедший в лагерь марристов, посвятил доклад пересказу цитат из Марра против «буржуазной» науки и критике дореволюционной и зарубежной науки о языке; при этом он был обвинен в «несамокритичности».

Большое число содокладов, в основном ученых с периферии, было посвящено тематике «Марр и развитие ... языка (группы языков)», включая доклад о казахском языке, хотя Марр до него так и не успел добраться. Восхваление Марра на сессии сопровождалось призывами вернуться к самым нелепым из его положений. Докладчица из Армении в «содержательной», по мнению А. Г. Спиркина, речи называла четыре элемента «новой, высшей ступенью палеонтологического анализа языка» [ВФ, с. 333]. Все тот же В. И. Алатырев требовал прекратить сопоставление финно-угорских языков, кроме самых близких, и перестать считать их как-то связанными [ВФ, с. 335]. А. С. Гарибян историю армянского языка рассматривал как историю «борьбы двух антагонистических классовых языков» [ВФ, с. 334].

Если судить по единственному успевшему выйти отчету о сессии А. Г. Спиркина в «Вопросах философии», число критикуемых сократилось. Огонь сконцентрировался на несдавшихся, особенно на Г. С. Ахвледiani, А. С. Чикобава, В. И. Абаеве, появилось и новое имя — это был Б. А. Серебренников.

От словесных угроз переходили к делу. Первые месяцы 1950 г. мало отражены в журнальной хронике. Однако ситуация явно ухудшалась. До того имелось несоответствие между громкостью обвинений по адресу лингвистов и незначительностью «оргмер». Не только не было арестов, но до начала 1950 г. почти не было и увольнений. «Одно время было предположение изгнать из университета (МГУ. — В. А.) всех противников нового учения о языке, этого ждали в связи с теми крутыми мерами, которые были приняты после сессии

ВАСХНИЛ, но в лингвистике решили так круто не поступать» [Кузнецов, с. 468]. Требования Сердюченко и других бойцов против антимарристов умерялись менее радикально настроенными людьми в марристском лагере, здесь отмечают роль И. И. Мещанинова и Н. С. Чемоданова.

Но с нового года ситуация меняется. Начинается административное преследование тех, кто не покаялся. В Ереване лишлись работы видные ученые — академик АН Армянской ССР Р. С. Ачарян и профессор Г. А. Капанцян. С. Б. Бернштейн, ставший к тому времени заведующим кафедрой славянской филологии в МГУ, был извещен, что он оставляется на своей должности лишь на год, чтобы подготовить должную замену (его обвиняли в том, что он пытался «продлить агонию индоевропистики»). Б. А. Серебренников был вообще уволен с факультета (правда, ему разрешили дочитать до конца учебного года свой курс), в это же время по истечении кандидатского срока ему было отказано во вступлении в члены партии. В начале мая 1950 г. был подготовлен приказ об увольнении И. С. Кузнецова из Института русского языка АН СССР [Кузнецов, с. 169].

Изгнание людей сопровождалось закрытием научных направлений. Президиум АН СССР 12 апреля 1950 г. принял решение о прекращении всяких работ по сравнительным и сопоставительным грамматикам [Санжеев, 1951, с. 16]. Сердюченко (обидясь своего, отгеснив Мещанинова, который, по-видимому, уже не контролировал положение дел.

Безусловно, «последний год господства „аракчеевского режима“ был для нашей науки и ее деятелей особенно тяжелым... ни говорить, ни писать на лингвистические темы без упоминания имени Марра стало невозможным» [Пр, т. 1, с. 393]⁸.

Трудно сказать, какие беды постигли бы нашу науку о языке дальше. Но внезапно Ачарян и Капанцян были восстановлены на работе, приказ об увольнении Кузнецова так и не вошел в силу. А в пятую годовщину Победы (совпадение, очевидно, случайное) в «Правде» неожиданно было объявлено: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты „Правда“ свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области» [П. 9.05.1950]. И открыл дискуссию не Ф. П. Филин и не Г. П. Сердюченко, а один из самых непримиримых антимарристов — академик АН Грузинской ССР А. С. Чикобава.

⁸ Позже Ф. П. Филин излагал события 1948—1950 гг. иначе: «Произошла острая борьба мнений. Положения „нового учения о языке“, правда, трансформированные, без четырехэлементного анализа, главным образом положения школы И. И. Мещанинова, пытались насаждать и административным путем» [Филин, 1988, с. 78]. Это далеко от истины!

Глава шестая

ДИСКУССИЯ

Что же произошло? Почему была внезапно объявлена дискуссия по проблемам языкознания? Почему «идеалисту» А. С. Чикобаве было дано слово в «Правде»? Об этом лингвисты пока что могли только гадать.

В те годы так называемых дискуссий было немало. Помнили «философскую» дискуссию в связи с книгой Г. Ф. Александрова в 1947 г., «дискуссию» на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. Чуть позже, в июне—июле 1950 г., состоялась «павловская дискуссия» в физиологии (см. о ней [Александров, 1987]). Все они, особенно две последние, принесли немало вреда нашей науке. Форма дискуссии имела совсем не дискуссионное содержание. Цель заключалась в подавлении всякой свободы в той или иной области науки, в установлении здесь монополии одного, признаваемого единственным марксистским направлением, нередко антинаучного, как это случилось в генетике в 1948 г. Предоставлявшаяся инакомыслящим возможность высказаться только облегчала их травлю, давала основания придирается к тем или иным формулировкам, трактуемым как угодно, заявлять о существовании сплоченной антимарксистской группы. В лингвистике некоторым аналогом такой дискуссии была так называемая поливановская дискуссия 1929 г.: хотя она была организована по инициативе Е. Д. Поливанова, результаты оказались сходными. Могло показаться, что и сейчас марристы используют дискуссию для расправы над А. С. Чикобавой и другими противниками.

Однако ситуация в языкознании в мае 1950 г. была не такой, как в генетике в июле 1948 г. или в физиологии той же весной 1950 г. Там перед дискуссией исход борьбы не был окончательно ясен, каждое из направлений стремилось перетянуть чашу весов на свою сторону, тем более что Т. Д. Лысенко имел среди руководства страны не только сторонников, но и противников (об этом [Сойфер, 1988]). Для марристов такой способ борьбы был явно излишним. Они уже добились преобладания в языкознании. Победа казалась полной. Противники либо сдались, либо начали изгоняться из науки. Дискуссия же с

самого начала привлекала внимание к вопросам, поднимать которые марристам не было выгодно.

Необычна была и форма. Прочие дискуссии шли устно, в кругу специалистов, а постоянным гласности становились лишь тогда, когда их исход был решен. Теперь же лингвистические проблемы обсуждались, можно сказать, «на глазах» миллионов людей, раньше и не слышавших о языкознании, а редакция «Правды», еще недавно печатавшая разгромную статью Г. П. Сердюченко и разносную рецензию на книгу Л. Р. Зиндера, пока вообще не выражала своего отношения к публикуемым материалам, диаметрально противоположным по идеям. Вполне можно было предположить, что дело здесь не в новом разгроме уже разбитых ученых. Что-то готовилось.

Дискуссия шла почти два месяца, с 9 мая по 4 июля 1950 г. Каждый вторник две страницы газеты отводились языкознанию. После затравочной статьи А. С. Чикобава редакция получила более двухсот статей [П. 4.07.1950], из которых было опубликовано менее десятой части. На первом этапе дискуссии, с 9 мая по 13 июня, появилось 12 статей. Уже соотношение позиций авторов наводило на размышления. Если на сессии ВАСХНИЛ лысенковцы имели значительный численный перевес среди выступавших, то теперь все было поровну: четыре статьи явно за Марра, четыре статьи явно против Марра и еще четыре статьи были половинчатыми. Сам подбор свидетельствовал о желании сохранить равновесие. Через неделю после статьи А. С. Чикобава ему с противоположных позиций ответил И. И. Мещанинов. Затем в двух номерах появились блоки из трех статей: антимарристскую статью Б. А. Серебренникова уравнивала промарристская статья Н. С. Чемоданова, промежуточное положение занимала статья Г. Д. Санжеева; в следующем номере соседствовали антимарристская статья Г. А. Капанцяна, промарристская статья Ф. П. Филина и нейтральная статья А. И. Попова. Весь лингвистический раздел пятого по счету номера заняла неопределенная по выводам статья В. В. Виноградова, затем появился еще один блок, где Марру противостоял Л. А. Булаховский, защищал его В. Д. Кудрявцев, промежуточную позицию занимал С. Д. Никифоров.

Часть статей заказывалась, но появлялось и то, что в редакциях называют «самотеком». Так, Б. А. Серебренников, узнав о дискуссии в «Правде», написал туда письмо (по его собственному свидетельству, от отчаяния), во многом повторявшее его доклад на кафедре. Тем не менее не прошло и двух недель, как письмом было напечатано в «Правде» (факт весьма симптоматичный).

Открыл дискуссию Арнольд Степанович Чикобава, роль которого, как мы скоро увидим, не исчерпывалась статьей. Эта достаточно сложная фигура в истории советского языкознания и сейчас вызывает неоднозначное отношение.

Ко времени дискуссии ему было 52 года. Один из первых

выпускников Тбилисского университета, ученик первых учеников Н. Я. Марра, И. А. Кипшидзе, А. Г. Шанидзе, И. А. Джавахишвили, а также Г. С. Ахвледиани, Чикобава был автором многих работ по кавказскому и общему языкознанию (биографические данные о нем см. [Чикобава, 1979, с. 21—36, 55]). Через учителей он воспринял идеи раннего Марра, в том числе гипотезу о яфетической семье языков (иберийско-кавказской, в терминах Чикобава) в ее первом варианте, когда она не выходила за пределы Кавказа. На попытку доказать существование этой семьи он потратил несколько десятилетий, но не смог убедительно это сделать¹. При этом он некритически следовал многим построениям Марра². Однако это относилось лишь к Марру-кавказоведу. «Новое учение о языке» он, как и ряд других грузинских ученых, не принимал. Вероятно, к нему наряду с Г. С. Ахвледиани относились слова Марра о тех его земляках, чья деятельность была хуже контрабанды. Позднее в марристском издании «Язык и история» Чикобаву ругали М. П. Чхаидзе и А. А. Глonti, в частности, за высказывание 1926 г.: «Мы не особенно доверяем палеонтологии; есть у нас для этого достаточные основания» [Язык, 1936, с. 215, 230]. В 1941 г. он в Институте языка и мышления публично выступил против учения Марра. После войны он издал на грузинском языке учебник «Введение в языкознание», где марризм занимал не больше места, чем в учебнике А. А. Реформатского. Даже в январе 1950 г. на парадной сессии он выступил против Марра, подтверждая тем самым свое критическое отношение к «новому учению о языке».

Несмотря на плохую репутацию в Москве и Ленинграде, Чикобава имел очень прочные позиции в Тбилиси, в том числе и среди руководства республики. В апреле 1941 г. через два месяца после того, как Чикобава открыто высказался против «нового учения о языке», он тем не менее оказался в числе первых академиков только что созданной Академии наук Грузинской ССР, в 1946 г. стал заслуженным деятелем науки Грузии. К 1950 г. он был заведующим кафедрой кавказских языков Тбилисского университета и заведующим отделом горских кавказских языков Института языкознания АН Грузинской ССР³. Ему было поручено руководство важной и престижной работой: подготовкой восьмитомного «Толкового словаря грузинского языка», составление которого находилось под постоянным контролем грузинских руководителей.

С таким противником Г. П. Сердюченко и Ф. П. Филину бы-

¹ Две из трех подгрупп, включавшихся в иберийско-кавказские, — абхазско-адыгская и нахско-дагестанская — и сейчас часто признаются родственными, но их связи с картвельскими языками многими отвергаются.

² См., однако, высокую оценку его кавказоведческих работ в зарубежном обзоре [STIL, с. 96, 319].

³ Этот институт, с которым связана и последующая деятельность А. С. Чикобава, с 1988 г. носит его имя.

лю справиться нелегко, и время показало, что они его сильно недооценили.

Статья А. С. Чикобава, самая большая по объему, задала тон дискуссии (вслед за «Правдой» ее перепечатали многие местные газеты). Автор признавал заслуги Марра, особенно в ранний период его деятельности, не возражал против гипотез о яфетической семье и даже о «третьем элементе», а из идей позднего Марра соглашался с признанием языка надстройкой. Однако Чикобава отказывал Марру в праве называться марксистом, показывая несходство его идей о происхождении языка с учением Ф. Энгельса о первобытном обществе. «Новое учение о языке» отвергалось почти полностью, но особое внимание уделено критике идей о классовости языка и четырехэлементном анализе. Чикобава считал, что уже возможность людей разных классов свободно общаться между собой опровергает тезис о классовости языков, несовместимый с марксизмом. Показана и абсурдность идеи о сходстве между собой самых различных языков одного общественного класса, на словах принимавшейся и в 1950 г. Подробно рассмотрены четыре элемента, которые Чикобава удачно назвал «универсальной отмычкой» Марра, показано, как «недоказуемая теорема объявляется аксиомой» и как из элементного анализа выводятся другие пункты марровского учения. Отмечены полная путаница стадияльных идей, абсурдность призывов к искусственным мерам для внедрения единого мирового языка, отсутствие заслуг Марра в языковом строительстве. Впервые миф о Марре начал развенчиваться перед столь большой аудиторией, которая в подавляющем своем большинстве либо ничего не знала о Марре, либо знала о нем понаслышке как о великом ученом.

В отношении современного состояния языкознания Чикобава писал: «В свое время элементный анализ загнал в тупик лингвистическую теорию акад. Н. Я. Марра. Ныне — с восстановлением в правах элементного анализа — в тупик попадает вся лингвистическая работа. Создалось положение, при котором становится невозможной положительная работа по обслуживанию неотложных задач языкового строительства нашей Родины». На примерах показано, как Г. П. Сердюченко и другие требуют возврата к четырем элементам, ранее уже отвергнутым. Открыто критикуется постановление Президиума АН СССР от 21 июля 1949 г., уравнивавшее теорию Марра и материалистическое учение о языке.

Элементный анализ и стадияльность Чикобава предлагал заменить историческим и сравнительно-историческим языкознанием. При этом считается необходимым дополнить его теорией смешения языков, хотя и без ее абсолютизации: баскский язык тысячелетиями «сходил» с романскими, но романским не стал.

В статье заметны приметы времени. На противников часто наклеиваются те же ярлыки, которые применялись к самому Чикобава. Например, Марр обвиняется в том, что он «объек-

тивно помогает расизму». Признание сравнительно-исторического метода соседствует с охаиванием А. Мейе, К. Фосслера, Ф. де Соссюра. И все-таки статья для того времени была как гром среди ясного неба.

Линию А. С. Чикобава продолжил Б. А. Серебренников [П. 23.05.1950], чьи высказывания были еще резче. Лишь декларативно он заявил, что надо развивать «прогрессивную сторону учения Марра», но реально ничего об этой стороне не говорилось. Зато автор смело пишет: «Широкий размах научно-исследовательской мысли Марра в подавляющем большинстве случаев оказывается скованным железным обручем весьма немногочисленных основополагающих теоретических положений, в угоду которым, как в прокрустово ложе, втискивается огромный языковой материал». Этими положениями названы четыре элемента, тезис о скрещенном характере всех языков, стадиальность и развитие значений слов из космических тотемов. К ним Серебренников сводил другие идеи и исследовательские приемы Марра, например, из двух первых положений вытекает допустимость сравнения всего со всем. И делается вывод: «То, что порочно в самом начале, не может не привести к еще большей порочности в дальнейшем». На ограниченном газетном пространстве дано максимально возможное количество примеров. Четко показаны противоречия между фантастическими этимологиями Марра и давно известной и нередко письменно зафиксированной историей слов. Демонстрируется, каким образом Марр попадал в ловушку «звуковой близости» анализируемых слов, хотя «то, что сходно сейчас, могло быть несходным в древности». Скажем, латинское *arbor* 'дерево' когда-то имело вид *arbos*, но Марр спокойно объединял его с русским *бор*.

В статье содержались неоднократные высказывания о том, что концепция Марра никакого отношения к марксизму не имеет. Вывод: «Можно ли вообще что-либо доказать, пользуясь этими явно негодными средствами? Каждый, кто хоть немного понимает в языке и в марксизме, скажет, что при всех ухищрениях ничего здесь доказать нельзя». Марризму противопоставлен сравнительно-исторический метод, более пригодный для доказательства марксовой идеи развития.

Итак, если А. С. Чикобава, как когда-то языкофронтовицы, смягчал критику Марра указаниями на положительные стороны его учения, то Б. А. Серебренников впервые после Е. Д. Поливанова дал бескомпромиссную и уничтожающую критику «нового учения о языке».

Армянский лингвист Г. А. Капанцян, и ранее близкий по взглядам к А. С. Чикобава, выразил большое удовлетворение его «блестящей статьей» [11.30.05.1950]. Он также принимал раннего Марра и отвергал позднего, соглашаясь лишь с его критикой «буржуазного языкознания». В числе других идей Марра он не принял идеи о созидании нового языка социалистического общества, потому что «грамматика непосредственно

не связывается с переменой общественного строя и производства». Выступил Капанцян и против положения о социальной обусловленности фонетических изменений, вспомнив высказывание Ф. Энгельса о германском передвижении согласных. Он же давал резкую оценку выступлений Г. П. Сердюченко и статьи в «Культуре и жизни», критика которой была смелым шагом по канонам того времени.

Л. А. Булаховский в своей статье [П. 13.06.1950] отстаивал сравнительно-исторический метод как наилучший из существующих на данный момент в языкознании: «Факты покоряются определенным приемам исследования и упорно не хотят, ибо не могут, подчиняться иным». Он, правда, сомневался в существовании индоевропейского праязыка, но считал, что при изучении индоевропейских языков нельзя не идти вглубь и не пытаться искать древнейшие состояния. Возможность же реконструкции таких состояний для романских или славянских языков признается безоговорочно. Булаховский рассматривает практическую полезность сравнительно-исторического метода, опровергает связь языковой семьи с расой и показывает бездоказательность приписывания этой идеи компаративистике. В оценке Марра он, пожалуй, объективнее всех. Признавая талант и интуицию этого ученого, Булаховский показывает его полное неумение считаться с фактами и доказывать выдвигаемые положения. Он разбирает статью Марра с колоритным названием «Яфетические зори на украинском хуторе (бабушкины сказки о Свинье Красном солнышке)» [М, т. V, с. 224—271], показывая полную нелогичность его научного мышления. В итоге он предлагает отказаться от идей Марра раз и навсегда и «научной интуиции даже очень большого знатока противопоставить нечто прочное, осязаемое, доказанное и проверенное». Одним из немногих в то время Булаховский показал и несвязанность работ И. И. Мещанинова 40-х годов с идеями Марра, эти работы он считал вполне научно приемлемыми за исключением необдуманных рассуждений про стадиальность.

Более компромиссной была статья В. В. Виноградова, может быть, из-за того, что он не мог в те дни не опасаться новых тяжелых испытаний. Ее автор пытался сочетать словесное признание марризма с отстаиванием ряда своих прежних идей [П. 06.06. 1950]. Статья начинается с дежурных поклонов Марру, который «стремился разрушить всю систему буржуазного формального сравнительно-исторического языкознания и противопоставить ей новую универсальную сравнительно-историческую концепцию, описывающую с материалистической точки зрения — на основе фактов самых разнотипных и далеких друг от друга языков — общие пути стадийного развития речи и диалектически связанного с ней мышления, начиная со стадии возникновения звукового языка. Нельзя не удивляться великому дерзанию советского ученого, грандиозности его замыслов и значительности достигнутых им результатов... В истории

развития советского языкознания Н. Я. Марр, бесспорно, занимает первое место среди лингвистов нашей страны»⁴.

Но после такой преамбулы столь торжественно заявленные заслуги «великого советского лингвиста» никак не конкретизируются, кроме единственного упоминания роли Марра в привлечении этнографических и археологических данных для лингвистики. В то же время начинается критика Марра и его последователей типа Ф. П. Филина, призывавших сохранить его учение в неприкосновенности.

Кое в чем критика «нового учения о языке» у Виноградова перекликается с тем, как критиковали лингвисты, упомянутые выше: он пишет о непригодности яфетической теории к решению практических задач, о неразработанности семантического анализа и т. д. Но если другие участники дискуссии вели научную полемику с Марром, то Виноградов также сосредоточил внимание на политической стороне дела, выделяя те положения марризма, которые составляли его силу в 20-е годы, но к 1950 г. стали его слабостью.

Конъюнктура успела измениться. Ушли в прошлое мечты о всемирной революции, космические фантазии и идеи о великодержавном шовинизме как главном зле в национальных вопросах. Курс на построение социализма в одной стране, Великая Отечественная война, а затем «холодная война» повлияли на многие представления. Прима́т классового над национальным в любых ситуациях, признание непроходимой грани между интернациональным марксизмом и не имеющей национальных рамок «буржуазной» наукой — все это уже не входило в государственную идеологию. Созвучие времени, бывшее столь необходимым элементом в «новом учении о языке» при жизни его основателя, значительно сократилось в эпоху, когда «народность» и «самобытность» из бранных слов превратились в непеременные атрибуты газетных статей. Были, конечно, попытки подлаживания под новую конъюнктуру: очень показательно награждение И. И. Мещанинова за несуществующие работы по русскому языку, Марра также старались представить «патриотом» и борцом за русский язык. Однако реальное содержание работ Марра и Мещанинова было хорошо известно многим. К тому же приспособление марризма к новой конъюнктуре требовало отказа от многих привычных тезисов начиная с классовости языка⁵.

Все это в дискуссии как никто другой заметил В. В. Вино-

⁴ Эти слова не следует воспринимать только как вынужденную уступку. В. В. Виноградов, по свидетельству его вдовы, с начала 30-х годов вполне искренне считал Марра очень крупным ученым.

⁵ Этот тезис, в прошлом характерный не только для марристов, перед 1948 г. стал выходить из употребления. Показателен пример далекого от марризма, но всегда чуткого к веяниям эпохи Н. И. Конрада. В 30-е годы он всецело исходил из классовости японского языка [Конрад, 1937, с. 13—18], в 40-е об этом он уже не говорил [Конрад, 1945]. Навязывание этого тезиса Сердюченко и другими вызвало явное недовольство, недаром его отвергло большинство участников дискуссии, включая и нейтральных.

градов, хотя его точка зрения не свободна от противоречий: например, вопреки общему духу статьи он осуждает Мещанинова и его сторонников за возврат к Потебне и Шахматову и предостерегает против следования «отечественным буржуазным лингвистическим традициям», очевидно, в целях перестраховки. Однако в целом он осуждает марристов, в том числе того же Мещанинова за слишком суровое отношение к дореволюционному наследию. По мнению Виноградова, при этом исчезают вопросы приоритета, не учитывается, что русское языкознание шло впереди западного⁶. Ссылаясь на слова А. А. Жданова о недопустимости нигилизма к дореволюционной русской науке, он утверждал, что будто бы ни в одной гуманитарной области нигилизм не проявляется так, как в языкознании; при этом вопреки фактам Виноградов снимает вину в этом с Марра, перекладывая ее на живых его последователей. Идеи о происхождении русского языка через скрещение отвергаются как отрицающие самобытность русского языка, русского народа и русской культуры; признание яфетического элемента у славянских народов, в том числе Н. Ф. Яковлевым, объявлено антипатриотическим. С аналогичных позиций отрицает Виноградов и классовость языка: «Н. Я. Марр думал, что грамматику языка создает класс, а не народ». Марр обвинен в искажении правильного понимания национального. Как и Чикобава, Виноградов склонен отвечать противникам употреблением применявшихся к нему самому терминов: Марр и марристы, например, обвинены в приверженности теории «единого потока».

Тем не менее статья намеренно не ставит всех точек над *i* и отличается от четких по выводам статей Б. А. Серебренникова или Л. А. Булаховского. Многие положения Виноградова неясны, а то и противоречивы. Справедливо критикуя непоследовательность Ф. П. Филина по вопросу о происхождении славянских языков, он сам высказывается не очень четко. Заявив, что понятия праязыка и прародины «рухнули» и ушли «вглубь библейских сказаний», он в то же время отказывался от универсальности ссылок на скрещение языков и говорил о несомненном родстве славянских языков, не конкретизируя причин этого родства. Вывод же о необходимости изучения «исторически возникающих систем родственных языков» вполне соответствует идеям Филина, только не 1950, а 1940 г. Двойственная позиция Виноградова и относительно палеонтологии Марра. Отвергая ее как инструмент анализа современных языков, он допускает ее для более ранних стадий и считает, что отход от нее в 40-е годы сделал языковое родство будто бы еще более необъяснимым.

Говоря о направлениях в советском языкознании, Виноградов отвергает как стопроцентное следование идеям Марра, так

⁶ Но на самом деле Мещанинов писал о приоритетах как раз то, в отсутствии чего его упрекает Виноградов [Мещанинов, 1949а, с. 4].

и отход от них в трудах школы Мещанинова. Виноградов критикует Мещанинова за отказ от методологии Марра и сближение с «буржуазной» наукой (ср. констатацию того же факта с обратной оценкой у Булаховского). Лагерь противников марризма обойден молчанием. Как идеал марксистской лингвистики выдвигается гибрид из лучших сторон учения Марра (неясно, каких) и исследования проблем, оставляемых «новым учением о языке» в стороне. Среди этих проблем центральное место занимают те, которые составляли предмет собственных исследований Виноградова: история литературных языков в разных социальных условиях, складывание национальных языков и т. д. Создается впечатление, что, хотя Виноградов и критикует Марра, статья направлена прежде всего против его живых последователей и он готов, как и Мещанинов, работать под прикрытием цитат из марровских цитат, но других цитат, позволявших развивать те направления в языкознании, которые были ближе ему самому и актуальнее.

Компромиссной и во многом противоречивой была и статья монголиста Г. Д. Санжеева [П. 23.05.1950]. Вполне справедливо он писал: «Мы говорим о стадийном развитии языков, а какие стадии существуют, не знаем. Мы говорим о классовых языках, но... не имеем до сих пор ни одной работы, в которой была бы показана природа того или иного классового языка или доказана правомерность речи о таковом. Мы говорим о палеонтологическом методе с помощью четырех элементов Марра, но, кроме самого Н. Я. Марра, никто особенно серьезно этими элементами не пользовался и не пользуется (безграмотные упражнения некоторых „лингвистов“ в счет, конечно, не идут)». Но выход из такого несовпадения слов с делами он видел в поисках «очищенного Марра», в необходимости доказательства его догадок. В этом случае, согласно Санжееву, мы пойдем «вперед от Марра — под сияющие своды марксистско-ленинской науки о языке». Например, постановку проблемы стадий он счел «гениальной заслугой Марра», хотя признает, что решить ее Марр не сумел. В статье он пытается на примере монгольского языка выделить три стадии: «диффузных выкриков», «инфлексии» и «агглютинации», переход к последней стадии связывается с переходом монголов к кочевому скотоводству.

Подобного рода крайний марризм и обвинения «индоевропейцев», которые во время «застоя в развитии советского языкознания... часто чувствовали себя вольготно», неожиданно сочетаются в статье с защитой языкового родства. Осуждая недавнее постановление президиума АН СССР о запрещении сравнительных исследований, Санжеев считал, что оно обезоруживает советских ученых перед лицом буржуазной науки, получающей монополию на изучение связей родственных языков. Критикуются и некоторые явно не соответствующие фактам положения Марра вроде выпадения китайского языка из стадийного развития (еще один фрагмент учения Марра, ставший явно несо-

звучным времени), исконности турок в Малой Азии. Недостатком марризма признано и сосредоточение на исследованиях доисторических эпох.

К «очищенному Марру» призывал двигаться и доктор исторических наук А. И. Попов, занимавшийся историей географических названий России [П. 30.05.1950]. Он считал, что в учении Марра следует разделить «бесспорное от неверного», для чего нужно скорее издать его труды с комментариями. Вопреки очевидности автор статьи считал, что Марр много дал именно для изучения языков исторически засвидетельствованного периода, тогда как от рассмотрения доистории, включая элементный анализ, он призывал отказаться. Как и Санжеев, он в целом положительно относился к сравнительно-историческому языкознанию, не отрицал праязык. Попов пытался доказать, что Марр будто бы не отвергал компаративистику (считая возможным отвлечься от резкого тона высказываний Марра), а лишь расширил сравнительно-исторический метод, дополнив его созданием сравнительных грамматик языков разных семей. По его мнению, надо создать «новую компаративистику», не завершённую Марром, куда войдут и традиционная лингвистика, и марризм.

Более серьёзно и взвешенно, но тоже половинчато выступил в дискуссии русист С. Д. Никифоров, автор запрещённого учебника «Старославянский язык» [П.13.06.1950]. Как и А. С. Чикобава, он признавал язык надстройкой; принимал он с оговорками и возможность контактного происхождения славянской общности. Имеются в статье и нападки на сравнительно-исторический метод, и упоминание «ошибочных концепций» В. В. Виноградова (которого в том же газетном номере высоко оценивал Л. А. Булаховский). В то же время отвергнуты классовость языка, элементный анализ и возможность его применения к русскому языку, сведение языкового развития к смешению и скрещению. Применимость сравнительных исследований в статье сильно суживалась, но они вразрез с недавним постановлением президиума академии считались необходимыми для языков одной группы, в том числе для славянских.

Из ведущих лингвистов марристского лагеря в дискуссии выступило трое (отметим отсутствие среди них Г. П. Сердюченко). В соответствии с рангом первым откликнулся И. И. Мещанинов [П. 16.05.1950], непосредственно отвечавший А. С. Чикобава. Он счёл своей задачей защиту Марра от Чикобава, иногда даже ценой отказа от собственных концепций, заявив: «Строить подлинно марксистское языкознание без Марра я признаю для нас неприемлемым». Согласно Мещанинову, все недостатки советского языкознания сводятся лишь к тому, что «еще не окончательно изжит формально-сравнительный метод с реакционной гипотезой праязыка, продолжается изучение языковых процессов в полном отрыве от развития общества... наблюдается влияние модных теперь на Западе лингвистических

построений, отражающих реакционную политику англо-американского блока». Квинтэссенцией всех этих пороков Мещанинов считал работы своего оппонента, который якобы «склоняется к опровергаемому Марром буржуазному учению» и развивает идеи Ф. де Соссюра, не считаясь с В. И. Лениным.

Однако Мещанинову приходится отвечать на аргументы Чикобавы. В большинстве случаев он отделялся повторением деклараций Марра, в том числе о будущем всемирном языке. Подробнее он остановился лишь на ключевом вопросе о языковом родстве, где также не вышел за пределы толкования высказываний Марра. Согласно Мещанинову, «отказ от праязыка является началом построения материалистического языкознания», он повторяет тезис о всеобщем скрещении языков, а возможность расщепления языков объявляет якобы опровергнутой историей народов (даже в 1934 г. Мещанинов допускал его хотя бы как исключение). Любое же родство определяется вновь как «социальное схождение»; например, романские языки определяются как скрещенные языки со сходными компонентами в сходных социальных условиях. Все это было по-прежнему туманным, термин «социальное схождение» так навсегда и остался неопределенным.

При перечислении «ошибок» Марра к их традиционному списку в соответствии с духом времени добавлены идея о китайском языке как представителе низшей стадии и преувеличение роли яфетических народов. Говоря о четырех элементах, Мещанинов вынужден идти на больший компромисс, чем раньше: подтверждая личное скептическое к ним отношение, он признает правомерность других точек зрения вплоть до полного принятия. Он не согласен с идеей Чикобавы о приемлемости ранних работ Марра на том основании, что Марр их потом отвергал как «буржуазные». Собственные работы Мещанинов отчасти подвергает самокритике, но отстаивает центральную роль синтаксиса для стадийных исследований, по-прежнему защищаясь цитатой из Марра.

Итак, Мещанинов не смог противопоставить тезисам Чикобавы ничего, кроме повторения старых деклараций.

Через неделю в защиту Марра выступил декан филологического факультета МГУ Н. С. Чемоданов, проделавший путь от «Языкофронта» через традиционную лингвистику к марризму [П. 23.05.1950]. От прошлого, относящегося ко времени его совместных с Р. О. Шор работ, в статье осталось стремление избежать крайностей. Чемоданов предостерегает против «однобокого восхваления» Марра и даже соглашается с А. С. Чикобавой в указании на ряд его конкретных ошибок. Однако, как когда-то Л. И. Жирков в полемике с Е. Д. Поливановым, он считал, что эти ошибки никак не влияют на общую оценку «нового учения о языке». Взгляды же Чикобавы именуются «несовместимыми с марксизмом», прежде всего за отрицание классовости языка. Значительную часть статьи занимает набор ци-

гат из классиков марксизма-ленинизма и видных марксистов, которые должны были, по мнению автора, подтверждать это положение Марра. Его учение названо «пока что лучшим, что дало развитие науки в этой области знания, и поэтому всякая попытка свести значение Н. Я. Марра на нет объективно задерживает поступательный ход науки». Сравнительно-историческое языкознание бездоказательно отождествляется с наукой времен его основателей Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Х. Востокова, а защита его — с призывом вернуться на сто лет назад. Понятия языкового родства и праязыка якобы «в корне противоречат не только всем данным советского языкознания, добытым за последние 20—30 лет, но и тем данным, которыми располагают археология, этнография и историческая наука в целом», при этом ни слова не сказано о том, что это за данные. При всей осторожности формулировок Чемоданов принимает Марра почти целиком, включая четыре элемента, которым лишь предположено не придавать слишком много значения. Отвергнуты, разумеется, утверждения о классах в первобытном обществе, уже давно никем не защищавшиеся. Дальнейшее развитие науки Чемоданов мыслил как наполнение конкретным материалом марровских концепций.

Следующим выступил Ф. П. Филин [П. 30.05.1950], выразивший солидарность со статьями И. И. Мещанинова и Н. С. Чемоданова. Он сосредоточился на борьбе со сравнительно-историческим методом и на брани по адресу А. С. Чикобава и Б. А. Серебренникова в связи с этой проблемой. Признавая, что компаративизм был когда-то прогрессивен, что соответствия, устанавливаемые в индоевропеистике, существуют, и допуская в отличие от Мещанинова отдельные случаи дробления языков, Филин тут же отвергает сравнительно-историческое языкознание как «антинаучное». Восходящие к Марру «аргументы» вроде того, что компаративистика базируется на извечной изолированности семей и в принципе якобы не может сравнивать семьи между собой, дополняются новыми в духе времени: «Формально-сравнительный метод сводит к нулю языковое творчество народа, его самобытность и предоставляет широкую возможность для всякого рода космополитических упражнений», поскольку будто бы для «индоевропейцев» вся лексика либо создана пранародом, либо заимствована (хотя ни один компаративист не отрицал других источников пополнения лексики: словообразования, словосложения и т. д.). Возвращается Филин и к идее Марра об отрицании заимствований, которую не разделял в докторской диссертации. Согласно Филину, большинство признаваемых наукой заимствований мнимы, а данная проблема — «широкое поле для всякого рода домыслов и политических спекуляций», например, признание любых германизмов в русском языке якобы равносильно идее о культурном превосходстве германцев перед славянами.

Статья построена на голом отрицании всего. Ничего взамен

даже на уровне туманных идей Мещанинова не предлагается. В отличие от Чемоданова Филин ни в чем не согласен со статьёй Чикобава, но ни один из приведенных последним конкретных примеров им не опровергнут.

Последней в этом ряду оказалась статья иркутского доцента (позднее — профессора) В. Д. Кудрявцева, автора учебников русского языка для бурятских школ [П. 13.06.1950], целиком посвященная классовости языка. Автор, как когда-то Филин и Кусикьян, откровенно отождествлял классовость языка с классовостью идеологии. Признавая, что в капиталистическом обществе у всех классов фонетика и грамматика едины, он выделял особые языки для каждого общественного класса, основываясь на различиях в семантике. После же революции в СССР качественно изменился и русский язык, который «очистился от словесного мусора, обогатился массой новых слов» и, главное, «стал идеологически иным». Значительная часть статьи посвящена не относящейся к предмету дискуссии проблеме языка советской художественной литературы.

Подводя итоги первого этапа дискуссии, нельзя не согласиться с автором написанной по горячим следам статьи в американском журнале «Language», который отметил, что выступления против Марра были убедительны, а сторонники Марра не смогли его защитить [Rubenstein, 1951, с. 285]. На вооружении антимарристов были два сильных средства: логика и анализ фактов. Мы уже отмечали выше, что последователи Марра, защищая его учение, избегали приводить конкретные примеры. Теперь впервые после смерти Марра фактическая сторона его работ стала предметом рассмотрения. И сразу выяснилось, что «король-то голый». Сторонники Марра, повторяя все те же декларации и дополняя их новыми, вроде обвинений компаративистов в «космополитизме», не могли ничего противопоставить конкретному анализу примеров Чикобава и других лингвистов. Мещанинов этот анализ проигнорировал, Филин огульно отверг, Чемоданов даже в чем-то согласился с конкретными примерами Чикобава, но не признал их определяющими. Но никто не смог сказать ничего реального.

Однако в условиях того времени сила аргументов сама по себе ничего не значила. Исход дискуссии она решить не могла. Более месяца результат дискуссии был неизвестен для ее участников. В связи с этим «аракчеевщина» несколько поутихла, ждали развязки. Приказ об увольнении П. С. Кузнецова лежал без движения до прояснения ситуации. Тем не менее отдельные наскоки на лингвистов появлялись. Последней жертвой все той же газеты «Культура и жизнь» в области языкознания стал С. И. Ожегов. Его известный «Толковый словарь русского языка», тогда только что вышедший первым изданием, подвергся разному за «низкопоклонство»: «Уже несколько лет слово *лозунг* заменено в нашем языке хорошим русским словом *призыв*. В словаре имеется только первое слово, а второго нет» [КИЖ,

11.06.1950]. Автор рецензии, неизвестный нам Н. Родионов, очевидно, искренне думал, что в языке можно в такой-то год и день заменить одно слово другим. Он требовал исключить из словаря иностранные слова, которые можно заменить русскими, в их числе фигурирует, например, *бекар*. Ожегов обвинялся и в том, что в толковании слова *коммунизм* не было сказано о социализме как первой его стадии.

Но скоро стало не до словаря С. И. Ожегова. Все в советском языкознании переменялось очень круто.

Наступил седьмой вторник дискуссии — 20 июня 1950 г. На тех же страницах, тем же шрифтом и в том же полиграфическом оформлении были отпечатаны еще две статьи. Одна из них принадлежала русисту П. Я. Черных, имя другого автора заставило всех читателей вздрогнуть. Это был И. В. Сталин.

Прежде чем рассмотреть его статью, следует попытаться ответить на закономерный вопрос: почему Сталин выступил по вопросам языкознания? Существует ряд версий, письменных [L'Hermitte, 1987, 73—75; Горбаневский, 1988] и устных. Много из того, что произошло, мы, конечно, никогда теперь уже не узнаем и потому можно лишь строить более или менее правдоподобные гипотезы.

Не до конца ясны и фактические обстоятельства дела. Нет сомнений, что Сталин сам не мог обратить внимание на слишком частную область — языкознание. Кто-то должен был заинтересовать его этими проблемами. Здесь все существующие версии едины: решающую роль сыграл А. С. Чикобава, писавший Сталину о положении дел в советском языкознании.

Много лет спустя сам Чикобава подтвердил это в воспоминаниях, опубликованных в год его смерти под названием «Кто и как это было» [Чикобава, 1985]. Однако не по своей инициативе Чикобава написал свое письмо. Как вспоминает он сам, текст письма был составлен по предложению тогдашнего первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани, через которого затем переслан Сталину [Чикобава, 1985, с. 9]. О причинах такого предложения Чикобава не сообщает. Может быть, инициатором был и сам К. Н. Чарквиани, который постоянно поддерживал Чикобаву. Но есть версия и о том, что он лишь выполнял приказ Сталина, который уже был осведомлен о ситуации; при этом называют имена грузинских историков С. Н. Джанашиа и Н. А. Бердзенишвили, которые во время их приема Сталиным порекомендовали ему Чикобаву. Однако такой прием мог произойти не позже 1947 г., так как в конце этого года С. Н. Джанашиа умер, а травля Чикобавы началась позже.

Письмо, содержащее резкую критику марризма и состояния советского языкознания, было, по свидетельству его автора, написано в апреле 1949 г. [Чикобава, 1985, с. 11]. После этого около года о результатах ничего не было известно, а «аракчевщина» шла своим ходом. Однако Чикобава, вероятно, наде-

ялся на успех, чем объясняется его смелое поведение на сессии памяти Марра. В начале апреля 1950 г. Чикобава передали, что он должен ехать в Москву. Вечером 10 апреля он был принят вместе с Чарквани и еще тремя грузинскими руководителями на даче Сталина. Официальным поводом было представление Сталину только что вышедшего первого тома толкового грузинского словаря, но речь зашла и о письме Чикобавы, которое Сталин уже прочел. Чикобава было поручено написать статью для «Правды», по поводу которой Сталин сказал: «Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем» [Чикобава, 1985, с. 11]. Чикобава остался в Москве для написания статьи и еще дважды был на даче Сталина, который читал варианты текста Чикобавы и делал замечания [Чикобава, 1985, с. 11—12]. Мы не знаем, что это были за замечания, но очевидно, что Сталин не сделал никаких замечаний по вопросу о надстроечном характере языка, где точка зрения Чикобавы была противоположна тому, что собирался высказать сам Сталин. Вероятно, это нужно было Сталину для того, чтобы Чикобава в дальнейшем не мог бы считать себя источником сталинских идей. Одновременно Чикобава давал Сталину консультации по различным проблемам языкознания и подсказывал нужную литературу. При первой же встрече по просьбе Чикобавы Сталин распорядился восстановить на работе Р. С. Ачаряна и Г. А. Капанцяна [Чикобава, 1985, с. 13—14]. Так готовилась дискуссия в «Правде», о чем марристы не подозревали⁷.

А. С. Чикобава был сложным человеком, не всегда, особенно в последующие годы, он во всем оставался на высоте как человек и ученый. Но «надо отдать должное и научному мужеству А. С. Чикобавы, который в разговоре со Сталиным, вступая в противоречие с господствующей в языкознании доктриной, претендующей на положение марксистского учения, дал резко критическую оценку „нового учения о языке“. По-видимому, высказывания А. С. Чикобавы были достаточно убедительны и, помимо всего прочего, давали возможность, не обладая специальными знаниями и руководствуясь простым здравым смыслом, разобраться в трудмагической мифологии Н. Я. Марра и предложить заняться науке о языке подобающим ей делом» [Звегинцев, 1989, с. 18].

Естественное для наших дней осуждение личности и поступков Сталина нередко ведет к упрощенным оценкам, когда абсолютизируется «его доверие к людям типа Лысенко, воинственным антиинтеллигентам, к мелким научным авантюристам типа Бошьяна, Лепешинской, его подозрительность и недоверие к ученым со своим мнением, с ощущением неколебимого профессионализма и нравственной силы, не гнушейся ли под ка-

⁷ Воспоминания Чикобавы написаны им в глубокой старости и в ряде мест вызывают сомнения, например, он утверждает, что Сталин в разговоре с ним в 1950 г. ругал Лысенко и сопоставлял его идеи с марровскими [Чикобава, 1985, с. 13].

ким давлением и напором» [Амлинский, 1988, с. 56]. Да, было такое. Ненормальным было само положение, когда один человек, не закончивший даже семинарии, решал судьбы любой науки. Но конкретный результат его вмешательства в языкознание стал иным, чем в биологии. Доверие было выражено Чикобаве, которого за его многолетнюю деятельность можно упрекать скорее в нетерпимости к чужому мнению, чем в отсутствии своего. И, может быть, в чем-то прав далекий от симпатий к Сталину французский советолог Р. Лермит, который в завершение списка гипотез о возможных причинах вмешательства вождя, среди которых есть и правдоподобные, и маловероятные вроде переноса на ленинградца Марра нелюбви Сталина к Ленинграду, высказывает и такую: «А может быть, это просто была реакция здравого смысла?» [L'Hermitte, 1987, с. 75]; ср. характеристику другого французского автора: выступление Сталина — «простое возвращение на позиции здравого смысла» [Moupin 1972, с. 240].

Но, конечно, если это считать причиной, то лишь дополнительной. Вряд ли прав и Н. С. Хрущев, считавший, что Сталин инизался в дискуссию, которая «ему не нужна была», лишь под влиянием «грузина, ученого», не раз у него обедавшего [Ог. 1989, № 37, с. 27]. Хрущев, даже не запомнивший фамилию Чикобавы, явно оценил интерес Сталина к языкознанию просто как блажь. Но надо думать, что этот интерес имел важные для Сталина основания. Может быть, какой-то ключ к их пониманию дает он сам в начале статьи. Говоря о том, что к нему «обратилась группа товарищей из молодежи» (видимо, мифическая), он заявил: «Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение». Уже двенадцать лет, после выхода «Краткого курса», Сталин не подтверждал свою репутацию теоретика. Письмо же Чикобавы натолкнуло его на такую возможность. К тому же вопросы языкознания имели связь с национальными проблемами, которыми Сталин занимался. Гипотеза о желании Сталина «внести свой блистающий вклад в какую-нибудь еще из наук» как о главной причине его выступления известна благодаря роману А. И. Солженицына «В круге первом» [Солженицын, 1990, с. 10] (см. также [Горбаневский, 1988]). Соглашаясь с такой вероятностью, все же надо сказать, что фактическая сторона событий в романе очень неочна.

Но могли быть и иные мотивы. Космические идеи Марра, его национальный нигилизм, пренебрежение к русской науке не соответствовали идеологической линии Сталина военных и послевоенных лет, что справедливо отмечает Р. Лермит [L'Hermitte, 1987, с. 74]. Вряд ли Сталин раньше знал суть «учения» Марра, но когда она стала ему известна от Чикобавы, несоответствие было сразу замечено. Обратил внимание Сталин и на

сходство марризма с другими левацкими теориями, уже им разгромленными. Он упомянул «Пролеткульт» и РАПП, мог он вспомнить и поддерживавшего Марра М. Н. Покровского. А может быть, ему было известно и мнение Н. И. Бухарина по вопросам надстроечности и классовости языка, противоположное его собственному, хотя в 1950 г. ни у Сталина, ни у его истолкователей это имя нигде не фигурирует.

Могли ли быть и чисто личные причины? Чикобава пишет, что, по его впечатлению, Сталин и раньше не относился к Марру положительно [Чикобава, 1985, с. 12]. Но об этом мы ничего не знаем. В то же время, как рассказывает А. В. Десницкая, вскоре после войны Сталин в беседе с Энвером Ходжей назвал Марра великим ученым. Может быть, малый культ Марра он считал мешающим его собственному большому культу? Но не мешал же ему культ И. П. Павлова, под знаком которого в те же дни проходила «дискуссия» по физиологии. Все же предыдущие награды и знаки внимания, оказывавшиеся Марру и Мещанинову безусловно с санкции Сталина, показали, что тот вполне удовлетворялся официальным положением дел в языкознании, хотя до конца 40-х годов вряд ли вникал в детали. Двадцатилетнее господство «нового учения о языке» соответствовало тому, что происходило в других науках под сталинским руководством⁸.

Тем не менее теперь Сталин считал нужным осудить то, чему сам долгие годы способствовал, хотя бы косвенно. 20 июня 1950 г. марровский миф был в одночасье развеян. Целью вождя, скорее всего, не было оздоровление ситуации в советском языкознании, но объективно это произошло: одним махом были разрешены проблемы, которые иначе бы решались с большим трудом еще долгие годы.

Сама работа Сталина, состоящая из упомянутой статьи и дополняющих ее четырех ответов на письма читателей [П. 04.07.1950; П. 02.08.1950], мало анализировалась у нас всерьез. Сначала ее считали «гениальной» и воспринимали как директиву, а с 1954—1955 гг. ее попросту перестали упоминать; отметим лишь один ее достаточно подробный разбор [см. Виноградов, 1964] и краткие, но четкие оценки в статьях П. С. Кузнецова и В. А. Звегинцева [Кузнецов, 1966; Звегинцев, 1989]; из зарубежных работ наиболее обстоятельный ее анализ см. [Marcellesi, Gardin, 1974, с. 71—78]. Лингвисты среднего и младшего поколений знают о ней обычно понаслышке, хотя ученые постарше и сейчас могут воспроизводить ее почти наизусть.

⁸ Заметим, что люди, больше всех способствовавшие восхождению Марра,— М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, В. М. Фриче — не относились к окружению Сталина. Всем троим посчастливилось умереть до 1937 г., но посмертно они были в той или иной степени низвергнуты с пьедестала, на котором они стояли в общественном мнении. Марризм же был в чести гораздо дольше.

Бытует версия о том, что реальным автором работы был А. С. Чикобава. Однако опубликованный [Чикобава, 1985, с. 14—23] текст письма Чикобавы вождю совсем не похож на сталинскую работу. Все интересы Чикобавы лежали в области лингвистики. Сталин же основной акцент сделал на вопросах марксистской теории; к тому же Сталин иначе, чем Чикобава в письме и статье, решал вопрос об отношении языка к надстройке. Несомненен и характерный стиль Сталина. Известно и то, что он и до вызова к себе Чикобавы занимался языкознанием: по воспоминаниям Н. Т. Федоренко, Сталин беседовал о языке и мышлении во время переговоров с Мао Цзэдуном, т. е. в декабре 1949 — феврале 1950 г. [П. 23.10.1988].

Видимо, прав В. А. Звегинцев, опиравшийся на рассказы Чикобавы: «Сталин сам писал свою работу, эпизодически обращаясь к консультациям А. С. Чикобавы и внося в нее все новые и новые коррективы по мере развертывания дискуссии. Он ознакомился и со специальной литературой, отдавая предпочтение при этом книге Д. Н. Кудрявского „Введение в языкознание“» [Звегинцев, 1989, с. 19]. Эта книга [Кудрявский, 1912] могла нравиться Сталину и из-за близости автора к революционному движению, что когда-то ценили в Кудрявском языкофронтовцы. У Сталина нет явных текстуальных совпадений с Кудрявским, но можно отметить такие формулировки, как «слово закрепляет мысль» [Кудрявский, 1912, с. 7], «язык — орудие мысли» [Кудрявский, 1912, с. 8], «язык народа» [Кудрявский, 1912, с. 12], тезис о мышлении лишь в языковой форме [Кудрявский, 1912, с. 22], похожую трактовку языка жестов [Кудрявский, 1912, с. 17—18]. Называют еще изданное ЦК пособие для газетных работников [Яковлев и др., 1941]: ср. формулировку «язык — орудие развития и борьбы» на с. 14 и определение языка у Сталина как «орудия борьбы и развития общества», а также рассказ К. И. Былинского о «словах основного фонда» на с. 147 и сталинский тезис об «основном словарном фонде». Проявляется и влияние формулировок из дискуссионных материалов: оценка элементного анализа как «гадания на кофейной гуще» явно навеяна выражением Б. А. Серебрянникова «гадание на картах».

Статья Сталина в дискуссии дана в форме ответов на четыре вопроса «группы товарищей из молодежи». Два первых касались скорее философских, чем лингвистических, проблем. Впрочем, существенно влиявших на развитие языкознания: Сталин опровергал тезисы Марра о языке как надстройке и о классовости языка. Именно эти вопросы были выдвинуты на первый план, поскольку как раз здесь Сталин мог выступить как теоретик марксизма. При этом по вопросу о неклассовости языка выдвигалась в основном лингвистическая аргументация: вводились понятия основного словарного фонда и грамматического строя, присущих всем классам общества и сохраняющихся при смене формаций. Так, в русском языке после революции

ни грамматический строй, ни основной словарный фонд не изменились. Тем самым сразу снималось терзавшее много лет советских лингвистов противоречие между фактами и директивными установками, требовавшими во что бы то ни стало искать черты какого-то нового русского языка, возникшего после революции. Уже в этой части статьи Сталин подвергает резкой критике ряд участников дискуссии, особенно не названного по имени Н. С. Чемоданова (вообще в статье поименно упоминаются из лингвистов лишь Марр и Мещанинов), чье желание спрятаться за цитаты вызвало его особый гнев. Признание классовой природы языка рассматривается как «примитивно-анархистский взгляд на общество», а его защитники сопоставляются с бундовцами.

Третий вопрос был посвящен уже чисто лингвистической проблеме развития и взаимодействия языков. Сталин, приняв марровский термин «скрещение», по сути, отверг его содержание, вернувшись к обычным трактовкам, сформулированным еще младограмматиками. Согласно Сталину, при скрещении языков не происходит ни революционного взрыва, ни образования третьего языка: побеждает один из языков, остающийся самим собой, но включающий в себя некоторые элементы другого. При иной терминологии здесь мы имеем ту же концепцию субстрата, о которой шла речь еще в первой главе книги. О родстве языков здесь прямо не сказано, но ясно, что такая точка зрения органически связана с признанием языкового родства.

Последняя тема прямо касалась ситуации в языкознании. На риторический вопрос: «Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?» последовал ответ: «Правильно поступила» (что можно было сказать еще, если этот поступок совершил сам Сталин?). Далее следовал пассаж, явно навеянный письмом А. С. Чикобава: «Дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки так называемого „нового учения“ в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания (видимо, намек на дело Р. А. Ачаряна и Г. А. Капанцяна. — В. А.). Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра. Общеизвестно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общеизвестное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогре-

ных руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать... Аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства». Справедливые и хорошие слова. Но только нельзя забывать, что подобная атмосфера была создана во всей советской науке под верховным руководством их автора.

По мнению Сталина, такой режим в языкознании можно было бы характеризовать как вредительство, но он «убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания». Эти несколько слов значили очень много. Они сохранили жизнь и свободу Мещанинову и другим последователям Марра.

Заявление Сталина об атмосфере в науке, возможно, свидетельствует и еще об одной причине вмешательства Сталина. Не исключено, что после четырех лет идеологического «закручивания гаек» Сталин решил, что пора давать отбой, наказав (по меркам того времени не очень сильно) в виде примера тех, кто со слишком большим рвением выполнял его директивы. Во всяком случае, проходившие тем же летом 1950 г. «дискуссия» по физиологии и проработочная кампания в связи с оценками движения Шамяля были последними мероприятиями, потом наступил довольно заметный перерыв. В течение примерно двух лет на научном и культурном фронте было относительно спокойно. Даже газета «Культура и жизнь» в феврале 1951 г. перестала выходить. Новое резкое похолодание начнется в последние месяцы жизни Сталина и оборвется с его смертью.

Но вернемся к статье Сталина. После характеристики ситуации в языкознании он переходил к общей оценке Марра как немарксиста, которую мы уже приводили. За ней шли два высказывания, сыгравшие большую роль в дальнейшем развитии советского языкознания. Было сказано: «Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра». Это означало реабилитацию домарровской, прежде всего русской дореволюционной лингвистики. Второе высказывание касалось сравнительно-исторического метода, который был охарактеризован осторожно, но в целом положительно: этот метод, по словам Сталина, при серьезных недостатках (каких — указано не было) «толкает к работе, к изучению языков», тогда как на основе «нового учения о языке» можно лишь «лежать на печке и гадать на кофейной гуще» по поводу четырех элементов. Осторожно было сказано и о родстве языков: не поддерживалась теория праязыка, но родство, например, славянских языков признавалось не подлежащим сомнению. Это означало, что с компаративистики снимались многолетние проклятия и обвинения в расизме.

За первой публикацией последовали четыре ответа Сталина на письма: Е. Крашенинниковой [П.04.07.1950], Г. Д. Санжееву,

А. Холопову, А. Белкину и С. Фуреру [П.02.08.1950]. Из адресатов лишь Г. Д. Санжеев был известным лингвистом, остальные имена мало что говорили. Отбор писем для ответа явно осуществлял сам Сталин. Наиболее интересные ответы Крашенинниковой и Санжееву, дополняющие основную статью. В ответе на первое письмо дана более развернутая характеристика Марра, в отличие от первой публикации Сталина признано (вероятно, со слов А. С. Чикобава), что у него есть и хорошие работы, «можно найти немало ценного и поучительного». По вопросу о термине «формализм» вполне справедливо сказано, что это лишь ярлык, применявшийся марристами по отношению к их противникам, и им не следует пользоваться. Не столь однозначно можно оценить его ответ на вопрос о роли семантики. Верно отметив, что Марр и марристы злоупотребляли ею, Сталин поставил под сомнение чисто семантические исследования, что имело отрицательные последствия.

В письме Г. Д. Санжеева содержался вопрос о соотношении литературных языков и диалектов и их развитии. Из статьи Сталина получалось, что после формирования литературного языка его дробление на языки уже невозможно. Однако современные монгольские языки, которыми занимался автор письма, отделились от общемонгольского позже формирования старомонгольского литературного языка. В ответе Сталин согласился с Санжеевым и, не признаваясь в ошибке, уточнил свою схему.

В ответе на письмо А. Белкину и С. Фуреру критиковались идеи Марра о кинетической речи. Наконец, ответ А. Холопову самый резкий. Его адресат осмелился найти очевидное противоречие между пониманием скрещения языков у Сталина в 1950 г. и его утверждением 1930 г. о том, что будущий язык «не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». Сталин обвинил его в «начетничестве и талмудизме» и непонимании того, что в коммунистическом обществе все будет не так, как до того. (Мы не знаем, какова была потом судьба Холопова).

Если критика Марра у Сталина была правильной, то его собственные положения «в общем не выходили за пределы традиционных представлений, накопленных в науке о языке» [Слюсарева, Страхова, 1976, с. 91]. «Материализмом» в языкознании было объявлено то, что раньше называли «буржуазной наукой» [Звегинцев, 1989, с. 20]. Традиционные идеи излагались бегло и упрощенно. Так, опровергая классовость языка, Сталин впал в противоположную крайность, сводя социальную вариативность языка лишь к «жаргонам» (об этом см. [Виноградов, 1964, с. 14]). Были и отдельные грубые ошибки, которых, впрочем, весьма эрудированный П. С. Кузнецов насчитал «лишь две, и то касающиеся некоторых частных вопросов» [Кузнецов, 1966, с. 68]. Одной из них было упоминание в ответе Санжееву о некоем «курско-орловском диалекте» как опор-

ном для русского литературного языка. Откуда он взялся, неясно.

Кое-что в статье Сталина не способствовало развитию науки: сохранение негативного отношения к понятию праязыка, скепсис по отношению к семантике. Указывалось на значение всего созданного до Марра, но не определялось отношение к лингвистике после Марра.

И все же не прав современный исследователь, утверждающий, будто «сталинское антимарровское языкознание состоит, главным образом, из перечисления ошибок Марра, при этом сообщается лишь, что то или иное его положение неправильно, а правильных положений взамен не приводится» [Леглер, 1990, с. 8]. Позитивная сторона работы Сталина была в том, что стало возможным возвращение к той лингвистике, которая существовала до победы «нового учения о языке». Были сняты, наконец, хотя и не полностью, запреты, установленные последователями марризма, прежде всего на изучение родственных связей языков.

Статья Сталина привлекла внимание зарубежной лингвистики, до того не слишком следившей за положением дел в советской науке. Несмотря на разгар «холодной войны» и неприязнь к Сталину, большинство специалистов оценили его статью положительно. Горячо одобрили ее ученые-коммунисты типа упоминавшегося М. Козна, для которых наконец была разрешена мучившая их дилемма между политическими симпатиями и научными взглядами [L'Hermitte, 1987, с. 88]. Но и далекий от политики патриарх французского языкознания Ж. Вандриес одобрительно отозвался о работе Сталина на заседании Парижского лингвистического общества [L'Hermitte, 1987, с. 80]. В журнале «Language» было сказано, что идеи Марра ничего не дали ни для теории, ни для практики, а Сталин окончательно развеял сомнения на этот счет [Rubenstein, 1951, с. 285], что идеи Сталина тепло приняты ведущими советскими лингвистами [Rubenstein, 1951, с. 287]. В редакционном предисловии, однако, говорится, что, хотя в советской лингвистике сделан шаг в правильном, с точки зрения европейских лингвистов, направлении, это еще не шаг от тьмы к свету, поскольку идеи Сталина независимо от их содержания — догма, провозглашенная официальным актом [Rubenstein, 1951, с. 282]. Положительное значение работ Сталина для развития советского языкознания отмечалось на Западе и позже [STIL, с. 96].

Откликнулись на работу Сталина и в Японии, где она была немедленно переведена, а с комментарием выступил именитый лингвист Токиэда Мотоки. Признавая, что ничего более о советской лингвистике ему не известно, он выразил удовлетворение тем, что руководитель государства выступает по вопросам языковой политики [Токиэда, 1976, с. 219]. Работа, однако, не удовлетворила его тем, что концепция единого национального языка не учитывает его социальное варьирование и не рассмот-

рен вопрос о соотношении языка и культуры [Токиэда, 1976, с. 228—229].

Наконец, приведем более поздний отзыв о работе Сталина, принадлежащий знаменитому американскому лингвисту и социологу Н. Хомскому (Чомскому): «Я читал эссе Сталина, когда оно появилось, и нашел его совершенно разумным, но полностью лишенным объяснительной силы» (письмо японскому лингвисту Окубо Тадатоси 24 февраля 1969, цит. по [Г, 1978, № 9, 77]).

Глава седьмая

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

В. В. Виноградов справедливо заметил, что «сама по себе дискуссия... многого не решила бы» без статьи И. В. Сталина [Виноградов, 1950б, с. 47]. Теперь гордиев узел советского языкознания был разрублен мечом. Спорить стало не о чем.

Тем не менее, поскольку Сталин заявил в своей статье «В каком направлении будут решены вопросы языкознания — это станет ясно в конце дискуссии», потерявшую смысл дискуссию продолжали. Рядом со статьей Сталина появилась статья П. Я. Черных, неделей позже выступили Г. С. Ахвледiani и П. П. Ломтев [П.27.06.1950]. Две первые статьи были направлены против марризма и в защиту компаративистики, а Ахвледiani, единственный в дискуссии, защищал самый одиозный для марристов термин «праязык», от которого откrestился и Сталин¹. Статья же Т. П. Ломтева очень противоречива. Рассказывают, что она была первоначально написана в духе тогдашней позиции автора в защиту Н. Я. Марра, но после статьи Сталина в нее удалось внести некоторые поправки. Славословия вождю и пересказ его положений о надстройке и национальных языках сочетаются с рассуждениями об «ограниченности» сравнительно-исторического метода, мешающего сопоставлять слова неродственных языков. По мнению Ломтева, славянского праязыка не было, а есть лишь общий источник для тех или иных слов, причем нет принципиальной разницы между тем, что слово *рука* и слово *диктатура* в русском языке имеют параллели в других славянских языках. Ругая марризм, Ломтев больше всего боялся возврата к «буржуазному» индоевропеизму.

Но пора было подводить черту. Трудно согласиться с позднейшим высказыванием о том, что дискуссия была внезапно оборвана [Виноградов, 1964, с. 9]. В последний ее день — 4 июля — лингвистические страницы «Правды» состояли лишь из ответа Сталина Е. Крашенинниковой и более десятка откликов на его статью. Немарристы радовались, марристы во

¹ Однако вскоре Г. С. Ахвледiani с высокой трибуны был назван марристом и поставлен, вероятно по ошибке, в один ряд с Н. Ф. Яковлевым и Н. С. Чемодановым [Самарин, 1950, с. 24].

главе с И. И. Мещаниновым каялись. Один из последних, А. С. Гарибян, заявил, что он начал готовить лингвистическую работу по своей специальности «на основе гениальных положений товарища Сталина» (за две недели!).

Хотя внешне выступления Сталина подавались в «Правде» вполне демократично, они, разумеется, были немедленно объявлены «гениальными» и «классическими». Их передавали по радио, немедленно издали миллионными тиражами, везде шли собрания с их прославлением. Как с радостью замечали лингвисты, «впервые теоретические проблемы языкознания дошли до миллионов», «И. В. Сталин поднял значение языкознания на небывалую высоту» [Чикобава, 1950б].

Отклики миллионов на события в лингвистической науке не могли не быть своеобразными. Писатель Ф. А. Абрамов такую, например, сцену, возможно, списанную с натуры, ввел в свой роман «Братья и сестры» (Л., 1984, с. 12).

«— Иван Дмитриевич, а чего это, говорят, у нас опять вредители завелись?

— Какие вредители?

— Академики какие-то. Русский язык, говорят, вроде хотели изничтожить...

— Язык? — страшно удивился Аркадий Яковлев. — Это как язык?

— Да, да, — живо подтвердил Игнатий Баев, — я тоже слышал. Сам Иосиф Виссарионович, говорят, им мозги вправлял. В газете „Правда“.

— Ну вот, — вздохнул старый караульщик, — заживем. В прошлом году какие-то космолиты заграничным капиталистам продали, в этом году — академики... Я не знаю, куда у нас и смотрят-то. Как их, сволочей, извести-то не могут...

— А ты думаешь, всякие черчиллы зря хлеб жуют?»

Пинежским колхозникам невдомек, что на этот раз ярлык «вредитель» не был пущен в ход. Они почувствовали лишь одно: шла очередная кампания, которая должна поддерживать народ в напряжении. Борьба с марризмом воспринималась в одном ряду с борьбой с космополитизмом, хотя конкретное содержание здесь было иным и охотники за «космополитами» в языкознании теперь уже признавали свои ошибки.

Интеллигенция восприняла статью Сталина иначе. В многочисленных печатных откликах на нее сквозь казенные стереотипные фразы пробивается неподдельная радость. Во-первых, улучшалась обстановка в языкознании и в других науках, где ранее сказывалось влияние Марра, был осужден столь тяжелый для ученых «аракчеевский режим». Во-вторых, отказ от ненаучных, вульгарно-социологических идей в языкознании, да еще проведенный в мнимодемократической форме дискуссии, порождал надежды на общее изменение идеологического климата. Слова Сталина о борьбе мнений и свободе критики хотелось воспринимать всерьез. Время показало иллюзорность та-

ких надежд, хотя, как мы уже отмечали, на некоторое время обстановка в науке стала немного спокойнее.

Летом и осенью 1950 г. безусловно искреннее ликование охватило многих языковедов, как противников марризма, так и тех, кто раньше словесно его признавал. С откликами выступили многие, включая тех, кто раньше предпочитал молчать. Старейший филолог-классик, 86-летний С. И. Соболевский, чье имя раньше не фигурировало ни в каких дискуссиях и обсуждениях, писал про четыре элемента: «Без всякого преувеличения можно сказать, что, если бы языкознание приняло за основание учение Марра об этих элементах, оно прекратило бы свое существование как наука, а обратилось бы в шарлатанство. Во всякой науке должны быть свои законы и правила; а при учении об этих элементах никаких законов и правил быть не может; можно найти родство между любыми словами любых языков. Языкознание вернулось бы к тому положению (или к еще более худшему), в котором оно было в древности у греков и римлян и потом до самого XIX в.» [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 77]. Видно, с какой радостью старый ученый мог наконец высказать то, что всегда думал. Другой филолог-классик, академик И. И. Толстой, писал об «отрезвляющем голосе разума» [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 62—63]. В. Ф. Шишмарев, которого наконец перестали прорабатывать, писал: «Около половины 20-х гг. на наше языкознание спустился туман палеонтологии» и назвал Марра «талантливым, но одержимым чародеем» [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 67]. Вряд ли эти ученые дореволюционной школы так уж любили Сталина, но сейчас на их улице был праздник, они могли высказываться в полный голос.

Все ученые-немарристы, преследовавшиеся в 1948—1950 гг., получили возможность нормально работать, уволенные были возвращены на прежние места или получили новые назначения (В. В. Виноградов в знак полной реабилитации был восстановлен в должности декана, но через несколько дней ушел с нее с повышением). Однако гонения одних теперь сменились гонениями других, прежде всего тех, кто перед этим увлекался проработочными кампаниями. При этом не всегда наказание было адекватно мере вины.

Президиум Академии наук СССР быстро принял меры, даже не дожидаясь официального завершения дискуссии. За три дня до него, 1 июля 1950 г. по докладу того же А. В. Топчиева, ранее активно помогавшего марристам, было принято постановление, где было сказано: «На ответственные посты назначались научные работники не по деловому признаку, а по фракционно-групповому, при этом выдвигались работники, малоценные в научном отношении» [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 80]. Этим же постановлением отменялись предыдущие постановления «аракчеевского» периода. Главными виновниками были названы И. И. Мещанинов, Г. П. Сердюченко и Ф. П. Филин, все трое были сняты с административных постов. Институт языка и

мышления и Институт русского языка были объединены в единый Институт языкознания с центром в Москве (в это время шел общий процесс перемещения академических институтов в Москву), директором которого стал В. В. Виноградов, вскоре сменивший Мещанинова и в качестве академика-секретаря, сохранив заведование кафедрой в МГУ.

В следующем постановлении Президиума АН СССР от 26 июля 1950 г. уточнялись структура и кадровый состав Института языкознания. Институт пополнился лингвистами, далекими от марризма, в том числе заместителями директора стали не работавшие в нем ранее Б. А. Серебренников и С. Д. Никифоров (во главе ленинградской части института встал С. Г. Бархударов). Из ученого совета вывели Сердюченко и Филиппа, но Мещанинов остался в его составе и получил заведование сектором языков народов Севера и финно-угорских языков. Пересматривались планы института, прекращена была подготовка к изданию трудов Марра, изъят уже находившийся в печати двенадцатый том сборника «Язык и мышление». Эти неперIODические сборники перестали издаваться, но вместо них было решено создать регулярный журнал «Вопросы языкознания» (Виноградов стал и его главным редактором), первый номер которого вышел в начале 1952 г. Вновь сменился состав редколлегии ИЛЯ, редактором был назначен П. Я. Черных.

В редакционной статье «Известий АН СССР» серии литературы и языка, последовавшей за выступлениями Сталина, основная вина за «аракчеевский режим» была возложена на ту же троицу, вслед за которой в обойму критикуемых вошли Н. С. Чемоданов, М. М. Гухман, Н. П. Гринкова, С. Д. Кацнельсон, М. Д. Мальцев, Е. Н. Петрова [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 33]. Затем к ним добавились Н. Ф. Яковлев, названный А. С. Чикобавой «примерным аракчеевцем» [ИЛЯ, 1950, № 2, с. 95], Л. И. Жирков, О. П. Суник, И. И. Цукерман и некоторые другие. Все они по обыкновению тех лет долго не могли печатать ничего, кроме признаний своих ошибок, которые им приходилось повторять по нескольку раз (в 1951 и 1952 гг. прошли новые проработочные кампании). Впрочем, Г. П. Сердюченко единственный из всех «ни разу и нигде не выступил с критикой своих работ и осуждением аракчеевщины» [ИЛЯ, 1951, № 6, с. 605]. И. И. Мещанинов же поначалу пытался защититься своим авторитетом: «В... грубых ошибках тонут положительные стороны нашей работы, направленной на углубленное изучение словарного состава и грамматического строя языков нашей многонациональной родины» [П. 04.07.1950]. Но скоро ему пришлось заявить, что в книге «Члены предложения и части речи» он «не отошел от установок Марра», что вся она «дефектна» и «оказала вредное влияние на преподавательскую и исследовательскую работу и совершенно не отвечает теоретическим положениям учения И. В. Сталина о языке» [ВЯ, 1952,

№ 1, с. 177]. Пониженный сначала до заведования сектором, в конце 1951 г. Мещанинов потерял и эту должность. Он остался в институте, сохранил пожизненные звания Героя Социалистического Труда и академика, но, еще недавно бывший непререкаемым авторитетом, теперь оказался один. Он с горечью сравнивал свое положение с судьбой испытывавшего подобное крушение академика Л. А. Орбели: «Леон Абгарович потерял все, но сохранил несколько верных ему учеников. А у меня не осталось никого».

Никто не был арестован: помнили слова Сталина. Главным «аракчеевцам» Г. П. Сердюченко и Ф. П. Филину пришлось на время забыть о карьере. Первые годы запрещалось ссылаться на Филина и использовать примеры из его работ (об этом свидетельствует письмо Е. М. Колпакчи Н. А. Сыромятникову 1951 г. из архива автора). Через два года после разгрома марризма Филин вместе с А. В. Десницкой подвергся новой и еще более жесткой проработке: говорят, что в последние месяцы жизни Сталина каждую ночь Филин ожидал ареста. Но с середины 50-х годов его карьера, как и карьера Сердюченко, активно пошла вверх.

Другим приходилось еще хуже. После реорганизации Института языка и мышления из него было уволено больше десятка человек. Среди них оказались С. Д. Кацнельсон, И. И. Цукерман, Г. Ф. Турчанинов, М. Д. Мальцев, которому дорого обошлось грубое высказывание о Виноградове. С. Д. Кацнельсону и И. И. Цукерману пришлось на несколько лет уехать из Ленинграда: одному в Иваново, другому в Вильнюс. Докторская диссертация М. М. Гухман, защищенная незадолго до дискуссии, не была утверждена, и ее пришлось писать заново. Даже независимый с 30-х годов от марризма А. А. Холодович понижался, правда, ненадолго в звании с профессора до доцента.

Самой трагической была судьба Н. Ф. Яковлева, пожалуй, крупнейшего лингвиста среди подвергшихся критике. Сразу после статьи Сталина он, не дожидаясь проработок, покался во всех марристских публикациях, заявив: «Я считаю, что всем, кто, подобно нам, жестоко ошибался в отношении „марксизма“ Н. Я. Марра, теперь уместно вспомнить старую латинскую поговорку: „всякому человеку свойственно ошибаться, но только глупому — упорствовать в своей ошибке“. На ошибках учатся. Свои ошибки я намерен честно исправить в дальнейшей работе» [П. 4.07.1950]. Но исправить ошибки ему уже не было дано. Началась справедливая и несправедливая критика. В чем-то ей помогал сам Яковлев. Он, например, пытался переработать брошюру о происхождении языка, которая в новых условиях была негодна в принципе. Последний из прочитанных им курсов в Московском институте востоковедения (1950/1951 уч. год) показывает, что он так до конца и не мог уже согласиться с принципами сравнительно-исторического языкознания.

Однако в любом случае отношение к крупному ученому нельзя назвать безжалостным. Судя по всему, оно было инспирировано сверху. Первоначально Яковлев остался в реорганизованном институте на прежней должности. Но скоро он перестал заведовать сектором кавказских языков, затем был обвинен в невыполнении плана. Рукопись уже давно готовой абхазской грамматики Яковлев не смог в нужный момент представить из-за пропажи всех ее экземпляров. Здесь снова в его жизни не лучшую роль сыграл Г. П. Сердюченко, которому ранее Яковлев передал один экземпляр. В письме в дирекцию института Сердюченко заявил, что ничего не получал, а Яковлев, «видимо, рукопись потерял или забыл, как терял книги и рукописи, свои и чужие, уже не раз». Потом Сердюченко все же вернул рукопись, заявив, что нашел ее у товарища. Но Яковлева это уже не спасло, обвинение в невыполнении плана было лишь предлогом. В августе 1951 г. «за систематическое невыполнение научно-исследовательского плана и за упорное нежелание включиться в коллективную работу Института языкознания АН СССР по перестройке работы в области языкознания» он был уволен из института. В том же году его отстранили и от преподавания в Московском институте востоковедения. Яковлев обратился в суд, заявив: «В настоящее время ввиду моего увольнения без законных оснований я лишен средств к существованию, хотя мои работы по изучению языков Северного Кавказа показали, что правильно организованная на основе сталинского учения о языке работа может иметь народнохозяйственное значение». Однако в ноябре 1951 г. вопрос был окончательно решен не в его пользу (переписка и документы об увольнении Яковлева предоставлены автору Л. Р. Концевичем). Вскоре Яковлев заболел, и хотя прожил еще долго (умер в конце 1974 г.), уже никогда не смог вернуться к работе (опубликованная в 1960 г. его чеченская грамматика была написана много раньше).

Жестокое отношение к выдающемуся ученому, пусть не во всем оказавшемуся на высоте в мрачные годы, было одним из худших эпизодов борьбы с последствиями «нового учения о языке». Нельзя одобрить и новый этап навешивания политических ярлыков, часто тех же, что и раньше, но с иным адресом. Не все лингвисты любили этим заниматься, но многие, начиная с самого В. В. Виноградова, использовали бранные эпитеты очень охотно. Особенно массовым было обвинение Марра в космополитизме. Конечно, если отвлечься от коннотаций, вызывавшихся этим словом в те годы, как раз Марру и был свойствен космополитизм, но здесь речь шла о том, чтобы задеть побольше Марра или Мещанинова: к космополитизму относили единство глоттогонического процесса [Виноградов, 1951] слова о единстве мировой хозяйственной системы [Пр, т. 1, с. 189], отрицание национальной самобытности языков [Пр, т. 1, с. 78], понятийные категории Мещанинова [ВЯ, 1952, № 1,

с. 173], а то и все учение Марра [Виноградов, 1950 б, с. 38]. Из-за теплого приема, оказанного Марру в Турции в 1933 г., он был назван и пантюркистом [ВЯ, 1952, № 1, с. 20], в чем Марр уж никак не был виноват: он, наоборот, считал сходство тюркских языков преувеличенным. Не упускали случая и сопоставить Марра с К. Каутским [Пр, т. 2, с. 295], с которым когда-то сравнивали «индоевропейцев». Приходилось Марру отвечать и за чужие грехи. Все тот же тезис о совершенстве строя аналитических языков П. Я. Черных обнаружил в давней работе Мещанинова [П.20.06.1950], после чего Виноградов приписал его и Марру [Виноградов, 1950б, с. 39], хотя в марровской концепции стадильности говорилось как раз обратное. Марру приписали и концепцию понятийных категорий, им не разрабатывавшуюся [Виноградов, 1950а, с. 39]. Вообще сходство между учением Марра и идеями Мещанинова и других его последователей 40-х годов в это время на основе слов Сталина искусственно преувеличивалось.

Другой печальной чертой эпохи были неизбежные в каждой работе восхваления Сталина (до 1950 г. в лингвистических книгах и статьях это имя упоминалось намного реже, явно уступая по частотности имени Марра). Самым общим и банальным его высказываниям приписывались чудодейственные свойства: «Сущность категории артикля стала мне действительно ясной только в свете учения И. В. Сталина о специфике общественного характера языка как средства общения и в свете сталинского положения о том, что „структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“» [Москальская, 1952, с. 92]. В ходу были сталинские выражения, иногда сказанные по другим поводам: 1950 г. называли «годом решительного перелома в советском языкознании», даже Ф. П. Филин бодро начинал с этой характеристики покаянную статью [Пр, т. 1, с. 351]. Заседания ученых советов и научные сессии кончались стандартным образом: «Присутствующие обратились с письмом к И. В. Сталину, которое явилось выражением их любви, преданности и желания быть достойными помощи, оказываемой советской науке товарищем Сталиным» [ВЯ, 1952, № 5, с. 128]. Новый декор из цитат все же отличался от прежнего одним: он хотя бы не противоречил высказываемым лингвистическим идеям.

Тем не менее при всех издержках критика марризма была необходима. В двухтомнике «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании» приняли участие многие крупные лингвисты того времени, от В. В. Виноградова до М. Н. Персона, от В. М. Жирмунского до П. С. Кузнецова. Их позитивные взгляды часто различались, но их объединяло искреннее неприятие того, что много лет не давало им нормально работать. Их усилиями «туман палеонтологии» развеялся окончательно. Читая книгу, нельзя не вспомнить человека, который за два с лишним десятилетия до ее выхода впервые сказал то, что

теперь нашло развернутое выражение,— Е. Д. Поливанова². Но это имя в двухтомнике ни разу не названо, он считался «врагом»³.

Однако нельзя долго заниматься только критикой. Языкознание должно было развиваться дальше. Переход на новые рельсы имел немало сложностей и издержек. Меньше их было в академических учреждениях, где в основном работали сложившиеся ученые, понимавшие что к чему. Труднее развивалось вузовское обучение, ход которого к тому времени успел основательно нарушиться. В августе 1950 г. спешно созвали всесоюзное совещание работников вузов, которое открыл тогдашний министр высшего образования С. В. Кафтанов, совсем недавно выступавший на подобных совещаниях с прославлением Т. Д. Лысенко. С основополагающими докладами выступили заместитель министра А. М. Самарин (металлург по специальности), В. В. Виноградов и А. С. Чикобава. Все существовавшие программы по языкознанию независимо от года составления были отменены, новых еще не было, а впредь до их разработки предписывалось использовать вместо учебных пособий труды отечественных ученых от А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова до Л. В. Щербы, а также материалы лекций, прочитанных на семинаре [ВВШ, с. 25—26]. В качестве лекторов выступили многие участники дискуссии в «Правде»: А. С. Чикобава, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, Г. А. Капанцян, Г. Д. Санжеев, П. Я. Черных, Б. А. Серебренников, к ним добавились Р. И. Аванесов и Н. С. Пospelов [ВВШ, с. 63].

Все это не могло ликвидировать разброда в преподавании. В течение года, а то и двух во многих вузах не читалось по языкознанию ничего, кроме курса «сталинского учения о языке», не обеспеченного никаким материалом, только статьей Сталина и другими выступлениями в «Правде». Период безвременья в филологическом образовании, начавшийся в 1948 г., смог завершиться лишь к 1952—1953 гг. К этому добавлялись и кадровые сложности: например, в Московском институте востоковедения уволенному в 1951 г. Н. Ф. Яковлеву, чьи лекции и сейчас с удовольствием вспоминают многие его слушатели, не нашлось эквивалентной замены, сменивший его Г. Д. Санжеев имел хорошую подготовку в монголистике, но в меньшей степени в теории языкознания. Там, где влияние марризма ранее было минимальным, например на филологическом факультете МГУ, обстановка нормализовалась быстрее. Но через два-три года везде все вошло в свои берега: сложились стабильные программы с упором на сравнительно-историческое языкознание и

² Из участников поливановской дискуссии в двухтомнике фигурирует один — И. К. Кусикьян. Развенчивая Марра и каюсь в марристском подходе к армянскому языку, он умалчивает о своем участии в погромах науки в 20—30-е годы.

³ Впрочем, в те годы это имя не было запретным в китаистике и японистике, где его упоминали и цитировали А. А. Драгунов, Б. К. Пашков, В. М. Солнцев, Н. И. Фельдман, Н. А. Сыромятников, Н. И. Конрад.

связь между лингвистическими и литературоведческими дисциплинами; появились массовые пособия. Сначала были изданы по-русски дополнявшие друг друга по тематике учебники Л. С. Чикобавы и Л. А. Булаховского (1952—1953), а немного позднее, в 1955 г. — расширенное издание упоминавшегося учебника А. А. Реформатского, по которому обучалось не одно поколение специалистов. Сложилась система филологического образования, в основном существующая и поныне.

В научно-исследовательской деятельности также после длившегося год-полтора периода упора на борьбу с остатками марризма начался этап перехода к позитивной работе. Программа «перестройки научно-исследовательской языковедческой работы» и преодоления «застоя в языкознании» (выражения, частые в литературе тех лет) и подведение первых итогов нашли отражение в программной передовой статье первого номера журнала «Вопросы языкознания» [ВЯ, 1952, № 1] и в сборнике «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» [Вопросы, 1952].

К этому времени марризм рухнул окончательно. За редчайшими исключениями, никто не пытался защитить даже те его положения, которые Сталин не упомянул. Более стойко держались за них представители других наук, особенно археологи и этнографы, среди которых и значительно позже имела хождение типично марристская идея так называемой «первобытной лингвистической непрерывности», ее отстаивали такие влиятельные в те годы ученые, как С. П. Толстов⁴, П. Н. Третьяков. Лингвисты неизменно отвергали подобные взгляды [см. ВЯ, 1952, № 1, с. 22—23]. Решительно была отвергнута [см. ВЯ, 1952, № 1, с. 18] и статья [Сенкевич-Гудкова, 1951], автор которой, также скорее этнограф, чем лингвист, пыталась защитить компромиссные концепции своего учителя Д. В. Бубриха по поводу происхождения финно-угорских языков.

Однако отказ от марризма нередко сопровождался и снятием с повестки дня тех или иных проблем. На это не раз указывали в последующие годы. Иногда это делалось в целях частичной реабилитации Марра и марризма. Ф. П. Филин спустя четверть века заявлял: «Та большая работа, которая проводилась в советском языкознании, пусть со срывами, пусть с ошибками, но получившая международное признание (какое? — В. А.), по социальному изучению языка — социолингвистика, была практически прекращена» [Филин, 1988, с. 78]. Еще дальше заходит в наши дни А. П. Юдакин: «Борьба с так называемым „новым учением о языке“ Н. Я. Марра нанесла серьезный удар по теоретическим разработкам в области языкознания (и далеко за его пределами)» [МП. 29.07.1988]. Но сходные формулировки встречаются и у совсем других ученых: «Развитие этого науч-

⁴ С. П. Толстов был заядлым марристом со студенческих лет [см. Кузнецов, с. 376]. Тем не менее именно в 1950 г. он достиг пика карьеры, став директором Института востоковедения АН СССР.

ного направления (социолингвистики.— В. А.) было несколько задержано полемикой И. В. Сталина против понятия „классовости языка“ в истолковании Н. Я. Марра и связанным с этим полемикой абстрактным и социально-нерасчлененным пониманием „общенародного языка“» [Жирмунский, 1969, с. 8]. Автор энциклопедической статьи «Новое учение о языке» А. А. Леонтьев, в целом дающий объективную оценку истории советской лингвистики, пишет: «После дискуссии на некоторое время приостановилось исследование проблем, имевших в „Новом учении о языке“ научный интерес, — языка и мышления, типологии языков, социолингвистики и др.» [БСЭ, изд. 3-е, т. 18, с. 70]. Эту формулировку почти слово в слово недавно повторила журналистка Н. Лошкарева [0, 1988, № 3, с. 207].

Как видно, больше всего критикуют советскую лингвистику начала 50-х годов за свертывание социолингвистических исследований. Однако как раз здесь эта критика нам не кажется правомерной. Советская социолингвистика активно развивалась в 20-е годы, ее подъем безусловно стимулировался политической ситуацией тех лет. Однако она не имела никакого отношения к марризму, на что справедливо указывает В. М. Жирмунский. Идеи Е. Д. Поливанова, В. Н. Волошинова—М. М. Бахтина, Л. П. Якубинского в его домарристские годы были безусловно интересны. Однако это перспективное направление ликвидировалось в результате победы «нового учения о языке». Одни ученые стали жертвами репрессий, другие, как Л. П. Якубинский, перестали заниматься этой проблематикой. В противовес этому Марр и его окружение, несмотря на множество деклараций о классовости и революционных взрывах в языке, не могли противопоставить этому ничего кроме беспомощных рассуждений; там же, где они действительно заходили в область социолингвистики, как Ф. П. Филин в историко-диалектологических работах, они отклонялись значительно от Марра и возвращались к весьма традиционным идеям.

В 30-е годы социолингвистические исследования, формально не запрещенные, явно идут на спад, можно отметить лишь ряд конкретных и обращенных в прошлое работ В. М. Жирмунского, К. Н. Державина и других ученых, в 40-е годы и они почти исчезают. Еще в конце господства «нового учения о языке» отмечалось полное прекращение работ по социальной дифференциации языков советской эпохи, освоению русского языка нерусскими и т. д. [Никольский, Яковлев, 1949, с. 273, 275]. Изучать эти проблемы мешали задолго до работ Сталина по языкознанию реальные обстоятельства общественной жизни, слишком о многом пришлось бы умалчивать, безопаснее было этим не заниматься.

1950 год не мог здесь ничего изменить ни в лучшую, ни в худшую сторону, хотя в работах Сталина действительно немало упрощений. После 1950 г. мы видим скорее не приостановку, а развитие социолингвистических исследований, но не по всем

проблемам и не по всем языкам. Ожилились прежде всего исследования, связанные с формированием, развитием и функционированием литературных языков, в основном либо в историческом аспекте, либо в отношении современной ситуации за рубежом (подробнее см. ниже). Те же проблемы, которые в те годы не затрагивались, перестали изучаться задолго до 1950 г. во многом по вине марристов.

В других случаях некоторые проблемы действительно представляли интересовать языковедов. Иногда это было закономерным. После 1950 г. лингвисты перестали заниматься проблемой происхождения языка не потому, что этот вопрос несуществен или неинтересен, а просто из-за отсутствия необходимого фактического материала. Снова забыли про будущий всемирный язык, хотя Сталин и подтвердил свой старый тезис в ответе А. Холопову⁵. На многие годы действительно лингвисты стали меньше заниматься и проблемой связи языка и мышления. Умозрительные рассуждения марристов надолго отбили охоту этим заниматься, тем более что для ее научного решения в те годы не хватало экспериментального материала, а сотрудничество языкознания с психологией и другими науками еще не было налажено. Вполне закономерно проблемами происхождения языка и связи языка и мышления длительное время после 1950 г. занимались не лингвисты, а философы.

Однако область типологии действительно пострадала. Если до 1950 г. допускались любые классификации языков, кроме генетической, то теперь наметилась обратная крайность. Так, в энциклопедической статье «Классификация языков» А. С. Чикобава и Т. С. Шарадзендзе, приведя ряд типологических классификаций ученых XIX и XX в. и раскритиковав каждую из них, заключали: «Последовательно проводя принцип историзма, советское языкознание стоит за генетическую классификацию, как классификацию историческую, подлинно научную» [БСЭ, изд. 2-е, т. 21, с. 368]. Сопоставление грамматических структур разных языков допускалось лишь в пределах семей и групп [ВЯ, 1952, № 1, с. 11], против создания сравнительных грамматик неродственных языков выступали в те годы Б. А. Серебренников [Пр, т. 2, с. 82], О. П. Суник [Пр, т. 2, с. 345] и другие; в лучшем случае допускалось сравнение контактирующих языков [Санжеев, 1951, с. 21]. Сопоставление неродственных языков считали допустимым лишь немногие лингвисты и то с оговорками [Москальская, 1952, с. 90—91].

Можно понять недовольство подходом Марра, сопоставлявшего что угодно с чем угодно. Но противоположная крайность вела к обеднению исследований. Неожиданно более справедли-

⁵ Мы не согласны с Н. Джусойты, который жестко связывает этот, по его словам, «буржуазный миф» с личностью и режимом Сталина [Джусойты, 1988, с. 30—31]. Но такие идеи, широко распространенные до их упоминания Сталиным, были органически связаны как раз с 20-ми годами, когда ждали мировой революции, и почти забылись в 30—40-е годы.

вым, чем раньше, оказался упрек Марра в том, что враждебная ему наука не выходит за пределы отдельных семей. Даже столь суженное сопоставление языковых структур пытались сократить еще больше: В. В. Виноградов выступал против синтаксической типологии вообще [ВЯ, 1952, № 1, с. 179]. Впрочем, понятия традиционной типологии прошлого века вроде «флективные языки», «агглютинативные языки» никогда не исчезали из обихода, см., например, [ВЯ, 1952, № 1, с. 173].

Некоторые лингвисты пытались идти еще дальше. В 1953 г. в докладе в Институте языкознания АН СССР А. С. Чикобава (которого явно напрасно подозревали когда-то в соссюрианстве) предложил вообще отказаться от универсальных грамматик и универсальных грамматических понятий. Автор доклада ссылался на необходимость избавиться от наследия XVII в., но ясно, что принятие его предложений повлекло бы за собой уничтожение языкознания как единой науки и полное распадение его на множество дисциплин по числу языковых семей. Против такой точки зрения выступили Б. А. Серебренников и другие [см. ВЯ, 1953, № 5, с. 115—116].

Другой областью, пострадавшей после 1950 г., была семантика, правда, в отличие от типологии имевшая мало достижений и раньше. «Сталинская оценка семасиологии привела к резкому снижению или даже прекращению на время семасиологических исследований» [Виноградов, 1964, с. 30]. Проявлялись настороженное отношение к семантике вообще и особенно к попыткам установить ее автономность по отношению к грамматике, уже появившимся в 40-е годы у И. И. Мещанинова и других. Положение о семантике как основе лексикологии иранист Л. С. Пейсиков пытался поставить в один ряд с «семантическими законами» Марра [ТВИИЯ, вып. 1, 1952, с. 50—51]. В. В. Виноградов считал недопустимым не только сопоставление неродственных языков, но и сопоставление семантически сходных, но формально различных явлений [см. ВЯ, 1952, № 1, с. 144, 145, 148]; единодушно осудили и вполне обычное для лингвистики наших дней положение о том, что в предложениях *Я читаю* и *Я болею* значение субъектов неодинаково [ВЯ, 1952, № 1, с. 172].

Весьма показательна с точки зрения лингвистических построений 1950—1953 гг. статья Н. А. Сыромятникова, хотя она вышла в свет немного позже [Сыромятников, 1955]. Ее автор, человек очень искренний и очень всерьез воспринимавший все руководящие установки, стремится выявить наследие «нового учения о языке» в советской японистике, где, по его справедливому признанию, «нет заядлых марристов-аракчеевцев» [Сыромятников, 1955, с. 13]. Тем не менее черты марризма он стремился найти не только там, где они действительно были, но и во многих других случаях. Идеи Е. М. Колпакчи о диффузных звуках в древнеяпонском языке ставятся в один ряд с концепцией слогофонемы, господствовавшей в японской национальной

традиции с незапамятных времен и имеющей под собой ряд оснований. Автору приходится встать в тупик перед тем, что эту концепцию с оговорками поддерживал противник марризма Е. Д. Поливанов. Особенно досталось А. А. Холодовичу, за которым держалась слава марриста⁶: ему ставится в вину не только сопоставление японского языка с адыгейским, но и преимущественное внимание к синтаксису и попытки выявить общие законы синтаксиса и морфологии [Сыромятников, 1955, с. 23—25]. Указывая на действительно нерешенные проблемы автор тут же закрывает другие. Требуя выяснить значение японских грамматических категорий, он одновременно отвергает саму проблему соотношения лексической и грамматической семантики, следуя Виноградову [Сыромятников, 1955, с. 33]. Справедливо требуя не переносить на японский язык категории русского языка, он не считает нужным как-либо считаться с японскими представлениями о своем языке, находя в японском «буржуазном языкознании» сходство с марризмом [Сыромятников, 1955, с. 25—27].

Вообще стремление обвинять научных оппонентов по любому поводу в марризме стало в те годы свойственно многим. Логика таких обвинений была такой же, как при обвинениях в «индоевропеизме» в предшествующую эпоху. Вот на сессии по китайскому языку в Институте востоковедения АН СССР в мае 1951 г. В. С. Колоколов, критикуя Н. И. Конрада за идеи о существовании в этом языке «в настоящее время суффиксов, префиксов, послелогов и полупослелогов», возводит их к Марру, так как они якобы свидетельствуют о стадиальном скачке [Сессия, 1951, с. 56]. В ответ Н. И. Конрад называет марризмом противоположные идеи своего оппонента, поскольку и Марр писал об «аморфности» китайского языка [Конрад, 1951, с. 2]. На деле оба автора марристами не были.

Нельзя, однако, думать, что после 1950 г. происходило только обеднение тематики и проблематики. Пожалуй, больше было дисциплин, которые активизировались. На первое место, конечно, следует поставить сравнительно-историческое языкознание.

После работ Сталина в советском языкознании «не осталось много методологического оружия, кроме сравнительно-исторического языкознания, да при том еще в явно младограмматической трактовке, поскольку предписывалось осуществлять преимущественно исторический подход к изучению языков и обнаруживать в них внутренние (или иные) законы их развития. Такой подход и обрел статус материалистического» [Звегинцев, 1989, с. 20].

Но традиции компаративистики за период господства «ново-

⁶ Как мы помним, в ранней молодости он был очень увлечен Марром, но уже в его работах второй половины 30-х годов марристских идей нет. В докторской диссертации, законченной в 1949 г., есть отдельные рассуждения о стадиях и реликтах первобытного мышления, однако они не занимают существенного места в работе.

го учения о языке» были в значительной степени прерваны, хотя часть квалифицированных специалистов сохранилась. Поэтому первые год—два после выступления Сталина приходилось в основном решать ликбезовские задачи: составлялись вузовские программы, проводились семинары преподавателей, большинство литературы конца 1950 г. и 1951 г. по данной тематике имело, по признанию того времени, «общий, популярный характер» [ВЯ, 1952, № 1, с. 18].

Сталин, говоря о сравнительно-историческом методе, проявил осторожность, упомянув о его недостатках и выразив несогласие с понятием праязыка. Однако реальное развитие быстро перешло рамки, им установленные. Отдельные попытки выступать полностью или частично против компаративистики, ссылаясь на Сталина, успеха не имели. Н. Ф. Яковлев в своем последнем курсе в Московском институте востоковедения, признав родство славянских или романских языков, отрицал индоевропейскую семью и даже родство латинского языка с другими древними итальянскими [Яковлев, 1950, с. 47], а праязык ставил в один ряд с четырьмя элементами [Яковлев, 1950, с. 144—145]. Вскоре после смерти Сталина попытался вернуться к прошлому все тот же Г. П. Сердюченко, заявивший: «Не надо очень уж цепляться за термин „семья“, он толкает нас на ненужные ассоциации и неправильные представления об истории развития языков» [Сессия, 1953, с. 11—12]. По его мнению, «у товарища Сталина родство языков, конечно, понимается прежде всего как близость народов, как близость истории их культуры, как близость языков в основном словарном фонде, в грамматическом строе, но совсем не обязательно как происхождение этих языков от одного какого-нибудь прародителя» [Сессия, 1953, с. 13]. Попутно он решил потряхнуть стариной: «Нельзя думать, что брошюра проф. Аванесова... в которой он так сугубо напрямик восстанавливает старые идеи старого индоевропейского языкознания, отражает нашу советскую точку зрения и будто бы она построена на труде товарища Сталина по вопросам языкознания. Это совершенно неверно» [Сессия, 1953, с. 13].

Но в 1953 г. эти утверждения уже были анахронизмом и показывали лишь, что Г. П. Сердюченко все еще ничего не понял (ср. позицию его бывшего соратника Ф. П. Филина, ставшего с тех пор проповедником компаративистики). Развитие шло в ином направлении. Вскоре после выступлений Сталина в числе других популяризаторских публикаций появилась и статья Б. А. Серебренникова под названием «К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании». Однако статья начинается со слов: «Сравнительно-исторический метод является одним из самых замечательных достижений науки о языке, применение которого дало возможность проникнуть в глубочайшие тайники истории различных языков» [Серебренников, 1950, с. 177]. Далее речь идет скорее не о недостатках,

а о трудностях этого метода: описываются проблемы, о которых спорили между собой компаративисты задолго до появления «нового учения о языке»: степень достоверности и полноты реконструкций, учет древних диалектных различий, выявление субстрата и т. д. Так подходили к неконкретизированным Сталиным «недостаткам» метода и далее. Для осужденного свыше термина «праязык» был просто найден эквивалент «язык-основа», которым пользовались несколько лет. Таким образом на деле лингвисты быстро пришли не к частичному, а к полному принятию сравнительно-исторического метода.

Впрочем, принятие положений, ставших догмами, мешало и здесь. Отказ от ненаучных идей Марра о всеобщем скрещении приобрел у Сталина характер полного отрицания скрещения, бывшего в науке XX в. пройденным этапом. Особую трудность при этом вызвали так называемые креольские языки, «возникшие из элементов неполностью усвоенных европ. языков в результате межнац. языкового общения европ. колонизаторов с африканцами, индейцами, жителями стран Востока» [БСЭ, изд. 3-е, т. 13, с. 386]. С. Б. Бернштейн, следуя предшественникам, признавал их смешанный характер, но выходил из противоречия с положениями Сталина через объявление этих языков «жаргонами», не обладающими внутренними законами развития [Пр, т. 2, с. 301]; это плохо согласуется с тем, что для многих людей эти языки — родные и единственно известные, на некоторых есть письменность и т. д. В противовес этому предлагалась другая упрощенная точка зрения о том, что это вполне нормальные языки, но не скрещенные, а просто принадлежащие к германским или романским [Долгопольский 1955].

Стимулировались не только компаративистские, но вообще исторические исследования, где уже не нужно было думать о палеонтологии и выдерживании «классового» подхода. При этом, однако, устанавливалась определенная иерархия приоритетов, связанная не только с формулировками Сталина, но и с личными склонностями нового главы советского языкознания В. В. Виноградова, а также близкого ему по духу члена-корреспондента АН СССР (позднее академика) Н. И. Конрада, ставшего главным авторитетом в восточном языкознании⁷. Уже на упомянутом совещании работников высшей школы Виноградов на первый план выдвинул тему «Язык и художественная литература» [ВВШ, с. 47—48]. При формулировке задач советского востоковедного языкознания пять основных тем выглядели так: проблема складывания и развития национальных языков на Востоке, проблема словарного состава в современных язы-

⁷ В. В. Виноградов занял ведущие посты через семь лет после возвращения из последней ссылки. Н. И. Конрад три года провел в лагерях. Вряд ли случайно именно они (по крайней мере, Виноградов) заняли ведущее положение. Сталин не раз выдвигал людей, имевших неприятности в прошлом, считая их более послушными. Играло роль и то, что Виноградов был русистом. В начале 50-х гг. он имел преимущества перед Чикобавой, который, получив в 1951 г. орден Ленина, постепенно стал отодвигаться на второй план.

ках народов Востока, проблема литературных языков, проблема старых (старописьменных) литературных языков, проблема чужих (западных) языков [ВЯ, 1952, № 1, с. 16—17]. Здесь явно чувствуется рука Н. И. Конрада, который в те годы опубликовал ряд работ по этим проблемам [Конрад, 1952; Конрад, 1954]. Уже такая программа, где из пяти тем четыре (кроме второй) — чисто социалингвистические, опровергает мнение о свертывании социалингвистических исследований после 1950 г. Но ясно и то, что проблематика восточного языкознания никак не исчерпывалась этими проблемами, в число которых вовсе не попали вопросы грамматики и фонологии.

Синхронные исследования в те годы стимулировались в гораздо меньшей степени. Однако и они могли в целом развиваться свободнее, поскольку уже можно было не бояться страшного обвинения в «формализме». Это проявилось в первой после 1950 г. лингвистической дискуссии, проведенной в 1952—1953 гг. редколлегией «Известий АН СССР» (ИЛЯ) по вопросам фонемы. Дискуссия показала неумение большинства авторов обходиться без навешивания на оппонентов ярлыков вплоть до «идеализма». Однако дискуссия продемонстрировала и существование в советской науке различных детально разработанных концепций фонемы. Можно согласиться с А. А. Реформатским, что итоги здесь не были должным образом подведены [Реформатский, 1970а, с. 46], однако хорошо уже то, что в результате не последовало каких-либо административных выводов и ни одна из точек зрения не объявлялась единственно правильной и «марксистской». Довольно активно развивались в те годы и исследования по многим проблемам грамматики, по словообразованию (особо интересовавшему Виноградова), диалектологии, активизировалась словарная работа.

Наряду с серьезными проблемами в поле зрения оказывались и псевдопроблемы. Естественно, началось изучение «курско-орловского диалекта», причем одним из первых это начал делать не кто иной, как Ф. П. Филин [Филин, 1954, с. 39]. Однако лингвисты не спешили заниматься данным вопросом, его решение у Филина и других было названо «явно неудачным» [ВЯ, 1952, № 1, с. 18], скоро он сам собой отпал.

Если отвлечься от подобных попыток, в общем не делавших погоды, по сравнению с временами марризма наблюдался определенный прогресс. Недаром западные наблюдатели говорили о возрастающей депроvinciaлизации советского языкознания после 1950 г. [СТИЛ, с. 22], о том, что оно «поправляется после долгого паралича» [Unbegaun, 1954, с. 131]. Однако в теоретическом отношении большинство работ того времени нельзя отнести к переднему краю мировой науки.

Работы Сталина не содержали и не могли содержать чего-то принципиально нового для лингвистики, это был лишь возврат к прежним ценностям, главной из которых была компаративистика. «Но обращение к сравнительно-историческому языкозна-

нию по сути дела означало предписание глядеть назад, к тому, что было создано в довольно-таки далеком прошлом и что, отнюдь не изжив себя, подверглось значительному переосмыслению» [Звегинцев, 1990, с. 22]. Недаром с самого начала приходилось опровергать высказывания о возврате лингвистики назад [ВВШ, с. 61]. В чем-то обратное движение было необходимым. Если наука зашла в тупик, взорвать стену, отделяющую ее от мирового развития, не так просто, на первых порах самым разумным и, наверное, единственно возможным путем может быть временный возврат на исходные позиции, откуда можно идти вперед. Но сказывалась и обстановка периода «холодной войны».

Хотя Сталин не выделял особо русское языкознание, а сразу после его статьи осуждался «решительный и резкий разрыв с научной лингвистической традицией, с достижениями передовой лингвистической мысли в России и за рубежом» [ИЛЯ, 1950, № 1, с. 33], на деле переоценка ценностей коснулась почти исключительно отечественной науки. В том же номере «Известий АН СССР» (ИЛЯ) В. В. Виноградов уже сводил историю научной мысли к «прогрессивной роли русского домарковского языкознания» [Виноградов, 1950б, с. 37]. Здесь уже не боялись обвинений в концепции «единого потока», А. А. Шахматова перестали попрекать в принадлежности к партии кадетов.

Совсем по-иному отнеслись к зарубежной науке. Хотя Сталин не обсуждал этот вопрос, он быстро решился в духе установок тех лет. Уже в августе 1950 г. министр С. В. Кафтанов провозгласил директиву: «Критически отобрать все ценное, что имеется в трудах отечественных ученых, непримиримо разоблачать реакционную англо-американскую лингвистику — эту лженауку, поставленную на службу империалистических захватов и порабощения народов» [ВВШ, с. 14]. Чуть позже в передовой статье нового журнала говорилось: «Духовное оскудение и маразм охватили идеологическую надстройку современного буржуазного общества. Это находит прямое отражение в развитии лингвистической науки на Западе» [ВЯ, 1952, № 1, с. 6]. Употреблялась та же отборная брань, что и до дискуссии в «Правде». Даже обвинение в расизме, правда, снятое с науки XIX в., сохранялось применительно к О. Есперсену и другим лингвистам последних десятилетий [ВЯ, 1952, № 1, с. 8].

Впрочем, отношение к зарубежной науке стало более дифференцированным. Хотя западные лингвисты XIX в. ставились ниже их русских современников, им отдавалось должное. Ф. Боппа уже не сравнивали с одиозным по-прежнему Г. Менделем, зарубежные школы до младограмматиков включительно рассматривались критически, но вполне объективно [см. Горнунг, Левин, Сидоров, 1952]. В отношении лингвистов XX в. также проводились различия. Ученые, продолжавшие традиции компаративистики, оценивались выше, чем новаторы; к языковедам неаглоязычных стран, кроме Дании, отношение было

терпимее, чем к английским и особенно американским. В связи с проблематикой могло меняться отношение к одному и тому же лингвисту: теоретические идеи Ф. де Соссюра с порогами отвергались, но выдвинутая им же в области индоевропеистики так называемая ларингальная гипотеза вполне признавалась, хотя и без упоминания автора [Горнунг, Левин, Сидоров, 1952, с. 58]. Из идей западных ученых XX в. признавались или хотя бы обсуждались те, которые дополняли или модифицировали традицию, но не порывали с ней, ср. доброжелательное отношение к субстратным концепциям, лингвистической географии [Булаховский, 1950], дискуссии по вопросу о языковых союзах [см. ВЯ, 1952, № 5, с. 124—127], хотя ввел это понятие эмигрант Н. Трубецкой.

После 1950 г. заметно увеличилось число переводов зарубежной лингвистической литературы последних десятилетий: в 1952 г. вышли книги А. Вайана, Э. Бурсье, Й. Фридриха, в 1954 г. Х. Педерсена и Х. Льюиса, А. Мейе, в 1955 г. Ш. Балли и Э. Бенвениста. В основном это были книги либо по компаративистике, либо по частным областям языкознания, лишь в труде Ш. Балли содержались важные теоретические обобщения. В предисловиях авторы книг критиковались за «идеалистические концепции» и «неспособность решить» такие-то вопросы, но отдавалось должное «ценности фактического материала» и «тонким наблюдениям».

Совсем иным было отношение к теориям различных направлений структурной лингвистики, господствовавшим в то время в большинстве стран Запада; типичным эпитетом в их отношении продолжал оставаться «маразм». Иногда, правда, и здесь происходили некоторые модификации. Например, сама постановка выдвинутой Ф. де Соссюром проблемы знакового характера языка в 1948 г. считалась реакционной [см. Резников, 1948], но в 1952 г. было признано, что «понимание языка как системы знаков может быть истолковано и в материалистическом и в идеалистическом духе» [ВЯ, 1952, № 1, с. 9]. Однако такого рода изменения шли медленно, в целом вся после-соссюровская (не по времени, а по идеям) лингвистика продолжала отвергаться. Характер критики стал при этом (если отвлечься от чисто политических ярлыков) заметно иным, во многом совпадая с критикой структурализма со стороны ученых старой школы: говорилось о неисторизме, неучете особенностей конкретных языков и т. д., см., например, [ВЯ, 1952, № 1, с. 7—8]. Обычным стало выискивание общности западной науки и марризма, см. типичное высказывание тех лет: «Антиисторизм и космополитизм — характерные черты марровской теории. В этом отношении марровская теория оказалась сродни буржуазным течениям современного Запада: структурализму и семантической философии, откровенно идеалистическим в своих установках» [Колпакчи, 1955, с. 3]. В одну кучу валились самые различные идеи: А. С. Чикобава объединял В. Брёндаля,

К. Бюлера (серьезных ученых разных школ), Марра и антинаучную националистическую «солнечную» теорию турецких языковедов [Чикобава, 1950б]; последняя, впрочем, действительно напоминает «новое учение о языке».

Во всем этом играло роль и то, что в отличие от сравнительно-исторического языкознания структурализм не успел прочно укорениться в отечественной науке. Развитие его идей шло, особенно в 20-е годы, но победа марризма прервала этот процесс на довольно ранней стадии. Там, где определенные традиции успели сложиться, их развитие допускалось в большей степени. Так произошло в фонологии, во многом сложившейся именно в России. Развитие этой дисциплины было тесно связано с возникновением структурализма. Даже в период господства марризма не прекращались не только конкретные фонологические исследования, но и создание оригинальных теорий. После 1950 г., хотя ведущие фонологи были спасены от нелепых обвинений марристов, наметилась другая тенденция, отражавшая общие процессы: судить о фонологии с позиций прошлого века. Активно предлагалось отказаться от разграничения фонологии и фонетики и даже отвергнуть понятие фонемы, заменив его традиционным понятием звука речи, как это советовала делать редколлегия «Известий АН СССР» (ИЛЯ) в заключении по дискуссии о фонеме [ИЛЯ, 1953, № 6, с. 554], хотя именно в разграничении понятий был большой шаг вперед. Но все-таки разные фонологические школы могли развиваться, хотя их логическая связь со структурной лингвистикой замалчивалась.

Хуже было с другими областями языкознания, где от зарубежной науки отгораживались, а существовавший отечественный опыт нередко игнорировался. «Новое учение о языке» вело в тупик, однако не все направления в советском языкознании 30—40-х годов были тупиковыми, интересные идеи выдвигали и ученые, примыкавшие к марровскому лагерю. В первые годы после 1950 г. было трудно воздать должное лучшим работам Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, А. А. Холодовича и других ученых, стали забываться труды уже умершего Н. В. Юшманова. По-прежнему белым пятном оставались идеи Е. Д. Поливанова и других репрессированных ученых.

Итак, после двух десятилетий господства мифа наша наука в основном вернулась на исходные позиции. За некоторыми исключениями (фонология) она не могла сохранять передовое место в мировом языкознании, которое она занимала во времена Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и Е. Д. Поливанова (речь идет, конечно, о теоретическом уровне, о поисках новых идей и концепций, а не о качестве конкретных исследований, которое у многих лингвистов всегда было высоким). Утрата передовых позиций произошла, конечно, не в 1950 г., а гораздо раньше, когда «советская лингвистика... что хуже всего, утратила контакт с подлинно прогрессивными и революционными течениями, пробивающими себе путь в языковедении в

Европе и Америке» [Trubetskoj, 1975, с. 74]⁸. Главная вина в этом лежит на Марре и на тех, кто помог ему установить монопольное господство. Теперь основное препятствие было устранено, однако на пути науки оставалось еще много камней и завалов. Появились условия для сближения советского и мирового языкознания, хотя не все тогда это осознавали.

Смерть Сталина и даже XX съезд КПСС не привели к заметному изменению ситуации в языковедении, что отмечают и зарубежные наблюдатели [STIL, с. 302]. Часть проблем по счастливому стечению обстоятельств разрешилась раньше, чем в других гуманитарных науках, для решения остального еще не пришло время. Исчезли, причем довольно быстро, лишь упоминания имени вождя и его работ. Кажется, последней по времени публикацией, где они признаны основополагающими, оказалась статья А. Б. Долгопольского, написанная, вероятно, много раньше [см. Долгопольский, 1955], но в том же году в статье Н. А. Сыромятникова, посвященной борьбе с последствиями марризма [Сыромятников, 1955], имени Сталина нет.

Коренное изменение ситуации намечается лишь с 1957—1958 гг., когда в советское языкознание стали активно проникать идеи западного структурализма. К этому времени со страниц лингвистических изданий исчезает и полемика с «новым учением о языке». Перед советской лингвистикой встали новые проблемы, которые уже выходят за рамки нашей темы.

Очень показательное, что разоблачение культа личности Сталина довольно долго не привело ни к опровержению идей работы «Марксизм и вопросы языкознания», ни тем более к реабилитации марризма. Быстро и навсегда забыли про курско-орловский диалект, но большинство идей, высказанных Сталиным, продолжали свое существование. Имя Марра потеряло актуальность, отношение к нему стало объективнее, постепенно начали переиздаваться некоторые его нелингвистические труды, например работы о Руставели. Он стал превращаться в юбилейную фигуру, о которой вспоминают прежде всего по случаю круглых дат. К 25-летию со дня его смерти в журнале «Вопросы языкознания» появилась не раз упоминавшаяся нами важная статья [Абаев, 1960], где с сожалением отмечалось, что после 1950 г. Марра «вычеркнули... точно его и не существовало», тогда как «забывать свое прошлое не следует, хотя бы для того, чтобы лучше понять и извлечь необходимые уроки для настоящего» [Абаев, 1960, с. 90]. Оценка Марра неоднозначна: «Нет ничего легче, чем показать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности; но в то же время было бы неправильно и стать на путь огульного зачеркивания всего, что им было за это время сделано» [Абаев, 1960, с. 96].

⁸ Цитата из статьи Н. Трубецкого, которая впервые была опубликована посмертно в «Вопросах языкознания» (1959, № 1), однако редакция журнала опустила характеристику Марра и эту формулировку.

Но новый этап борьбы с наследием Сталина, начавшийся после XXII съезда КПСС, должен был затронуть и языковедение. В марте 1963 г. по этому поводу состоялась специальная сессия Отделения литературы и языка (см. ее материалы [Теоретические, 1964]). Основным докладчиком был все тот же В. В. Виноградов, еще продолжавший оставаться главой советского языковедения.

В докладе вполне справедливо критикуются явно слабые места работы Сталина (упрощенность положений и формулировок, неучет социальной стратификации языков, недооценка семантики и т. д.), при этом Виноградов далек от того, чтобы отрицать все положения, высказанные Сталиным, особенно те, которые имели характер общеизвестных для всех, кроме Марра и марристов, истин. Очень правильна и такая оценка: «Тот режим, который сам Сталин охарактеризовал как „аракчеевский“, мог возникнуть и развиваться в наших лингвистических научных учреждениях и в филологических высших учебных заведениях только на почве культа личности» [Виноградов, 1964, с. 9].

Но в то же время В. В. Виноградов отказывался от какой бы то ни было реабилитации Марра и марризма и, несмотря на общую направленность доклада, отдавал Сталину должное за вмешательство в нужном направлении: «Разоблачая сейчас с наибольшей последовательностью и строгостью все упрощения, упущения и ошибки Сталина, указывая на урон, нанесенный науке их канонизацией, нельзя забывать и о том, что вмешательство Сталина в науку о языке (пусть это вмешательство было чисто административным) положило конец самому трудному периоду в истории нашей науки, какого не было в советское время ни в одной другой науке, даже в биологии» [Виноградов, 1964, с. 10—11].

Большинство участников прений выступили в том же ключе. По-иному говорили философ академик П. Н. Федосеев и в более крайней форме Г. П. Сердюченко, остававшийся среди бывших марристов самым верным последователем прежних идей. П. Н. Федосеев, перед которым стояла единственная задача разоблачения Сталина, взял, хотя и не полностью, под защиту Марра. По его мнению, «при всех своих ошибках Марр правильно поставил немало важных вопросов. И некоторые положения, хотя бы в общем виде, он формулировал правильно, опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, на труды советских языковедов. Эти правильные положения и мысли Марра нам не пужно отбрасывать... В ходе критики марровского направления в годы культа личности была отброшена сама постановка вопросов, сама проблематика, которая закономерно привлекала внимание Марра. Это касается, например, вопроса о социальной дифференциации языка, об общих закономерностях развития языков и ряда других методологических проблем марксистского языковедения» [Федосеев, 1964, 35].

Еще дальше заходил Г. П. Сердюченко, для которого ошибок Марра вообще не существовало: «Марр звал к марксизму, он был на стороне рабочего класса, строящего новое государство, призывал всех учиться марксизму и сам изучал марксизм. И несомненно, что многие положения Марра, высказанные им, по вопросу о происхождении языка, о сущности языка, о взаимоотношении языка и мышления, о национально-языковой политике, а также по вопросам, связанным с необходимостью, сопоставляя языки, устанавливать не только общее, но и различное... были правильными» [Сердюченко, 1964, с. 125—126]. Марр признавался правым и в отношении скрещения языков, и в признании надстроечности и классовости языка. Язык — прежде всего орудие классовой борьбы и нельзя отождествлять язык великих русских писателей с языком Мережковского и Гиппиуса (так. — В. А.); Сталин же хотел превратить язык в «какой-то набор слов и фраз, в которые различными классами вкладывается разное содержание» [Сердюченко, 1964, с. 125]. Среди таких заявлений вдруг встречаем верную мысль о том, что после 1950 г. «сравнительно-историческое языкознание было возведено в степень общей теории языкознания» [Сердюченко, 1964, с. 126], но она нужна для объявления компаративного метода сомнительным. Далее идет редкая для начала 60-х годов по своей грубости ругань структурализма. Такие, как Сердюченко, ничего не забыли и ничему не научились.

В декабре 1964 г. отмечали столетие Марра. В Ленинграде прошла сессия, где собрались его сотрудники и ученики во главе с И. И. Мещаниновым, говорившим «об учении Н. Я. Марра как о новом слове в лингвистике и археологии» [Мегрелидзе, 1965, с. 358]; участвовали также А. Г. Шанидзе, В. И. Абаев, Г. П. Сердюченко и др. Были и юбилейные сессии в Тбилиси (где среди прочих выступал А. С. Чикобава) и Ереване. Решили издать в следующем году однотомник трудов Марра, создать редколлегию для дальнейших публикаций, ходатайствовать о напечатании новой его биографии, подготовленной С. М. Марр [см. Мегрелидзе, 1965]. В 1965 г. на одной из конференций философ А. Г. Спиркин, и до 1950 г. почитавший Марра, назвал его «гениальным» ученым, несправедливо раскритикованным [см. Кузнецов, 1966, с. 66]; аналогичную оценку дал ему в письме в редакцию «Вопросов языкознания» самый верный его ученик И. В. Мегрелидзе [ВЯ, 1966, № 3, с. 76]. Еще некоторое время продолжались выступления в защиту Марра кое-кого из его учеников [Гельгардт, 1966; Гухман, 1967], но скоро все затихло, труды и биография Марра так и не вышли. Сказалось, видимо, изменение официального отношения к Сталину, но и научной необходимости возвращения к Марру не было.

В 60-е годы ненадолго возрождался и общественный интерес к Марру, который мог восприниматься как одна из жертв культа личности, пусть и заочная; особенно это проявлялось у

молодежи, не находя, однако, поддержки у специалистов, тогда еще помнивших «аракчеевский режим». Автор книги помнит доклад на научном студенческом обществе в 1966 г. студента филологического факультета МГУ, ныне известного лингвиста, который пытался пересмотреть оценку Марра. Однако в подтверждение его вклада в науку докладчик смог привести лишь тезис о комплексности Марра как ученого, совмещавшего в себе лингвиста, археолога и историка. Автор доклада, насколько нам известно, в дальнейшем отошел от этой проблематики.

Новая историческая эпоха привела к почти полному забвению Марра и марризма. Многим явно и не хотелось об этом вспоминать. Так, Я. В. Лоя, когда-то один из лидеров «Языкофронта», обвинявшийся марристами в «контрабанде», в своем учебнике истории языкознания дал портреты многих советских ученых, даже И. Ю. Крачковского, почти не занимавшегося лингвистикой, но не упомянул, будто их не было, ни Марра, ни Мещанинова, ни «новое учение о языке», ни статью Сталина [см. Лоя, 1968]. В духе времени сглаживали острые углы. Например, Г. М. Керт в серьезном очерке жизни и творчества своего учителя Д. В. Бубриха [Керт, 1975] ни слова не сказал о травле ученого, приведшей его к смерти. Впрочем, не все поступали подобным образом. Кратко, но точно и объективно о марризме говорилось в ряде работ по истории советского языкознания [см. Звегинцев, 1965; Слюсарев, Страхова, 1976; Кондрашов, 1979], см. также более подробный анализ «нового учения о языке» в книге Б. А. Серебренникова «О материалистическом подходе к явлениям языка» [Серебренников, 1983]. Появлялись и отдельные воспоминания о печальных годах в истории нашей лингвистики [Реформатский, 1970а; Реформатский, 1970б].

Но советское языкознание при всех трудностях в его развитии ушло вперед по сравнению с годами марризма. Яфетидология, палеонтология, четыре элемента, стадиальность, единство глоттогонического процесса и многое другое стали делами давно минувших дней, каким-то полузабытым страшным сном. Но в прошлое ушли далеко не все компоненты марризма. Исчезло то, что несло на себе отпечаток индивидуальности Марра. А примитивный социологизм в объяснении лингвистических явлений, априорное отрицание современной западной науки не только не уменьшились, но в 70-е годы заметно усилились, что было связано с общей идеологической ситуацией в стране. И ведущую роль в этом играли некоторые бывшие марристы во главе с Ф. П. Филиным, заявлявшие: «Работы Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова отнюдь не были сплошными ошибками и недоразумениями», поскольку в них «язык был признан социально обусловленной категорией» [Филин, 1977, с. 6]. Об этих тенденциях, справедливо названных «неомарризмом», многое сказано в книге Б. А. Серебренникова. Но история советского языкознания 70—80-х годов — особая тема.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Спустя полвека после смерти Марра наступил новый период нашей истории, когда старые термины «перестройка», «борьба с застоем», «новое мышление» получили совершенно новое, касающееся каждого из нас содержание. Одной из черт этой эпохи стал повышенный интерес к истории, особенно к тем периодам в жизни нашей страны, о которых было недостаточно известно и которые освещались односторонне. В связи с этим все чаще после 1985 г. стали вспоминать имя Марра и особенно события 1950 г. в языкознании, причем лингвисты это делают куда активнее, чем лингвисты-профессионалы. Пора вернуться к этим темам с позиций нашего времени, причем надо исходить не из априорных представлений, а из реальных фактов, уже подзабытых.

Возвращение к истории марризма, на наш взгляд, не столь интересно для самой лингвистики (разве что для выявления генезиса тех неизжитых явлений, о которых говорилось в конце последней главы). «Новое учение о языке» давно ушло в прошлое, его критика в научном плане уже проделана, воскрешение его основных положений вряд ли возможно. Оно имеет другой интерес: история марризма — часть истории того, что принято было до недавнего времени называть культом личности.

Если бы Марр умер десятью годами раньше, чем на самом деле, т. е. сразу после создания своего «нового учения», то оно сейчас бы не интересовало никого, кроме любителей курьезов, а Марр бы входил в число классиков отечественного востоковедения, которых хвалят, не читая. Подобных «учений» немало создавалось до и после Марра. Но лишь Марр сумел превратить свое учение в официальную догму. Необходимо разобраться в том, как и почему это ему удалось, почему столь абсурдные идеи получили поддержку сверху и снизу. В дальнейшем существовал механизм поддержания этой догмы, менявшийся кое в чем с годами. Во всем этом были специфические для языкознания черты, прежде всего безусловно нестандартная личность Марра, но прежде всего отражались общие процессы советского общества сталинского времени.

Если период до 1950 г. вполне укладывается в уже выработанные схемы, то последующие события в языкознании многих ставят в тупик. Как свидетельствуют факты, сталинизм

в этой науке нашел наиболее концентрированное выражение не во вмешательстве самого Сталина, а в словах и делах тех, кого он осудил. Вмешательство вождя в дела конкретной науки не могло не иметь и негативных последствий, но все же его положительное для того времени значение не вызывает сомнений; не случайно, что ни один серьезный лингвист до сих пор не пытался его отрицать. Мы постарались разобраться в причинах этих событий, ни в коей мере не пытаясь обелить при этом Сталина. В жизни всегда бывало то, что не укладывалось в схемы и концепции. Но этот безусловно выигрышный для почитателей Сталина эпизод нельзя использовать как повод для оправдания сталинизма: события 1950 г. в языкознании имели локальное значение и не изменили общей ситуации в стране.

К сожалению, в последние годы мы все чаще видим, как справедливое возмущение сталинскими беззакониями приводит, особенно у людей, далеких от языкознания, к представлению о том, что любое участие Сталина в том или ином событии могло приносить только зло, а то и к попыткам поднять и оправдать всех тех, кто по тем или иным причинам оказался у него в пемилости. Отсюда попытки реабилитации Марра и некорректное, а то и фактически неправильное изложение событий в языкознании, особенно в период дискуссии 1950 г.

Видимо, первой в ряду таких публикаций стала книга «Марр и Публичная библиотека» [Голубева, 1986], автор которой, библиотеквед по специальности, приводя интересные архивные материалы о деятельности Марра как директора Публичной библиотеки, пытается разъединить его на две части, позитивную и негативную. К последней отнесено лишь «отвергнутое временем» «новое учение о языке», в положительную же часть попадают разработка проблем языка и общества, языка и мышления [Голубева, 1986, с. 10], борьба с «буржуазной наукой» и «низкопоклонством» (приводятся даже слова Марра о скверной политике и нечистой науке) [Голубева, 1986, с. 103—104]¹, борьба за единый алфавит [Голубева, 1986, с. 115] и многое другое. Но как можно отделить от деятельности Марра советского времени «новое учение о языке», составлявшее ее суть? Общая оценка Марра такова: «неповторимая личность, достойная подражания» [Голубева, 1986, с. 7]. Автор явно следует панегирической литературе о Марре 30—40-х годов, часто просто пересказывая ее.

Еще дальше, чем О. Д. Голубева, заходит З. М. Габуниа в защищенной ею в 1990 г. диссертации. Марр здесь характеризуется как «один из крупнейших отечественных кавказоведов», чьи работы «вовлекают лингвистику в решение общ исторических проблем», в которых языковой материал используется «как

¹ Из книги мы узнаем еще об одном высказывании Марра: он считал, что не только в лингвистике, но и в организации библиотечного дела «нам нечему учиться у Запада» [Голубева, 1986, с. 106], эти слова автор принимает как должное.

источник, проливающий свет на различные этапы истории развития человеческого общества» [Габуниа, 1990, с. 26]. Лишь вскользь сказано о том, что «многие его гипотезы не получили в дальнейшем подтверждения» [Габуниа, 1990, с. 26], зато сочувственно пересказываются его идеи о языковом родстве как результате «схождения и сближения первоначально разнородных языков» и скрещенном характере абхазского языка [Габуниа, 1990, с. 26—27]. В один ряд диссертантка ставит Н. Ф. Яковлева, А. Н. Генко и Г. П. Сердюченко, считая всех классиками науки.

После полувекового перерыва появилось и переиздание лингвистических работ Марра [Марр, 1987], содержащее его труды по баскскому языку, часть из которых впервые публикуется по-русски. Конечно, можно согласиться с мнением публикатора книги о том, что более ранние, до 1924 г. статьи Марра по этой проблематике не лишены научной ценности; уровень издания намного выше по сравнению с книгой О. Д. Голубевой. Но во вводной статье Ю. В. Зыцаря и особенно в предисловии ученика Марра, академика АН Грузинской ССР Ш. В. Дзидзигури заметна переоценка значения деятельности Марра, хотя оба автора также отвергают «новое учение о языке».

В следующем году почти одновременно появились две мемуарные публикации. Тиражом 40 тыс. экземпляров издана речь О. М. Фрейденберг памяти Марра, произнесенная в 1937 г. Вся речь выдержана в экзальтированном тоне и полна выражений типа: «Марр — это была наша мысль, наша общественная и научная жизнь; это была наша биография. Мы работали, не думая о нем, для него, и он жил, не зная этого, для нас» [Фрейденберг, 1988, с. 182]; «Моя жизнь озарена!» [Фрейденберг, 1988, с. 183]. Конечно, эта речь — любопытный документ эпохи, но для несведущего читателя следовало бы как-то скорректировать устаревшие оценки². Однако и публикатор, и автор вступительной статьи вполне согласны с О. М. Фрейденберг, рисуя образ великого ученого, погруженного в высокую науку и не замечающего, что творится вокруг; во вступительной статье «новое учение о языке», хотя и отвергается в целом, признано заслуживающим внимания в ряде пунктов (постановка вопроса о стадильности, об особенностях первобытного мышления), причем как раз там, где Марр был наименее оригинален и использовал идеи предшественников.

² Как указывает публикатор речи Н. В. Брагинская, существуют и воспоминания О. М. Фрейденберг о Марре 50-х годов, которые в отличие от полностью публикуемой речи даны в отрывках в примечаниях, хотя они явно интереснее, см. такую цитату: «Марр никогда не бывал на заседаниях своего института. Он всегда где-то заседал, верней, показывался. Гонимая за популярность и желая слыть общественником, он отказывал научным занятиям в своем присутствии и руководстве, но сидел на собрании „по борьбе с хулиганством“. Вечно думая об одном, о своей теории, он покупал внимание власти своей бутафорской „общественной деятельностью“» [Фрейденберг, 1988, с. 202]. Этот абзац дан вскользь и без комментариев.

В массовом журнале «Русская речь» появилось другое выступление, принадлежащее иной эпохе: речь директора Института русского языка АН СССР Ф. П. Филина (ныне уже покойного) перед институтской молодежью, произнесенная в 1975 г. Здесь при типичном для той эпохи стремлении сгладить острые углы при обращении к истории (чего стоит постановка в один ряд Л. В. Щербы и Н. С. Державина!) видно желание оправдать Марра, насколько это возможно. Говорится, что Марр был «фигурой исключительной», привлекавшей «гигантским масштабом его идей» [Филин, 1988, с. 73]. Согласно Ф. П. Филину, идея стадиальности «сохраняет свою силу и будет сохранять ее долго», хотя и признано, что «попытка Н. Я. Марра была неудачной, потерпела крах» [Филин, 1988, с. 74]. Все это — тоже исторический документ, но редакция журнала вообще никак его не комментирует³.

Сходные идеи содержатся в новой книге Р. А. Будагова. Признавая научную несостоятельность «нового учения о языке», автор подчеркивает, что Марр был «ученым широкого диапазона» и «энтузиастом науки» [Будагов, 1988, с. 17—18] и жалеет о том, что события 1950 г. оттолкнули лингвистов от исследования социологии языка и изучения связи языка и мышления [Будагов, 1988, с. 18—20]. При этом он резко критикует таких крупных ученых, как Е. Д. Поливанов и Н. Ф. Яковлев [Будагов, 1988, с. 12—14, 29—30].

Научных публикаций, где показан урон, нанесенный марризмом советской науке, гораздо меньше. В первую очередь нужно назвать книгу «Е. Д. Поливанов. Страницы жизни и деятельности» [Ларцев, 1988].

Еще хуже дело обстоит с освещением данной проблематики в широкой печати. Лингвисты, как правило, молчат, а высказываются неспециалисты, обычно склонные вырвать из исторического контекста лишь одно событие: выступление Сталина в 1950 г. При этом нередко с фактами обращаются очень вольно. Так, пишут, что М. Н. Петерсон был, как и его коллеги, разруган Сталиным [ДН, 1988, № 2, с. 165], хотя пострадал он от марристов. Сотрудница журнала «Октябрь» Н. Лошкарева, отвергая сопоставление Марра с Лысенко, рассматривает работы Сталина лишь как «источник новых ошибок в языкознании» [О, 1988, № 3, с. 207].

В том же журнале автор антисталинской статьи М. П. Капустин дважды вспомнил о событиях в языкознании, назвав Марра представителем «классической» лингвистики и связав причины выступления Сталина с разработанным им механизмом воздействия на массы через язык: «Языкознание в лице столь разностороннего ученого, как Н. Я. Марр, конечно, знало эту тайну языкового общения и могло ее обнародовать — поэтому следует ликвидировать такую лингвистику, которая может

³ В том же номере журнала в статье к 100-летию со дня рождения Л. А. Булаховского нет ни слова о его участии в дискуссии 1950 г.

преподать массе то, чего знать ей вовсе не следует» [О, 1988, № 5, с. 154—155]. Мы не говорим уже о том, что Марр был резко антиклассичен и не занимался современностью, но неясно, что он мог обнародовать через полтора десятилетия после смерти. Постановка «несчастных» марристов в один ряд с генетиками и кибернетиками стала общим местом в публицистике, посвященной истории советской науки [см. Нева, 1989, № 5, с. 167; Наука и жизнь, 1989, № 11, с. 111]. Так, драматург М. Рошин заявил, что «мракобесная» статья Сталина будто бы «была лишь сигналом для очередного погрома интеллигенции» [Ог. 1990, № 41, с. 9].

Не прибавляют ясности и историки. Всего лишь в четырех (№ 6—9) номерах журнала «Вопросы истории» за 1988 г. трижды упомянуты Марр и марризм и каждый раз апологетически. В № 6 марристы трактуются лишь как жертвы Сталина и приводится недостоверная версия о том, будто Сталин хотел поддержать Марра, но Берия подsunул ему «никому не известного» Чикобаву [ВИ, 1988, № 6, с. 207]. В № 8 в статье о М. Н. Покровском хвалебный отзыв о нем Марра дан как свидетельство «искренного уважения», с которым относились к Покровскому «всемирно известные ученые» [ВИ, 1988, № 8, с. 12]. А в № 9 Т. Ю. Красовицкая пишет: «Несомненно Сталин был знаком с исследованиями приверженцев яфетической теории, проводившимися в 20—30-е годы, показывавшими, что процесс скрещивания языков, объединение родственных идет очень медленно, столетиями, но неумолимо. Эти положения раскрыты в работах Н. Я. Марра, Н. Ф. Яковлева и других ученых» [ВИ, 1988, № 9, с. 48]; как доказательство приведена цитата из статьи Яковлева против «аналитического алфавита» Марра. Тут все поставлено с ног на голову: Сталин до конца 40-х годов явно не читал Марра, Яковлев до 30-х годов шел путем, отличным от марровского, под скрещением понималось объединение любых, а не только родственных языков, скрещение Марр считал не медленным процессом, а «революционным взрывом». Главное же в том, что идеи Марра о скрещении противоречат всем известным лингвистическим и историческим фактам. Высказывание же Сталина о том, что при скрещении языков один выходит победителем, а другой исчезает, рассматривается как «великодержавные взгляды в вопросе о будущем языков» [ВИ, 1988, № 9, с. 50]; так же, но еще резче оценивает ту же цитату и литературный критик Н. Иванова [Ог, 1989, № 11, с. 7]. Конечно, великодержавность была сутью послевоенной политики Сталина, но здесь он просто пересказывал традиционную и общепринятую концепцию субстрата, отброшенную Марром; речь к тому же здесь шла о прошлом, а не о будущем.

Вносят лепту в запутывание вопроса и некоторые лингвисты. В тенденциозной статье языковеда А. П. Юдакина и журналиста А. Игнатьева извращена деятельность Б. А. Серебренникова против «нового учения о языке» и взят под защиту

марризм [МП, 03.07.1987]. Эту линию А. П. Юдакин продолжил и в другой статье [МП, 29.07.1988]. Наряду с явной неправдой появляется и полуправда. В журнале «Молодая гвардия» русистка Л. П. Жуковская, правильно оценивая марризм и марристов, которые «вели себя с языкознанием как маленькие лысенки», тут же восторженно отзываясь об одном из этих «лысенков» Ф. П. Филине, называя его «выдающимся русистом» [МГ, 1989, № 5, с. 257—259].

Более взвешенные оценки содержатся в уже упоминавшейся статье «Литературной газеты» [Горбаневский, 1988], пока единственном относительно подробном рассказе о марризме в массовой печати, а также в опубликованных в журнале «Знамя» в 1988 г. воспоминаниях А. И. Аджубея. Однако и здесь не обошлось без журналистских перехлестов и фактических неточностей⁴. Среди наиболее объективных газетных публикаций отметим ответ А. П. Юдакину директора Института языкознания АН СССР В. М. Солнцева [МП, 17.03.1988] и опубликованную в Самарканде рецензию литературоведа З. С. Паперного на книгу В. Г. Ларцева [ЛП, 20.11.1988]. В той же газете «Ленинский путь» сам В. Г. Ларцев в 1988—1989 гг. продолжал разыскания о Поливанове, где также дан объективный анализ сталинских статей по языкознанию и впервые отмечено сходство критики марризма у Сталина и Поливанова. Нам, правда, не кажется правдоподобной гипотеза о том, что Сталин мог пользоваться стенограммой выступления Поливанова [ЛП 04.03.1988]. (К сожалению, активная деятельность В. Г. Ларцева по изучению истории советской науки прервалась его смертью в сентябре 1989 г.)

Лишь в конце 1989 г. в «Вестнике АН СССР» появилась и то в сокращенном виде и с измененным названием большая статья покойного В. А. Звегинцева, к настоящему времени единственное серьезное аналитическое исследование ситуации, в которой оказалось советское языкознание (ряд цитат из этой работы мы приводили). В статье, к сожалению, не свободной от мелких неточностей⁵, дана четкая и объективная оценка «нового учения о языке», «сталинского» этапа в языкознании, «неомарризма» 70—80-х годов, указано на вред идеологизации языкознания и опасность отгораживания от его мирового развития. Чуть позже увидел свет и полный вариант исследования В. А. Звегинцева [Звегинцев, 1990], но в малоизвестном издании с тиражом 600 экземпляров.

⁴ В 1991 г. М. В. Горбаневским издана книга о событиях 1950 г. в языкознании, где ошибки газетной публикации исправлены.

⁵ В. А. Звегинцев подчеркивает статус Марра как «неполноправного» академика, хотя он сохранялся лишь три года (1909—1912); самороспуск «Языкофронта» отнесен к 1933 г. вместо 1932 г., а смерть А. С. Чикобава к 1984 г. вместо 1985 г.; В. В. Струве был штатным сотрудником Яфетического института, а не консультантом; из контекста фразы на с. 21 получается, что О. С. Ахманова и В. З. Панфилов были марристами (ср. более точную характеристику О. С. Ахмановой на с. 24).

Со второй половины 1989 г. количество упоминаний выступления Сталина по вопросам языкознания в широкой печати стало идти на убыль вместе с общим спадом интереса к сталинской теме. Однако изучение событий 20—50-х годов в советской науке о языке лишь начинается. И эту книгу никак нельзя считать исчерпывающей. Необходимо введение в научный оборот архивных документов, мемуаров, свидетельств живых участников тех событий; важна и их скорейшая публикация. И важно не отдаваться во власть эмоций и знать факты. Многое еще откроется. Но то, что известно, приводит лишь к одному выводу: марризм реабилитации не подлежит.

СОКРАЩЕНИЯ

- А — Архив Академии наук СССР.
 БСЭ — Большая советская энциклопедия.
 ВАН — журнал «Вестник Академии наук СССР». Ленинград—Москва.
 ВВШ — журнал «Вестник высшей школы». Москва.
 ВИ — журнал «Вопросы истории». Москва.
 ВМ — газета «Вечерняя Москва».
 ВФ — журнал «Вопросы философии». Москва.
 ВЯ — журнал «Вопросы языкознания». Москва.
 Г — журнал «Гэнго» («Язык»). Токио.
 ДН — журнал «Дружба народов». Москва.
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отдела Русского археологического общества». Петроград.
 ЗСН — газета «За социалистическую науку». Ленинград.
 И — газета «Известия советов народных депутатов». Москва.
 ИЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка». Москва.
 КИЖ — газета «Культура и жизнь». Москва.
 КИПВ — сб. «Культура и письменность Востока». Баку—Москва.
 ЛГ — «Литературная газета». Москва.
 ЛН — журнал «Литература национальностей СССР». Москва.
 ЛП — газета «Ленинский путь». Самарканд.
 М — Марр Н. Я. Избранные труды. Т. I—V. М.—Л., 1933—1937.
 МП — газета «Московская правда».
 О — журнал «Октябрь». Москва.
 Ог — журнал «Огонек». Москва.
 П — газета «Правда». Москва.
 ПИДО — сб. Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935, № 3—4.
 ПК — Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932.
 Пр — Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1—2. М., 1951—1952.
 РИГ — журнал «Революция и горец». Ростов-на-Дону.
 РИЯ — Революция и язык. М., 1931.
 РЯВСШ — журнал «Русский язык в советской школе». Москва.
 СК — газета «Советская Киргизия». Фрунзе.
 СН — журнал «Советская наука». Москва.
 ТВИИЯ — Труды Военного института иностранных языков. Москва.
 ЯС — «Яфетический сборник». Ленинград.
 ЯЧ — сборник «Языковедные проблемы по числительным». Л., 1927.
 СТЛ — Current Trends in Linguistics. Vol. 1. Soviet and East European Linguistics. The Hague, 1963.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абасв, 1934.— *Абаев В. И.* Язык как идеология и язык как техника.— Язык и мышление. Вып. II. Л., 1934.
- Абаев, 1945.— *Абаев В. И.* Древне-персидские элементы в осетинском языке.— Иранские языки. Вып. I. М.—Л., 1945.
- Абаев, 1960.— *Абаев В. И.* Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти.— ВЯ. 1960, № 1.
- Аврорин, 1949.— *Аврорин В. А.* О категории времени и вида в маньчжурском языке.— ИЛЯ. 1949, № 1.
- Александров, 1987.— *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии.— Знание — сила. 1987, №№ 10, 12.
- Амлинский, 1988.— *Амлинский В.* На заброшенных гробницах.— Юность. 1988, № 3.
- Андреев, 1929а.— *Андреев А. П.* Революция языкознания. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра. М., 1929.
- Андреев, 1929б.— *Андреев А. П.* Язык и мышление. Опыт исследования на базе материалистической яфетической теории. М., 1929.
- Аничков.— *Аничков И. Е.* Очерк советского языкознания. Рукопись. 70-е годы.
- Апресян, 1966.— *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Аптскарь, 1929.— *Аптскарь В.* Шаг назад.— Новый Восток. Кн. 26—27. М. 1929.
- Аптскарь, 1934.— *Аптскарь В. Б.* Н. Я. Марр и новое учение о языке. М., 1934.
- Аптскарь, Быковский, 1931.— *Аптскарь В. Б., Быковский С. Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов.— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. X. Вып. 8—9. Л., 1931.
- Бартольд, 1977.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX. М., 1977.
- Баталов, 1988.— *Баталов Э.* Социалистическая перспектива и утопическое сознание.— Коммунист. 1988, № 3.
- Башинджаган, 1935.— *Башинджаган Л. Г.* Зачем нужны четыре элемента?— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935.
- Башинджаган, 1937.— *Башинджаган Л. Г.* Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра.— ВАН. 1937, № 10—11.
- Бернштейн, 1989.— *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века).— Советское славяноведение. 1989, № 1.
- Бертагаев, Филин, Ермоленко, 1932.— *Бертагаев [Т. Г.], Филин [Ф. П.], Ермоленко.* Против извращений марксизма-ленинизма в ИЯМ.— Ленинградская правда. 03.01.1932.
- Богданова, 1988.— *Богданова О.* Василий Леонидович Комарович.— Вопросы литературы. 1988, № 9.
- Боровков, 1935.— *Боровков А. К.* Очерки карачаевско-балкарской грамматики.— Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.—Л., 1935.

- Боровков, 1936.— *Боровков [А. К.]*. Новое учение о языке и проблема изучения национальных языков.— ВЦКНА Н. Я. Марру. М., 1936.
- Боровков, 1947.— *Боровков А. К.* Востоковедение в СССР за 30 лет.— ИЛЯ. 1947, № 5.
- Бубрих, 1935а.— *Бубрих Д. В.* О путях возникновения порядковых числительных.— Язык и мышление. Вып. III—IV. Л., 1935.
- Бубрих, 1935б.— *Бубрих Д. В.* Эрзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения — Советское языкознание. I. Л., 1935.
- Бубрих, 1946.— *Бубрих Д. В.* К вопросу о стадиальности в строе глагольного предложения.— ИЛЯ. 1946, № 3.
- Бубрих, 1949.— *Бубрих Д. В.* О советском финноугроведении.— Советская этнография. 1949, № 2.
- Будагов, 1949.— *Будагов Р. А.* Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и советское языкознание.— ИЛЯ. 1949, № 6.
- Будагов, 1988.— *Будагов Р. А.* Портреты языковедов XIX—XX вв. Из истории лингвистических учений. М., 1988.
- Булаховский, 1946.— *Булаховский Л. А.* Интонация и количество форм именного склонения в древнейшем славянском языке.— ИЛЯ. 1946, № 3.
- Булаховский, 1950.— *Булаховский Л. А.* О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков.— ИЛЯ. 1950, № 2.
- Бухарин, 1921.— *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М — Пг., 1921.
- Бухарин, 1989.— *Бухарин Н. И.* Методология и планирование науки и техники. М., 1989.
- Быковский, 1933.— *Быковский С. Н.* Н. Я. Марр и его теория. К 45-летию научной деятельности. М.— Л., 1933.
- Ванслов, 1968.— *Ванслов В.* Балеты Григоровича и проблемы хореографии. М., 1968.
- Виноградов, 1947.— *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Виноградов, 1950а.— *Виноградов В. В.* Значение дискуссии в газете «Правда» по языкознанию для дальнейшего развития советской науки о языке. ВВШ. М., 1950, № 9.
- Виноградов, 1950б.— *Виноградов В. В.* Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и пути развития советской науки о языке в связи с итогами лингвистической дискуссии.— ИЛЯ. 1950, № 1.
- Виноградов, 1951.— *Виноградов В. В.* Новый этап в развитии советского языкознания.— ЛГ. 19.06.1951.
- Виноградов, 1959.— *Виноградов В. В.* Состояние и перспективы развития советского славяноведения.— ВЯ. 1959, № 6.
- Виноградов, 1964.— *Виноградов В. В.* О преодолении последствий культа личности в советском языкознании — Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Винокур, 1925.— *Винокур Г. О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925.
- Вопросы, 1933.— Вопросы языка в освещении яфетической теории. Л., 1933.
- Вопросы, 1952.— Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Выставка, 1935.— Выставка памяти Н. Я. Марра к XIII пленуму Академии 20 декабря 1935 г. Л., 1935.
- Габуня, 1990.— *Габуня З. М.* Российская лингвистическая наука в становлении кавказского языкознания. Автореферат докторской диссертации. М., 1990.
- Гамкрелидзе, 1988.— *Гамкрелидзе Т. В.* Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами.— ВЯ. 1988, № 3.
- Гельгардт, 1966.— *Гельгардт Р. Р.* Избранные статьи. Калинин, 1966.
- Голубева, 1986.— *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр и Публичная библиотека. Тб., 1986.
- Горбаневский, 1988.— *Горбаневский М.* Конспект по корифею.— ЛГ. 25.05.1988.

- Горнунг, Левин, Сидоров, 1952.— *Горнунг Б. В., Левин В. Д., Сидоров В. Н.* Образование и развитие языковых семей.— ВЯ. 1952, № 1.
- Гранде, 1931.— *Гранде Б. М.* К вопросу об алфавитном строительстве СССР.— Просвещение национальностей. 1931, № 10.
- Гранде, 1936.— *Гранде Б. М.* Аналитический алфавит Н. Я. Марра и проблемы научной транскрипции для нового алфавита.— ВЦКНА Н. Я. Марру. М., 1936.
- Гухман, 1947а.— *Гухман М. М.* Грамматическая категория и грамматическое понятие.— ТВИИЯ. Вып. 3, 1947.
- Гухман, 1947б.— *Гухман М. М.* О стадильности в развитии строя индоевропейских языков.— ИЛЯ. 1947, № 2.
- Гухман, 1968.— *Гухман М. М.* Типологические исследования.— Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
- Деборин, 1935.— *Деборин А. М.* Новое учение о языке и диалектический материализм.— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935.
- Державин, 1930.— *Державин Н. С.* Яфетическая теория академика Н. Я. Марра.— Научное слово. 1930, №№ 1, 2.
- Державин, 1935.— *Державин Н. С.* Изучение языкового развития ребенка русской речи.— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935.
- Державин, 1941.— *Державин Н. С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.— Л., 1941.
- Десницкая, 1948.— *Десницкая А. В.* К проблеме исторической общности индоевропейских языков.— ИЛЯ. 1948, № 3.
- Джусойты, 1988.— *Джусойты Н.* Что это такое — родной язык писателя?— Вопросы литературы. 1988, № 7.
- Добровольский, 1931.— *Добровольский А.* О происхождении языка.— Литература и искусство. 1931, № 2—3.
- Долгопольский, 1955.— *Долгопольский А. Б.* Против ошибочной концепции «гибридных» языков (о креольских наречиях).— Ученые записки I МГПИИЯ. Т. VII. М., 1955.
- Долобо, 1935.— *Долобо М. Г.* Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии.— Советское языкознание. Вып. I. Л., 1935.
- Дондуа, 1975.— *Дондуа К. Д.* Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975.
- Драгунов, 1940.— *Драгунов А. А.* Китайский язык.— Китай. М.— Л., 1940.
- Дьяконов, 1988.— *Дьяконов И. М.* По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре.— Восток—Запад. М., 1988.
- Жирков, 1931.— *Жирков Л. И.* Ко всем ли языкам применим латинский алфавит? — КИПВ. 7—8, 1931.
- Жирков, 1935.— *Жирков Л. И.* Развитие частей речи в горских языках Дагестана — Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.— Л., 1935.
- Жирмунский, 1940.— *Жирмунский В. М.* Сравнительная грамматика и новое учение о языке.— ИЛЯ. 1940, № 3.
- Жирмунский, 1967.— *Жирмунский В. М.* Памяти академика И. И. Мещанинова. ВЯ. 1967, № 3.
- Жирмунский, 1969.— *Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика.— Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Жирмунский, Аврорин, 1960.— *Жирмунский В. М., Аврорин В. А.* Академик И. И. Мещанинов.— Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.— Л., 1960.
- Звегинцев, 1965.— *Звегинцев В. А.* — История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
- Звегинцев, 1989.— *Звегинцев В. А.* Что происходило в советской науке о языке? — ВАН. 1989, № 12.
- Звегинцев, 1990.— *Звегинцев В. А.* Что происходит в советской науке о языке? — Язык и социальное познание. М., 1990.
- Зыцарь, 1987.— *Зыцарь Ю. В.* Н. Я. Марр и современная баскология.— В кн.: *Н. Я. Марр.* Баско-кавказские лексические параллели. Тб., 1987.
- Иванов, 1936.— *Иванов П. Г.* Н. Я. Марр и проблемы языка. Саранск, 1936.
- Иванов, 1957.— *Иванов В. В.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова.— ВЯ. 1957, № 3.

- Ильина, 1985.— *Ильина Н.* Реформатский.— О. 1985, № 2.
- Истрина, 1946.— *Истрина Е. С. А. А.* Шахматов как редактор словаря русского языка.— ИЛЯ. 1946, № 5.
- Капанцян, 1946.— *Капанцян Гр.* К происхождению армянского языка. Ер., 1946.
- Кацнельсон, 1934.— *Кацнельсон С. Д.* Вопросы языкознания в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса.— Известия ГАИМК. Вып. 82. М.— Л., 1934.
- Кацнельсон, 1939.— *Кацнельсон С. Д.* Древненоминативный строй речи. Докт. дис. Л., 1939.
- Кацнельсон, 1940.— *Кацнельсон С. Д.* Прогресс языка в концепциях индоевропеистики.— ИЛЯ. 1940, № 3.
- Кацнельсон, 1947.— *Кацнельсон С. Д.* Тридцать лет советского общего языкознания.— ИЛЯ. 1947, № 5.
- Керт, 1975.— *Керт Г. М. Д. В.* Бубрих (1890—1949). Л., 1975.
- Климов, Панов, Реформатский, 1975.— *Климов Г. А., Панов М. В., Реформатский А. А.* Из истории отечественного языкознания 20—40-х годов. Н. Ф. Яковлев (1892—1974).— ИЛЯ. 1975, № 4.
- Кобзев, 1989.— *Кобзев А. И.* Победа синих чертей.— Проблемы Дальнего Востока. 1989, № 4.
- Колпакчи, 1955.— *Колпакчи Е. М.* Некоторые проблемы истории японского языка.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. XII. М., 1955.
- Кон, 1988.— *Кон И.* Психология социальной инерции.— Коммунист. 1988, № 1.
- Кондрашов, 1979.— *Кондрашов Н. А.* История лингвистических учений. М., 1979.
- Конрад, 1937.— *Конрад Н. И.* Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
- Конрад, 1945.— *Конрад Н. И.* О государственной латинице в Японии. М., 1945.
- Конрад, 1951.— *Конрад Н. И.* О тезисах тт. Колоколова, Ошанина и Пашкова. 1951. Машинопись, архив автора книги.
- Конрад, 1952.— *Конрад Н. И.* О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. М., 1952.
- Конрад, 1954.— *Конрад Н. И.* О литературном языке в Китае и Японии.— ВЯ. 1954, № 3.
- Концевич, 1967.— *Концевич Л. Р.* Николай Феофанович Яковлев (к 75-летию со дня рождения).— ИЛЯ. 1967, № 6.
- Костомаров, 1971.— *Костомаров В. Г.* Слово о Викторе Владимировиче Виноградове.— Памяти академика В. В. Виноградова. М., 1971.
- Кошкин, 1932.— *Кошкин (Алькор) Я. П.* Вопросы создания и развития национальных литературных языков Севера.— Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. М.— Л., 1932.
- Крачковский, 1958.— *Крачковский И. Ю.* Сочинения. Т. V. М., 1958.
- Кудрявский, 1912.— *Кудрявский Д. Н.* Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
- Кузнецов, 1932.— *Кузнецов П. С.* Яфетическая теория. М.— Л., 1932.
- Кузнецов, 1947.— *Кузнецов П. С.* Обзор трудов по русскому и славянскому языкознанию в изданиях вузов за последние годы.— ИЛЯ. 1947, № 4.
- Кузнецов, 1966.— *Кузнецов П. С.* Еще о гуманизме и дегуманизации.— ВЯ. 1966, № 4.
- Кузнецов.— *Кузнецов П. С.* Автобиография. Рукопись. 1967 г.
- Курилович, 1946.— *Курилович Ю. Г.* Эргативность и стадиальность в языке.— ИЛЯ. 1946, № 5.
- Кусикьян, 1931а.— *К[усикьян] И.* Индоевропеистика в действии.— Просвещение национальностей. 1931, № 11—12.
- Кусикьян, 1931б.— *Кусикьян И.* Очередные задачи марксистов-языковедов в строительстве языков народов СССР.— Просвещение национальностей. 1931, № 11—12.
- Кусикьян, 1933.— *Кусикьян И. К. Н. Я.* Марр и его учение о языке.— Просвещение национальностей. 1933, № 6.

- Кусикьян, 1935.— *Кусикьян И. К.* Памяти Н. Я. Марра.— ЛН. 1935, № 2.
- Кусикьян, 1936.— *Кусикьян И.* Яфетическая теория и индоевропеизм.— ВЦКНА Н. Я. Марру. М., 1936.
- Ларцев, 1988.— *Ларцев В. Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.
- Лафарг, 1930.— *Лафарг П.* Язык и революция. Французский язык до и после революции. М.— Л., 1930.
- Леглер, 1990.— *Леглер В. А.* Идеология и квазинаука.— Наука и власть. М., 1990.
- Ленин.— *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений.
- Леонтьев, 1983.— *Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983.
- Леонтьев, 1986.— *Леонтьев А. А.* Жизнь и творчество Л. П. Якубинского.— В кн.: *Л. П. Якубинский.* Избранные работы. М., 1986.
- Леонтьев, Ройзензон, Хаютин, 1968.— *Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д.* Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова.— В кн.: *Е. Д. Поливанов.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Лингвист, 1929.— *Лингвист [Лоя Я. В.].* Основные направления в языкознании.— На литературном посту. 1929, № 20.
- Ломтев, 1931.— *Ломтев Т. П.* За марксистскую лингвистику.— Литература и искусство. 1931, № 1.
- Ломтев, 1949.— *Ломтев Т. П.* Проблема фонемы в свете нового учения о языке.— ИЛЯ. 1949, № 4.
- Лоя, 1968.— *Лоя Я. В.* История лингвистических учений. М., 1968.
- Малышева-Виноградова, 1989.— *Малышева-Виноградова Н. М.* Страницы жизни В. В. Виноградова.— Русская речь. 1989, № 4.
- Маркс, Энгельс.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Изд. 2-е.
- Марр, 1903.— *Марр Н. Я.* Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб., 1903.
- Марр, 1910.— *Марр Н. Я.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910.
- Марр, 1925.— *Марр Н. Я.* Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925.
- Марр, 1926.— *Марр Н. Я.* Абхазско-русский словарь. Л., 1926.
- Марр, 1927.— *Марр Н. Я.* Государственная академия истории материальной культуры.— Печать и революция. Кн. 7, окт.— нояб. 1927.
- Марр, 1930.— *Марр Н. Я.* К реформе письма и грамматики.— РЯВСШ. 1930, № 4.
- Марр, 1987.— *Марр Н. Я.* Баскско-кавказские лексические параллели. Тб., 1987.
- Мегрелидзе, 1965.— *Мегрелидзе И. В.* 100 лет со дня рождения Н. Я. Марра.— ИЛЯ. 1965, № 5.
- Меликишвили, 1953.— *Меликишвили Г. А.* Урартские клинописные надписи.— Вестник древней истории. 1953, № 1.
- Мещанинов, 1929.— *Мещанинов И. И.* Введение в яфетидологию. Л., 1929.
- Мещанинов, 1930.— *Мещанинов И. И.* Яфетидология и марксизм. Баку, 1930.
- Мещанинов, 1934а.— *Мещанинов И. И.* Основные лингвистические элементы (в яфетидологическом освещении).— Язык и мышление. Вып. II. Л., 1934.
- Мещанинов, 1934б.— *Мещанинов И. И.* Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. Речь в годовом собрании Академии наук СССР 12/II 1934. Л., 1934.
- Мещанинов, 1934в.— *М[ещанинов] И.* [Рец. на кн.:] Вопросы языка в освещении яфетической теории.— Язык и мышление. Вып. II. Л., 1934.
- Мещанинов, 1936.— *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936.
- Мещанинов, 1938.— *Мещанинов И. И.* Общее языкознание за двадцать лет.— Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934). М.— Л., 1938.
- Мещанинов, 1940а.— *Мещанинов И. И.* Очередные задачи советского языкознания.— ИЛЯ. 1940, № 3.
- Мещанинов, 1940б.— *Мещанинов И. И.* [Рец. на кн.:] *Жирмунский В. М.* История немецкого языка.— ИЛЯ. 1940, № 1.

- Мещанинов, 1945.— *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.— Л., 1945.
- Мещанинов, 1947.— *Мещанинов И. И.* Учение Н. Я. Марра о стадиальности.— ИЛЯ. 1947, № 1.
- Мещанинов, 1948а.— *Мещанинов И. И.* О положении в лингвистической науке.— ИЛЯ. 1948, № 6.
- Мещанинов, 1948б.— *Мещанинов И. И.* Предисловие.— Язык и мышление. Вып. XI. Л., 1948.
- Мещанинов, 1949.— *Мещанинов И. И.* Глагол. М.— Л., 1949.
- Мещанинов 1949а.— *Мещанинов И. И.* К истории отечественного языкознания. М., 1949.
- Мещанинов, 1949б.— *Мещанинов И. И.* Марр — основатель советского языкознания.— ИЛЯ. 1949, № 4.
- Мещанинов, 1949в.— *Мещанинов И. И.* Марр — основатель советского языкознания.— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР. Т. V. Нальчик, 1949.
- Милитарев, 1983.— *Милитарев А. Ю.* Вступительная статья.— В кн.: *С. С. Майзель.* Пути развития корневго фонда семитских языков. М., 1983
- Минаев, 1883/84.— Общее языкознание. Лекции, читанные проф. И. П. Минаевым студентам Санкт-Петербургского университета в 1883/84 году. Литографированный курс.
- Миханкова, 1949.— *Миханкова В. А. Н. Я. Марр.* Изд. 3-е. М.— Л., 1949.
- Москальская, 1952.— *Москальская О. И.* Порочный метод лингвистического исследования.— ТВИИЯ. Вып. I. 1952.
- Научная сессия, 1949.— Научная сессия молодых ученых, посвященная памяти Н. Я. Марра. М.— Л., 1949.
- Немировский, 1926.— *Немировский М. Я.* Современное языкознание и его очередные задачи.— Известия Горского педагогического института. Т. III. Владикавказ, 1926.
- Немировский, 1928.— *Немировский М. Я.* Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. Владикавказ, 1928.
- Немировский, 1929.— *Немировский М. Я.* Язык и культура в увязке лингвистики с общественными науками.— Известия Горского педагогического института. Т. V. Владикавказ, 1929.
- Немировский, 1945.— *Немировский М. Я.* Языковое единство славян.— Русское языковедение. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1945.
- Никольский, Яковлев, 1947.— *Никольский В. К., Яковлев Н. Ф.* Как люди научились говорить. М., 1947.
- Никольский, Яковлев, 1949.— *Никольский В. К., Яковлев Н. Ф.* Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке.— ВФ. 1949, № 1.
- Обсуждение, 1948.— Обсуждение работ по языкознанию.— ВАН. 1948, № 2.
- Орбели, 1955.— *Орбели И. А.* Воспоминания студенческих лет (речь 1955 г.). В кн.: *Юзбашян К. Н.* Академик И. А. Орбели. М., 1986.
- Ответ, 1936.— Ответ на рецензию Н. П. Мацокина.— Библиография Востока. Вып. 8—9. Л., 1936.
- Панов, 1974.— *Панов М. В.* Теория фонем Н. Ф. Яковлевса и создание новых письменностей в СССР.— Народы Азии и Африки. 1974, № 4.
- Петерсон, 1927.— *Петерсон М. Н.* Проблемы индоевропейского языковедения за 10 лет (с 1917 года до 1927 года) в СССР.— Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т. III. М., 1927.
- Петрова, 1933.— *Петрова Е. Н.* (совместно с Н. П. Андреевым, О. А. Моденской и О. В. Вейспал). Русский язык и литература в средней школе. Методические материалы. Л., 1933.
- Петрова, 1936 — *Петрова Е. Н.* Грамматика в средней школе. Методические очерки. М.— Л., 1936.
- Покровский, 1933.— *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.— Л., 1933.
- Поливанов, 1923.— *Поливанов Е. Д.* Дальневосточные термины орудий письма. Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Таш., 1923.

- Поливанов, 1931а.— *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. М., 1931.
- Поливанов, 1931б.— *П[оливанов] Е.* Японский язык.— БСЭ. Изд. 1-е Т. 65. М., 1931.
- Поливанов, 1968.— *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов, 1991.— *Поливанов Е. Д.* Избранные труды по общему и восточному языкознанию. М., 1991.
- Поппе, 1940.— *Поппе Н.* Урало-алтайская теория в свете алтайского языкознания.— ИЛЯ. 1940, № 3.
- Поржезинский, 1916.— *Поржезинский В.* Введение в языковедение. М., 1916.
- Предисловие, 1936.— Предисловие.— В кн.: ВЦКНА Н. Я. Марру. М., 1936.
- Прения, 1929.— Прения по докладу проф. Поливанова Е. Д. на тему «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», 18 и 25 февраля 1929 г. Стенограмма.
- Рафаил, 1930.— *Рафаил М.* Марксизм и яфетическая теория.— Новый Восток. Кн. 28. М., 1930.
- Резников, 1948.— *Резников Л. О.* Против агностицизма в языкознании (Критика знаковой теории языка).— ИЛЯ. 1948, № 5.
- Реформатский, 1947.— *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. Пособие для учительских институтов. М., 1947.
- Реформатский, 1970а.— *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Реформатский, 1970б.— *Реформатский А. А.* Петр Саввич Кузнецов.— Язык и человек. М., 1970.
- Самарин, 1950.— *Самарин А. М.* О состоянии учебной и научной работы по языкознанию в вузах и меры по ее улучшению.— ВВШ. 1950, № 9.
- Самойлович, 1935.— *Самойлович А. Н.* Туркология и новое учение о языке.— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935.
- Санжеев, 1940.— *Санжеев Г. Д.* Грамматические приемы в монгольских языках.— Ученые записки Московского института востоковедения. Сб. 2. М., 1940.
- Санжеев, 1947а.— *Санжеев Г. Д.* Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков.— Ученые записки Московского института востоковедения. Сб. 5. М., 1947.
- Санжеев, 1947б.— *Санжеев Г. Д.* К тюрко-монгольской лингвистической проблеме.— Ученые записки Московского института востоковедения. Сб. 4. М., 1947.
- Санжеев, 1951.— *Санжеев Г. Д.* Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи в области востоковедения.— Труды Московского института востоковедения. Вып. 6. М., 1951.
- Севортян, 1932.— *Севортян Э.* Упрощенчество плюс политические ошибки.— За коммунистическое просвещение. 23.11.1932.
- Сенкевич-Гудкова, 1950.— *Сенкевич-Гудкова В. В.* Д. В. Бубрих как исследователь финно-угорских языков.— ИЛЯ. 1950, № 3.
- Сенкевич-Гудкова, 1951.— *Сенкевич-Гудкова В. В.* К проблеме происхождения родственных групп и семей языков.— Советская этнография. 1951, № 2.
- Сергиенко, Сухачев, 1989.— *Сергиенко М. Е., Сухачев Н. Л.* Профессор Б. В. Казанский (1889—1962).— Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 4. 1989.
- Сердюченко, 1930.— *Сердюченко Г. П.* Лингвистическая теория Гуго Шухардта.— Известия Северо-Кавказского государственного университета. Т. I. Ростов-на-Дону. 1930.
- Сердюченко, 1931.— *Сердюченко Г. П.* Старое и новое в науке о языке.— На подъеме. 1931, № 4.
- Сердюченко, 1932.— *Сердюченко Г. П.* Буржуазная контрабанда на фронте языкового строительства.— РИГ. 1932, № 1.
- Сердюченко, 1935.— *Сердюченко Г. П.* О чечено-ингушском консонантизме.— Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.— Л., 1935.
- Сердюченко, 1948.— *Сердюченко Г. П.* Очерки по вопросам перевода. Нальчик, 1948.
- Сердюченко, 1949а.— *Сердюченко Г. П.* За дальнейший подъем нового, материалистического учения о языке.— ИЛЯ. 1949, № 4.
- Сердюченко, 1949б.— *Сердюченко Г. П.* О словообразовании в яфетических

- языках Западного Кавказа.— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР. Т. V. Нальчик, 1949.
- Сердюченко, 1949в.— *Сердюченко Г. П.* Роль Н. Я. Марра в развитии материалистического учения о языке. М., 1949.
- Сердюченко, 1950.— *Сердюченко Г. П.* Академик Н. Я. Марр — основатель советского материалистического языкознания. М., 1950.
- Сердюченко, 1964.— *Сердюченко Г. П.* О некоторых философских вопросах общего языкознания.— Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Сердюченко, Мальсагов, 1932.— *Сердюченко Г., Мальсагов С.* Полностью разоблачить классового врага на лингвистическом фронте.— РИГ. 1932, № 2—3.
- Сердюченко, Петрова, Добромыслов, 1949.— *Сердюченко Г. П., Петрова Е. Н., Добромыслов В. А.* Об улучшении преподавания русского языка в V—VII классах средней школы. М., 1949.
- Серебренников, 1950.— *Серебренников Б. А.* К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании.— ИЛЯ. 1950, № 3.
- Серебренников, 1983.— *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Сессия, 1951.— Стенограмма научной сессии, посвященной вопросу «Труды товарища И. В. Сталина по языкознанию и основные проблемы изучения китайского языка». Институт востоковедения АН СССР. М., 1951. Машинопись, архив автора книги.
- Сессия, 1953.— Стенограмма заседания научной сессии филологической секции ученого совета Института востоковедения АН СССР 6 июля 1953 г. М. Машинопись, архив автора книги.
- Сидоров, Ильинская, 1949.— *Сидоров В. Н., Ильинская И. С.* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке.— ИЛЯ. 1949, № 4.
- Слюсарева, Страхова, 1976.— *Слюсарева Н. А., Страхова В. С.* История языкознания (пособие для студентов-заочников). Вып. 7. М., 1976.
- Сойфер, 1988.— *Сойфер В. Н.* Горький плод.— Огонек. 1988, № 1, 2.
- Солженицын, 1990.— *Солженицын А. И.* В круге первом.— Новый мир. 1990, № 2.
- Стратановский, 1981.— *Стратановский Г. А.* Фукидид и его «История».— В кн.: *Фукидид.* История. Л., 1981.
- Сухотин, 1931.— *Сухотин А. М.* [Рец. на кн.:] *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание.— КИПВ. Вып. X, 1931.
- Сухотин, 1932.— *Сухотин А. М.* Вопросы языкового строительства в журналах.— Революция и письменность. Вып. 3. М., 1932.
- Сыромятников, 1955.— *Сыромятников Н. А.* Некоторые спорные вопросы изучения японского языка.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Вып. XII. М., 1955.
- Табидзе, 1964.— *Табидзе Т.* Из автобиографии.— В кн.: *Тициан Табидзе.* Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1964.
- Теоретические, 1964.— Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Трубачев, 1968.— *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования.— Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
- Трубецкой, 1987.— *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Фасмер, 1986.— *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986.
- Федосеев, 1964.— *Федосеев П. Н.* Некоторые вопросы развития советского языкознания.— Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Филин, 1931.— *Филин Ф.* К вопросу о языковом строительстве в национальных республиках.— Просвещение национальностей. 1931, № 11—12.
- Филин, 1936а.— *Филин Ф.* Генетические взаимоотношения русского языка с языками других национальностей СССР в работах Н. Я. Марра.— ВЦКНА Н. Я. Марру. М., 1936.

- Филин, 19366.— *Филин Ф. П.* Исследование по лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.— Л., 1936.
- Филин, 1940.— *Филин Ф. П.* Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940.
- Филин, 1947.— *Филин Ф. П.* Наука о русском языке за тридцать лет.— ИЛЯ. 1947, № 5.
- Филин, 1948.— *Филин Ф. П.* О двух направлениях в языковедении.— ИЛЯ. 1948, № 6.
- Филин, 1949.— *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949.
- Филин, 1954.— *Филин Ф. П.* Происхождение и развитие русского языка. М., 1954.
- Филин, 1973.— *Филин Ф. П.* Рыцарь русского слова. К 100-летию со дня рождения Дмитрия Николаевича Ушакова.— Советская Россия. 25.01.1973.
- Филин, 1977.— *Филин Ф. П.* Советское языкознание: теория и практика.— ВЯ. 1977, № 5.
- Филин, 1978.— Федот Петрович Филин. Биобиблиография ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 12. М., 1978.
- Филин, 1988.— *Филин Ф. П.* Мой путь в науке.— Русская речь. 1988, № 2.
- Фрейденберг, 1988.— *Фрейденберг О. М.* Воспоминания о Н. Я. Марре.— Восток—Запад. М., 1988.
- Фрейман, 1946.— *Фрейман А. А.* Задачи иранской филологии.— ИЛЯ. 1946, № 5.
- Фрейман, 1947.— *Фрейман А. А.* Хеттский язык в его отношении к индоевропейскому.— ИЛЯ. 1947, № 3.
- Хайду, 1985.— *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- Холодович, 1930.— *Холодович А. А.* Марксистская лингвистика и ее «левые» критики.— Звезда. 1930, № 12.
- Холодович, 1947.— *Холодович А. А.* К итогам обсуждения проблемы стадильности.— ИЛЯ. 1947, № 3.
- Холодович, 1977.— *Холодович А. А.* О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра.— В кн.: *Ф. де Соссюр.* Труды по общему языкознанию. М., 1977.
- Цукерман, 1941.— *Цукерман И. И.* Проблемы нового учения о языке и задачи советского языкознания.— СН. 1941, № 4.
- Цукерман, 1950.— *Цукерман И. И.* Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр. М.— Л., 1950.
- Чемоданов, 1947.— *Чемоданов Н. С.* Структурализм и советское языкознание.— ИЛЯ. 1947, № 2.
- Чикобава, 1950а.— *Чикобава А. С.* Состояние и задачи советской науки о языке в свете указаний И. В. Сталина.— ИЛЯ. 1950, № 2.
- Чикобава, 1950б.— *Чикобава А. С.* Сталинский этап в развитии советского языкознания.— ЛГ. 14.11.1950.
- Чикобава, 1979.— Арнольд Чикобава. Биобиблиографическая серия «Грузинские ученые». Тб., 1979.
- Чикобава, 1985.— *Чикобава Арн.* Когда и как это было.— Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. XII. Тб., 1985.
- Чхаидзе, 1939.— *Чхаидзе М. П.* Спряжение глаголов в марийском языке в свете стадильного развития речи. М.— Л., 1939.
- Шахматов, 1941.— *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941. 2-е изд. М.: УРСС, 2001.
- Шкловский, 1966.— *Шкловский В. Б.* Жили-были. М., 1966.
- Шор, 1927.— *Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики.— ЯС. Вып. V. 1927.
- Шор, Чемоданов, 1945.— *Шор Р. О., Чемоданов Н. С.* Введение в языковедение. М., 1945.
- Шрадер, 1886.— *Шрадер О.* Сравнительное языкознание и первобытная история. Спб., 1886. 2-е изд. М.: УРСС, 2003.
- Щерба, 1935.— *Щерба Л. В.* О «диффузных звуках».— Академик наук СССР академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935.
- Юзбашян, 1986.— *Юзбашян К. Н.* Академик И. А. Орбели. М., 1986.
- Юшманов, 1930.— *Юшманов Н. В.* Арабский язык латинскими буквами (мальтийское наречие).— КИПВ. Вып. VI, 1930.

- Юшманов, 1937.— *Юшманов Н. В.* Фонетические параллели африканских и яфетических языков.— *Africana*. М.—Л., 1937.
- Юшманов, 1938.— *Юшманов Н. В.* Сингармонизм урмийского наречия.— Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934). М.—Л., 1938.
- Язык, 1936.— Язык и история. I. М.—Л., 1936.
- Яковлев, 1928.— *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита.— КИПВ. Вып. I, 1928.
- Яковлев, 1930.— *Яковлев Н. Ф.* Языки и народы Кавказа. Тб., 1930.
- Яковлев, 1931.— *Яковлев Н. Ф.* «Аналитический» или «новый» алфавит? — КИПВ. Вып. X. 1931.
- Яковлев, 1949а.— *Яковлев Н. Ф.* Академик Н. Я. Марр как гражданин и ученый (к 15-летию смерти).— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР. Т. V. Нальчик, 1949.
- Яковлев, 1949б.— *Яковлев Н. Ф.* Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период.— Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.—Л., 1949.
- Яковлев, 1950.— *Яковлев Н. Ф.* Лекции по языкознанию. Московский институт востоковедения, 1950/51 учебный год. Рукопись.
- Яковлев и др., 1941.— *Яковлев Б. В., Былинский К. И., Виноградов В. В.* Язык газеты. Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников. М., 1941.
- Якубинский, 1947.— *Якубинский Л. П.* Образование народностей и их языков.— Вестник ЛГУ. 1947, № 1.
- Якубинский, 1986.— *Якубинский Л. П.* Избранные работы. М., 1986.
- Ярошевский, 1946.— *Ярошевский М. Г.* Понятие внутренней формы слова у Потемби.— ИЛЯ. 1946, № 5.
- Ярцева, 1947.— *Ярцева В. Н.* Основной характер словосочетания в английском языке.— ИЛЯ. 1947, № 6.
- Пориванову, 1976.— *Пориванову Е. Д.* Нихонго-кэнкю: (Поливанов Е. Д. Исследования по японскому языку). Токио, 1976 (на яп. яз.).
- Токиэда, 1976.— *Токиэда Мотоки.* Сута:рин «Гэнгогаку-ни океру марукусю-ги»-ни кансэтэ (О работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»).— В кн: *Токиэда Мотоки.* Гэнго-сэйкацу-роп (Теория языкового существования). Токио, 1976 (впервые опубликовано в 1950 г.) (на яп. яз.).
- Genty, 1977.— *Genty C.* Entre l'histoire et le mythe. E. D. Polivanov. 1891—1938.— *Cahiers de Monde russe et Soviétique*. XVIII (3), 1977.
- L'Hermitte, 1987.— *L'Hermitte R.* Marr, Marrisme, Marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique. P., 1987.
- Malkiel, 1974.— *M[alkiel] Y.* Viktor M. Zirmunskij.— *Romance Philology*. 1974, vol. XXVIII, № 1.
- Marcellesi, Gardin, 1974.— *Marcellesi J.-B., Gardin B.* Introduction à la sociolinguistique. P., 1974.
- Miller, 1982.— *Miller R. A.* Japan's Modern Myth. The Language and Beyond. New York—Tokyo, 1982.
- Mounin, 1972.— *Mounin G.* Histoire de la linguistique. P., 1972.
- Poppe, 1983.— *Poppe N.* Reminiscences. Western Washington, 1983.
- Rubenstein, 1951.— *Rubenstein H.* The Recent Conflict in Soviet Linguistics.— *Language*. 1951, vol. 27, № 3.
- Sauvageot, 1935.— *Sauvageot A.* Linguistique et marxisme.— *A la lumière du marxisme*. Vol. 1. P., 1935.
- Scöld, 1929.— *Scöld H.* Zur Verwandtschaftslehre: die Kaukasische Mode. Lund, 1929.
- Thomas, 1957.— *Thomas L. L.* The Linguistic Theories of N. Ya. Marr. Berkeley—Los Angeles, 1957.
- Trubetskey, 1975.— *N. S. Trubetskoy's Letters and Notes*. The Hague—Paris, 1975.
- Unbegaun, 1954.— *Unbegaun B. O.* Some Recent Studies on the History of the Russian Language.— *Oxford Slavonic Papers*. 1954, vol. 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев Василий Иванович 1900—2001
5, 8, 11, 12, 25, 29, 32, 33, 37, 44,
76, 139, 165, 166, 210, 212.
- Абакумов Сергей Иванович 1890—
1949 153, 159
- Абрамов Федор Александрович 1920—
1983 192
- Аванесов Рубен Иванович 1902—1982
98, 138, 144, 145, 149, 155, 157,
163, 198, 204
- Авербах Леопольд Леонидович 1903—
1937 73
- Аврорин Валентин Александрович
1907—1977 114, 149
- Агамали оглы Самед Ага 1867—1930
52
- Агапов Борис Николаевич 1899—1973
144
- Аджубей Алексей Иванович 1929 —
1993 219
- Аксаков Константин Сергеевич 1817—
1860 151
- Алавердов Константин Александрович
1883—1946 43, 95—97, 107, 114
- Алатырев Василий Иванович 159, 166
- Александров Георгий Федорович
1908—1961 168
- Алексеев Василий Михайлович 1881—
1951 8, 12, 54
- Аллен 64, 65, 99, 153
- Альтман Мойсей Семенович 1906—1986
54, 55, 67
- Андерсен Ганс Христиан 1805—1875
68
- Андреев А. П. 35, 41, 45
- Аничков Игорь Евгеньевич 1897—1978
12, 85, 93, 113
- Апресян Юрий Дереникович р.1930 164
- Аптскарь Валериан Борисович 1899—
1937 20, 22, 55, 56, 67, 68, 81, 82,
84—86, 88, 90, 91, 93, 95—97, 99,
106, 107, 112, 114, 116, 117, 121
- Артемов Владимир Александрович
1897—1983 98
- Архангельский Николай Порфирьевич
104
- Асколи Грациадно Изая 1829—1907
49
- Ахведиани Георгий Сариданович
1887—1973 111, 139, 141, 165, 166,
170, 191
- Ахманова Ольга Сергеевна 1908—1991
115, 123, 124, 219
- Ахунзянов Энвар Махмудович 156
- Ачарян Рачия Акопович 1876—1953
20, 60, 139, 157, 167, 182, 186
- Ашнин Федор Дмитриевич 1922—2000
5, 12, 56
- Ашхамаф Дауд Алиевич 1897—1946
128
- Базилевич Леонид Илларионович
1892—1975 91
- Базиянц Ашот Патваканович 1919—
1999 5
- Балли Шарль 1865—1947 208
- Бартольд Василий Владимирович
1869—1930 8, 20
- Бархударов Степан Григорьевич
1894—1983 194
- Баушев К. М. 56, 119
- Бауэр Отто 1882—1938 103
- Бахтин Михаил Михайлович 1895—
1975 101, 200
- Башинджагян Левон Геворкович
1893—1938 45, 50, 55, 64, 82, 114,
119
- Беккер Карл Фердинанд 1775—1849
71
- Белсвицкий Сергей Львович 95
- Белкин А. 188
- Белый Андрей (Бугаев Борис Нико-
лаевич) 1880—1934 141
- Бенвенист Эмиль 1902—1976 208
- Берадзе Вукол Михайлович 1883—
1963 110
- Берг Лев Семенович 1876—1950 29
- Бердзенишвили Николай Александров-
ич 1835—1965 181
- Берников Николай Николаевич 155
- Бернштам Александр Натанович
1910—1956 76

- Бернштейн Самуил Борисович 1911—1997 5, 83, 95, 98, 167, 205
 Бернштейн Сергей Игнатьевич 1892—1970 4
 Бертельс Евгений Эдуардович 1890—1957 29
 Бечелор Джон 1845—1944 63
 Блэйк Р. 30
 Блумфильд Леонард 1887—1949 127
 Боас Франц 1858—1942 60, 137
 Богаевский Борис Леонидович 1882—1942 54, 55, 68
 Богораз Владимир Германович 1865—1936 29
 Богородицкий Василий Алексеевич 1857—1941 141
 Бодуэн де Куртэнз Иван Александрович 1845—1929 26, 49, 63, 82, 209
 Бопп Франц 1791—1867 71, 145, 148, 179, 207
 Боровков Александр Константинович 1904—1962 58, 101
 Бочачер Марк Наумович 1896—1939 98
 Бошнян Геворк Мнацаканович 1908—.... 182
 Брагинская Нина Владимировна 217
 Брагинский Иосиф Самуилович 1905—1989 155
 Браун Федор Александрович 1862—1942 30, 31, 131
 Брэндалл Вигго 1887—1942 209
 Брок Олаф 1867—1961 152
 Броссе Марий Иванович 1802—1880 13
 Бругман Карл 1849—1919 48
 Брюсов Валерий Яковлевич 1873—1924 29, 54
 Бубнов Андрей Сергеевич 1883—1938 98
 Бубрих Дмитрий Владимирович 1890—1949 53, 92, 93, 101, 114, 118, 126, 128, 129, 133, 140, 148—150, 158, 159, 199, 213
 Будагов Рубен Александрович 1910—2001 154, 217
 Булаховский Леонид Арсеньевич 1888—1961 139, 140, 141, 145, 148, 169, 173, 175—177, 198 199, 217
 Бурдуков Алексей Васильевич 1883—1943 114
 Бурсье Эдуард 1854—1946 208
 Буслаев Федор Иванович 1818—1897 124, 136
 Бухарин Николай Иванович 1888—1938 70, 73, 84, 184
 Быковский Сергей Николаевич 1896—1936 50, 55, 62, 81, 95, 97, 100, 107, 114, 121
 Былинский Константин Иакинфович 1886—1960 185
 Быховская Софья Леонидовна 1896—1942 29, 65, 102, 114, 123, 124
 Бюлер Карл 1879—1963 209
 Вавилов Николай Иванович 1887—1943 110
 Вавилов Сергей Иванович 1891—1951 158
 Вайян Андре 1890—1977 208
 Вандриес Жозеф 1875—1960 30, 127, 136, 189
 Вардуль Игорь Фридрихович 1923—1998 5
 Васильев Борис Александрович 1899—1937 113
 Вейсман Август 1834—1914 147
 Весселовский Александр Николаевич 1838—1906 9, 143, 145, 155
 Веселовский Николай Иванович 1848—1918 22
 Виноградов Виктор Алексеевич р. 1939 5
 Виноградов Виктор Владимирович 1895—1969 4, 101, 109, 113, 122, 140, 141, 144—146, 148—153, 155, 157, 158, 161, 164, 169, 173—177, 191, 193—198, 202, 203, 205—207, 211
 Винокур Григорий Осипович 1896—1947 48, 79, 101, 141, 149
 Владимирцов Борис Яковлевич 1884—1931 29, 81, 86, 127
 Вознесенский Александр Алексеевич 1898—1950 157
 Волошинов Валентин Николаевич 1895—1936 101, 200
 Вольтер (Аруэ Мари Франсуа) 1694—1778 90
 Востоков [Остенок] Александр Христофорович 1781—1864 179
 Вышинский Андрей Януарьевич 1883—1954 83
 Габуниа Зинаида Михайловна 215
 Галилей Галилео 1564—1642 90
 Галкина-Федорук Евдокия Михайловна 1898—1965 98, 141, 151
 Гамкрелидзе Тамаз Валерианович р. 1929 36
 Гарибян Арарат Саакович 1899—1977 166, 192
 Гарнак Адольф 1851—1930 9
 Гвоздев Александр Николаевич 1892—1959 101
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 1770—1831 73, 96
 Генко Анатолий Несторович 1896—1941 29, 81, 114, 216
 Гиннекен ван Якобус Йоханнес Антониус 1877—1945 136
 Гиппиус Зинаида Николаевна 1869—1945, 212

- Глаголев Николай Александрович 1896—1984 144
- Глonti Александр Андреевич р. 1912 57, 170
- Голанов Иван Григорьевич 1890—1967 109
- Голубева Ольга Дмитриевна 215, 216
- Гомер 27, 66
- Горбаневский Михаил Викторович р. 1953 220
- Гордлевский Владимир Александрович 1876—1956 140
- Горнунг Борис Владимирович 1899—1976 11, 14, 15, 49, 56, 93
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) 1868—1936 73, 107
- Гранде Бенцон Меерович 1891—1974 50, 51, 89, 145
- Гримм Якоб 1785—1863 71, 179
- Гринкова Надежда Павловна 1895—1961 194
- Грозный Бедржих 1879—1952 24
- Грушевский Михаил Сергеевич 1866—1934 126
- Гумбольдт Вильгельм 1767—1835 96, 121, 138, 145, 147, 148
- Гуриели 6
- Гус Михаил Семенович 1900—1984 95, 98
- Гухман Мирра Моисеевна 1904—1989 114, 124 137, 152, 155, 157, 194, 195
- Данилов Георгий Константинович 1896—1937 95—98, 100—102, 114, 115
- Дарвин Чарлз Роберт 1809—1882 6, 110, 153
- Деборин Абрам Моисеевич 1881—1963 54, 55
- Девлеткильдеева Фатима Аскарвна 1886—... 56
- Дельбрюк Бертольд 1842—1922 48
- Денисевич Григорий Васильевич 151
- Державин Константин Николаевич 1903—1956 200
- Державин Николай Севастьянович 1877—1953 89, 80, 107, 117, 131, 218
- Десницкая Агния Васильевна 1912—1992 5, 69, 114, 119, 133—135, 152, 154, 155, 157, 161, 184, 195
- Дешериев Юнус Дешериевич р. 1918 57
- Джавахишвили Иван Александрович 1876—1940 9, 170
- Джанашиа Симон Николаевич 1900—1947 181
- Джусойты Нафи Григорьевич р. 1935 201
- Дзидзигури Шота Варламович р. 1911 217
- Дич Фридрих Кристиан 1794—1876 71
- Дмитриев Николай Константинович 1898—1954 115, 140
- Дмитриев-Кельда Игнатий Дмитриевич р. 1902 51, 56, 119, 147
- Добродомов Игорь Георгиевич р. 1935 5
- Долгопольский Арон Борисович р. 1930 210
- Долобо Милий Герасимович 1884—1935 29, 72, 81, 140
- Дондуа Карпез Дариспанович 1891—1951 10, 29, 81, 114
- Драгунов Александр Александрович 1900—1955 198
- Дрезен Эрнст Карлович 1897—1937 95
- Дурново Николай Николаевич 1876—1937 101, 109, 125
- Дьяконов Игорь Михайлович 1915—1999 25
- Дьяконов Михаил Александрович 1855—1919 8
- Дюринг Евгений 1833—1921 71
- Еголин Александр Николаевич 1896—1959 152
- Ернштедт Петр Викторович 1890—1966 29
- Есперсен Йенс Отто 1860—1943 122, 124, 157
- Жанти Катрин 83, 113
- Жданов Андрей Александрович 1896—1948 86, 143, 146, 151, 175
- Жданов Юрий Андреевич р. 1919 146
- Жебелёв Сергей Александрович 1867—1941 6, 29
- Жильерон Жюль 1854—1926 125
- Жирков Лев Иванович 1885—1963 29, 53, 87, 89, 90, 92, 93, 98, 101, 105, 115, 128, 129, 157, 178, 194, 209
- Жирмунский Виктор Максимович 1891—1971 11, 50, 72, 96, 114, 118, 124, 128, 131, 133—136, 140, 145, 146, 149, 150, 154, 157, 161, 197, 200
- Жубанов Худайберген Куанович 1899—1938 113
- Жуковская Лидия Петровна 1920—1994 219
- Жуковский Валентин Алексеевич 1858—1918 8
- Залеман Карл Германович 1849—1916 8, 13, 17
- Зарубин Иван Иванович 1887—1964 23, 29

- Звегинцев Владимир Андреевич 1910—1988 5, 98, 121, 184, 185, 219
- Зелинский Корнелий Люцианович 1896—1970 144
- Зигварт Христоф 1830—1904 156
- Зиндер Лев Рафаилович 1904—1995 152, 154, 157, 169
- Золотов Николай Яковлевич 1898—1967 56
- Зыцарь Юрий Владимирович 10, 31, 216
- Иванов Вячеслав Всеславович р. 1929 25, 133
- Иванов Павел Григорьевич 35, 62
- Иванова Наталья Борисовна 218
- Игнатъев А. 21
- Икрамов Акмаль Икрамович 1898—1938 114
- Ильинская Ирина Сергеевна 1908—1980 164
- Ильинский Григорий Андреевич 1876—1937 29, 86, 90, 109, 114, 125
- Ильиш Борис Александрович 1902—1971 155
- Иоффе Абрам Федорович 1880—1960 54
- Истрин Василий Михайлович 1865—1937 86
- Каверин Вениамин Александрович 1902—1989 52
- Каганович Лазарь Моисеевич 1893—1991 105
- Капанцян Григорий Айвазович 1887—1957 139, 140, 157, 158, 165, 167, 169, 172, 173, 182, 186, 198
- Капица Петр Леонидович 1894—1984 137
- Капустин Михаил Павлович 217
- Каринский Николай Михайлович 1873—1935 67, 98, 101
- Карпинский Александр Петрович 1847—1936 54, 110
- Карцевский Сергей Осипович 1884—1955 77
- Кассо Лев Аристидович 1865—1914 21
- Каутский Карл 1854—1938 103, 197
- Кафтанов Сергей Васильевич 1905—1978 198, 207
- Кацнельсон Соломон Давидович 1907—1985 71, 99, 122—124, 136, 137, 146, 157, 194, 195
- Келлер Борис Александрович 1874—1945 94
- Керт Георгий Мартынович р. 1923 213
- Кипарский Валентин р. 1904 93, 131
- Кипшидзе Иосиф Алексеевич 1882—1919 19, 170
- Киров (Костриков) Сергей Миронович 1886—1934 110
- Климов Георгий Андреевич 1928—1997 5, 124
- Ковалев Сергей Иванович 1886—1960 54, 55, 68
- Койперс Эрт Х. 128
- Коковцов Павел Константинович 1861—1942 8
- Колоколов Всеволод Сергеевич 1896—1979 203
- Колпакчи Евгения Максимовна 1902—1952 113, 195, 202
- Кольцов Михаил Ефимович 1898—1940 108
- Комарович Василий Леонидович 1894—1942 86
- Кононов Андрей Николаевич 1906—1986 4
- Конрад Николай Иосифович 1891—1970 112, 113, 158, 174, 198, 203, 205, 206
- Концевич Лев Рафаилович р. 1930 5, 88, 91, 196
- Коперник Николай 1473—1543 6, 110, 153
- Кошкин (Алькор) Ян Петрович 113, 114
- Коэн Марсель 1884—1975 65, 189
- Красовицкая Тамара Юсуповна 218
- Крачковский Игнатий Юлианович 1883—1951 8, 29, 54, 158, 213
- Крашенинникова Екатерина Александровна 1920—1997 187, 188, 191
- Крѣз VI в. до н. э. 87
- Крейнович Ерухим Абрамович 1906—1985 114
- Кудрявский Дмитрий Николаевич 1867—1920 163, 185
- Кудрявцев Василий Дмитриевич 1898—... 169, 180
- Кузнецов Петр Саввич 1899—1968 30, 56, 95, 98, 99, 135, 138, 139, 149, 150, 153, 157, 165, 167, 180, 184, 188 197
- Курилович Ежи 1895—1978 123, 140, 146
- Кусикьян Иосиф Карпович 1890—1964 50, 57, 89, 95, 103—105, 107, 115, 144, 145, 180, 198
- Лао-цзы 12
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич 1863—1919 8
- Ларин Борис Александрович 1893—1964 114, 154, 155, 157, 165
- Ларцев Василий Григорьевич 1925—1989 5, 219
- Лассаль Фердинанд 1825—1864 71
- Латынин Борис Александрович 1899—1967 115

- Латышев Василий Васильевич 1855—1921 8
- Лафарг Поль 1842—1911 72, 73
- Лебедев-Полянский Павел Иванович 1882—1948 143
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 1870—1924 68, 71, 73, 158, 178
- Леонтьев Алексей Алексеевич р. 1936 82, 200
- Лепешинская Ольга Борисовна 1871—1963 182
- Лермит Рене 3, 69, 83, 125, 154, 183
- Лескин Август 1840—1916 48
- Ломоносов Михаил Васильевич 1711—1765 145, 163
- Ломтсв Тимофей Петрович 1906—1972 95, 97—100, 102, 160, 163, 165, 191
- Лошкарева Нина Константиновна 200, 217
- Лоя Ян Велюмович 1896—1969 95, 213
- Лудольф Генрих Вильгельм 1655—1712 155
- Луначарский Анатолий Васильевич 1875—1933 54, 80, 83, 184
- Лысенко Трофим Денисович 1898—1976 33, 137, 148, 168, 182, 198, 217
- Льюис Хенри 1890—1969 208
- Ляпунов Борис Михайлович 1862—1943 114
- Малов Сергей Ефимович 1880—1957 4
- Малышева-Виноградова Надежда Матвеевна 1896—1990 5, 141, 174
- Мальцев Михаил Дмитриевич 1892—1954 158, 194, 195
- Мао Цзэдун 1893—1976 185
- Марнengoф Анатолий Борисович 1897—1962 47
- Маркс Карл 1818—1883 68—72, 97, 99, 152
- Марр Джеймс 1779—1874 6
- Марр Николай Яковлевич 1864 (или 1865)—1934 3—39, 41—97, 99—112, 114—131, 133—142, 144, 145, 147—156, 158—167, 169—180, 182—189, 191—194, 196—203, 205, 209—213, 214—219
- Марр С. М. 212
- Марьямов Александр Моисеевич 1909—1972 144
- Маслов Юрий Сергеевич 1914—1990 5
- Матвеев Тимофей Матвеевич 1884—1939 56
- Мацокин Николай Петрович 1886—1937 112, 113
- Мацулевич Леонид Антонович 1886—1959, 65
- Маяковский Владимир Владимирович 1893—1930 59
- Мегрелидзе Иосиф Варфоломеевич р. 1909 57, 85, 212
- Мейс Антуан 1866—1936 13, 14, 17, 30, 31, 60, 61, 63—65, 105, 106, 126, 133—135, 141, 172, 208
- Меликишвили Георгий Александрович 1918—2002 19
- Мелиоранский Платон Михайлович 1868—1906 8
- Менделеев Дмитрий Иванович 1834—1907 6, 153
- Мендель Грегор Иоганн 1822—1884 147, 207
- Меннинг У. 8
- Мсрежковский Дмитрий Сергеевич 1865—1941 212
- Мещанинов Иван Иванович 1883—1967 22, 25, 29, 31, 32, 36, 82, 86, 89, 90, 102, 107, 111, 112, 114—117, 119, 120, 121—124, 127, 128, 134—137, 140—149, 152, 154—156, 158, 163—167, 169, 173—180, 184, 186, 187, 192—197, 202, 212, 213
- Миклошич Франц 1813—1891 71
- Миллер Борис Всеволодович 1877—1956 115
- Миллер Рой Эндру р. 1924 34
- Миртов Алексей Васильевич 1886—1966 101
- Миханкова Вера Андреевна—1950 20, 28, 76, 107, 158, 161, 162
- Мичурин Иван Владимирович 1855—1935 116, 153
- Молотов Вячеслав Михайлович 1890—1986 147
- Москальская Ольга Ивановна 1914—1982 155
- Невский Николай Александрович 1892—1937 113
- Недялков Владимир Петрович р. 1928 5
- Немировский Михаил Яковлевич 1883—1965 80, 105, 106, 132, 134, 139
- Никитин Петр Васильевич 1849—1916 8
- Никифоров Степан Дмитриевич 1891—1951 169, 177, 194
- Никольский Владимир Капитонович 1894—1953 129, 160, 162, 164
- Обнорский Сергей Петрович 1888—1962 109, 110, 114, 140, 146
- Овидиев Николай Петрович 1892—1938 104
- Ожегов Сергей Иванович 1900—1964 180, 181
- Окладников Алексей Павлович 1908—1981 110

- Окубо Тадатоси р. 1909 190
 Ольденбург Сергей Федорович 1863—
 1934 8, 9, 13, 14, 21, 29, 54, 109
 Орбели Иосиф Абгарович 1887—1961
 9, 10, 19, 29, 81, 110
 Орбели Леон Абгарович 1882—1958
 195
 Ошанин Илья Михайлович 1900—1982
 155
- Павлов Иван Петрович 1849—1936
 116, 153, 184
 Панфилов Владимир Зиновьевич
 1928—1993 219
 Паперный Зиновий Самуилович
 1919—1996 219
 Патканов Кербэ Петрович 1833—
 1889 13
 Пауль Герман 1846—1921 124
 Пашков Борис Клемсентьевич 1891—
 1970 198
 Педерсен Хольгер 1867—1953 208
 Пейсиков Лазарь Самуилович 1915—
 1978 202
 Петерсон Михаил Николаевич 1885—
 1962 30, 79, 96, 101, 124, 140, 141,
 147, 149, 150, 156, 157, 165, 197,
 217
 Петров Дмитрий Константинович
 1872—1925 29
 Петрова Евгения Николаевна 1886—
 1961 71, 102, 108, 126, 146, 151,
 194
 Пешковский Александр Матвеевич
 1878—1933 4, 101, 102, 157
 Пикте Адольф 1799—1875 17
 Пиотровский Борис Борисович 1908—
 1990 110
 Позери Борис Павлович 1882—1939
 110
 Покровский Михаил Михайлович
 1868—1942 29, 83
 Покровский Михаил Николаевич
 1868—1932 54, 83, 91, 96, 184,
 218
 Поливанов Евгений Дмитриевич
 1891—1938 4, 9—11, 44, 45, 49,
 52, 53, 56, 59, 73, 87—93, 95—97,
 99, 101, 104, 113—115, 120, 124,
 133, 159, 168, 172, 178, 198, 200,
 203, 209, 217, 219
 Попов Александр Иванович 1899—
 1973 169, 177
 Поппе Николай Николаевич 1897—
 1991 81, 114
 Поржезинский Виктор Карлович
 1870—1929 52
 Поспелов Николай Семенович 1890—
 1984 135, 150, 198
 Потехина Александр Афанасьевич
 1835—1891 126, 136, 137, 148, 163,
 175, 198
 Презент Исаак Израильевич 1902—
 1969 44
 Пуанкаре Раймон 1860—1934 63
 Пузичкий Евгений Владимирович
 1929—1996 5
- Радлов Василий Васильевич (Фрид-
 рих Вильгельм) 1837—1918 8
 Ральцевич Василий Иосифович 65
 Реформатский Александр Александрови-
 ч 1900—1978 98, 127, 138, 145,
 148, 149, 150, 153, 157, 158, 165,
 170, 199, 206
 Родионов Н. 181
 Розен Виктор Романович 1849—1908
 7—9, 13—16
 Розенберг Федор Александрович
 1867—1934 29, 81
 Рошин Михаил Михайлович р. 1933
 218
 Руставели Шота 12 в. 210
- Самарин Александр Михайлович
 1902—1970 150, 198
 Самойлович Александр Николаевич
 1880—1938 8, 29, 87, 113
 Санжеев Гарма Данцаранович 1902—
 1982 50, 127, 169, 176, 177, 188,
 198
 Севортян Эрванд Владимирович
 1902—1978 99
 Селищев Афанасий Матвеевич 1886—
 1942 56, 98, 101, 109, 113, 148
 Сепир Эдуард 1884—1939 127, 137,
 155
 Сергиевский Максим Владимирович
 1892—1946 80, 140, 141, 148
 Сердюченко Георгий Петрович 1904—
 1965 73, 105, 106, 113, 115, 128,
 132, 144—147, 149—159, 163, 164,
 166, 167, 169—171, 173, 174, 176,
 177, 193—196, 204, 211, 212, 216
 Серебrenников Борис Александрович
 1915—1989, 5, 11, 73, 122, 162,
 165—167, 169, 172, 175, 179, 185,
 194, 198, 201, 202, 204, 213, 219
 Сидоров Владимир Николаевич 1903—
 1968 98, 109, 113, 138, 144, 145, 149,
 157, 164
 Скорик Петр Яковлевич 1906—1985
 156
 Слюсарева Наталья Александровна
 1918—2000 5
 Смирницкий Александр Иванович
 1903—1954 4
 Смирнов Яков Иванович 1869—1918
 20
 Соболевский Сергей Иванович 1864—
 1963 193

- Соважо Орельен 1897—... 72
- Сокольская (Строева) Татьяна Викторовна 157
- Солженицын Александр Исаевич р. 1918 183
- Солнцев Вадим Михайлович 1928—2000 198, 219
- Соммерфельт Альф 1892—1965 136
- Соссюр Фердинанд де 1857—1913 49, 63, 92, 106, 127, 137, 147, 148, 172, 178, 208
- Сpirкин Александр Георгиевич р. 1918 166, 212
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович 1879—1953 4, 68, 71, 73, 93, 94, 101, 105, 108, 117, 124, 141, 146, 158, 162, 181—195, 197—201, 203—207, 210, 211, 213, 215, 217—220
- Старостин Сергей Анатольевич р. 1953 25
- Струве Василий Васильевич 1889—1965 29, 81, 110, 219
- Суник Орест Петрович 1912—1988 194, 201
- Сухотин Алексей Михайлович 1888—1942 53, 92, 98, 138
- Сыромятников Николай Александрович 1911—1984 104, 195, 198, 202, 210
- Табидзе Тициан Юстинович 1895—1937 9
- Такайшвили Евфимий Семенович 1863—1953 8
- Тимирязев Климент Аркадьевич 1843—1920 116
- Тимофеев (Тимуха) Федор Тимофеевич 1883—1941 56
- Токиэда Мотоки 1900—1967 189
- Толстов Сергей Павлович 1907—1976 199
- Толстой Иван Иванович 1880—1954 193
- Томас Лоренс Лесли 3, 14, 19, 22, 32, 49, 100
- Томашевский Всеволод Брониславович 1891—1927 82
- Томсон Александр Иванович 1860—1935 12, 13, 64, 87, 99, 101
- Топоров Владимир Николаевич р. 1928 5
- Топчиев Александр Васильевич 1907—1962 146, 166, 193
- Третьяков Петр Николаевич 1909—1976 199
- Трир Йост 1894—1970 125
- Трубаев Олег Николаевич 1930—2002 139
- Трубецкой Николай Сергеевич 1890—1938 52, 76, 77, 80, 83, 92, 103, 133, 159, 208, 210
- Турчанинов Георгий Федорович 10, 109, 195
- Тыныстанов Касым Тыныстанович 1901—1938 113
- Уленбек Кристиан Корнелиус 1866—1951 30, 123, 136
- Унбгаун Борис Отакар 1898—1973 68
- Услар Петр Карлович 1816—1875 13
- Ушаков Дмитрий Николаевич 1873—1942 4, 52, 96, 101, 102, 108, 109, 140
- Фармаковский Борис Владимирович 1870—1928 22, 29
- Федоренко Николай Трофимович 1912—2000 185
- Федосеев Петр Николаевич 1908—1990 211
- Фейербах Людвиг 1804—1872 70
- Фельдман Наталья Исаевна 1903—1975 198
- Филин Федот Петрович 1908—1982 73, 100—102, 107, 119, 124—127, 132, 141, 145—150, 152, 155, 156, 158, 163—165, 167, 169, 170, 174, 175, 179, 180, 193—195, 197, 199, 200, 204, 206, 213, 217, 219
- Фортунов Филипп Федорович 1848—1914 198, 209
- Фосслер Карл 1872—1949 80, 172
- Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич 1880—1937 89
- Фрейдберг Ольга Михайловна 1890—1955 29, 33, 55, 56, 84, 217
- Фрейман Александр Арнольдович 1879—1968 29, 139, 145, 146, 152, 157
- Фридрих Йоганнес 1893—1972 208
- Фриче Владимир Михайлович 1870—1929 83, 84, 89, 91, 184
- Фурер С. 188
- Хейзе Карл Вильгельм 1797—1855 71
- Хлебников Виктор Владимирович 1885—1922 59
- Ходжа Энвер 1908—1985 184
- Ходжаев Файзулла 1896—1938 114
- Холодович Александр Алексеевич 1906—1977 33, 41, 44, 89, 112, 123, 152, 154, 156, 157, 195, 203, 209
- Холопов А. 188, 201
- Хомский Ноам р. 1928 190
- Хрушев Никита Сергеевич 1894—1971 183
- Цагарели Александр Антонович 1844—1929 7, 13

- Церетели Акакий Ростомович 1840—1915 7
- Цинциус Вера Ивановна 1903—1983 4
- Цукерман Исаак Иосифович 1909—1998 114, 158, 163, 194, 195
- Цшетке 62
- Чавчавадзе Илья Григорьевич 1837—1907 7
- Чарквиани Кандид Несторович р. 1907 181, 182
- Чебоксаров Николай Николаевич 1907—1980 118
- Чемберлен Остин 1863—1937 63
- Чемоданов Николай Сергеевич 1904—1986 72, 95, 126, 137, 138, 145, 150, 166, 167, 169, 178—180, 186, 191, 194
- Черкасова Евдокия Трофимовна 126
- Черных Петр Яковлевич 1896—1970 181, 191, 194, 197, 198
- Чернышев Василий Ильич 1867—1949 114, 141, 159
- Чернышевский Николай Гаврилович 1828—1889 157
- Чикобава Арнольд Степанович 1898—1985 10, 26, 111, 139, 143, 145, 148, 152, 157, 158, 165—172, 175, 177—186, 188, 194, 198, 199, 201, 202, 205, 208, 212, 218, 219
- Чобан-заде Бекир Вагап оглы 1893—1937 113
- Чхаидзе Михаил Павлович 1905—1987 126, 170
- Шабалин Михаил Николаевич 151
- Шайкевич Анатолий Янович р. 1933 5
- Шамиль 1797—1871 187
- Шанидзе Акакий Гаврилович 1887—1987 9, 19, 111, 139, 140, 170, 212
- Шапиро Абрам Борисович 1890—1966 101, 150, 156
- Шарадзендзе Тинатин Семеновна 1919—1983 44, 201
- Шахматов Алексей Александрович 1864—1920 124, 136, 148, 156, 158, 175, 207
- Шёльд Ханс 1886—1930 72, 77
- Шергин Борис Викторович 1896—1973 155
- Шилейко Вольдемар Казимирович 1891—1930 29
- Шишмарев Владимир Федорович 1875—1957 29, 76, 81, 114, 140, 145, 146, 150, 193
- Шкловский Виктор Борисович 1893—1984 29, 139
- Шлегель Август Вильгельм 1767—1845 37, 121
- Шлегель Фридрих 1772—1829 37, 121
- Шмидт Вильгельм 1868—1954 80
- Шнейдер Евгений Робертович 1897—1938 114
- Шор Розалия Осиповна 1894—1939 72, 80, 95, 101, 126, 127, 138, 140, 178
- Шпринцин Александр Григорьевич 1907—1974 114
- Шрадер Отто 1855—1919 17
- Штернберг Лев Яковлевич 1861—1927 29
- Штирнер Макс 1806—1856 99
- Шухардт Гуго 1842—1927 18, 49, 105, 106
- Щерба Лев Владимирович 1880—1944 4, 29, 49, 81, 101, 114, 127, 128, 140, 141, 152, 163, 198, 21
- Щербак Александр Михайлович р. 1928 5
- Щербатской Федор Ипполитович 1866—1942 8
- Щуцкий Юлиан Константинович 1897—1938 113
- Эйнштейн Альберт 1879—1955 62, 91
- Энгельс Фридрих 1820—1895 55, 68—72, 97, 99, 121, 140, 152, 154, 171, 173
- Юдакин Анатолий Петрович р. 1941 199, 218, 219
- Юдахин Константин Кузьмич 1890—1975 4
- Юшманов Николай Владимирович 1896—1946 92, 114, 128—130, 140, 209
- Якобсон Роман Осипович 1896—1982 52, 77, 83, 92, 160
- Яковлев Николай Феофанович 1892—1974 29, 52, 53, 58, 59, 89, 90, 92, 93, 98, 101—103, 105, 107, 112, 115, 128, 129, 134, 138, 157, 160—164, 175, 191, 194—196, 198, 204, 209, 216—218
- Якубинский Лев Петрович 1892—1945 76, 82, 99, 101, 107, 139, 140, 148, 200
- Янжул Иван Иванович 1846—1914 8
- Ярцева Виктория Николаевна 1906—1999 114, 136, 157

АВТОКОММЕНТАРИЙ

Стр. 3. «До сих пор... нет книги»... — помимо моей книги, в том же 1991 г. вышла книга [Горбаневский 1991], которую я тогда успел лишь кратко упомянуть. С тех пор в России специальные книги такого рода не издавались, однако надо отметить книгу [Сумерки 2001], в основном представляющую собой хрестоматию текстов той эпохи с краткими (слишком краткими, на мой взгляд) предисловием и комментариями.

Стр. 5. «Том до сих пор не вышел» — задуманное издание так и не состоялось.

Стр. 5. «Несколько статей по этой же теме» — более полную библиографию см. ниже.

Стр. 6. «Джеймс Марр» — по другим источникам, Джекоб.

Стр. 9. «Марр стал основателем кавказской археологии» — это высказывание несколько преувеличено: до Марра на Кавказе уже вели раскопки другие ученые, в том числе Н. И. Веселовский. Однако по масштабам своей археологической деятельности Марр превосшел предшественников.

Стр. 20. «Следует сказать и о политической позиции» — данные, свидетельствующие о тесном сотрудничестве Марра с властями до революции, см. [Платонова 1998, с. 372–376].

Стр. 21. «Обстоятельства назначения Марра деканом» — неточность, отмеченная в [Васильков 2001]: должность декана в те годы была выборной, и Марр был избран, а не назначен.

Стр. 21. «Гражданская война на несколько лет прервала связи с Кавказом» — это верно лишь в том смысле, что Марр в эти годы, в отличие от предыдущих и последующих, не ездил на Кавказ. Однако, как упомянуто выше, в это время Марр вел интенсивную переписку с руководителями провозгласившей независимость Грузии. Отметим, что их отношения в итоге не сложились не в связи с разными оценками русской революции или чем-нибудь подобным, а из-за вышеупомянутых разногласий по вопросу о характере создаваемого в Тбилиси университета.

Стр. 22. «Мещанинов был потомственным дворянином» — однако дворянином он был лишь во втором поколении: его отец И. В. Мещанинов получил потомственное дворянство, дослужившись до чина действительного статского советника. Одна из его должностей — начальник главного тюремного управления (до 1901 г.).

Стр. 26. «Классик отечественного языкознания И. А. Бодуэн де Куртенэ» — следует отметить, что И. А. Бодуэн де Куртенэ вообще очень сочувственно относился к Марру, все его оценки в статьях двухтомника [Бодуэн 1963] очень положительны. Марр, видимо, привлекал его как поисками родственных связей языков за пределами индоевропейской семьи, так и интересом к смешению языков.

Стр. 28. «Современные академические институты археологии и этнографии» — сейчас это три института Российской академии наук (РАН): Институт археологии в Москве, Институт антропологии и этнологии (бывший Институт этнографии) в Москве и Институт истории материальной культуры в Санкт-Петербурге. Последний институт до недавнего времени имел статус Ленинградского отделения Института

археологии, а став самостоятельным институтом, взял прежнее название, чтобы подчеркнуть преемственность.

Стр. 28. «Сотруднику современных академических институтов языкознания и русского языка» — сейчас имеются три института РАН, генетически восходящие к Яфетическому институту: Институт русского языка, Институт языкознания (оба в Москве) и Институт лингвистических исследований в Санкт-Петербурге.

Стр. 33. Эти воспоминания еще раз изданы в книге [Сумерки 2001, с. 425–443].

Стр. 35. «Учебник „Введение в яфетидологию“» — значительные по объему фрагменты из учебника переизданы: [Сумерки 2001, с. 273–325]. В ту же антологию (с. 177–272) включены и три статьи Марра.

Стр. 44. «Печально знаменитый И. И. Презент» — в книге «Марксизм и философия языка», впервые изданной в 1929 г., В. Н. Волошинов (и М. М. Бахтин?) назвал (назвали?) книжку [Презент 1928] «единственной марксистской работой, касающейся языка» [Волошинов 1995, с. 217]. Такое игнорирование работ Марра, к тому времени уже объявленных марксистскими (при том, что в других местах книги имя Марра упоминается), не могло не вызвать гнев марристов, и не удивительно, что Волошинов стал одной из жертв проработок с их стороны.

Стр. 53. О Н. Ф. Яковлеве см. также [Яковлев 1988; Ашнин, Алпатов 1994в].

Стр. 59. Сходство между Марром и В. Хлебниковым (лично, кажется, совсем не связанными, хотя младший Марр, Юрий Николаевич был поэтом-футуристом) просто поражает. В интереснейшей статье Г. О. Винокура о Хлебникове, написанной в 1945 г., но лишь недавно напечатанной, говорится: «В своем видении Хлебников сразу обнимал одним взором все времена и весь мир. Он интересовался отдаленными эпохами жизни человечества, старыми, забытыми культурами всех времен и всех народов. Он, в высшем, конечно, смысле, „не понимал“ разницы между VI и XX в., между египтянами и полабьянами... В Хлебникове говорит здесь не „архаист“... — в нем говорит современник всех эпох, соучастник всех культур» [Винокур 1990, с. 251]. Ср. с Марром, который искренне возводил различие католиков и протестантов к доисторическим временам, искал киммерийский элемент в современном русском языке и видел в написании немецких существительных с большой буквы влияние тотемного мышления. Показательно и то, что Хлебников тоже мечтал о едином языке [Винокур 1990, с. 252]. Разница, однако, была. Хлебников был поэтом и философом, хотя Г. О. Винокур упрекает его в том, что его поэзия «оказалась заражена теоретизмом» [Винокур 1990, с. 253]. Марр же свои «яфетические зори» преподносил в качестве научных теорий, каковыми они никак не могли быть. И, что еще хуже, он пытался искоренить теории, не соответствовавшие его построениям. О связи стиля работ Марра с поэтическим творчеством см. интересные выводы Я. В. Василькова: «Чтение работ Марра наводит на мысль, что он вряд ли отчетливо понимал различие в принципах научного — и художественного, поэтического творчества. Подобно поэту, он не считал нужным подвергать свои интуитивные прозрения анализом фактов и логической аргументацией» [Васильков 2001, с. 416]. См. также вполне верное замечание в газетной рецензии Г. Амелина: «Яфетидология ближе к театру Мейерхольда и поэзии Хлебникова, чем к академической лингвистике» [Ex libris НГ: 20.02.2003].

Стр. 67. «Новое мышление» — логические манипуляции с этим термином (как и активное применение термина «перестройка») были повторены совсем другим человеком более чем полвека спустя. Не приходится сомневаться в том, что Горбачев никогда не читал Марра. Здесь имеется типологическое сходство, на мой взгляд, показательное.

Стр. 68. «Марксисты считают мои работы марксистскими» — в [Scold 1929] приводится еще более откровенное высказывание Марра за рубежом: «С волками жить — по-волчьи выть!». Вероятно, Сталин был не прав, говоря о том, что Марр «хотел быть и старался быть марксистом». По всем данным, Марр вполне сознательно

подлаживался под марксизм, который внутренне ему был чужд, с целью установления монопольного господства в своих областях науки.

Стр. 82. «Другим был Л. П. Якубинский» — в последние годы идеи Л. П. Якубинского привлекают все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей науки. Например, на коллоквиуме «Философские, эпистемологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР, 1917–1950» (Лозанна, 2002) сразу три доклада были посвящены идеям этого ученого, особенно в связи с исследованиями проблем диалога, а также влиянию его идей на концепции М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова.

Стр. 87. «Как говорят, при поддержке Марра» — эта версия как будто фактически не подтверждается. Во всяком случае, решающую роль здесь сыграл В. М. Фриче, который первоначально покровительствовал Поливанову, считая его союзником в борьбе с «консервативной профессурой». Однако, когда пришлось выбирать между Марром и Поливановым, Фриче предпочел Марра.

Стр. 90. О резко негативном отношении Г. А. Ильинского к Марру и марризму см. [Робинсон 2002, с. 183].

Стр. 91. «Пражский архив Поливанова» — речь идет о Литературном архиве памятников народной письменности в Праге, где сохранились тексты, посланные Поливановым Р. Якобсону, тогда жившему в Чехословакии.

К сказанному добавим такие высказывания из «Программно-методологического экскурса» Е. Д. Поливанова (работы, которую мы не успели в полной мере использовать в книге): «Я и раньше, правда, мог бы спокойно заниматься своим делом, не заботясь о том, чтобы делиться с кем-либо своими взглядами на яфетидологию. Но этому препятствовало известное чувство ответственности или — если говорить прямо — сознание известного общественного долга. Распространившееся среди неспециалистов авторитарное увлечение яфетидологической теорией стало было принимать такие размеры, что лингвист-специалист мог почувствовать себя обязанным высказаться... Полемика против яфетидологии (если можно вообще говорить о полемике)... своего рода общественная повинность, которую меня обязывал долг специалиста» [Поливанов 1991, с. 555]. И далее: «Нельзя стрелять из пушки по воробьям. Критиковать яфетидологию как систему, это значило бы принять ее всерьез; между тем, в задачу специалиста здесь, прежде всего, входило показать то отсутствие элементарного фактического фундамента, которое заставляло нас проходить мимо яфетидологии не из-за ее общих положений, а из-за ее материала» [Поливанов 1991, с. 555]. И, наконец, такое важное замечание: «Начиная эмпирическое исследование, по-моему, лучше быть свободным от всякой догмы» [Поливанов 1991, с. 560]. Вся деятельность Марра, как я старался показать и в книге, и в послесловии, была крайним примером подверстывания эмпирического исследования под догму.

Стр. 93. «О чем следует писать особо» — см. [Ашнин, Алпатов, Насилов, 2002].

Стр. 95. «Член партии с 1917 г.» — ошибка. Данилов вступил в РКП(б) в 1920 г., в следующем году во время чистки переведен в кандидаты, вторично принят в члены партии в 1925 г. (исключен в 1935 г.). В Коммунистическом университете трудящихся Востока Данилов заведовал кафедрой русского языка. Подробнее о судьбе Г. К. Данилова по архивным данным см. [Ашнин, Алпатов 1994а].

Стр. 95. Ряд публикаций, связанных с «Языкофронтом», ныне переиздан: [Сумерки 2001, с. 66–71, 78–103].

Стр. 97. «Научно-исследовательский институт языкознания» — отметим, что он занимал то самое здание, где до 2002 г. находилась редакция газеты «Аргументы и факты».

Стр. 98. «Директором был назначен... М. Н. Бочачер» — осенью 1932 г. он был снят и исчез из института (не в связи с арестом, который произошел лишь в 1938 г.), последние полгода существования института и. о. директора был Г. К. Данилов.

Стр. 98. «Главной мишенью был избран выдающийся ученый А. М. Селищев» — о травле Селищева в институте см. специальную публикацию [Ашнин, Алпатов 1994 г].

Стр. 98. «Бернштейн, исключенный и из „Языкофронта“» — как нам указал сам ныне покойный С. Б. Бернштейн, он подвергся жестокой проработке со стороны членов «Языкофронта», но исключен из него не был, поскольку на том же самом заседании, где его обличали, «Языкофронт» был распущен.

Стр. 99. «В Московском педагогическом институте» — речь идет о Московском городском педагогическом институте.

Стр. 101. «Участвовал М. М. Бахтин» — сейчас господствует более сильное утверждение: книга была целиком написана М. М. Бахтиным, что я не считаю доказанным; подробнее см. [Алпатов 1995].

Стр. 102. Три статьи из сборника [ПК] (Ф. П. Филина, Л. П. Якубинского, Г. И. Горбаченко — Н. П. Синельниковой — Т. А. Шуба) перепечатаны в [Сумерки 2001, с. 115–167].

Стр. 107. «Объемистый цитатник» — см. его переиздание [Марр 2002] с добавлением брошюры И. В. Сталина и послесловия В. М. Алпатова.

Стр. 108. «Сохранилось письмо Ушакова Сталину» — сейчас это письмо опубликовано Ф. Д. Ашнинным.

Стр. 109. «Так называемое „дело славистов“» — подробнее о нем см. книгу [Ашнин, Алпатов 1994б], основанную на архивных источниках. К 1988–1991 гг. я еще не владел этими данными. Имелась лишь статья [Бернштейн 1989] (переиздана в [Сумерки 2001, с. 535–544]), основанная на устных рассказах пострадавших по этому делу ученых, прежде всего В. Н. Сидорова. Взятое оттуда утверждение Сидорова о переориентации следствия с «монархического заговора» на «пропаганду буржуазной науки» не подтверждается данными следственного дела.

Стр. 110. «Погребли в некрополе Александро-Невской лавры» — не в некрополе, а на Коммунистической площадке той же лавры (см. выше).

Стр. 112. «Начавшие выходить перед войной» — выпуск академических «Известий» никогда не прекращался, но до 1939 г. существовала единая серия общественных наук, где лингвистическая тематика занимала небольшое место. Создание в 1939 г. особой серии (главный редактор — И. И. Мещанинов) дало возможность языковедам иметь свой печатный орган.

Стр. 113. «На Дальнем Востоке арестовали практически всех специалистов» — во Владивостоке были расстреляны почти все преподаватели японской кафедры (кроме самых молодых), тогда как китайская кафедра большей частью уцелела.

Стр. 113. «Лингвистов из национальных республик» — подробнее см. [Ашнин, Алпатов, Насилов, 2002].

Стр. 114. «К. А. Алавердов» — в отличие от всех других лиц, упомянутых в данном абзаце, он не был расстрелян и умер в 1946 г., после освобождения из лагеря в 1943 г.

Стр. 114. «Е. Р. Шнейдер» — информация, которой я располагал, оказалась неверной. Как разъяснил Ф. Д. Ашнин, Шнейдер еще 8 января 1938 г. был расстрелян.

Стр. 114 (сноска). «Отметим свидетельство Н. Поппе» — как показывает следственное дело Е. Д. Поливанова [Ашнин, Алпатов 1997], арест ученого не был связан с версией, изложенной Поппе.

Стр. 114. О многообразной деятельности Института языка и мышления дает представление отчет о работе этого института за 1946 г., недавно переизданный [Сумерки 2001, с. 363–375]. Отметим при этом, что 1946 г. был для института не самым продуктивным, поскольку часть сотрудников еще не успела демобилизоваться.

Стр. 115. «Один из сотрудников Института языка и мышления» — И. И. Цукерман.

Стр. 119. «Разлагать по четырем элементам любое русское слово» — добавим рассказ, слышанный от В. Н. Ярцевой. На вступительном экзамене в аспирантуру Института языка и мышления ее заставили разложить по элементам слово *лошадь*.

Когда она это сделала, принимавший экзамен Л. Г. Башинджагян сказал: «Разложили Вы правильно, но не чувствуется в Ваших словах убежденности».

Стр. 120. «В последней незаконченной его статье» — имеется в виду Марр.

Стр. 127. Статья Л. В. Щербы о диффузных звуках переиздана в [Сумерки 2001, с. 360—363]. Включение ее в раздел хрестоматии «Яфетические зори» может создать у читателя впечатление о том, что этот ученый был марристом, что, разумеется, не так.

Стр. 128. «Позиция В. М. Жирмунского» — ср. его оценку со стороны Н. Поппе: «Главное, что мне не нравилось в нем, то, что он слишком уж легко принимает разные модные течения. Так, например, он был одним из первых примкнувших к Марровскому новому учению о языке»; цитируется по [Алпатов 1996, с. 122]. Ср. также оценки Жирмунского у И. Е. Аничкова [Аничков 1997, с. 427].

Стр. 129. «Работа Н. В. Юшманова... готовится к изданию» — сейчас вышел том семитологических трудов Н. В. Юшманова [Юшманов 1998], включающий в себя и эту работу, и упомянутый ниже курс введения в семитское языкознание.

Стр. 131. «Запрещенные несколько лет назад финно-угроведение, монголистика» — речь здесь идет не о чисто описательных работах по современным языкам, относящимся к этим группам (они никогда в СССР не запрещались), а о сравнительных исследованиях.

Стр. 135. «Была издана в СССР» — точнее, переиздана.

Стр. 138. «Академиком-секретарем Отделения литературы и языка» — это отделение в 1939 г. как раз было образовано (просуществовало до 2002 г.).

Стр. 138. Воспоминания Н. И. Ильиной в дополненном виде включены в книгу [Ильина 1991].

Стр. 138. «Он констатирует» — имеется в виду А. А. Реформатский.

Стр. 140. «Стал академиком В. В. Виноградов» — заметим, что в 1946 г. в академии и члены-корреспонденты АН СССР была избрана большая группа ученых, ранее подвергавшихся репрессиям [Перченко 1995]. Случайно ли это? О судьбе Виноградова подробнее см. [Алпатов 1998].

Стр. 141. «Новая волна проработок и чисток» — важные свидетельства о причинах развертывания этой волны содержатся в воспоминаниях К. М. Симонова, слышавшего выступление Сталина на встрече с писателями в мае 1947 г. [Симонов 1988, с. 129—130].

Стр. 148. «Восхваление члена кадетской партии А. А. Шахматова» — надо помнить, что Шахматов был главным учителем Виноградова.

Стр. 149. «Проповедник реакционных идей де Соссюра» — за 20 лет до данного выступления Виноградов критиковался за следование Соссюру в книге «Марксизм и философия языка» [Волошинов 1995, с. 273]. Повлияла ли эта оценка, для конца 40-х гг. никак не соответствовавшая действительности, на В. А. Аврорина?

Стр. 150. «Приглашать постороннего лектора» — О. И. Москальскую.

Стр. 155. «Не были известны среди лингвистов» — первый из них — специалист по военному переводу, второй — по персидской литературе.

Стр. 156. Две резолюции обсуждений статьи в «Культуре и жизни» в Москве и Ленинграде переизданы в [Сумерки 2001 с. 376—384].

Стр. 162. «Личной приверженностью Марру» — добавлю рассказ, переданный Ф. Д. Ашнинным. В разговоре со слушателями Военного института иностранных языков в конце 40-х гг., когда речь зашла о Марре, Яковлев вдруг заплакал и сказал: «Сколько я от него натерпелся!». А потом добавил: «И все-таки Марр был великий человек!».

Стр. 164. «Ничего не мог сделать» — это некоторое преувеличение. Достаточно сказать, что в Институте языка и мышления в 1949 г. не было массовых увольнений сотрудников, как это происходило тогда же в Ленинградском университете. Для В. М. Жирмунского и других обвиненных в «космополитизме» институт тогда остался

единственным местом работы. И здесь, безусловно, играл роль авторитет Героя Социалистического Труда Мещанинова.

Стр. 170. «Вероятно, к нему относились слова» — они, безусловно, к нему относились. И Чикобава, и его учитель Г. С. Ахвледиани находились в исключительно плохих отношениях с Марром с 20-х гг. и многократно выступали против него в очень резких выражениях. Корни конфликта Марра со многими грузинскими учеными, как говорилось выше, восходят еще к периоду 1918–1921 гг.

Стр. 170. «Имел очень прочные позиции» — существует устойчивая версия о том, что покровителем Чикобавы был Л. П. Берия, с которым у него могли быть земляческие мегрельские связи; он мог порекомендовать Чикобаву и Сталину. Другие, однако, утверждают, что это не так и поддерживал его, прежде всего К. Н. Чарквиани, руководивший Грузинской парторганизацией с конца 30-х гг. по 1952 г. У Чикобавы были «пятна» в биографии: в юности он был эсером, поэтому покровительство сверху было для него особенно важно. Версия о том, что Чикобава будто бы писал Сталину в связи с неминуемым арестом, известная благодаря А. И. Солженицыну, никак не подтверждается. Ждал ареста Чикобава позже, в 1952 г., когда был снят Чарквиани, а многие видные мегрельцы были арестованы. Но обошлось лишь его снятием с должности директора института, на которую он был назначен незадолго до этого.

Стр. 173. «Статья В. В. Виноградова» — по рассказам Н. М. Виноградовой-Малышевой, Чикобава на следующий день после ночной беседы с вождем позвонил ее мужу, с которым ранее не был знаком, попросил его выйти на улицу и рассказал о том, что говорил со Сталиным и что в «Правде» будет дискуссия по языкознанию, в которой Виноградову было бы хорошо выступить. Позже его вызвали к секретарю ЦК ВКП (б) (фактически второму секретарю) Г. М. Маленкову, который официально дал ему указание выступить в дискуссии. Таким образом, Виноградов имел больше информации, чем другие участники дискуссии (лишь о том, что в дискуссии выступит сам Сталин, не говорили никому, включая Чикобаву, это был большой секрет; Виноградов, впрочем, предполагал, что так случится). А сверху Виноградова явно «просматривали» как кандидата на руководство филологическими науками.

Стр. 174. «Считал Марра очень крупным ученым» — об этом свидетельствует и опубликованное письмо Виноградова жене из ссылки, где в связи со смертью Марра он назвал его «самым интересным лингвистом после смерти Шахматова» [Вестник РАН, 1995, № 1, с. 176].

Стр. 176. «Выдвигается гибрид» — как рассказывал В. М. Солнцев, эту статью Виноградова Н. Ф. Яковлев публично назвал «меньшевицкой».

Стр. 177. «Отметим отсутствие среди них Г. П. Сердюченко» — по имеющейся у нас информации, он послал свою статью в «Правду», но напечатана она не была, вероятно, по личному указанию Сталина.

Стр. 181. Воспоминания переизданы: [Сумерки 2001, с. 507–512].

Стр. 183. «Космические идеи... не соответствовали идеологической линии» — сейчас именно эта причина вмешательства Сталина мне представляется главной, хотя она не исключает и других.

Стр. 184. «Знают о ней обычно понаслышке» — публикации Сталина по языкознанию у нас долго не переиздавались, и лишь в самое последнее время появилось сразу два их издания: [Сумерки 2001, с. 385–416] [Марр 2002, с. 451–474]. В книгу [Тапака 2000] включен переработанный перевод этих работ на японский язык (с. 184–245); там же (с. 122–123) сказано, что предыдущим их изданием вне России, известным автору, является немецкое, вышедшее в 1972 г.

Стр. 185. «Явно навеяна» — в тексте Сталина можно найти переключки с такими выступлениями против Марра, как [Поливанов 1931; Кузнецов 1932]. Однако они могли быть и результатом параллельного развития мысли, а данных о знакомстве Сталина с этими сочинениями нет. Вопрос об источниках Сталина уже оброс

своей мифологией, а некоторые гипотезы явно произвольны, например, о книге В. Н. Волошинова (и М. М. Бахтина?) «Марксизм и философия языка» как об источнике сталинских идей (или, по крайней мере, о работе, предвосхищающей эти идеи) [Эткинд 1993, с. 185–186]; нередко при этом сопоставление какой-либо работы со сталинской используется для дискредитации первой.

Стр. 187. «Довольно заметный перерыв» — перерыв был замечен в Москве, но в ряде союзных и автономных республик как раз в это время шла жесткая кампания против «национализма».

Стр. 188. «Остальные имена мало что говорили» — Е. А. Крашенинникова — языковед-германист, кандидат филологических наук; об остальных и сейчас ничего достоверно не известно. Под именем А. Холопова в РГБ (б. Библиотека имени Ленина) имеется одна брошюра 1936 г. (в соавторстве). Она посвящена опыту изучения работ классиков марксизма-ленинизма в рабочем кружке на заводе в г. Куйбышеве (ныне Самара); данный ее автор представлен как член парткома завода, ответственный за политучебу. Очень похоже, что это тот же самый Холопов. Несомненно, окончательный отбор писем для ответа производил сам Сталин.

Стр. 189. «Откуда он взялся, неясно» — мне известны две гипотезы о происхождении высказывания про курско-орловский диалект. Наиболее известна версия, восходящая к В. В. Виноградову: Сталин неадекватно понял высказывание М. Горького о том, что во второй половине XIX в. главными хранителями русского литературного языка были писатели-орловцы (Тургенев, Лесков, Бунин и др.). Лингвист Л. И. Куликов, однако, высказал другую гипотезу: в «курско-орловском диалекте» в связи с его географическим расположением Сталин увидел русский аналог франкского диалекта немецкого языка, о котором писал Ф. Энгельс.

Стр. 189. «Откликнулись на работу Сталина и в Японии» — в книге [Такака 2000, с. 248–282] подробно рассказывается о том, как эта работа была воспринята в Японии, где ее влияние оказалось очень значительным: она была немедленно переведена, ей посвящались специальные выпуски журналов, по ней проводились научные конференции. Даже начавшийся в 50-е гг. в Японии «лингвистический бум» автор книги отчасти связывает с влиянием появления работ Сталина по вопросам языка.

Стр. 190. Приведем оригинал письма Н. Хомского. “Dear professor Okubo! Thank you very much for your two letters. I read Stalin’s essay when it appeared and found it perfectly reasonable but quite unilluminating. I would of course agree with you that Hegel and Marx are outstanding figures in the history of thought, but I do not know of important contributions of theirs to the kinds of problems I’ve been talking about, though I would be glad to hear about them... Sincerely yours Noam Chomsky”.

Стр. 196. «Чеченская грамматика» — точнее, вторая ее часть (морфология); первая часть (синтаксис) была издана еще до войны.

Стр. 217. В [Сумерки 2001] были переизданы упоминаемые здесь выступления Ф. П. Филина (с. 513–520) и отрывок из книги Р. А. Будагова (с. 520–535).

Стр. 219. Статья В. А. Звегинцева также переиздана: [Сумерки 2001, с. 472–507].

МАРРИЗМ И МАРКСИЗМ (ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА)

Мне, как исследователю, занимавшемуся историей «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра¹, не могли не броситься в глаза разительные и, вероятно, не случайные параллели между этапами развития в нашей стране марксизма в различных гуманитарных науках² и марризма в языкознании. Я понимаю, что аналогия — не метод доказательства, однако по аналогии может быть построена модель некоторого явления, а дальше надо смотреть, как модель работает. При этом судьба марризма удобна тем, что принадлежит уже окончательно истории, в языкознании существует общепринятая шкала оценок.

История марксизма в разных науках может быть в самом схематичном виде разбита на четыре этапа (этапы 2–4 я рассматриваю лишь применительно к нашей стране; история марксизма в странах, где марксисты не приходили к власти, — особый вопрос).

1. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса (марксизм I). Серьезная научная теория, представляющая по меньшей мере значительный исторический интерес.

2. Адаптация марксизма I к потребностям политической борьбы и к пониманию широких масс, неизбежно связанная с его упрощением и догматизацией (превращение марксизма I в марксизм II). Начало этому процессу положили сам К. Маркс и Ф. Энгельс в некоторых работах, а более последовательно — А. Бебель, К. Каутский и др. В нашей стране этап имел по крайней мере четыре стадии: 1. Г. В. Плеханов; 2. В. И. Ленин; 3. Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский и др.; 4. И. В. Сталин. С каждым шагом степень догматизма в целом увеличивалась³. От марксизма I брали то, что прагматически было наиболее удобно, но часто составляло его слабые стороны (например, прогностику), остальные части марксизма I не отвергались, но оставлялись в стороне. Те же проблемы, которыми Маркс

¹ См. В. М. Алпатов. «Новое учение о языке» и востоковедное языкознание в СССР. — Народы Азии и Африки. 1988, № 6; он же. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

² Хочу сразу же подчеркнуть, что речь здесь идет лишь об истории науки, я не касаюсь практических приложений марксизма, как и марризма.

³ Впрочем, бывали и откаты. Так, столь важные для Марра тезисы о надстроечности и классовости языка, явно догматические и нелепые, отсутствовали у Маркса и Энгельса, как и у Плеханова и Ленина, но появились у Бухарина, а затем вновь были отвергнуты Сталиным.

или Энгельс по тем или иным причинам не занимались, объявлялись несуществующими, их исследования в лучшем случае не поощрялись, в худшем (после революции) — преследовались. Марксизм II считался единственно верным учением, призванным заменить все остальные. Он имел большое количество искренних приверженцев, но чем дальше, тем больше внедрялся административными методами. Этап нашел логическое завершение при Сталине и закончился с его смертью.

3. Колебания и компромиссы (со смерти Сталина до первых лет перестройки включительно). Официальной догмой остался почти переставший развиваться марксизм II, но общая картина советской науки была пестрой: от марксизма II в чистом виде до полного его игнорирования (при невозможности прямой полемики). Характерны были попытки компромисса между марксизмом II и теми или иными научными школами и направлениями, особенно свойственные так называемому «шестидесятничеству» в самом широком смысле. Одним из вариантов такого компромисса были попытки вернуться от марксизма II к марксизму I или к ранним, менее догматическим вариантам марксизма II. Степень удаленности от марксизма II определялась как научными поисками, так и идеологической ситуацией («оттепели» и «заморозки»).

4. Современный этап. Крах марксизма II, признаваемый почти всеми. От марксизма II все, по крайней мере на словах, стараются откеститься (способен ли он в какой-либо форме возродиться, покажет будущее). Зато спорен вопрос об оценке марксизма I; показательны, например, дискуссии на этот счет в журнале «Восток». Одни считают марксизм I (обычно не в полной мере) актуальным учением, другие его отвергают. Последние могут занимать мягкую (марксизм сыграл свою роль и устарел) и жесткую позицию, сторонники жесткой позиции так или иначе приравнивают марксизм I к марксизму II. В области методологии истории споры обычно выливаются в дискуссии о цивилизационном или формационном подходах.

История марризма в самом общем виде может быть разбита на три этапа:

1. От появления «нового учения о языке» (1923—1925) до смерти Н. Я. Марра (1934). «Новое учение о языке» (марризм), порывавшее с основными принципами сложившейся к тому времени науки о языке, претендовало на роль единственно верного учения о языке, призванного заменить все остальные. Марризм имел большое количество искренних приверженцев, но чем дальше, тем больше внедрялся административными методами. Проблемы, не охватывавшиеся «новым учением о языке», объявлялись несуществующими, их изучение преследовалось.

2. От смерти Н. Я. Марра до выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания (1950). Официальной догмой оставался марризм, но общая картина советского языкознания была пестрой: от марризма в чистом виде (редко) до полного его игнорирования (при невозможности прямой полемики). Характерны были попытки компромисса между марризмом и теми или иными научными школами и направлениями, особенно свойственные ученикам и наследникам Марра. Степень

удаленности от марризма определялась как научными поисками, так и идеологической ситуацией⁴.

3. После 1950 г. После критики марризма Сталиным⁵ он быстро сошел со сцены и не смог возродиться даже после переоценки личности Сталина. Какого-либо следа в развитии лингвистики он не оставил.

Развитие марризма не было синхронно развитию марксизма, однако несомненно сходство трех этапов развития марризма с соответственно этапами 2—4 развития марксизма (при том что последний этап развития марксизма еще в разгаре, тогда как марризм уже ушел в историю).

Имеются, однако, и некоторые различия:

1. История марризма была намного короче.

2. Если марксизм II создавался постепенно и разными людьми, часто непримиримо враждовавшими между собой, то марризм — плод фантазии одного человека и сразу был предложен в более или менее готовом виде; поздние модификации Марром своего учения мало затрагивали его суть.

3. На первый взгляд в истории марризма нет ничего похожего на марксизм I. «Новое учение о языке» с самого начала находилось за пределами науки и не может быть сопоставлено с учением К. Маркса и Ф. Энгельса⁶. Ранние работы Марра дореволюционных и первых послереволюционных лет отличались такими же фантазиями и расхождениями с фактами, отличаясь от поздних лишь тем, что Марр тогда еще принимал многие постулаты научного языкознания. Не отталкивался Марр и от марксизма I; даже из марксизма II он смог освоить лишь политические ярлыки. Оценка Сталиным Марра как «вулгаризатора» марксизма скорее применима к нему самому, и даже Сталин смог без труда выявить несомненные расхождения между марризмом и учением К. Маркса и Ф. Энгельса.

Представляется, однако, что аналог марксизма I был и в марризме. Но это были прежде всего идеи основателей лингвистической типологии братьев А. и Ф. Шлегель и, особенно, В. фон Гумбольдта. Отметим, что эти ученые принадлежали к той же классической немецкой куль-

⁴ В сталинское время, конечно, не было столь явных «оттепелей» и «заморозков», как позже, но неточны и распространенные в наши дни представления о том времени как о неизменном или неизменно усиливавшемся идеологическом терроре. На деле были тогда и очень жесткие («культурная революция» конца 20-х — начала 30-х гг., 1937—1938 гг., конец 40-х гг.), и сравнительно спокойные (последние предвоенные, первые послевоенные годы) периоды.

⁵ Мы не можем сейчас рассматривать вопрос о том, почему один и тот же человек — И. В. Сталин — сыграл в истории марксизма и марризма противоположную роль; см. об этом указанную выше нашу книгу, с. 181—189.

⁶ Марризм казался очень притягательным не только из-за соответствия духу эпохи, но и в связи с обещаниями вывести науку о языке из общеизвестного в те годы кризиса. Языкознание XIX в. было слишком эмпирическим и не давало ответа на многие теоретические вопросы; реальный выход из кризиса был найден в формировании структурализма. Не было ли увлечение многих ученых в те же годы марксизмом, часто в самой догматической форме, помимо всего прочего, и реакцией на кризис позитивизма?

турно-философской традиции, что и К. Маркс и Ф. Энгельс, и между ними было связующее звено — Г. Гегель.

Значение основателей типологии⁷ для языкознания сводится прежде всего к двум важным достижениям. Во-первых, они сформулировали, что разные языки, географически отдаленные и генетически не связанные, могут по своей структуре относиться к одному и тому же языковому типу, что при многообразии языков количество языковых типов невелико и любой язык может сравниваться с любым типологически. Во-вторых, они интуитивно нащупали некоторые важные типологические характеристики и выделили (хотя и не смогли точно определить критерии такого выделения) некоторые важные типы языков: флективные, агглютинативные, инкорпорирующие, аморфные (позднее переименованные в изолирующие). С тех пор лингвистика билась над определением этих типов, но все они уже почти два века выделяются в том или ином виде почти всеми. Развитие типологии шло по линии попыток либо уточнения традиционных понятий, либо расширения классификаций. Выделения новых параметров для сравнения и новых типов, либо выявления более сложных феноменов вроде сосуществования разных типов в одном языке.

Однако для основателей типологии сами по себе типы были мало интересны, главными для них были идеи стадиальности, связи типов языка с типами мышления, они пытались выявить общие законы, в соответствии с которыми человечество обязательно в своем развитии проходит, хотя и с разной скоростью, аморфную и агглютинативную стадии, доходя до флективной как смой совершенной, после чего, по мнению некоторых из них, начинается деградация. Идеи стадиальности были прогрессивны для начала XIX в., кое-что объясняли, но дальнейшее накопление знаний показало, что слишком большое количество фактов просто не укладывается в эту схему. Поэтому еще до Марра мировая лингвистика перестала заниматься стадиальностью. Это не означает отсутствия закономерностей в переходах из одного языкового типа в другой, но они имеют более сложный, безусловно, не однонаправленный и, по-видимому, вероятностный характер.

Не рассматривая марксизм¹ в целом, остановимся только на одном его фрагменте — учении о формациях. Автор просит заранее прощения за непрофессионализм, но, на взгляд неисторика, кажется, что оно во многом похоже на типологию XIX в. Здесь так же четко и последовательно проводится идея о том, что человеческие общества независимо от абсолютного времени, географического положения, связей и контактов могут сопоставляться по некоторым существенным параметрам, что многообразие обществ сводится к небольшому числу типов (формаций), что одна формация может переходить в другую по определенным законам. Помимо этого, определяется несколько достаточно существенных формаций, которые в том или ином виде, особенно первобытнообщинная, феодальная и капиталистическая, выделяются

⁷ Мы говорим лишь о В. фон Гумбольдте как типологе, не охватывая весь его вклад в языкознание.

далеко не в одном марксизме и тем более не в одном марксизме II⁸. Все это прочно вошло в науку. Другое дело, что анализ материала может, как и в случае языковых типов, заставлять как увеличивать количество формаций, в том числе за счет промежуточных и переходных, так и вводить другие параметры для сравнения. В то же время марксизм I в соответствии с общей научной парадигмой XIX в. пронизан той же идеей стадиальности, которая по меньшей мере не доказана. Впрочем, историки и социологи разных школ прочно держатся за ту или иную стадиальность (см., например, у У. Ростоу или Ф. Фукуямы), поскольку в некоторых компонентах человеческого общества исторический прогресс очевиден, чего нельзя сказать о прогрессе в языке. Характерно, что марксизм II именно стадиальную часть учения о формациях выдвинул на первый план как обоснование необходимости революций.

«Новое учение о языке» многое заимствовало у основателей типологии. То, что в нем сохранилось от науки, — в основном именно их наследие, так же как научный компонент марксизма II — в основном наследие марксизма I⁹. Различие лишь в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс в марксизме II канонизировались, а это открывало возможность для продолжающегося воздействия марксизма I на марксизм II, тогда как В. фон Гумбольдт и другие предшественники Марра, хотя и не отрицались совсем, именовались в марризме «буржуазными учеными». Марр активно пользовался понятиями своих предшественников, включая деление языков на флективные, агглютинативные и аморфные (притом, что очень многие другие элементарные лингвистические понятия вроде языковой семьи, родства языков, праязыка он изгонял из науки). Однако главным для него был тезис о стадиальности, возрождаемый уже тогда, когда лингвисты от него отказались, и расширенный собственными фантазиями Марра (четыре элемента как исходная стадия) и заимствованиями из марксизма II (язык коммунистического общества как конечная стадия¹⁰). Еще одна важная черта Марра как ученого — абсолютизация типологии за счет других областей языкознания, прежде всего компаративистики, основные понятия которой были объявлены «буржуазными» и надолго запрещены. Но и для марксизма II характерны как абсолютизация стадиальности, так и экспансия формационного метода за счет других. Отметим и то, что последователи Марра во главе с И. И. Мещаниновым после смерти своего учителя обратились от «нового учения о языке» к стадиальной типологии, сохраняя внешнюю

⁸ Для нас сейчас не важно, что из перечисленного содержится у Маркса и Энгельса впервые, а что нет. Главное в том, что все это сведено у них в разработанную систему.

⁹ Кое что Марр заимствовал и у других ученых, чаще всего нелингвистов: А. Н. Веселовского, Л. Леви-Брюля и др. Но и марксизм II, особенно на ранних, менее догматических этапах, мог впитывать в себя идеи и концепции, отсутствовавшие в марксизме I, вроде теории империализма Дж. Гобсона и др.

¹⁰ Характерно, что Марр тем легче осваивал марксизм, чем меньше последний основывался на фактах. Коммунистическая стадия в языке нашлась легко, но о том, какие стадии языка связаны с феодализмом и капитализмом, Марр сумел ни разу не сказать в своих многочисленных работах.

марровскую оболочку, более сходную с концепцией В. фон Гумбольдта, чем Марра; в области типологии они и внесли основной научный вклад. Такие исследования сопоставимы с попытками вернуться к марксизму I или к очищенному от сталинизма ленинизму в 50–60-е гг., а затем в начале перестройки.

Что касается дискуссий о цивилизационном и/или формационном подходах, то мне, как лингвисту, они весьма напоминают бывшие дебаты о соотношении типологии и компаративистики¹¹. Эти дебаты также прошли два этапа. В более либеральные периоды марризма, особенно в 1939–1941 и 1945–1947 гг., точкой отсчета была типология, ценность которой не ставилась под сомнение, но дискутировали о том, можно ли пользоваться урезанным компаративным методом без основополагающих для него понятий исконности родства и праязыка. (Примерно так же спорили соответственно о формациях и цивилизациях до перестройки). После выступления И. В. Сталина, реабилитировавшего компаративный метод, уже не спорили о его применимости, но дискутировали о типологии, во многом дискредитированной марризмом и ассоциировавшейся с трудами также обруганного Сталиным И. И. Мещанинова. В 1950–1953 гг. преобладала точка зрения, в соответствии с которой типология — то же, что и марризм, а сопоставлять можно лишь родственные языки. Особенно на этом настаивал главный лингвистический консультант Сталина А. С. Чикобава, фактически требовавший упразднить общее языкознание и разделить лингвистику на множество дисциплин по числу языковых семей.

Сейчас мы имеем нечто подобное, хотя воздействует не административный нажим, а общественное мнение: формационный подход ассоциируется с марксизмом II, а цивилизационный имеет ореол гонимого при тоталитаризме. Подобные споры как в лингвистике, так, по моему мнению, и в истории либо продиктованы причинами, лежащими вне науки, либо имеют лишь психологическое значение как некоторый этап освобождения от догматизма. Лингвисты уже давно не спорят ни о том, что марризм — не наука, ни о том, что типологический, компаративный и ареальный подходы не исключают, а дополняют друг друга.

18 ноября 1991

¹¹ Впрочем, цивилизационный подход в большинстве вариантов скорее соответствует не столько компаративной, сколько ареальной лингвистике в смысле изучения языковых союзов и пр., до сих пор развитой довольно слабо. *Добавление 2002 г.*: Показательно, что создателем ареальной лингвистики стал Н. Трубецкой, одновременно развивавший и цивилизационный подход в истории, причем две стороны его концепции были связаны друг с другом.

НЕ ШАРЛАТАН, НО ШАМАН

Уже, казалось бы, переставший быть дискуссионным вопрос об оценке деятельности академика Николая Марра вновь обсуждается на страницах «Независимой газеты», появились статьи Роя Медведева и Владимира Шахназаряна. Открывшая новую дискуссию статья Роя Медведева «Сталин и языкознание» («Независимая газета», 04.04.1997), впрочем, отражает господствующую среди наших языковедов точку зрения, на наш взгляд, не требующую пересмотра. Статья содержит немало частных фактических ошибок. Кое-что отмечает Владимир Шахназарян в статье «Николай Марр не был шарлатаном» («Независимая газета», 05.05.1997), я помимо этого насчитал их около десятка. Например, первый секретарь ЦК КП(б) Армении Арутинов назван Арутюновым, упоминаются статьи Марра об особенностях армянского языка, появившиеся в его студенческие годы, хотя этим языком Марр начал заниматься позже. Неверно и то, что Сталин встречался с академиком Виноградовым — как рассказывала вдова самого Виктора Владимировича, ее муж видел Сталина лишь на официальных приемах и в гробу, а «наверх» для беседы его вызывали «лишь» к Маленкову. Но все это частности, а в целом ситуация, связанная с Марром и Сталиным, излагается Роем Медведевым вполне верно.

Однако статья Владимира Шахназаряна, пытающегося полностью оправдать Марра, вызывает гораздо более существенные возражения. Верно, что в Армении имя Марра окружено почетом, я сам это видел еще в советское время. Но на чем основан этот почет? И Рой Медведев, и Владимир Шахназарян сводят всю деятельность ученого к лингвистической, однако наибольшие реальные заслуги Марра связаны с другими его занятиями. Еще совсем молодым ученым он нашел в одном из монастырей ценнейший памятник — перевод на древнегрузинский язык не сохранившегося в оригинале сочинения одного из отцов Церкви. Много лет он вел раскопки Ани, столицы средневекового Армянского государства. Именно его археологическая деятельность более всего знаменита в Армении. А из его лингвистических работ самая ценная — изданная в 1903 г. капитальная древнеармянская грамматика, написанная в годы, когда Марр еще старался оставаться на почве реальных фактов. Безусловно, академик Капанцян, говоря о вкладе ученого в арменистику, имел в виду, прежде всего, эту грамматику.

Но чем дальше, тем больше этот одаренный человек уходил в далекие от науки фантазии, окончательно нашедшие выражение в его знаменитом «новом учении о языке», сформулированном в 1923–1924 гг.

«Парадоксальные идеи в области языкознания», некоторые из них перечисляет Рой Медведев, действительно слишком явно абсурдны. К явно абсурдным идеям относится среди прочих и упоминаемая Шахназаряном концепция «четырёхчленной формулы праязыка». Согласно ей, первичная звуковая речь первобытных людей состояла из четырех «диффузных выкриков»: САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. И любое слово любого языка, согласно Марру, делится на части, каждая из которых восходит к тому или другому из четырех элементов, иногда с какими-то фонетическими модификациями; скажем, элемент РОШ Марр находил в словах *река*, *рука*, *ручей*, *русалка*, *русский*, *этруск*, *лаз*, *красный* и т. д. Студентов и аспирантов в период господства марровского учения заставляли раскладывать на элементы любые слова, даже такие, как *адмиралтейство*. Не только упоминаемый Владимиром Шахназаряном Капанцян, но и прямые последователи Марра во главе с академиком Мещаниновым после смерти основателя «нового учения» быстро отказались от «элементного анализа». И неверно, что спор о нем, как утверждает Владимир Шахназарян, «идет и по сей день». Учение о четырех элементах давно никого не привлекает.

А вот образец того, как писал под конец жизни Марр, именовавшийся некоторыми «большим и прекрасным стилистом»: «Этот раскол европейского мира на католиков и протестантов — дело значительно более древней эпохи и имеет корни всегда в сдвигах производства и техники, конкретно в преодолении германами, тогда еще иберами, природных ресурсов таких их центров сосредоточения, как Рейнский край, Пиренеи и др., еще раньше с участием басков, когда речь была еще так называемой яфетической системы, когда по всей северной, средней и восточной Европе и далее, как на Кавказе, действовали сплошь мышлением все еще первобытного общества». Что-то понять в этом длинном и запутанном предложении сложно. Можно видеть лишь, как Марр стремится любое событие мировой истории связать сор своими любимыми сюжетами: с Кавказом, с басками, которых он считал кавказским народом, живущим в Пиренеях, с «яфетидами», придуманной Марром еще в молодости группой народов, ядро которой составляли опять-таки кавказцы, и т. д. А что можно уловить по сути? Разделение европейских народов на католиков и протестантов, происшедшее в XVI в. и хорошо документированное по источникам, академик пытается отнести еще к первобытной эпохе. Германцы возводятся к иберам, древнейшему населению Пиренейского полуострова, происхождение которых до сих пор не ясно. Но германцы до V в. н. э. на Пиренеях не жили. Вся эта нелепица слишком явно фантастична, а подобные идеи присутствуют в каждом абзаце поздних сочинений Марра. Даже ученые, сочувственно относящиеся к нему, признают, что в последнее десятилетие его жизни на деятельность ученого наложила отпечаток психическая болезнь. А именно в это десятилетие Марр был более всего знаменит и влиятелен.

Считать Марра «шарлатаном» не следует, он безусловно искренне верил в свои построения о происхождении славян от киммерийцев, о четырех элементах и т. д. Но к науке все это не имело отношения.

Марр при всем своем таланте (признаваемом и Роем Медведевым) не был ученым по своему складу. Ученик Марра Абаев очень точно сказал об учителе, что у него «синтез преобладал над анализом, обобщения над фактами», при активности «творческого центра» он был начисто лишен «центра торможения». Всегда, даже в молодости, Марр выдвигал некоторую гипотезу, объявлял ее доказанной истиной, а затем начинал искать ее доказательства, не считаясь с фактами и часто искажая и подтасовывая их. «Идсей фикс» Марра с самого начала был постулат о великой исторической роли, славном прошлом и общем происхождении кавказских народов. Ему важно было, например, доказать историческую общность грузинского и армянского языков. Но наука к тому времени установила, что армянский язык — индоевропейский, а грузинский — нет. Выход был найден в объявлении армянского языка результатом скрещения двух «классовых» языков: «простонародного» и «княжеского». «Княжеский язык» Марр соглашался считать индоевропейским, а «простонародный» он объявил «яфетическим», то есть родственным грузинскому, хотя научно доказать это было невозможно. Разумеется, серьезные арменисты Ачарян и Капанцян не могли это принять. Примененный к армянскому языку метод Марр затем распространил на все языки мира: именно отсюда пошла его идея о классовости языка.

Так Марр поступал и в других случаях: когда объявлял о «доказанном» семитско-«яфетическом» родстве языков, когда относил к «яфетидам» этрусков, пеласгов и другие народы, о языках которых ничего не известно. Потом ему стало тесно в рамках языковых семей, и он создал «новое учение о языке», вообще отрицающее родство языков, языковые семьи и т. д.

По сути, наибольших успехов Марр добивался, когда выступал в роли первооткрывателя фактов. Как известно, получить ценные результаты при раскопках может и любитель, не владеющий археологическими методами (вспомним Генриха Шлимана). То же относилось и к Марру, заслуга которого, безусловно, была в том, что он первым (и по сей день единственным) стал систематически раскапывать Ани. Другие его замечательные находки — открытие уникальных древнегрузинских и древнеармянских рукописей (в том числе в экспедициях на Афон, на Синай и в Иерусалим) — также требовали лишь энтузиазма искателя, которого у него, безусловно, было много. Но там, где речь шла о построении научной теории, там Марр не был ученым. У него был замечательный талант проповедника, пророка, если угодно, шамана; многие его сочинения очень напоминают камлания.

Все это было бы лишь личной драмой одаренного человека, занявшегося не своим делом, если бы не общественная ситуация в СССР в 20—30-е гг. Марр, бывший очень властным человеком и уже потерпевший неудачу в попытках внедрения яфетической теории «в мировом масштабе», активно стал прибегать к помощи власти для установления монополии в науке. И это ему удалось: с 1928—1929 гг. всякая критика его «нового учения», объявленного «марксизмом в языкознании», стала невозможна. Многие ученые, не принимавшие марризм, лишились

возможности работать. Шахназарян пытается доказать, что Марр принял лишь Февральскую революцию, а его деятельность после Октября сопоставляет с деятельностью Ивана Павлова. Но позиции двух ученых были совсем разными. Павлов (кстати, не переносивший Марра и считавший его параноиком) не скрывал своего критического отношения к советской власти. Марр же (правда, не сразу, а лишь со второй половины 20-х гг.) объявил себя «марксистом» и сторонником «пролетарской идеологии» и в конце концов стал (в 1930 г.) единственным членом Императорской академии наук, вступившим в компартию. Об этом аргументировано пишет Рой Медведев. А Владимир Шахназарян не смог привести никаких фактов. К высказываниям, цитированным Роем Медведевым, можно добавить еще сколько угодно. Вот например: «Материалистический метод яфетической теории — метод диалектического материализма, т. е. тот же марксистский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале». Или вот: «Когда мы переживаем чрезвычайно обостренную классовую борьбу в социалистическом строительстве, то новое учение о языке по яфетической теории, естественно, становится мишенью ожесточенных, часто злостных нападок». И многие лингвисты пострадали в результате таких заявлений. Так что какими бы ни были цели Сталина, освобождение науки о языке от тяжелого груза «нового учения» было абсолютно необходимым.

Теперь о более частных искажениях истины у Владимира Шахназаряна. Ачарян был далек от Марра еще с дореволюционного времени. Марр покровительствовал младшему коллеге лишь в самом начале его деятельности. Но как только Ачарян занял самостоятельную позицию и стал спорить с Марром, тот еще в 1915 г. безапелляционно заявил об исследованиях коллеги: «В серьезном научном деле им нет места». Арест Ачаряна в 1937 г. (к счастью, непродолжительный) никак не был связан с Марром, но в 1950-м старый ученый пострадал как раз за то, что был противником Марра. О том, что Марр в начале 30-х побаивался ареста, существуют устные воспоминания, но в те годы такой страх был у многих. А утверждать, что Марра «только смерть избавила от тюрьмы», все же нет оснований. Совершенно фантастична фраза о том, что Марр «задолго до Клода Леви-Стросса заложил основы структурализма в лингвистике». Методы Марра не имели никакого отношения к структурализму, и сам Марр никогда не считал себя структуралистом; к тому же основателем структурализма в лингвистике был не Марр и не Леви-Стросс, а Ф. де Соссюр, книга которого вышла посмертно в 1916 г. и никак не повлияла на Марра. Леви-Стросс же, работавший позже, «заложил основы структурализма» отнюдь не в лингвистике.

Вопрос о дискуссии 1950 г. и о причинах вмешательства Сталина требует особого разговора, я уже писал об этом... Отмечу лишь, что фактическую сторону дела Медведев при отдельных неточностях описывает в целом верно. Главная же причина сталинского выступления, на мой взгляд, заключалась в следующем. Сталин к этому времени окончательно пришел к политике великодержавности и восстано-

вления многих дореволюционных традиций. Эта политика нуждалась и в идеологическом обеспечении. А «учение» Марра с его космическими масштабами и национальным нигилизмом хорошо вписывалось в конъюнктуру 20-х гг., когда ждали мировой революции, и не соответствовало новому сталинскому курсу. Интернационалистские идеи 20-х гг. очень удобно было разбить на примере марровского «нового учения», явно уязвимого для критики...

Владимир Шахназарян заканчивает статью призывом не смешивать политику с наукой. Призыв правильный, но, к сожалению, сам Шахназарян делает именно это. К тому же имел склонность и герой его статьи.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К МАРРУ. 2003 ГОД

Книга «История одного мифа. Марр и марризм» была написана мной в 1988 г. Тогда проблемы, в ней рассмотренные, казались крайне актуальными, а идея писать о Марре, марризме и критике Марра Сталиным, что называется, носилась в воздухе. Не удивительно, что одной и той же проблемой стали независимо друг от друга заниматься сразу несколько человек.

Я к тому времени был увлечен совсем другими сюжетами, и идею заняться марризмом мне подал в октябре 1987 г. востоковед П. М. Шатитко, предложивший написать статью о дискуссии 1950 г. и ее значении для востоковедения в журнал «Народы Азии и Африки» (ныне «Восток»). Тема оказалась интересной, довольно скоро я понял, что помимо статьи (которая также была написана и опубликована) получается целая книга. Книгу я писал, что называется, запоем, взяв даже отпуск на работе. В конце марта 1988 г. я поставил последнюю точку в первом варианте книги, а через три дня мне попало в глаза объявление о том, что 2 апреля на филологическом факультете МГУ состоится дискуссия по вопросу марризма и критики его Сталиным. Я сразу подумал, что, вероятно, инициатором дискуссии выступает профессор О. С. Широков (ныне, к сожалению, покойный), и не ошибся. Заседание происходило, казалось бы, в самое неудобное время: во вторую половину дня в субботу, однако аудитория оказалась забита народом, и мне пришлось все заседание стоять. После доклада Широкова происходила оживленная и долгая дискуссия, разошлись поздно. А менее чем через два месяца я узнал, что этой же проблемой занимается и М. В. Горбаневский. В «Литературной газете» он опубликовал статью, где при типичных для того времени журналистских перефразировках и при немалом числе фактических неточностей, тем не менее, основные оценки были вполне правильными. Выяснилось, что он тоже уже написал книгу о Марре и марризме. В результате наши две книги вышли в свет почти одновременно (книга Горбаневского чуть раньше); Широков книгу так и не написал, но опубликовал в «Вестнике МГУ» часть материалов дискуссии 1950 г.

Но если Широков и Горбаневский как профессиональные лингвисты понимали, что к чему, то непрофессионалы, авторы захлестнувшей в то время наши СМИ «перестроечной» публицистики, писали (чаще всего, походя) нечто совсем уж несусветное. Поскольку Марра ругал Сталин, а общим местом этой публицистики в 1988 г. было обличение Сталина по любому вопросу (Ленина тогда задевать еще боялись), то

Марр под их пером оказывался невинной жертвой тирана, что сильно упрощало реальность. Все это сопровождалось большим числом фактических неточностей, некоторые из публицистов даже не знали, что Сталин спорил с человеком, которого уже пятнадцать лет не было в живых. Обзор (далеко не полный) таких высказываний я дал в разделе «Вместо заключения». В ходе работы над книгой я понял, что одна из моих целей — попытка объяснить, как было на самом деле, и как-то нейтрализовать некомпетентные высказывания. Я пытался пробиться в широкую печать. Когда журнал «Октябрь» напечатал очередную чушь, я послал туда статью, на что получил ответ: мы начали ваше письмо готовить к печати, но появилась статья Горбаневского, которая закрыла тему, и больше к этому вопросу можно не возвращаться. Выйти за пределы специальных научных журналов мне тогда не удалось.

Публикация книги, окончательно законченной после учета всех замечаний к концу 1988 г., шла тем временем своим чередом. Никто не задерживал ее издание, но при обычной неспешности издательства «Наука» книга вышла лишь в октябре 1991 г., а это была уже другая историческая эпоха. К тому времени разоблачения Сталина перестали быть самой актуальной темой, огонь публицистов переместился на Ленина и на «тоталитаризм» и «большевизм» вообще, и тематика книги уже не вызывала такого внимания, как за три года до этого. Тираж в 5000 экземпляров, впрочем, разошелся довольно быстро.

С тех пор прошло более десяти лет. Наша страна пережила уже несколько исторических периодов, и времена, когда эта книга писалась и издавалась, уже кажутся далеким прошлым, а эпоха Марра и Мещанинова совсем отодвинута от нас. За эти годы от нас ушли почти все свидетели той эпохи. Когда я писал книгу, мне удалось поговорить довольно со многими из тех, кто пережил события 20–50-х гг. в нашем языкознании, а иногда и активно в них участвовал. Теперь из них нет уже никого, кроме самых младших по возрасту В. Н. Топорова и А. М. Щербака, заставших дискуссию 1950 г. студентами. Последним ушел в 2001 г. старейший, Василий Иванович Абаев, переживший всех других учеников Марра (так получилось, что два, пожалуй, самые талантливые из учившихся у Марра лингвистов — А. Г. Шанидзе и В. И. Абаев — умерли в возрасте ста лет). В 90-е гг. я еще встречал людей, видевших Марра и слышавших его лекции (студентка ЛГУ начала 30-х гг. Ф. А. Тодер вспоминала, как Марр на лекции постоянно ронял пенсне и ловил его на лету). Сейчас никого из них нет, и я не знаю, остался ли хоть один человек, помнящий Марра.

Но временная дистанция имеет и свои преимущества. Теперь мы можем рассматривать события былой эпохи более отстраненно, более объективно. Сейчас издательство «УРСС» предложило мне переиздать книгу (по техническим причинам) в стереотипном виде, но с добавлением послесловия и дополнений. Естественно, я должен высказать свое отношение к тому, что я писал четырнадцать лет назад.

В целом мои оценки Марра, марризма и выступления Сталина с тех пор не изменились. Под заключительной формулировкой книги «Мар-

ризм реабилитации не подлежит» я подписываюсь и сейчас. Кстати, реабилитации по-настоящему так и не произошло, несмотря на отдельные ее попытки, о которых будет упоминаться ниже. В то же время я должен указать на некоторые неточности в книге, а где-то моя точка зрения изменилась или уточнилась. К тому же изучение тем, связанных с Марром и марризмом, за эти годы развивалось, появился ряд ценных публикаций. Помимо работ исследовательского характера вышли издания или переиздания текстов, относящихся к 20–50-м гг. Например, выступление Е. Д. Поливанова против Марра и работа И. Е. Аничкова «Очерк советского языкознания», цитируемые в нашей книге по рукописи, сейчас изданы [Поливанов 1991, с. 508–551; Аничков 1997, с. 410–438]. Важна и антология [Сумерки 2001], где перепечатаны многие важные работы рассматриваемой здесь эпохи, как марровские, так и антимарровские. Доступнее стали и сочинения самого Марра, поскольку совсем недавно появилась книга [Марр 2002], представляющая собой переиздание книги [Вопросы 1933]. Наконец, изданы и некоторые тексты, ранее вообще не известные. Все это требует учета и оценки. Поэтому я даю постраничные комментарии к книге и краткий обзор литературы по марровской тематике, появившейся в 1991–2002 гг., не претендуя на ее исчерпывающий учет, а также дополнения и уточнения к библиографии и именному указателю и отдельно библиографию моих публикаций по данной тематике.

Предварительно хочется сказать о некоторых общих вопросах. Конечно, в любой книге такого рода содержится какое-то количество фактических неточностей, которые всегда хочется свести к минимуму, что часто не удается. Здесь я должен выразить благодарность читателям книги, которые указали на ряд таких неточностей. Приведу один пример. Во время работы над книгой я был в командировке в городе, где жил Марр, тогда еще называвшемся Ленинградом, и решил посмотреть могилу академика в Александро-Невской лавре, но могилы не нашел. В связи с этим я написал: «В некрополе могилы Марра нет. Что и когда с ней произошло?». После выхода в свет книги я получил письмо от читателя, уже из Санкт-Петербурга, который указал, что я просто не там искал. Могила находится не в некрополе, как утверждалось в одной из траурных публикаций, а на Коммунистической площадке лавры; там могила и поставленный еще в 30-е гг. памятник находятся и сейчас в относительно хорошем состоянии.

В ряде случаев факты за прошедшие годы оказалось возможным уточнить. Например, к 1988 г. мало что было известно об обстоятельствах заключения и гибели тех или иных репрессированных ученых, часто приходилось довольствоваться слухами и устными рассказами, что привело к фактическим неточностям. Сейчас многое удалось выяснить по архивным данным, особенно я благодарен покойному Ф. Д. Ашнину, давшему мне немало сведений такого рода.

В книге я обратил недостаточное внимание на некоторые важные вопросы. Безусловно, больше следовало сказать о ряде ученых, относившихся к марристскому лагерю. Например, я явно недооценил теоретическое значение общелингвистических работ В. И. Абаева

30-х гг. Главная из этих работ [Абаев 1934] в книге хотя и упомянута, но должной оценки не получила; в те годы она показалась мне слишком тесно связанной с идеями самого Марра. Теперь я понимаю, что этот ученый высказывал в те годы очень интересные идеи, далеко выходящие за рамки ортодоксального марризма. Свое теперешнее понимание этих идей я высказал в статье памяти Абаева [Алпатов 2001]. Жалею и о том, что у меня совсем ничего не говорится о сыне Николая Яковлевича Юрии Марре, талантливом востоковеде и поэте-футуристе, недавно о нем появился ряд интересных публикаций Т. Л. Никольской; см. особенно [Никольская 2000].

Некоторые вопросы, не нашедшие в книге отражения, оказались более существенными, чем это казалось раньше, в связи с изменением общественно-политической ситуации. Например, в книге я не стал рассматривать взаимоотношения Марра с грузинскими меньшевиками, правившими в Грузии в 1917–1921 гг., и его споры с ними по вопросу создания в Тбилиси университета, хотя (несколько неожиданно для 1949 г.) этот эпизод биографии Марра довольно подробно изложен в книге [Миханкова 1949]. Произошло это просто потому, что в начале 1988 г. проблема грузинского национального государства еще не казалась актуальной. Но ситуация может меняться очень быстро, а теперь в независимой Грузии именно этот эпизод во многом определяет отношение к Марру. Вопреки тому, что можно было бы ожидать, этот ученый вовсе не стал там предметом национальной гордости (пожалуй, в Армении Марра почитают гораздо больше; одно из свидетельств такого почтения — статья, с которой я веду полемику в публикуемой здесь работе «Не шарлатан, но шаман»). И причина здесь не в сути «нового учения» или в отношениях Марра со Сталиным, а в том, что Марр был противником разделения Закавказья по национальным «квартирам» и прохладно относился к идее грузинского государства. Ему предлагали пост ректора вновь организованного в Тбилиси университета, однако он не согласился с концепцией его создания, считая, что университет должен быть не грузинским, а общекавказским. Вместо Марра пост ректора согласился занять его ученик И. А. Джавахишвили, что привело к конфликту этих двух ученых. Впоследствии Марр активно поддерживал создание Закавказской федерации в рамках СССР, такой лозунг вполне соответствовал его настроениям.

Книга «История одного мифа. Марр и марризм» была документом своей эпохи и отражала распространенные общественные представления тех лет, когда лозунги перестройки объединяли людей, чьи дороги позднее разошлись. Когда я писал книгу, я еще сохранял положительное отношение к этим лозунгам, что в ряде ее мест, особенно в заключительном разделе, не могло не сказаться (хотя меня уже тогда поразило совпадение ключевых слов и словосочетаний у Марра и Горбачева: «перестройка», «борьба с застоем», «новое мышление»). Однако я не хочу здесь ничего менять. Отмечу лишь одно. В 1988 г. отношение к Сталину у большинства интеллигенции было крайне эмоциональным, и тот факт, что его выступление против Марра явно имело для истории нашей науки больше плюсов, чем минусов, казался

по меньшей мере странным и требовавшим какого-то специального объяснения. Теперь мы можем относиться к этой исторической личности более спокойно. При этом те возможные причины вмешательства вождя в вопросы языкознания, о которых я писал в 1988 г., я и сейчас оцениваю более или менее так же, как тогда.

Издание книги вызвало ряд откликов и после ее выхода, и позже. В основном они либо были положительными, либо содержали замечания по частным вопросам, которые мы здесь постарались учесть. Существенная критика сводилась чаще всего к оценкам, что я «слишком суров» к Марру и что его научная концепция требует более глубокого проникновения в ее суть. Здесь я не могу согласиться с моими оппонентами. В книге я постарался дать взвешенные оценки, выдвинуть все аргументы и за, и против, хотя, может быть, где-то и произошли некоторые перекосы в сторону аргументов против. Я абсолютно согласен с тем, что Марр был исключительно талантлив, а может быть, и гениален, как считали некоторые люди, его знавшие. Не отрицаю я и его огромную работоспособность и целеустремленность, большие таланты организатора. Не говорю я и о том, что абсолютно все в его «яфетических зорях» абсурдно. Где-то он развивал весьма ценные идеи В. фон Гумбольдта и других классиков науки (подробнее я об этом пишу во включенной в это издание статье «Марризм и марксизм (заметки неисторика)»); где-то он выдвигал замечательные, но ничем не аргументированные догадки. Об этом говорится в книге, а кое-что к этому можно и добавить дополнительно.

На проходившей в феврале 1995 г. в МГУ международной конференции «Лингвистика на исходе XX века» неожиданно возникли дискуссия о происшедшей в этом веке «визуальной революции» в передаче информации. И когда я процитировал высказывания Марри о том, что «новое мышление» «с трудом умещается в звуковую речь» и готовится к «лепке, созиданию» качественно нового способа своей передачи, то все присутствующие согласились с тем, что Марр гениально предугадал «визуальную революцию» (она начиналась уже при его жизни, поскольку существовало немое кино, но столь глобальные выводы тогда мало кто делал). Я вполне верю в то, что у Марри в будущем могут оказаться востребованными какие-то гениальные прозрения и озарения. И гипотеза академика Т. В. Гамкрелидзе о том, что марровские четыре элемента — предсказание еще не известной в 20—30-е гг. структуры генетического кода (элементов там тоже четыре) [Гамкрелидзе 1988], вполне правдоподобна, хотя ее и нельзя доказать.

Но эти озарения и прозрения не есть результат нормальной деятельности ученого, а такая деятельность, можно сказать, не была свойственна Марру. Любопытны данные, которые приводила на конференции 1998 г., посвященной 40-летию Отдела языков Института лингвистического наследия РАН, Л. С. Ермолаева. Она сделала то, что редко делают ученые, занимающиеся Марром: разобрала творческую лабораторию его как кавказоведа на примере книги [Марр 1925]. И выяснилось, что, давая интерпретацию тем или иным фактам древнегрузинского

языка, Марр постоянно подтасовывал факты. Например, если в какой-то фразе памятника одно слово не соответствовало его интерпретации, он просто его зачеркивал и делал вид, что его нет. Ученые не могут так поступать. А ведь эта книга, хотя и была издана в 1925 г., но отражает еще этап деятельности Марра до выдвижения им «нового учения». Этот этап часто противопоставляют последующему как более научный.

В связи с этим хочется сформулировать тезис, который по сути присутствует в книге, но прямо там не высказан (впервые он прозвучал в публикуемой здесь газетной статье 1997 г. «Не шарлатан, но шаман»). Марр был исключительно талантлив, но по складу характера ему было противопоказано заниматься наукой. Такие люди могут быть пророками, создателями религиозных учений, выдающимися революционерами, полководцами, харизматическими политиками, поэтами, но никак не учеными. И в науке он мог быть пророком, но не исследователем. Еще раз приведем имеющиеся в книге очень точные слова Б. В. Горнунга: «Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые примененному в юности, Н. Я. Марр остался верен всю свою жизнь». Такой принцип несовместим с наукой. Но что было делать талантливому и очень честолюбивому юноше невысокого происхождения, приехавшему в Петербург из далекого Кутаиса в «глухое царствование» Александра III? Ему были открыты лишь две карьеры: духовная и научная, из которых вторая показалась более заманчивой.

Впрочем, сказанное надо уточнить в одном отношении. Вклад ученого в науку (если не считать свойственных немногим прозрений и озарений) складывается из двух компонентов: вновь открытых фактов и предложенных теорий и методов. У Марра было немало того и другого. И в области открытия фактов он достиг многого, хотя он мог эти факты и подтасовывать. Недаром его авторитет был во многом основан на его экспедициях на Афон, на Синай и в Иерусалим, где он нашел ценные рукописи. Пусть при их публикации он мог допускать неточности, а то и подтасовки, но их открытие — несомненная заслуга Марра. То же и с его раскопками Ани и других мест. Многие в его археологических публикациях может быть недостоверным, но раскопки были и весьма важные для науки находки происходили; см. [Платонова 1998]. Однако ценность достигнутого Марром в основном находится как бы на двух полюсах: конкретные находки и гениальные прозрения; «середины», в которой, как правило, работает ученый, у него не было.

В связи с этим следует остановиться на наиболее серьезной полемике с данной книгой, содержащейся в монографии известного франко-швейцарского исследователя русской и советской науки профессора Лозаннского университета Патрика Серио [Sériot 1999], недавно изданной и в русском переводе.

П. Серио считает непродуктивным подход к изучению Марра в моей книге, поскольку там все сводится к трактовке этого ученого как «психопата-мегаломана» [Sériot 1999, p. 141]. Впрочем, подобные претензии он предъявляет и к ряду других публикаций о Марре. По его

мнению, вместо этого надо рассматривать идеи Марра в контексте эпохи, с учетом их соответствия «духу времени».

Эта критика, на мой взгляд, не совсем верна. Я как раз стараюсь показать, что далеко не все в «новом учении о языке» связано с личными качествами Марра. Многие из того, о чем я пишу, как раз совпадает с тем, о чем пишет П. Серิโอ: учение Марра было попыткой преодолеть наметившийся к началу XX в. кризис языкознания; очень многие его идеи были созвучны времени, как в чисто научном плане (проблема скрещений и смешений языков, часто обсуждавшаяся в эти времена и почти вышедшая из активного научного обихода во второй половине XX в.), так и в связи с общественными процессами. Однако П. Серิโอ как в этой книге, так и в ряде выступлений и в личных беседах подчеркивает весьма серьезный и важный тезис: об истории научных идей надо писать в отвлечении от личных качеств, свойств характера и биографических обстоятельств жизни ученых, которые эти идеи высказывали; изучение всего этого — совсем другая задача.

С этим во многом надо согласиться. «История идей» и «история людей» — разные дисциплины, которые нередко смешивают, особенно у нас. Однако нередко объекты этих дисциплин перекрещиваются. Судьба ученого может влиять на его идеи и методы, что мы особенно хорошо видим на примере многих советских ученых. А характер того или иного специалиста может по-разному проявляться в его публикациях.

Вряд ли можно многое сказать о человеческих особенностях, скажем, А. Мейе или О. Есперсена по их публикациям. Даже идеи тех ученых, которые любили говорить о себе и как бы выставляли свой характер напоказ перед читателем (один из примеров — И. А. Бодуэн де Куртенэ), можно изучать в отвлечении от личностей авторов этих идей. Но Марр — как раз тот пример, когда такой подход до конца невозможен. Отметим, кстати, что при его жизни чем меньше принимались во внимание личные качества академика, тем резче оказывались его оценки. Те лингвисты, которые не знали о Марре ничего помимо того, что можно было прочесть в его публикациях (а сюда относилось большинство зарубежных ученых), не видели в этих публикациях ничего заслуживающего внимания. Даже в Москве, где его знали не столь хорошо, как в Ленинграде, его авторитет долго был невысок, а потом в основном насаждался сверху. Зато среди людей, лично постоянно общавшихся с Марром в Ленинграде, независимо от их профессии, возраста, политических убеждений, научных взглядов, пиетет перед ним за редчайшими исключениями был очень велик. Это типичное свойство мифа: он функционировал благодаря личным контактам с мифотворцем, а после его смерти поддерживался лишь преданием и постепенно блек.

Если рассматривать сочинения Марра как научные тексты в отвлечении от личности их творца, мы, безусловно, ощутим «дух времени». Однако слишком многое там поставит нас в тупик и окажется необъяснимым. Как я уже говорил, они не обладают основными признаками научных текстов, а степень популярности Марра в 20–30-е гг. никак не выводится из их содержания (как и из «доисторической» по преиму-

шеству тематики) и не может быть объяснена только созвучием «духу времени». Еще раз повторю вывод книги, с которым я по-прежнему согласен: притягательность «нового учения о языке» — не притягательность научного учения, а притягательность мифа. А мифы XX века нельзя в отличие от современных им научных теорий изучать в отвлечении от личностей их создателей. В этом предмет нашего спора с П. Серно.

Наконец, отмечу, что к книге «История одного мифа. Марр и марризм» в этом издании добавлены еще две мои публикации по данной тематике, написанные и появившиеся после книги. Они, на мой взгляд, кое-что добавляют к ее общей проблематике; другие мои публикации по данной тематике (см. ниже их список) либо покрываются книгой, либо представляют собой работы по частным вопросам.

Статья «Марризм и марксизм (заметки неисторика)» была написана в ноябре 1991 г. и опубликована в журнале «Восток», 1992, № 3. Еще в большей степени, чем книга, она имеет свойства документа эпохи. Тогда под впечатлением событий августа 1991 г. мне казалось, что явление, названное мной марксизмом II, окончательно ушло в прошлое так же, как ушел в прошлое после 1950 г. марризм; в то же время мне хотелось защитить от очень яростных в тот период нападок само учение Маркса и Энгельса (марксизм I). Теперь я вижу, что марксизм II продолжает жить и развиваться в России, теперь уже как оппозиционное течение, и объективные условия для его существования сохраняются. Однако я не хочу в тексте статьи ничего менять, а отмеченный мной параллелизм между развитием марксизма и марризма, за исключением упомянутого пункта, я и сейчас принимаю. Мне кажется, что добавление статьи сделает более ясным вопрос о соотношении между учением Марра и марксизмом.

Статья «Не шарлатан, но шаман» опубликована в «Независимой газете» 5 июля 1997 г. в рамках развернувшейся там небольшой дискуссии о Марре. В ней я выражаю свое отношение к Марру в наиболее концентрированном виде. При переиздании сделаны небольшие исправления замеченных неточностей и опущен фрагмент статьи, не имеющий отношения к Марру.

Я буду благодарен читателям, если они найдут в данном варианте книги те неточности, которые остались незамеченными.

СОВРЕМЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О МАРРИЗМЕ

Как уже говорилось, я не ставлю своей целью дать полный обзор упоминаний Марра и марризма в отечественной и зарубежной литературе последнего десятилетия. Отмечу лишь основные тенденции.

Безусловно, после всплеска во второй половине 80-х гг. об этой проблематике стали писать меньше. Уже не так характерны, например, публикации, разоблачающие Сталина за «разгром генетики, кибернетики и языкознания», хотя время от времени они появляются и сейчас. Упомянем, скажем, статью Владимира Шахназаряна [НГ, 06.05.1997], где Марр назван основателем структурализма и утверждается, будто четыре элемента изучают и сейчас. Другой пример — статья С. Королева в той же газете [НГ, 03.12.1999]. Здесь, правда, Марр оценивается более адекватно. Однако в один ряд ставятся совершенно разные по научному уровню Мещанинов, Яковлев и Сердюченко, формирование «нового учения о языке» отнесено к «рубежу 20–30-х гг.», а в выступлении Сталина ничего, кроме злонамеренности, не обнаруживается.

Встречается и полная путаница в фактах. По телеканалу «Культура» (!) 13 сентября 2002 г. шла передача «Потерянные шедевры» о судьбе уникальной рукописи «Синайского Евангелия», хранившейся в Публичной библиотеке в Ленинграде, а затем проданной за границу. Было сказано, что в 20-е гг. против продажи выступил директор библиотеки Н. Я. Марр, а с наукой тогда еще считались. Но затем в 30-е гг. (не в 1950, как на самом деле) Сталин возомнил о себе, как о специалисте по всем наукам, и выступил против Марра, после чего (!) академик перестал быть директором Публички, а Евангелие продали. Не говорю обо все том же стремлении считать Марра несправедливой жертвой Сталина. Но насколько перепутаны все факты! На самом деле Марр в 1930 г. сам ушел из Публичной библиотеки в связи с избранием вице-президентом АН СССР.

Среди публикаций неспециалистов есть, однако, и более квалифицированные. Назовем несколько статей Р. А. Медведева, самый полный вариант см. [Медведев, Медведев 2001, с. 251–261]. В них есть отдельные фактические неточности, не лишены они и журналистских «украшательств». Ср., например, передачу разговора по телефону Сталина с первым секретарем ЦУ КП Армении Арутиновым в воспоминаниях непосредственного свидетеля А. С. Чикобава и у Р. А. Медведева. Чикобава упоминает четыре короткие реплики Сталина и не пытается реконструировать ответы его собеседника, которые не мог слышать,

а у Медведева неизвестно на каких основаниях передан весь диалог, а речь вождя явно «расцвечена». Вариант Чикобава выглядит достовернее. Однако по сути Р. А. Медведев вполне прав, и с его выводами можно согласиться.

Что касается специалистов-лингвистов и востоковедов, то у нас чаще всего сохраняются установившиеся оценки, в соответствии с которыми нейтрально оценивается ранний период деятельности Марра и полностью отвергается «новое учение о языке». Вот пример из недавно вышедшего учебника, где Марр назван «специалистом по грузинской и армянской филологии, автором безумного „нового учения о языке“ и сказано, что „метод работы с языковым материалом, который практиковал сам Марр, не выдерживает никакой критики“» [Тестелец 2001, с. 221]. Все это — уже традиция, установившаяся еще в советское время: серьезная лингвистика обоснованно рассматривает Марра лишь как исторический курьез, имевший, однако печальные последствия для нашей науки (также упоминаемые в учебнике).

Среди работ, специально посвященных истории советской лингвистики 20–50-х гг., следует отметить уже не раз здесь упомянутую антологию «Сумерки лингвистики», составленную В. П. Нерознаком и В. Н. Базылевым (название книги мне не кажется удачным). Книга представляет собой собрание важных и в целом хорошо подобранных текстов тех лет, отражающих основные события внешней, а иногда и внутренней истории нашей науки о языке. Тексты снабжены предисловием и комментариями В. П. Нерознака и В. П. Базылева. Там далеко не все прокомментировано, есть неточности. Например, умерший еще в 1985 г. А. С. Чикобава представлен как живой автор (тогда как в отношении пережившего его на три года В. А. Звегинцева год смерти указан). Про теоретика футуризма И. Г. Терентьева сказано, что он будто бы в 1939 г. испытал второй арест и в 1941 г. умер. Однако еще несколько лет назад было установлено, что он был расстрелян в 1937 г. В предисловии значительное место занимают цитаты из работ В. А. Звегинцева, М. М. Маковского, В. М. Алпатова и др. Оценки Марра и марризма в целом соответствуют сложившейся традиции, не оригинальны, но вполне обоснованны.

В то же время В. П. Нерознак и В. Н. Базылев поднимают и некоторые новые проблемы. Прежде всего — это сходство идей Марра с тем, что они именуют «маргинальными парадигмами в советском языкознании 1918–1957 гг.», находившимися «вне магистральных путей эволюции не только мировой науки о языке, но и собственно советской» [Нерознак, Базылев 2001, с. 13]. К последним отнесены весьма разные явления: антиструктуралистская концепция языка В. Н. Волошинова — М. М. Бахтина, идеи в отношении философии языка, развивавшиеся Г. Г. Шпетом, П. А. Флоренским, Л. Ф. Лосевым и др., и, наконец, упражнения с языком русских футуристов и прочих авангардистов. Можно, безусловно, говорить о маргинальности всех этих явлений для СССР 20-х гг., но явления это разные. Концепции В. Н. Волошинова — М. М. Бахтина имеют прямое отношение к лингвистике и по сути далеки от марризма, а упоминания Марра в книге

«Марксизм и философия языка» существенного значения для ее проблематики не имеют, подробнее см. [Алпатов 2000, с. 12]. Вряд ли близки к Марру и идеи философов-идеалистов, одновременно далекие и от собственно лингвистики. А вот с футуристами переклички у Марра действительно есть, см. выше о параллелях между Марром и Хлебниковым (с Терентьевым у Марра могла быть даже личная связь через сына). Но сами области культуры тут слишком разные. То, что может давать плодотворные результаты в сфере искусства, совсем иначе выглядит в сфере науки.

В целом, однако, можно согласиться с итоговым выводом предисловия о том, что в советский период наука о языке в нашей стране продолжала развиваться и имела значительные достижения, а советское языкознание 20–40-х гг. нельзя сводить к марризму [Нерозник, Базылев, с. 19].

Отметим и ряд появившихся в последнее десятилетие воспоминаний о нашем языкознании тех лет (впрочем, не слишком многочисленных). К их числу относятся, например, воспоминания Р. М. Фрумкиной, заставшей лишь последний период марризма (поступила в университет в 1949 г.) [Фрумкина 1997]; частично перепечатано в [Сумерки 2001, с. 552–558]. В воспоминаниях И. М. Дьяконова приводятся его впечатления от лекций Марра, которые будущий ученый слышал в 1933 г., то есть непосредственно перед болезнью и смертью академика. Общий вывод: «Понять было ничего невозможно. Мне было странно, что кому-нибудь могло быть не ясно, что он — сумасшедший» [Дьяконов 1995, с. 316]. Обратим внимание читателей и на книгу дочери А. И. Смирницкого о своем отце [Смирницкая 2000]. В моей книге об этом лингвисте совсем ничего не сказано, поскольку до 1950 г. его имя никак не звучало в идеологических дискуссиях, поэтому отсылаю читателя к этой книге. О. А. Смирницкая показывает весьма привлекательный тип ученого, старавшегося заниматься своим делом и держаться в стороне от идейных споров, насколько это было возможно; лишь после 1950 г. А. И. Смирницкий активно включился в общественную деятельность, которая, однако, вскоре была прервана болезнью и ранней смертью [Смирницкая 2000, с. 83–84].

Появляются и ценные публикации архивных материалов. Такова статья [Робинсон 2002], где приводятся свидетельства резко отрицательного отношения большинства филологов-славистов и русистов старой школы к «новому учению о языке». Вот, например, слова Н. Н. Дурново: «Яфетидологи, по крайней мере] ме[ре] Н. Я. Марр, с минимальной решимостью отвергают все достижения лингвистической науки, все ее методы и работают с помощью методов, которые и 100 лет тому назад были уже недопустимы» [Робинсон 2002, с. 183]. Там же приводятся аналогичные высказывания Г. А. Ильинского, Н. К. Никольского и др.

Есть у М. А. Робинсона и неточности. Он пишет: «В отличие от марризма социологические построения некоторых новообращенных в марксизм известных ученых...находили последователей» [Робинсон 2002, с. 172–173]. Получается, что марризм последователей

не находил. М. А. Робинсон как бы отождествляет гуманитарную науку вообще с филологией старой школы. Но, как я старался показать в своей книге, у марризма было много искренних приверженцев, в том числе и среди серьезных ученых. Даже в Академии наук 20-х гг. отношение к Марру было различным в зависимости от такого, казалось бы, формального признака, как отделение, в которое входил ученый. Второе отделение, Отделение русского языка и словесности, члены которого отличались большой политической и научной консервативностью, не принимало Марра, что хорошо показано в публикации М. А. Робинсона. Однако Третье отделение, объединявшее остальных гуманитариев, в которое входил сам Марр, относилось к нему намного более благожелательнее (редкое исключение — Ф. И. Щербатской). Опять-таки миф сильнее действовал на близком расстоянии.

Среди немногочисленных публикаций, специально посвященных научной деятельности Марра, отметим основанную на архивных документах и весьма информативную статью [Платонова 1998]. В ней реконструируются итоги очень активной археологической деятельности Марра в Ани (ее результаты приходится реконструировать, поскольку «почти все Анийские материалы, включая музейные коллекции и не менее 90% полевой документации, трагически погибли в 1917–1918 гг.» [Платонова 1998, с. 377]). Статья содержит и общие оценки Марра, некоторые из которых нам кажутся очень точными. Н. И. Платонова отмечает «тончайшее чутье конъюнктуры и незаурядные дипломатические способности, помогавшие Николаю Яковлевичу оставаться в почете во все времена и при любом правительстве без ущерба для своего имиджа „непокорного“ и несдержанного на язык ученого» [Платонова 1998, с. 376]. Точно определен и «стиль отношений» Марра с властью: «подчеркнутое уважение в соединении с подчеркнутым собственным достоинством» [Платонова 1998, с. 376].

Все перечисленные работы также оценивают учение Марра отрицательно. Появляются и работы, где оно оценивается нейтрально или даже положительно. Иногда даже Марр упоминается в ряду классиков языкознания вместе с А. Шлейхером, Г. Паулем и Ф. Де Соссюром [Зубкова 1992, с. 73–102]. Чаще, однако, положительные упоминания Марра появляются (помимо кавказоведения) в связи с обсуждением проблем, и поныне не решенных наукой: происхождение языка, особенности «первобытного мышления» и др. Здесь Марр предлагал смелые догадки, может быть, содержавшие какие-то интуитивные прозрения. А эти проблемы после длительного периода спада к ним внимания вновь начинают быть популярными. И конечно, гипотезы Марра могут обсуждаться наравне с другими подобными им и давать какое-то направление для поисков. Впрочем, это совсем и не обязательно. Например, в только что вышедшей книге [Барулин 2002], специально посвященной вопросам глоттогенеза, нет ни одной ссылки на Марра (хотя некоторые ученые марристского лагеря, например, О. М. Фрейденберг, упоминаются).

Одна из наиболее подробных публикаций, прямо связанных с темой данной книги, — статья Я. В. Василькова [Васильков 2001]. Автор

в целом вполне адекватно оценивает «новое учение», не находя в нем никакой научной ценности. В то же время он справедливо отмечает, что в нем была своя логика, порожденная влиянием общественной ситуации. Статья ценна и введением в научный оборот ряда новых документов, например, из архива академика Ф. И. Щербатского (одного из немногих наших крупных востоковедов тех лет, кто последовательно и открыто не принимал марризм). Ряд наблюдений Я. В. Василькова интересен, например, о том, что тексты Марра, особенно поздние, построены по законам не столько научного, сколько художественного творчества [Васильков 2001, с. 416]. Заслуживают внимания и предлагаемые в статье объяснения психологических истоков поведения ученого: «Н. Я. Марр в детстве пережил в особо резкой форме то, что переживает ребенок, выросший в смешанной семье европейца и „туземки“ в условиях колониальной страны. Уязвленность недостатком отцовской любви совпала с уязвленностью национального чувства, и все это навсегда переплелось с проблемой языковых различий, языковых барьеров между людьми» [Васильков 2001, с. 397–398]. Разумеется, православная Грузия не может в полной мере рассматриваться как «колониальная страна». Но ощущение «плебейства» (недаром он испытывал симпатии к римским плебейм-«яфетидам»), неукорененности на петербургской почве, вероятно, играло роль и до, и после 1917 г. Хорошо проанализирована в статье и связь построений Марра с его кавказскими чувствами.

В то же время статья Я. В. Василькова проникнута нередким среди ленинградско-петербургских ученых стремлением максимально переложить вину с самого Марра на общественные условия и на его окружение. Автор статьи полностью негативно относится ко всему, что связано с советским строем, перенося эту оценку даже на марксизм в целом, отказываясь различать то, что в нашей статье «Марксизм и марризм» названо марксизмом I и II. В связи с этим он отождествляет марризм с марксизмом в языкознании, ссылаясь на мнения «диамагтиков» 20-х гг. [Васильков 2001, с. 411]. Однако, во-первых, не все из приводимых высказываний касаются непосредственно марксизма (см., например, приводимую цитату из Н. И. Бухарина, где речь идет о борьбе Марра с великодержавностью). Во-вторых, и эти марксисты, одобряя «новое учение», не могли не признавать довольно значительных расхождений между идеями Марра и идеями Ф. Энгельса, прежде всего в отношении первобытного общества. Построения Марра в целом соответствовали тому препарированию учения Маркса и Энгельса, которое происходило у нас в 20-е гг. (и то не во всем, например, это препарирование отнюдь не было склонно уходить от современности в «доисторию»). Но все-таки они довольно значительно отличались от идей самих основоположников марксизма (здесь я могу только повторить то, что сказано в моей книге на с. 68–73). К тому же Я. В. Васильков полностью исходит из искренней приверженности академика марксизму, что вызывает сильные сомнения.

Я. В. Васильков пишет: «Почему же советские лингвисты в последние годы СССР (и намного раньше. — В. А.) противопоставляли

марризм марксизму? Дело, по-видимому, в том, что ненаучный характер „нового учения о языке“ был слишком очевиден, и в то же время по конъюнктурным соображениям (а иногда и в силу искреннего заблуждения) требовалось отождествлять „марксистское языкознание“ с *научным* языкознанием. Между тем, это — разные вещи. Лингвистика может быть либо научной, либо марксистской (империалистической, националистической, христианской, исламско-фундаменталистской). Марксистское языкознание — одна из разновидностей *идеологизированного* языкознания, в котором научная истина приносится в жертву идеологии. И в этом отношении „новое учение о языке“ мало отличалось от других современных ему концепций, конкурировавших с ним за право называться „марксистским языкознанием“» [Васильков 2001, с. 412]. И далее автор статьи уничтожающе отзываясь об идеях «Языкофронта», а про «эрудированного и талантливое» Е. Д. Поливанова заявляет, что тот «в одних своих работах выступал как ученый, в других — как марксист» [Васильков 2001, с. 413].

В данном анализе не все верно и фактически. Неверно, что лидеры «Языкофронта» отличались от марризма лишь в том, что «доходили до абсурда в идеологизации языковых фактов» [Васильков 2001, с. 413]: их отличие было уже в том, что они отвергали всю фантастическую часть марризма и принимали факты, установленные «буржуазной наукой». Разделить же работы Поливанова на «научные» и «марксистские» просто нельзя: в любой «марксистской» публикации ученого 20–30-х гг. есть и научный анализ. На с. 414 Я. В. Васильков берет в союзники Б. А. Серебренникова в связи с его критикой «неомарризма», хотя этот языковед как раз был одним из последних искренних приверженцев марксистского языкознания. Но главное не это. Марксизм (если его, конечно, не сводить к тому, что я называю марксизмом II) — и идеология, и научная теория общества. Ученых, следовавших в той или иной степени марксистскому подходу в экономике или социологии, достаточно много, и они вполне могли при этом оставаться в рамках науки. Другой вопрос, что к проблемам языка (исключая социолингвистику) марксизм, как сейчас уже достаточно ясно, прямого отношения не имеет. Однако ситуация 20-х гг. стимулировала многих наших ученых к поискам в направлении построения марксистской лингвистики. Это относится не только к весьма интересным работам Е. Д. Поливанова, но и к такой книге, как «Марксизм и философия языка» В. Н. Володинова (может быть, одним из ее авторов был и М. М. Бахтин). В целом такие попытки потерпели неудачу, однако марксизм стимулировал направление поисков, см. у Е. Д. Поливанова интерес к проблемам функционирования языка в обществе и идеи о закономерностях языкового развития в связи с законами диалектики. Тем самым, все это не было бесполезным. Марризм от других конкурировавших концепций отличался, во-первых, явным выходом за пределы науки, во-вторых, не менее явной конъюнктурностью. Подробнее об этом см. [Алпатов 1999; Alpatov 2000].

Самого же Марра автор статьи старается хотя бы частично оправдать. Вот такая фраза: «К чести Марра надо заметить, что он, хотя

и пользовался широко трафаретами революционного жаргона, хотя и метал неустанно громы и молнии в „гидру научной реакции“, насколько мне известно, не опустил сам до высказывания персональных политических обвинений» [Васильков 2001, с. 413]. Само по себе это верно, если говорить лишь о публикациях Марра, но я отмечаю в своей книге установленное, видимо, самим академиком «разделение труда»: мэтр давал общую установку, а дальше «борьбой с контрабандистами» занималось его окружение. Однако в своем кругу, судя по воспоминаниям, Марр не церемонился в выражениях. См. хотя бы то, как он назвал брошюру П. С. Кузнецова «китайской бомбой» вскоре после вооруженного конфликта СССР с Китаем. Сходно по тональности и такое объяснение поведения Марра в последние годы жизни: «Марра терзал страх, и не только страх ареста, но, по-видимому, и страх перед надвигающейся социальной катастрофой, перед гибелью не одной лишь его школы, а всей научной интеллигенции в СССР... Смерть в этих условиях должна казаться ему избавлением» [Васильков 2001, с. 409]. Как известно, ни научная интеллигенция страны в целом, ни даже школа Марра не погибли, хотя, конечно, неоправданных потерь было слишком много. И все-таки никак нельзя отрицать и того, что сам Марр, в каких-то ситуациях спасая науку (об этом пишу и я, пишет и Я. В. Васильков), нередко и губил ее.

Недавно на выше упоминавшемся коллоквиуме в Лозанне один из составителей антологии «Сумерки лингвистики» В. Н. Базылев говорил о том, что в последнее время наблюдается некоторое оживление попыток реабилитации марризма. Он связывал это с современной общественно-политической ситуацией (оживление государственно-политического подхода, поиски национальных, специфических для России традиций, в том числе и в науке). Пока, как мне кажется, особых оснований для такого утверждения нет, но окончательно это станет ясным со временем. Во всяком случае, тематика данной книги мне не кажется совсем потерявшей актуальность.

Совсем кратко упомяну о спорах вокруг наследия И. И. Мещанинова и других ученых, принадлежавших к так называемому марристскому лагерю. В отличие от «нового учения о языке» их труды и до сих пор служат источником научных идей. Отношение к ним, однако, бывает различным. Можно назвать ряд публикаций с основательным разбором идей этих ученых, выявлением их достижений и слабых сторон; здесь особо отметим статью Т. М. Николаевой, посвященную общелингвистическим теориям И. И. Мещанинова и В. И. Абаева [Николаева 2000]. С другой стороны, встречаются и более критические оценки, например, в учебнике [Тестелец 2001]. Здесь сказано, что этим ученым «ни одну из поставленных задач... решить не удалось», «огромные амбиции оказались нереализуемы ввиду недостатка амуниции», а значение страдающих «поразительным многословием» работ Мещанинова «было невероятно раздуто в советской официальной науке 1970—1980-х гг.» [Тестелец 2001, с. 221—222]; впрочем, признается и то, что у Мещанинова есть «несколько интуитивно привлекательных и глубоких, хотя и расплывчато сформулированных грамматических

идей» [Тестелец 2001, с. 222], к числу которых отнесена идея понятийных категорий. Такие оценки нам кажутся излишне эмоциональными, в них не учитывается довольно значительная эволюция идей Мещанинова в 30–40-х гг., а с формулировкой о «раздувании» идей этого ученого в 1970–1980-е гг. (а не в 1930–1940-е) трудно согласиться: тогда уже покойный Мещанинов вполне официально признали как одного из классиков языкознания, его начали переиздавать, но никакой особой пропаганды его концепций мне не известно. В то же время Я. Г. Тестелец прав, указывая, что многие ставившиеся в той научной школе проблемы в середине XX в. были просто не решаемы: тогда «и семантика, и теория грамматики находились в зачаточном состоянии» [Тестелец 2001, с. 221].

Что касается оценок Марра и марризма за рубежом, то надо отметить два факта. Во-первых, Марр, как бы к нему там ни относились, вошел в небольшую «обойму» отечественных ученых-гуманитариев, имена которых там знают и помнят (наряду с М. М. Бахтиным, Л. С. Выготским, В. Я. Проппом и некоторыми другими). Например, на упоминавшемся коллоквиуме в Лозанне в докладах, представленных авторами, живущими за пределами СНГ, рассматривались лишь ученые из этого набора, включая и Марра; к ним добавилось всего одно менее стандартное имя — Л. П. Якубинский. Еще показательнее другой пример. В десятитомной международной лингвистической энциклопедии [Encyclopedia 1994], где дано значительное число статей о японских, румынских, болгарских и др. лингвистах, Марр фактически является единственным удостоенным персональной статьи лингвистом, отнесенным к русской науке. Русскими учеными в статьях-персоналиях названы трое: Марр, В. Я. Пропп и В. Б. Шкловский, но двоих последних трудно считать лингвистами. Есть, правда, еще Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон. Однако никто из них не отнесен к русской науке, а в статье о Казанской школе она определена как направление польской лингвистики (как будто вообще не существовало В. А. Богородицкого, С. К. Булича и др.).

Во-вторых, ситуация как бы стала (не полностью, конечно) обратной по сравнению с 1920–1940-ми гг. Тогда в СССР Марра почитали или хотя бы вежливо признавали классиком, а за рубежом чаще всего отвергали с начала и до конца. Теперь же российские авторы чаще всего считают «новое учение» «безумным», а на Западе и на Востоке Марра если не признают полностью, то хотя бы рассматривают всерьез.

Показательна упомянутая энциклопедия. Здесь о «новом учении» специально сказано в статье «Псевдолингвистика», автором которой является В. В. Иванов. Здесь «новое учение» оценивается в соответствии с названием статьи, а затем неожиданно сюда же помимо марризма и турецкой «солнечной теории» отнесены и выступления Сталина по языкознанию, сопоставленные с также со специально не описываемыми «теориями» нацистов. Приведены всего два аргумента в пользу этого: ошибочная трактовка у Сталина языка глухонемых и тезис об однозначном соответствии нации и языка, который, по мнению ав-

тора, лег в основу советской языковой политики (говорится о том, что будто бы в каждой республике СССР разрешался, помимо русского, только один язык, что, разумеется, сильное преувеличение) [Encyclopedia 1994, v. 6, p. 3390—3392]. Безусловно, здесь отрицательное эмоциональное отношение автора к Сталину берет верх над всем остальным, тогда как сталинские выступления по языкознанию при всей упрощенности содержавшихся там идей — никак не «псевдонаука». Но полностью отвергнут и марризм. И совсем иной тон чувствуется в упомянутой выше персональной статье о Марре, написанной зарубежным автором (V. M. Du Feu). Статья вполне академична; отмечены работы по кавказским языкам, организация изучения малых языков СССР и роль в языковом строительстве [Encyclopedia, v. 5, p. 2388]. Очевидно здесь не критическое использование публикаций, восходящих к периоду марровского мифа.

Мне неизвестны иностранные авторы, которые бы реально развивали «новое учение о языке». Однако чаще всего его рассматривают вполне всерьез, как некоторое любопытное научное учение, пусть не подтвердившееся. Например, серьезный английский исследователь М. М. Бахтина и его круга К. Брендист, рассматривая источники идей книги «Марксизм и философия языка», наряду с К. Бюлером, Л. П. Якубинским и др. изучает и влияние идей Марра, хотя нам представляется, что такового влияния не было (а если и было, то в несущественных для общей теории вопросах вроде происхождения языка).

Из зарубежных работ последних лет, хотя бы частично посвященных марризму, отметим две: книги [Sériot 1999] и [Tanaka 2000].

Книга Патрика Серио специально посвящена общенаучным истокам идей Н. Трубецкого и Р. Якобсона 20—30-х гг. Однако в одном из ее разделов (с. 139—167) специально ставится интересный вопрос (не затронутый в моей книге) о сходствах и различиях между этими идеями и марризмом. Такое сопоставление, несомненно, правомерно: две сравниваемые концепции сформировались примерно в одно время в России или в среде эмигрантов из России, обе были, как справедливо подчеркивает П. Серио, попыткой выхода из кризиса, в который зашло историческое языкознание XIX в., в обеих в своеобразной форме отразился «дух эпохи». И Марр, и Трубецкой с Якобсоном (как, впрочем, и принадлежавший к более старшему поколению И. А. Бодуэн де Куртенэ) не принимали слишком прямолинейные идеи традиционной науки о «родословном древе» языков и признавали возможность «схождений» и «скрещений» языков. Марр, однако, довел такой подход до абсурдной крайности: в полемике с традицией, допускавшей лишь дивергенцию языков, он признавал лишь их конвергенцию; Бодуэн де Куртенэ, Трубецкой и Якобсон включали в свою концепцию то и другое. Отмечает П. Серио и такое сходство: Марр и Трубецкой современную западную науку о языке оценивали очень резко и предлагали создать новую науку: «пролетарскую» у Марра и «русскую» у Трубецкого. Отмечены и различия: учение Марра, основанное на стадильности, было эволюционистским, чего не было у Трубецкого,

на которого значительное влияние оказали Л. С. Берг и другие противники дарвинизма; концепцию Трубецкого П. Серю называет «диффузионизмом». Кстати, в выступлении против Марра Е. Д. Поливанов отмечал как раз антидарвинистские черты «нового учения о языке»: «Не отрицаю, впрочем, возможности того, что где-нибудь в Америке, например, клерикальные круги может быть, и используют яфетическую теорию в качестве средства борьбы с дарвинизмом. *Корректирующее добавление.* Оказалось, что это мое предсказание уже сбылось (только не в Америке, а в буржуазной Европе)» [Поливанов 1991, с. 554] (о чем идет речь в последней фразе, нам неизвестно). И случайным ли было сотрудничество Л. С. Берга с Яфетическим институтом?

Безусловно, сходство здесь есть. Его можно увидеть иногда и там, где П. Серю о нем не пишет. Им отмечена такая черта евразийских концепций Трубецкого, влиявших, как хорошо показано в его книге, на его лингвистические построения: они во многом опирались на идеи западных мыслителей первой трети XIX в., тогда как идеи более позднего времени использовались мало [Sériot 1999, p. 264]. Но это очень характерно и для Марра, хотя источники его идей были иными. Кстати, и идеи эволюционизма у него скорее идут от В. фон Гумбольдта, писавшего задолго до появления труда Ч. Дарвина, а не от последователя дарвинизма в лингвистике А. Шлейхера.

Соглашаясь со швейцарским исследователем по указанным вопросам, хочу все же отметить два существенных различия между лингвистами-евразийцами (таковым был поначалу и Якобсон, хотя позже от евразийства отошел) и Марром. Трубецкой и Якобсон были лингвистами-профессионалами, а Марр — дилетантом. Марру было нетрудно разбивать «золотые кумиры» индоевропеизма, поскольку он, понимая вполне реальные слабости сравнительно-исторической теории, не владел сколько-нибудь основательно сложным и изощренным сравнительно-историческим методом. В таком случае естественное решение — отказаться от всего напрочь. Но Трубецкой и Якобсон этим методом владели, они могли видеть, что в традиционном подходе хорошо, а что плохо, поэтому они не могли отказываться от «золотых кумиров» целиком. Второе — различие в степени владения научным способом анализа. При этом П. Серю в целом правильно отмечает и у евразийцев желание подгонять факты под свои теории. Однако у Н. Трубецкого такое желание умерялось научным складом ума; хотя в его евразийских сочинениях оно нередко выступало наружу, но в его трудах по лингвистике, как и в публикациях Р. Якобсона (не выступавшего в качестве теоретика евразийства), его немного. Евразийская направленность поисков была некоторым компасом для этих ученых, определяла тематику ряда их исследований, но с фактами они всегда считались. Марр же легко мог безжалостно расправляться с «упрямыми фактами», если они противоречили его фантазиям. Поэтому лингвистические сочинения Трубецкого и Якобсона внесли вклад в науку, и их можно изучать и использовать, отрицая евразийские идеи или игнорируя их. Построения же Марра оказались вне науки.

Книга японского социолингвиста и специалиста по монгольским языкам Танака Кацухико посвящена, прежде всего, лингвистическим (в том числе социолингвистическим) идеям в сочинениях И. В. Сталина. Автор книги, одобряя идеи ранних работ Сталина по национальным проблемам, отрицательно оценивает его публикации 1950 г., видя в них недостаточную лингвистичность и провозглашение «возврата к посредственной, традиционной науке» [Танака 2000, с. 131–132].

Оценка Марра в данной книге двойственна. Признается фантастичность ряда его идей, например, сказано, что марровская семантика превращалась в некую «игру для посвященных» [Танака 2000, с. 166–167]. Но подчеркивается как большой талант этого ученого и оригинальность его концепций, так и важное научное значение исследований ученых, примыкавших к марровскому лагерю, особенно В. И. Абаева и И. И. Мещанинова (с последним тезисом я вполне согласен). Особо высоко оценивается статья [Абаев 1934], а идеи И. И. Мещанинова, по мнению Танака Кацухито, предвосхищают идеи Н. Хомского [Танака 2000, с. 158]. Вся эта деятельность оказалось перечеркнутой после выступления Сталина.

К. Танака высказывает несогласие с идеями Сталина, отрицавшего надстроечность и классовость языка. По его мнению, это ведет к отрыву языка от культуры, к сведению языка, если воспользоваться противопоставлением В. И. Абаева, к «технике» и игнорированию языка как «идеологии». А такой отрыв К. Танака считает возвращением к идеям XIX в., когда язык считался лишь оболочкой для мысли [Танака 2000, с. 145–147]. Как указывает сам автор книги, он здесь развивает идеи упоминаемой мной в конце главы 6 статьи [Токиэда 1976]. Любопытно сопоставление идей работ Сталина с идеями дескриптивизма, где также язык отрывался от культуры и идеологии, а семантика игнорировалась [Танака 2000, с. 166]. Конечно, здесь нет прямых параллелей, однако сходство есть, только идеи Сталина надо сопоставлять не с дескриптивизмом или даже всем структурализмом, а с более широкой научной парадигмой, названной в уже упоминавшейся книге «Марксизм и философия языка» «абстрактным объективизмом».

Любопытен и такой вывод японского автора: Сталин, отделив язык от надстройки, то есть культуры, объявил о конце идеологии, признав поражение марксизма и советской идеологии в целом [Танака 2000, с. 284–285; 290]. Этот вывод слишком прямолинеен: вряд ли Сталин имел в виду именно то, что приписывает ему К. Танака. Однако доля истины здесь есть: идея перестроить все, что только можно, на марксистских началах была Сталиным вполне очевидно здесь осуждена, что сильно отличалось от того, что сам Сталин утверждал в 20-е гг. Деидеологизация языкознания (а на его примере фактически и других наук) была здесь провозглашена вполне четко.

В книге немало фактических неточностей, оценки марризма завышены, а с отнесением советской лингвистики после 1950 г. к «посредственной, традиционной науке» нельзя согласиться. Однако книга содержит любопытные и заслуживающие внимания идеи.

Уже когда наша книга находилась в печати, в журнале «Новая и новейшая история» (2003, № 3,4,5) появились исследования Б. С. Илизарова «Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г.». Автор на основе изучения архива и личной библиотеки Сталина вводит в научный оборот ряд документов. Они кое в чем уточняют и дополняют наш рассказ. Например, мы узнали, что Сталин читал некоторые работы Марра в 30-е гг. Подтверждается версия о том, что решающую роль во всей истории с выступлением Сталина сыграло обращение к нему Чарквиани. К сожалению, у Б. С. Илизарова имеется много произвольных трактовок и фактических ошибок.

Итак, вопрос о марризме продолжает дискутироваться, пусть не так интенсивно, как раньше, а в ходе этих дискуссий начинают обращать внимание и на некоторые аспекты истории советской науки о языке, ранее остававшиеся в тени. Поэтому я надеюсь, что переиздание данной книги может быть полезным.

- Алпатов 1995 — *Алпатов В. М.* Рецензия на: Бахтин под маской. Маска третья. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. М., 1993. — Диалог. Карнавал Хронотоп. 1995, № 3.
- Алпатов 1996 — *Алпатов В. М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996.
- Алпатов 1998 — *Алпатов В. М.* Академик Виноградов. Ученый и эпоха. — Наш современник. 1998, № 11–12.
- Алпатов 1999 — *Алпатов В. М.* Что такое марксизм в языкознании // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена корреспондента АН СССР В. М. Солнцева. М., 1999.
- Алпатов 2000 — *Алпатов В. М.* Кружок М. М. Бахтина и проблемы лингвистики. — Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000, № 2.
- Алпатов 2001 — *Алпатов В. М.* Василий Иванович Абаев — теоретик языкознания. — Известия РАН, серия литературы и языка. 2001, № 5.
- Аничков 1997 — *Аничков И. Е.* Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Ашнин, Алпатов 1994а — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Георгий Константинович Данилов — один из первых советских африканистов. — Восток. 1994, № 2.
- Ашнин, Алпатов 1994б — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- Ашнин, Алпатов 1994в — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева. — Известия РАН, серия литературы и языка. 1994, № 4, № 5.
- Ашнин, Алпатов 1994 г. — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Материалы к биографии А. М. Селищева. — Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Серия 11. Языкознание. 1994, № 3.
- Ашнин, Алпатов 1997 — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* Из следственного дела Е. Д. Поливанова. Предисловие и комментарии. — Восток. 1997, № 5.
- Ашнин, Алпатов, Насилов 2002 — *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., Насилов Д. М.* Репрессированная тюркология. М., 2002.
- Барулин 2002 — *Барулин А. Н.* Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 1. М., 2002.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию, тт. 1–2. М., 1963.
- Васильков 2001 — *Васильков Я. В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия, т. 2 (VIII). СПб.—М., 2001.
- Винокур 1990 — *Винокур Г. О.* Хлебников (Вне времени и пространства). — *Винокур Г. О.* Филологические исследования. М., 1990.
- Волошинов 1995 — *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.
- Горбаневский 1991 — *Горбаневский М. В.* В начале было слово... М., 1991.
- Дьяконов 1995 — *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Ильина 1991 — *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1991.
- Марр 2002 — *Марр Н. Я.* Яфетидология. М., 2002.
- Медведев, Медведев 2001 — *Медведев Р. А.* Сталин и языкознание (эпизод из истории советской науки). — *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Неизвестный Сталин. М., 2001.
- НГ — «Независимая газета», Москва.
- Нерознак, Базылев 2001 — *Нерознак В. П., Базылев В. Н.* Традиция, мерцающая в толще истории. — Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001.

- Николаева 2000 — Николаева Т. М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения. — Слово в тексте и словаре. К семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Никольская 2000 — Никольская Т. Л. «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000.
- Перченко 1995 — Перченко Ф. Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук. — In *Memoriam*. М.—СПб., 1995.
- Платонова 1998 — Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести*, № 5, 1996–1997. СПб., 1998.
- Презент 1928 — Презент И. Происхождение речи и мышления. Л., 1928.
- Робинсон 2002 — Робинсон М. Русская академическая элита: советский опыт (конец 1910-х — 1920-е гг.) // *Новое литературное обозрение*, 2002, № 1 (53).
- Симонов 1988 — Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988.
- Смирницкая 2000 — Смирницкая О. А. Александр Иванович Смирницкий. М., 2000.
- Сумерки 2001 — Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001.
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Фрумкина 1997 — Фрумкина Р. М. О нас — наискосок. М., 1997.
- Эткинд 1993 — Эткинд А. Культура против природы: психология русского модерна. — Октябрь. 1993, № 7.
- Юшманов 1998 — Юшманов Н. В. Избранные труды: работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М., 1998.
- Яковлев 1988 — Н. Ф. Яковлев и советское языкознание. М., 1998.
- Alpatov 2000 — Alpatov V. M. What is Marxism in Linguistics? // *Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory*. Oxford, 2000.
- Encyclopedia 1994 — The Encyclopedia of Language and Linguistics. Editor-in-Chief R. E. Asher. Oxford—New York—Seoul—Tokyo, 1994.
- Sériot 1999 — Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, 1999. Рус. пер.: Серю П. Структура и целостность: Интеллектуальные источники структурализма в центральной и восточной Европе. 1920–30-е гг. / Авториз. пер. с фр. Н. С. Автономовой. М., 2001.
- Tanaka 2000 — Tanaka Katsuhiko. "Sutaarin-gengogaku"-seidoku (Внимательное чтение «сталинского языкознания»). Tokyo, 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. М. АЛПАТОВА ПО МАРРИЗМУ

- «Новое учение о языке» и востоковедное языкознание в СССР // Народы Азии и Африки, 1988, № 6.
- Лингвистическая дискуссия 1950 г. и ее значение для восточного языкознания // Вестник МГУ, серия востоковедения, 1989, № 1.
- Марр и Сталин. Письмо в редакцию // Вопросы истории, 1989, № 1.
- Марр, марризм, сталинизм // Наука и власть. М., 1990. Перевод на английский язык: Russian Studies in History. V. 31, № 2, Fall 1995.
- История одного мифа // Знание-сила, 1990, №№ 11, 12.
- Рецензия на: L'Hermitte R. Marr, marrisme, marristes / Une page de l'histoire de la linguistique soviétique // Вопросы языкознания, 1991, № 1.
- История одного мифа. Марр и марризм. М., «Наука», 1991.
- Марризм и марксизм (заметки неисторика) // Восток, 1992, № 3.
- Лингвистические дискуссии // Независимая газета, 21.10.1992.
- Русист Сталин без анекдотов // Правда, 08.04.1995.
- Мифология и языкознание // Вестник Евразии, вып. 1. М., 1995.
- «Очерк советского языкознания» И. Е. Аничкова // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. Санкт-Петербург, «Наука», 1997.
- Не шарлатан, но шаман // Независимая газета, 05.07.1997.
- История лингвистических учений. Учебное пособие. М., «Языки русской культуры», 1998 (о Н. Я. Марре — с. 113–115, о И. И. Мещанинове — с. 259–265). Издание 2-е, 1999 (страницы те же). Издание 3-е, 2001 (о Н. Я. Марре — с. 111–113, о И. И. Мещанинове — с. 260–266).
- Что такое марксизм в языкознании? // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Солнцева. М., Современный писатель, 1999.
- Рецензия на: Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale // Вопросы языкознания, 2000, № 4.
- What is Marxism in Linguistics? // Materializing Bakhtin. The Bakhtin Circle and Social Theory. Oxford, 2000.
- Рецензия на: Tanaka Katsuhiko. "Sutaarin-gengogaku"-seidoku (Внимательное чтение «сталинского языкознания») // Вопросы языкознания, 2001, № 1.
- Москва лингвистическая. М., Издательство Института иностранных языков, 2001.
- Пятьдесят лет журнала «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания, 2002, № 1.
- Послесловие // Марр Н. Я. Яфетидология. М., 2002.
- Филологи и революция // Новое литературное обозрение, 2002, № 1 (53).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ДОПОЛНЕНИЯМ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Абаев В. И. 255, 259–261, 272, 276
Аврорин В. А. 244
Алавердов К. А. 243
Александр III 263
Алпатов В. М. 241–244, 247, 261, 267, 268, 271
Амелин Г. 241
Аничков И. Е. 244, 260
Арутинов Г. 253, 266
Ахвледиани Г. С. 245
Ачарян Р. 255, 256
Ашнин Ф. Д. 241–244, 260

Базылев В. Н. 267, 268, 272
Барулин А. Н. 269
Бахтин М. М. 241–243, 246, 267, 271, 273, 274
Башинджагян Л. Г. 244
Бибель А. 247
Берг Л. С. 275
Берия Л. П. 245
Бернштейн С. Б. 243
Богородицкий В. А. 273
Бодуэн де Куртенэ И. А. 240, 264, 273, 274
Бочачер М. Н. 242
Брендист К. 274
Будагов Р. А. 246
Булич С. К. 273
Бухарин Н. И. 247, 270
Бюлер К. 274

Васильков Я. В. 240, 241, 269–272
Веселовский А. Е. 251
Веселовский Н. И. 240
Виноградов В. В. 244–246, 253
Виноградова-Малышева Н. М. 245
Винокур Г. О. 241

Волошинов В. Н. 241, 242, 244, 246, 267, 271
Выготский Л. С. 273

Гамкрелидзе Т. В. 262
Гегель Г. 250
Гобсон Дж. 251
Горбаневский М. В. 240, 258, 259
Горбачев М. С. 241, 261
Горбаченко Г. И. 243
Горнунг Б. В. 263
Гумбольдт В. фон 249–252, 262, 275

Данилов Г. К. 242
Дарвин Ч. 275
Джавахишвили И. А. 261
Дурново Н. Н. 268
Дьяконов И. М. 268

Ермолаева Л. С. 262
Есперсен О. 264

Жирмунский В. М. 244

Звегинцев В. А. 246, 267

Иванов В. В. 273
Ильина Н. И. 244
Ильинский Г. А. 242, 268

Капанцян Г. 253–255
Каутский К. 247
Королев С. 266
Крашенинникова Е. А. 246
Крушевский Н. В. 273

Кузнецов П. С. 245, 272
Куликов Л. И. 246

Леви-Брюль Л. 251
Леви-Стросс К. 256
Ленин В. И. 247, 258, 259
Лосев А. Ф. 267

Маковский М. М. 267
Маленков Г. М. 245, 253
Маркс К. 247, 249–251, 265, 270
Марр Джеймс 240
Марр Н. Я. 240–245, 247–276
Марр Ю. Н. 241, 261
Медведев Р. А. 253–256, 266, 267
Мейе А. 264
Мещанинов И. И. 240, 243, 245, 251,
252, 254, 259, 266, 272, 273, 276
Миханкова В. А. 261
Москальская О. И. 244

Насилов Д. М. 242, 243
Нерознак В. П. 267, 268
Николаева Т. М. 272
Никольская Т. Л. 261
Никольский Н. К. 268

Павлов И. П. 256
Пауль Г. 269
Платонова Н. И. 240, 263, 269
Плеханов Г. В. 247
Поливанов Е. Д. 242, 243, 245, 260,
271, 275
Поппе Н. 243
Презент И. И. 241
Преображенский Е. А. 247
Пропп В. Я. 273

Реформатский А. А. 244
Робинсон М. А. 242, 268, 269
Росту У. 251

Селищев А. М. 243
Сердюченко Г. П. 245, 266
Серебренников Б. А. 271
Серио П. 263–265, 274, 275
Сидоров В. Н. 243
Симонов К. М. 244
Синельникова Н. П. 243
Смирницкая О. А. 268
Смирницкий А. И. 268

Солженицын А. И. 245
Солнцев В. М. 245
Соссюр Ф. де 244, 256, 269
Сталин И. В. 241, 243–249, 252, 253,
256, 258, 259, 261, 266, 273, 274,
276

Танака К. 245, 246, 274, 276
Терентьев И. Г. 267, 268
Тестелец Я. Г. 267, 272, 273
Тодер Ф. А. 259
Токиэда М. 276
Топоров В. Н. 259
Трубецкой Н. С. 252,
273–275

Ушаков Д. Н. 243

Филин Ф. П. 243, 246
Флоренский П. А. 267
Фрейденберг О. М. 269
Фриче В. М. 242
Фрумкина Р. М. 268
Фукуяма Ф. 251

Хлебников В. 241, 268
Холопов А. 246
Хомский Н. 246, 276

Цукерман И. И. 243

Чарквиани К. Н. 245
Чикобава А. С. 245, 252, 266, 267

Шанидзе А. Г. 259
Шаститко П. М. 258
Шахматов А. А. 244, 245
Шахназарян В. А. 253, 254, 256, 257,
266
Широков О. С. 258
Шкловский В. Б. 273
Шлегель А. 249
Шлегель Ф. 249
Шлейхер А. 269, 275
Шлиман Г. 255
Шнейдер Е. Р. 243
Шпет Г. Г. 267
Шуб Т. А. 243

Щерба Л. В. 244
Щербак А. М. 259
Щербатской Ф. И. 269,
270

Энгельс Ф. 246–251, 265,
270
Эткинд А. 246

Юшманов Н. В. 244

Якобсон Р. О. 242, 273–275
Яковлев Н. Ф. 241, 244, 245, 266
Якубинский Л. П. 242, 243, 273, 274
Ярцева В. Н. 243

Du Feu V. M. 274

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая.</i> Истоки «нового учения о языке»	6
<i>Глава вторая.</i> Структура мифа	32
<i>Глава третья.</i> Победа мифа	79
<i>Глава четвертая.</i> За щитом	112
<i>Глава пятая.</i> Аракчеевщина	143
<i>Глава шестая.</i> Дискуссия	168
<i>Глава седьмая.</i> Что было потом	191
Вместо заключения	214
Сокращения	221
Библиография	222
Именной указатель	232
 Дополнения ко второму изданию	 240
Автокомментарий	240
Марризм и марксизм (заметки неисторика)	247
Не шарлатан, но шаман	253
Возвращаясь к Марру. 2003 год	258
Современные публикации о марризме	266
Дополнения к библиографии	278
Библиография работ В. М. Алпатова по марризму	280
Именной указатель к дополнениям ко второму изданию	281

В истории отечественного языкознания особое место занимает Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — археолог и лингвист, создатель «нового учения о языке». Два десятилетия учение Марра безраздельно царило в языкознании как единственно правильное «марксистское», обязательное для всех языковедов. Затем оно было ниспровергнуто и ушло из науки о языке.

В книге В. М. Алпатова рассказано о возникновении феномена Марра, о тотальном распространении его теории и о крахе «нового учения о языке» в 1950 году.

1965 ID 14868

ИЗДАТЕЛЬСТВО **УРСС**
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Internet: <http://URSS.ru>
Тел./факс: 7 (095) 135-44-23
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46